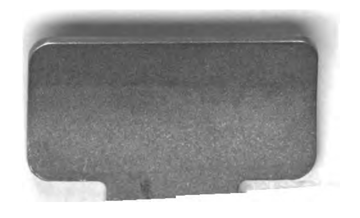

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ XI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Одиннатцатой части.

Стран.

1) Выписка изъ книги Tableau de la Pologne par Malte-Brun, о языкѣ Литовскомъ, а особливо о нарѣчіи Самогитскомъ. Перев. съ Франц. . . . . 1.

2) Опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанный на изслѣдованіи оныхъ. (Продолженіе) . 26.

3) Продолженіе изслѣдованія корней . . . 155.

4) Нѣкоторыя выписки изъ сочиненій Графа Мейстера, съ примѣчаніями на оныя 264.

5) Замѣчанія на статью, напечатанную въ Журналѣ, называющемся Сынъ Отечества (часть 58, годъ 1819) подъ заглавіемъ: Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій . . . . 291.

6) Разсмотрѣніе критики, напечатанной въ томъже Сынѣ Отечества (No XVIII, 1820 г.) подъ заглавіемъ: первое письмо къ пріятелю о двухъ Прозаическихъ переводахъ Г. А. Ш. и С. Москотильникова, Героической Тассовой поэмы Освобожденный Іерусалимъ . . . . 329.

7) Нѣкоторыя примѣчанія на книгу, вновь изданную подъ названіемъ: Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Я. П. съ присовокупленіемъ примѣчаній . . . . 382.

ВЫПИСКА ИЗЪ КНИГИ

TABLEAU DE LA POLOGNE PAR MALTE-BRUN,

О ЯЗЫКѢ ЛИТОВСКОМЪ, А ОСОБЛИВО О НАРѢЧІИ САМОГИТСКОМЪ.

(*Переводъ съ Французскаго*).

Въ Литовскомъ нарѣчіи много Славенскихъ словъ, и еще болѣе Финскихъ; но также есть много и такихъ, которыя Грекъ или Римлянинъ могъ бы разумѣть безъ переводчика; наконецъ находимъ много и Готическихъ или Скандинавскихъ.

Какимъ образомъ языки Греческой и Скандинавской, Латинской и Скиѳской, находятся смѣшенными вмѣстѣ въ устахъ нѣкотораго числа грубыхъ и непросвѣщенныхъ поселянъ, живущихъ на землѣ толь мало въ лѣтописяхъ міра извѣстной?

Примѣтимъ въ началѣ, что у пришедшихъ изъ Азіи въ Европу переселенцевъ былъ безсомнѣнія общій языкъ, *языкъ Яфетическій*, который по разсѣяніи первыхъ Европейскихъ народовъ, раздѣлился на многія нарѣчія, сдѣ-

лавшіяся въ свою очередь особыми языками, таковыми, какъ Греческій, Славенскій, Готскій, Кельтскій. Изъ сего начала, признаваемаго сѣверными словоискусниками и любителями древности, слѣдуетъ, что въ двухъ Яфетическихъ нарѣчіяхъ напримѣръ въ Латинскомъ и Литовскомъ, могутъ встрѣчаться многія сходства въ словахъ и реченіяхъ безъ всякой надобности предполагать какое либо взаимное сообщеніе между употребляющими ихъ народами. Сіи сходства суть остатки языка первобытнаго, какимъ говорили первые потомки Яфетовы, и который столько же не былъ Кельтскій, сколько Готскій или Греческій.

Послѣ сего предварительнаго примѣчанія, весьма нужнаго для многихъ Французовъ, упражняющихся въ изъясненіи древностей, мы станемъ разсуждать о необычайномъ сходствѣ Литовскаго языка съ нѣкоторыми другими.

Въ семъ языкѣ находятся слова, изъ коихъ иныя кажутся быть взятыми изъ трехъ или четырехъ разныхъ языковъ, а другія ему одному собственныя, какъ покажетъ слѣдующій списокъ, которымъ Г. Нѣмцевичъ, Профессоръ въ Вильнѣ, насъ снабдилъ. Поелику это есть новость, или почти *откровеніе* самой высокой важности для исторіи языковъ и народовъ, то мы не оставимъ войти о томъ въ подробности: невѣжды могутъ

ихъ пропустить, но ученые будутъ умѣть опредѣлить имъ цѣну.

Богъ Diewas, (дiэвасъ *). По Персид. dio, по Лат. Deus.

Небо dangous, (дангусъ).

Солнце saule, (сауле). По Лат. и по Гот. sol.

Луна miénau, (мендо). По Греч. mené, по Гот. mâne.

Огонь ougnis, (угнисъ). По Лат. ignis.

Вода wandou, (вундуо). По Лат. vnda.

День diéna, (дiэна). По Лат. dies.

Ночь naktis, (накmисъ). По Лат. nox, по Нѣм. nacht.

1). Громъ perkunas (....) Славенское (перунъ).

Человѣкъ (въ естествен. смыслѣ) zmogous (змогусъ).

Человѣкъ (въ нравствен. смыслѣ) т. е. мужъ Wiras, (вирасъ, патсай). По Лат. vir.

2). Жена zmona, (моте).

---

*) Здѣсь Французскiя буквы означаютъ, какъ слово сiе поставлено въ Нѣмцевичевомъ спискѣ, а Рускiя, какъ оное изображено въ сравнительномъ словарѣ. Персидскiя и Греческiя слова пишемъ Французскими буквами какъ оныя въ спискѣ написаны. *Примѣч. переводч.*

1) Въ сравнительномъ словарѣ слово сiе по Литовски не показано, подъ словомъ же *молнiя* стоитъ *заибасъ*. *Прим. Пер.*

2) Разность сихъ словъ вѣроятно отъ того произошла, что подъ однимъ разумѣется вообще женщина, а подъ другимъ жена, т. е. замужняя. *Прим. Пер.*

*

Отецъ ticwas, (тэвасъ). По Гр. theios, по Гишп. tio, по Англ. tie, дядя.

Мать motina, (мотина). По Дат. moder, по Лат. mater, и проч.

Сынъ sunus, (сунусъ). По Нѣм. sohn и пр.

Дочь douktié, (дукте). По Гр. thugater, по Нѣм. tochter.

Брать brolis, (бролисъ). По Дат. broder, а въ уменш. brolille.

Сестра sessau, (сесау) по Нѣм. schwester.

Имя wardan, (варда).

Слово zodis, (цодисъ).

3). Тѣло kounas, по Гр. komos, колода, у Евстаѳія.

Зубъ dantis, (дунтисъ). По Лат. dens, и пр.

Око aks, (акіэсъ) по Лат. *acies*, зрѣніе.

Чело kakta, (какта).

Носъ nozis, (снукисъ) по Лат. *nasus*, и пр.

Ротъ borna, (бурна).

Сердце sirdis, (сирдисъ).

Колѣно kialis, (кіэлисъ). По Гр. skelos, берцо у ноги.

Нога koie, (коя), по Гр. *kolon*, у Еврипида.

Хлѣбъ duona, (дуона) кажется Финское.

4). Ножъ peylis, по Дат. *peil*, стрѣла.

---

3) Въ сравнительномъ словарѣ нѣтъ слова *тѣло*, а есть *мясо* по Литовски *меса*. *П. П.*

4) Слова, при которыхъ нѣтъ постановленныхъ въ скобкахъ именъ, Рускими буквами напечатанныхъ, не находятся въ сравнительномъ словарѣ. *П. П.*

Горсть kirvis.
Дерево mèdis, (медзіасъ).
5). Камень akmu, (акмуо). По Гр. akmon, наковальня, вещь твердая, спойкая.
Золото auksas, (ауксасъ).
6). Быкъ jantis, (версисъ), по Лат. *jumentum.*
Конь arklis, (арклисъ).
Собака chou, (ждо), звукоподражаніе.
Сука kule, уменшительн. отъ *canis.*
Кошка katié (катиносъ). По Дат. *kat*, и пр.
Пѣтухъ gaudis, (гайдисъ) по Дат. *gale*, пѣть какъ пѣтухъ.
Гусь zansis, (цусисъ), по Нѣм. gans, по Греч. chén.
Рыба zouwis (цувисъ).
Заяцъ zouykis. По Англ. *swift*, быстро.
Угорь cungouvis. По Лат. *anguis.*
Быть bouti.
Имѣть touriéti.
Итти eyti, по Гр. *eîmi*, иду.
Дать pouti, по Греч. *dou* дай.
Видѣть matiti.
7). Вспомнить atminti, по Дат. ad minte, въ памяти

---

5) Перестaвка буквъ весьма часто примѣчается, какъ и здѣсь *кам.* въ *акм.* *П. П.*

6) Здѣсь также между спискомъ и Сравнительнымъ словаремъ находимъ совершенную разность. Можетъ быть *jantis*, есть наше *юница*, молодой быкъ или корова. *П. П.*

7) Здѣсь въ *minti* и *минити* (мнить) также примѣчается одна перестaвка буквъ. *П. П.*

8). Злой (прилаг.) piktas, по Кельтски *pik*, колоть
9). Добрый giaras, по Гр. *geras*, честь: *geraos*, почетный

Великій didis (дидисъ), по Греч. *dios* божественный, *dis* Юпитеръ, воздухъ.

Малый mazas (мозась) по Фр. *muzette*, можетъ быть отъ Кельтскаго

Черный joudas (....), по Гр. *aeidès*, черный, смуглый.

Зеленый zalis (цалисъ).

Синій mielinas. По Греч. *mélas*, *mélanos*, черный, темносиній

Бѣлый baltas, (балтай). По древ. Гот. *balder*, Богъ свѣта.

Тяжелый suncus, по Дат. zunker, погрузшій, причастіе отъ глагола *synke* по старинному *siunke*.

Легкій lengous, (лынгоасъ). По Лат. *levis*, легокъ, lenis, сладокъ и пр.

*) Скорый grautas (граитагъ). По Гр. kratai-pous, толстоногій.

Слова, въ семъ спискѣ, не соотвѣтствующія никакому изъ языковъ, довольно или

---

8) Въ Сравнительномъ словарѣ подъ словомъ *дурно* стоитъ *пиктау*; а подъ словомъ *худо*, *пиктай*. *П. П.*

9) Въ Сравнит. словарѣ подъ словомъ хорошо стоитъ *герай*. *П. П.*

*) Изъ сего списка Литовскаго языка усмотрѣть можно, что большая часть оныхъ со-

нѣсколько намъ извѣстныхъ, имѣютъ безсомнѣнія нѣкоторое сходство съ Финскими словами. Кромѣ сихъ словъ, сообщенныхъ Г. Нѣмцевичемъ, мы нашли еще въ Михалонѣ (Michalon) мѣсто, гдѣ сей писатель увѣряетъ, что существительныя Латинскія *aer, ros, aurora, semen, linum, avena, pecus, ovis, rota, corbis, callis*, и проч. прилагательныя *levis, tenuis, juvenis, senis* (отъ *senex*); причастія *tractus, versus, sutus, merctus* или *mersus*, съ ихъ сложными, и числительныя *primus, unus, duo, tres, quatuor, quinque, sex, septem*, значатъ точно тоже и на Литовскомъ языкѣ. (Michal. Fragmina, стран. 23, Изданія Гриссера, или въ Polonia Elzevir, стран. 265). Не имѣвъ случая узнать оное отъ природныхъ Литовцевъ, мы не можемъ въ справедливости сего совершенно удостовѣриться *); но мы для любопыт-

---

стоитъ изъ испорченныхъ Славенскихъ словъ. Тожъ самое показываютъ и многія непомѣщенныя въ немъ, но въ Сравнительномъ словарѣ означенныя слова, таковыя какъ: глава, *галва* (перестaвка буквъ); брови, *брувисъ*; уши (произносимое иногда уси) *аусисъ*; горло, *гіэркле* или *гурклисъ*; борода, *барцда*; локоть, *уолактисъ*; рука, *ранка*; перстъ, *пиртсасъ*; ногти, *нагай*; кровь, *кравіасъ*; млеко, *міэко*, и проч. *П. П.*

*) Для насъ находя въ Литовскомъ языкѣ много Славенскихъ словъ, не трудно въ томъ удостовѣриться; ибо многія Латинскія слова сходны съ нашими, какъ-то: *semen*, сѣмя; *linum*, ленъ; *avena*, овесъ; *corbis*, коробъ и проч. *П. П.*

ства ученыхъ людей присовокупимъ здѣсь образчикъ Грамматики сего языка.

Спряженіе глагола *быть* (être).

Настоящ. изъявит. *ach esou*, я есмь; *tou esi*, ты еси; *iis er;* онъ есть (*is*, онъ, Латинское; *er*, *est*, Датское), *mes essam*, мы есмы; *jous essat*, вы есте (*you*, вы, по Англински); *ani ira*, они суть; *anos ira*, онѣ суть.

Несоверш. и соверш. прошед. *bouwao*, я былъ; *bouway*, *bouwa*, множ. *bouwome*, *bouwote*, *bouwa* (очевидно того же корня, какъ *fui*, *fuimus*, и проч. Латинскія).

Несоверш. учащат. — *boudawau*, бываю; *boudaway*, *boudawa*; множ: *boudawom*, *boudavot*, *boudawa*.

Будущее: *bousiou*, буду; *bousi*, *bous;* множ. *bousem*, *bouset*, *bouse* *).

Во всѣхъ сихъ изъявительныхъ временахъ примѣчается нѣкоторое сходство съ образомъ Латинскихъ и Греческихъ глаголовъ, а особливо въ первомъ и второмъ лицѣ множественнаго числа, также и во второмъ единственнаго; но третіе единственнаго и множественнаго въ настоящемъ времени есть чистое древнее Готическое **).

---

*) Странно, что въ *boudawot* и проч., противъ нашего *бываю* прибавленъ слогъ *da;* а въ *bousi*, *bous*, противъ нашихъ *будеши*, *будешь* убавленъ слогъ *de*. *П*. *П*.

**) Тожъ самое сходство примѣчается и съ Славенскимъ языкомъ.

Повелительное: *bouk*, будь (я), *tegoul bous*, будь (онъ); *boukiem*, будь (мы) или пусть будемъ; *boukiet, tegoul bouse.*

Настоящее сослагательнаго наклоненія: *kad bouco*, чтобъ или когдабъ я былъ; *kad bou-toboutonme.* (Слово *kad* сего наклоненія похоже на *quod* союзъ Латинскій).

Будущее сослагат. *boucio*, я буду, и такъ по порядку, какъ предъидущее.

Причастія: *esas*, сущій; *esanti*, сущая; *bouwis*, бывшій; *bouwousi*, бывша́я; *bousis*, будущій: *bousenti*, будущая. Сіи причастія весьма хорошо составлены, и доставляютъ существенное преимущество языку Самогито - Литовскому.

Мы не приведемъ здѣсь всего спряженія глагола *touriet*, имѣть; но замѣтимъ токмо, что глаголъ сей полнѣе глагола быть и совершенно правиленъ. Онъ имѣетъ несоверш. *touridawan*, я имѣлъ, (j'avais) и проч. и совершенное прошедш. или вторый аористъ Греческой, *tauricyau*, я имѣлъ (j'eus), *tauricyet;* множ. *tauricyom, tauricyot, tauricyo.* Есть и другое совершенное, *esou tauricis*, я имѣлъ (j'ai eu) или буквенно *имѣвый я есмь* (je suis ayant eu); ибо *touricis*, жен. *touriciosi*, есть дѣйствительное причастіе сего же глагола и значитъ: *имѣвшій* или *имѣвый*. Сіе причастіе имѣетъ въ страдательномъ свое соотвѣтствующее *tourictas*, жен. *tourieta*, имѣемое или имѣемая (que l'on a eu, ou euse). Конечно сіи два причастія

весьма полезны для точности и красоты слога, и которыхъ въ самыхъ просвѣщенныхъ и славящихся языкахъ не достаетъ.

Языкъ Самогитскій имѣетъ еще другое преимущество. Почти всѣ глаголы, помощію нѣкотораго измѣненія въ окончаніи, пріемлютъ свойство почти подобное тому, которое Латинскіе писатели Грамматикъ называютъ *verba praegnantia*. Мы приведемъ только два примѣра:

Şkaititi, читать; *skaitidinti*, заставить читать.
walgiti, ѣсть; *walgidinti*, заставить ѣсть. Но особливо склоненіями своими языкъ сей удивительно походитъ на Греко-Дорическій и Эольскій. Вотъ два примѣра или образца, въ которыхъ членъ и существительное и прилагательное вмѣстѣ склоняются.

Склоненіе мужеское

Единственное.

Им. Tas zmogous giaras, тотъ человѣкъ добрый.
Род. To zmogows giara, того человѣка добраго.
Дат. Tam zmogony giaram, тому человѣку доброму.
Вин. Tan zmogou giara, того человѣка добраго.
Зват. O zmogaw giaras, о человѣкъ добрый!
Твор. Toumi zmogoumi giaru, тѣмъ человѣкомъ добрымъ.
Пред. Tame zmogouye giarame, о томъ человѣкѣ добромъ.

Множественное:

Им. Tie zmoges giari, тѣ люди добрые.
Род. Toun zmogiou giarou, тѣхъ людей добрыхъ.
Дат. Tiems zmogiens giariems, тѣмъ людямъ добрымъ.
Вин. Tous zmogons giaras, тѣхъ людей добрыхъ.
Зват. O zmoges giari, о люди добрые!
Твор. Tiemis zmogiémis giarays, тѣми людьми добрыми.
Пред. Touse zmogiouse giarouse, о тѣхъ людяхъ добрыхъ.

Склоненіе женское

Единственное.

Имен. Tas zmôna giara, та жена добрая.
Род. Tos zmonos giaros, той жены доброй.
Дат. Tsy zmonay giaray, той женѣ доброй.
Вин. Tan zmonâ giâra, ту жену добрую.
Зват. O zmonâ giâra, о жена добрая.
*) Твор. Ta zmonâ giâra, тою женою доброю.
Пред. Toie zmonoie giaroie, о той женѣ доброй.

Множественное:

Имен. Tas zmonas giarás. тѣ жены добрыя.
Род. Toun zmonou giarou, тѣхъ женъ добрыхъ.

---

*) Здѣсь опасаемся мы, что не могли хорошенько разобрать списка Г. Нѣмцевича, откуда взяли сіи подробности (Прим. сочинителя).

Дат. Toms zmonoms giarome, тѣмъ женамъ добрымъ.
Вин. Tas zmonas giaras, тѣхъ женъ добрыхъ.
Зват. O zmonas giaras, о жены добрыя!
Твор. Tomis zmonis giaromis, тѣми женами добрыми.
Предл. Tose zmonose giarose, о тѣхъ женахъ добрыхъ.

Черты сходства, представляющіяся въ сихъ склоненіяхъ съ Греческими и Латинскими, столь примѣтны и многочисленны, что при первомъ воззрѣніи тотчасъ обнаруживаются. Члены именительнаго, родительнаго и дательнаго, то есть существеннѣйшихъ въ словѣ падежей, взяты съ малымъ весьма измѣненіемъ отъ древняго Греческаго. Первые Греки говорили: *Tos, té, ton,* вмѣсто *hos, hé, hon,* и отъ сего то мѣстоименія, произносимаго по нарѣчію Дорическому и Эольскому, произошли члены *tas* и *ta* именительнаго Самогитскаго. Измѣненія самаго имени во всѣхъ падежахъ разныхъ склоненій суть почти самыя тѣже, какъ и Греческія; на примѣръ родительный to smogous, сходенъ съ родительнымъ многихъ словъ Греческихъ, а особливо по Дорическому нарѣчію. Дательный единственнаго, именительный и винительный множественнаго, также имѣютъ точное Греческое образованіе. Творительные

множественнаго подобны вмѣстѣ творительнымъ Греческаго и Латинскаго *).

Сей Геллениэмъ завелъ бы систематическаго любителя древностей, Англичанина или Француза, искать начала Литовскаго языка въ Греціи; но мы ограждаемъ себя

---

*) Сочинитель нашелъ бы еще болѣе сходства съ Славенскимъ языкомъ, естьлибъ оный былъ ему извѣстенъ. Не только при сличеніи многихъ словъ одного съ другимъ, но даже и въ самыхъ склоненіяхъ ихъ сходство сіе очевидно. Возмемъ члены *tas*, *to*, *tam*, *toumi*, *tame*, тотъ, того, тому, тѣмъ, о томъ. Не показываютъ *ли* они чрезвычайной между собою сходственности? Возмемъ существительное *имя*: *zmogous;* оно не сходствуетъ съ словомъ *человѣкъ*, но сходствуетъ съ единозначущимъ ему словомъ *мужъ*, что показываетъ въ немъ корень *mog* (произноси иностранное *g* какъ наше *ж*) ибо оно не токмо часто такъ выговаривается, но даже и называется у иныхъ *ге*, у другихъ *же*. И такъ по склоненію однихъ корней, отдѣльно отъ наращеній, выходитъ: *mog* (мужъ), *mogo* (мужа), *mogou* (мужу), *mogo* (мужа), *mog* (мужъ), *mogoum* (мужемъ), *mogouye* (о мужѣ). Возмемъ прилагательное *giaras;* въ немъ также находимъ слѣды Славенскаго или Рускаго слова; оно не походитъ на прилагательное *добрый*, но походитъ на подобное ему *хорошій;* ибо звуки *g*, *h* и *ch* всѣ суть гортанные и удобно одинъ въ другой переходятъ. Славенскія нарѣчія, принявшія Латинскія буквы, вмѣсто *ш* пишутъ *s*. Соображая сіе, изъ *giaras* выходитъ *гараш*, *хараш*, *харошъ*, или *хорошъ*. *Прим. Пер.*

напередъ отъ всякаго подобнаго предположенія, примѣчая, что *членъ* и *прилагательное* Самогитскихъ словъ представляютъ въ дательномъ единственнаго одну изъ формъ Древнеготическаго или Скандинавскаго языка; ибо Готы оканчивали дательный падежъ на * om*, какъ-то еще видѣть можно въ Исландской Эддѣ и въ другихъ старинныхъ на семъ языкѣ книгахъ.

Сего еще не довольно. *Седмой* падежъ Самогитскаго склоненія, выражающій смыслъ нашего предлога *въ* (dans Фр.), по употребленію соотвѣтствуетъ почти седмому падежу Рускихъ, который писатели Грамматикъ сего языка называютъ предложнымъ (prepositif, Фр.) *); но форма онаго есть Греческая, по крайней мѣрѣ въ множественномъ числѣ.

Образъ составленія уравнительнаго и увеличительнаго степени есть особенный Самогитскому языку: изъ *piktas*, худый, дѣлаютъ они *piktesnis*, или *pichtesnis*, худшій; *piktiausis*, самый худшій. Изъ *giaras*, хорошій, составляютъ *giaresuis*, лучшій; *giariausis*, самый лучшій. Можно выразить всѣ прилагательныя опредѣленныя, присовокупляя къ нимъ слогъ *is*, который кажется составляетъ силу чле-

---

*) Heym. grammaire Russe. Riga 1794.
Здѣсь встрѣчается какая-то темнота или недоразумѣніе въ сличеніи нашего предложнаго падежа съ Французскимъ предлогомъ *dans*. П. П.

на; на прим: изъ *piktas*, худый, дѣлаютъ *piktasis*, тотъ худый. Точно какъ Датчане изъ *mand*, человѣкъ, дѣлаютъ *manden*, тотъ или оный человѣкъ. Сія особенность Самогитскаго языка приближаетъ его къ Готическому языку.

Вотъ *вещи*, предлагаемыя нами на судъ ученыхъ. Не возможно не признать въ языкѣ семъ, доселѣ толь мало извѣстномъ, и который время отъ времени становится меньше употребительнымъ даже и между самыми Литовцами и Самогитянами, не возможно, говорю, не признать началъ Европейскаго или Яфетическаго языка, сроднаго съ Готическимъ, Славенскимъ и Греческимъ. Сіи драгоцѣнныя начала могутъ служить къ связанію вмѣстѣ языковъ по наружности самыхъ различнѣйшихъ, открыть тонкую нить ихъ сродства, и угадать ходъ, доведшій оные до новѣйшаго ихъ состоянія *). На примѣръ, начало и измѣненіе глагола *sum* или *esse* кажется мнѣ ясно доказывается сею сравнительною табличкою:

*) О семъ то самомъ съ нѣкотораго времени печется Россійская Академія, Но можетъ быть здѣсь надобно будетъ повторить сказанныя Г. Малтъ-Брюномъ въ началѣ сей статьи слова: „Comme c'est une nouveauté et presque une *decouverte* de la plus haute importance pour l'histoire des langues et des nations, nous n'epargnerons point les détails: *les ignorans n'ont qu'à les passer; les savans sauront les apprécier*. П. П.

Греч.	Фран.	Лат.	Лит.	Слав.	Дат.
Eimi	je suis	sum	ach esou	ia esm	jag er
Eis	tu es	es	tou esi	tu esi *)	du est
Esti	il est	est	jis ir	on est	han er.

Ясно, что Латинское *sum* есть не иное что, какъ сокращеніе древняго настоящаго, долженствовавшаго быть *esum* или *essum*, отколѣ естественно происходитъ неопредѣленное *esse* Латинское, равно какъ и настоящее *esau* Литовское, и будущее *esomai* Греческое.

Глаголъ *быть* на Самогитскомъ содержитъ въ себѣ, какъ и во многихъ другихъ языкахъ, соединенные остатки *двухъ* неполныхъ глаголовъ. Неопредѣленный *bouti* произносимый почти *vouti*, находится въ Рускомъ *but* (быть), въ Нѣмецкомъ *bin*, я есмь, и въ Англинскомъ *be*, произноси *bi*, быть. Съ другой стороны несовершенные, или лучше сказать, неполные виды сего Самогитскаго глагола въ первомъ и второмъ лицѣ множественнаго, *bouwome*, *bouwote*, неоспоримо напоминаютъ о *fuimus*, *fuiste* Латинскихъ. Итакъ вотъ еще звѣно цѣпи, дознанное между коренными языками полудня и сѣвера.

---

*) Французы, не имѣя нашей буквы *ы*, не могутъ изобразить нашего мѣстоименія *ты*.

РѢЧЬ,

произнесенная Г-мъ Президентомъ Академіи Россійской въ торжественномъ годичномъ ея собраніи, бывшемъ Февраля 5-го дня 1821 года.

Почтеннѣйшіе Сочлены и Посѣтители!

Россійская Императорская Академія, Великою ЕКАТЕРИНОЮ учрежденная, но промысломъ и щедротами АЛЕКСАНДРА Перваго на твердомъ основаніи поставленная, въ третій уже разъ торжествуетъ день своего учрежденія и установленія. Третій разъ имѣетъ она удовольствіе въ стѣнахъ своихъ видѣть многочисленное собраніе почтеннѣйшихъ посѣтителей, благосклонно трудамъ ея внимающихъ. Да умножится, да возраститъ сіе усердіе къ Россійскому слову и въ дѣлателяхъ и въ слушателяхъ! Предметъ упражненій нашихъ, языкъ Россійскій, кромѣ того, что онъ есть нашъ отечественный, достоинъ по существенной добротѣ и важности своей, какъ вниманія и щедротъ покровительствующихъ наукамъ особъ, такъ и соревнованія трудящихся. Да позволено мнѣ будетъ хотя крат-

кимъ словомъ (ибо пространныя доказательства здѣсь не совмѣстны) сказать о немъ то, въ чемъ я по долговременному упражненію моему и тысячами дѣланныхъ мною изслѣдованій, опытовъ и сравненій, совершенно удостовѣренъ. Я почитаю языкъ нашъ столь древнимъ, что источники его теряются во мракѣ временъ; столь въ звукахъ своихъ вѣрнымъ подражателемъ природы, что кажется она сама составляла оный; столь изобильнымъ, что въ раздробленіи мыслей на множество самыхъ тонкихъ отличій можно сказать излишествуетъ; столь вмѣстѣ важнымъ и простымъ, что каждое говорящее имъ лице можетъ особыми, приличными званію своему словами объясняться; столь вмѣстѣ громкимъ и нѣжнымъ, что каждая труба и свирѣль, одна для возбужденія, другая для умиленія сердецъ, могутъ находить въ немъ пристойные для себя звуки. Наконецъ столь правильнымъ, что наблюдательный умъ часто видитъ въ немъ непрерывную цѣпь понятій, одно отъ другаго рожденныхъ, такъ что по сей цѣпи удобно можетъ восходить отъ послѣдняго до первоначальнаго ея, весьма отдаленнаго звѣна. Преимущество сей правильности, сего непрерывнаго теченія мыслей, видимаго въ словахъ, такъ велико, и такъ въ немъ ощутительно, что ежели бы внима-

тельные и трудолюбивые умы составили изъ того особливую науку, ежелибъ открыли, объяснили первые источники толь широко разлившагося моря, то вообще знаніе всѣхъ языковъ озарилось бы свѣтомъ доселѣ не проницаемымъ; свѣтомъ, освѣщающимъ въ каждомъ словѣ первообразную произведшую его мысль; свѣтомъ, разгоняющимъ мракъ ложнаго заключенія, будто бы слова, сіи выраженія нашихъ мыслей, получили значеніе свое отъ произвольнаго къ пустымъ звукамъ ихъ прицѣпленія понятій. Можетъ быть истина сія не всякому покажется таковою, но кто съ разборчивымъ умомъ дастъ себѣ трудъ войти въ неизмѣримую глубину языка нашего, и каждое слово его отнесетъ къ началу, отъ котораго оное проистекаетъ, тотъ, чѣмъ далѣе пойдетъ, тѣмъ больше находить будетъ ясныхъ и несомнительныхъ тому доказательствъ. Ни одинъ языкъ, особливо изъ новѣйшихъ, не можетъ въ семъ преимуществѣ равняться съ нашимъ. Ежели бы краткость слова моего не воспрещала мнѣ распространяться, то бы я множествомъ примѣровъ доказалъ (какъ уже многіе въ разныхъ сочиненіяхъ моихъ и доказаны мною), что иностранные словотолкователи, для отысканія первоначальной мысли въ употребляемыхъ ими словахъ (безъ чего не мо-

гутъ оныя съ точностію быть опредѣляемы) долженствуютъ прибѣгать къ нашему языку: въ немъ нашли бы они къ объясненію и разрѣшенію многихъ сомнѣній своихъ тотъ ключь, котораго тщетно въ языкахъ своихъ искать будутъ. Мы сами, во многихъ употребляемыхъ нами словахъ, которыя почитаемъ за иностранныя, увидѣли бы, что онѣ только по окончанію чужеязычныя, а по корню наши собственныя. Напослѣдокъ я скажу кратко, но достовѣрно, что глубокое, хотя и весьма трудное, однакожъ удобовозможное изслѣдованіе языка нашего во всемъ онаго пространствѣ, принесло бы великую пользу не только намъ, но и всѣмъ ученымъ чужестранцамъ, пекущимся достигнуть до яснаго въ языкахъ своихъ познанія, часто покрытаго не проницаемымъ для нихъ мракомъ, которой, при отысканіи въ нашемъ языкѣ первоначальныхъ понятій, и у нихъ бы исчезъ и разсѣялся; ибо не надлежитъ слово человѣческое почитать произвольнымъ каждаго народа изобрѣтеніемъ, но общимъ отъ начала рода смертныхъ текущимъ источникомъ, достигшимъ чрезъ слухъ и память отъ первѣйшихъ предковъ до послѣднѣйшихъ потомковъ, и хотя во многомъ по мѣрѣ разстоянія времени и отдаленности странъ измѣнившимся, однакожъ вездѣ, во

всѣхъ языкахъ сохраняющимъ въ себѣ при тѣхъже звукахъ тѣжъ самыя, такъ сказать, искони присоединенныя къ нимъ понятія; ибо какъ родъ человѣческій отъ начала своего течетъ на подобіе рѣки, такъ и языкъ съ нимъ вмѣстѣ. Народы размножились, разсѣялись, и во многомъ лицами, одеждою, нравами, обычаями измѣнились; и языки тоже. Но люди не престали чрезъ то быть однимъ и тѣмъже родомъ человѣческимъ, равно и языкъ, не перестававшій течь съ людьми, не престалъ, при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, быть нѣкоторымъ образомъ одинъ и тотъже. Возмемъ одно токмо слово *отецъ* на всѣхъ по всему земному шару разсѣянныхъ языкахъ, мы увидимъ, что оно, при всей своей разности, не есть особое, каждымъ народомъ изобрѣтенное, но, одно и тоже всѣми повторяемое. Выводъ и разысканіе сего надъ множествомъ словъ требуетъ безсомнѣнія великихъ и долговременныхъ упражненій, но устрашаться трудовъ, ведущихъ къ открытію свѣта въ знакахъ, выражающихъ наши мысли, есть неосновательная боязнь, любящая больше мракъ, нежели просвѣщеніе. Наука языка, или лучше сказать наука словъ, составляющихъ языкъ, заключаетъ въ себѣ всѣ отрасли мыслей человѣческихъ, отъ начала порожденія оныхъ до безконеч-

наго, всегда однакожъ умомъ предводимаго распространенія. Таковая наука должна быть первѣйшею, достойною человѣка; ибо безъ ней не можетъ онъ знать причинъ, по которымъ восходилъ отъ понятія къ понятію; не можетъ знать источника, изъ котораго текутъ его мысли. Ежели при воспитаніи юности требуется, чтобъ онъ зналъ, изъ чего сдѣлано платье, которое онъ носитъ; шляпа, которую надѣваетъ на голову; сыръ, который употребляетъ въ пищу; то какъ же не должно знать откуду происходитъ слово, которое онъ говоритъ? не льзя не удивляться, видя, что наука краснорѣчія и стихотворства, сія по истиннѣ изящная ума человѣческаго забава и увеселеніе, во всѣ времена объяснялась, приводилась въ правила и процвѣтала, между тѣмъ какъ существенное основаніе оной, наука языка, оставалась всегда въ нѣкоторой темнотѣ и безвѣстности. Никто, или весьма немногіе дерзали входить въ ея таинственные вертепы, и то, можно сказать, не проницали далѣе первыхъ при вратахъ ея предѣловъ. Причины сему очевидны и не легки къ преодолѣнію: 1) новѣйшіе языки, заступившіе мѣсто древнихъ, потерявъ первобытныя слова, и употребляя токмо отрасли оныхъ, не могутъ болѣе быть вѣрными путеводителями къ

своихъ началамъ. 2) Всѣ древніе языки, кромѣ Славенскаго, сдѣлались мертвыми, или мало извѣстными, и хотя новѣйшіе ученые мужи и стараются пріобрѣтать въ нихъ познанія, но число таковыхъ мало, и свѣденія ихъ въ чуждомъ языкѣ не могутъ быть столь обширны, какія для сего потребны. 3е) Трудность, съ какою сопряжено изслѣдованіе всѣхъ сихъ изъ глубины древности струящихся протоковъ, которые часто, прерываясь, теряютъ слѣдъ свой, и чрезъ то, для отысканія онаго, требуютъ великихъ усилій ума и соображенія. 4) Надежда къ совершенію сего труда съ должнымъ раченіемъ не можетъ льстить человѣку потому, что вѣкъ его кратокъ, и что ожидаемые отъ сего многотруднаго предпріятія плоды не иначе могутъ созрѣть, какъ послѣдственнымъ и долговременнымъ упражненіемъ многихъ ученыхъ людей. Наконецъ 5), что наука языка, хотя и тѣсно сопряжена съ наукою краснорѣчія и стихотворства, или вообще словесностію, однакожъ весьма отъ ней различна: первая вникаетъ въ происхожденіе словъ, ищетъ соединенія одного понятія съ другимъ, дабы на точныхъ и ясныхъ началахъ основать Грамматическія онаго правила, и составить словопроизводный словарь, единственный, показующій языкъ

во всемъ его порядкѣ и устройствѣ. Вторая довольствуется токмо утвержденными навыкомъ словами, стараясь слагать, сочинять ихъ пріятнымъ для ума и слуха образомъ, безъ всякой заботы о первоначальномъ ихъ смыслѣ и происхожденіи. Первая ищетъ себѣ свѣта въ нарѣчіяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ; вторая не простираетъ изысканій своихъ далѣе настоящаго времени. Первая разлагаетъ слова, для проницанія въ разумъ и дѣйствіе всѣхъ составляющихъ оныя частей, такожъ измѣненій ихъ и уклоненій изъ одного понятія въ другое, подобно естествоиспытателю, разлагающему тѣла для совершеннаго познанія ихъ чрезъ открытіе стихій, изъ коихъ онѣ составлены, и для прозрѣнія слѣдствій порожденія ихъ одного отъ другаго; вторая не углубляясь въ ихъ начала, пользуется только общимъ и настоящимъ ихъ знаменованіемъ, подобно математику, умствующему о мѣрахъ, дѣйствіяхъ и движеніяхъ тѣлъ, не входя въ первоначальные ихъ составы. Науки сіи при толикой разности требуютъ для воздѣланія оныхъ и способностей различныхъ, какія въ одномъ и томъже человѣкѣ едва ли совмѣстны; ибо витійство, а особливо стихотворство, пріучаетъ разумъ блистать, гремѣть, искать вымысловъ, украшеній; напротивъ

шого умъ, упражняющійся въ изслѣдованіи языка, ищешъ въ немъ ясносши, вѣрныхъ признаковъ, доказашельсшвъ, къ ошкрытію сокровенныхъ его началъ, всегда шеряющихся во мракѣ измѣненій, но безъ опысканія которыхъ пресшаешъ онъ быть плодомъ одаренныхъ разумомъ сущесшвъ, шекущею издревлѣ мыслей ихъ рѣкою, и сшановишся какъ бы нѣкіимъ случайнымъ, безпричиннымъ, шемнымъ произведеніемъ, при кошоромъ разумъ человѣческій не присушсшвовалъ. Но сколь ни велико различіе сихъ наукъ, изъ коихъ для одной нужно пламенное воображеніе, а для другой хладный разсудокъ, однакожъ онѣ одна безъ другой не могушъ быть совершенны. Писашель безъ знанія языка, и знаніе языка безъ дара и вкуса употреблять оный, равно не досташочны. Словесносшь можешъ шокмо при взаимномъ ихъ соединеніи благоуспѣшно процвѣшашь: шогда блескъ вишійсшва очисшишся ошъ зашмѣвающихъ его погрѣшносшей въ языкѣ, и будешъ ясное солнечныхъ лучей сіяніе, а не мельканіе молній въ шемношѣ ночной. Языкъ при чисшошѣ и правильносши своей получишъ силу и нѣжносшь; судъ о досшоинсшвѣ сочиненій будешъ судъ ума и знаній, а не шолкъ невѣжесшва или ядъ злословія. Языкъ нашъ превосходенъ, богашъ, громокъ, силенъ, глубоко-

мыслен. Надлежит токмо познать цѣну оному, вникнуть въ составъ и силу словъ его, и тогда удостовѣримся, что не его другіе языки, но онъ ихъ просвѣщать можетъ. Да не подумаетъ кто, что я для возвышенія языка своего унижаю другіе языки; отнюдь нѣтъ; я ни котораго изъ нихъ достоинства не умаляю. Какъ сынъ можетъ сравниться, и даже превзойти славу отца своего, такъ и языкъ, рожденный отъ другаго, можетъ превосходными умами быть возведенъ на высокую степень; но тѣмъ не меньше отъ него происходитъ и многія черты его въ себѣ сохраняетъ. Витійство, или вообще словесность, можетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ, и на новомъ, скудномъ языкѣ больше процвѣтать, нежели на древнемъ, богатомъ; но сей древній, первородный языкъ, самъ по себѣ, остается всегда какъ бы воспитателемъ, наставникомъ того скуднаго, которому сообщилъ онъ корни свои для разведенія изъ нихъ новаго сада. Съ нашимъ языкомъ, вникая въ оный глубже, можемъ мы, безъ заимствованія сихъ корней у другихъ, насаждать и разводить великолѣпнѣйшіе вертограды.

Изліянныя на Россійскую Академію Монаршія щедроты подаютъ надежду, что со временемъ успѣхи трудолюбивыхъ умовъ,

руководимыхъ свѣтлостію разсудка, разгоняющаго темноту простаго навыка, откроютъ богатые языка нашего источники, снимутъ съ алмаза сего еще во многихъ мѣстахъ покрывающую его кору, и покажутъ оный въ полномъ блистаніи свѣту. Витійство и стихотворство суть похвальные, полезные труды; но знаніе языка, сіе основаніе и пища словесности, еще нужнѣе и полезнѣе. Да процвѣтетъ нѣкогда отечественный нашъ языкъ въ обоихъ сихъ родахъ равною славою!

ОПЫТЪ РАЗСУЖДЕНІЯ

О ПЕРВОНАЧАЛІИ, ЕДИНСТВѢ И РАЗНОСТИ ЯЗЫКОВЪ, ОСНОВАННЫЙ НА ИЗСЛѢДОВАНІИ ОНЫХЪ.

(*Продолженіе*).

Мы подъ сею статьею (см. 5-ю часть сего полнаго собранія сочиненій и переводовъ. стр. 294.) разсуждали о томъ, что при началѣ и размноженіи рода человѣческаго языкъ безсомнѣнія былъ одинъ и тотъ же, доколѣ народъ пребывалъ вмѣстѣ; но когда въ послѣдствіи времени народъ сей умножась сталъ раздѣляться и отходить въ разныя стороны, тогда каждое отдѣленіе изъ сихъ отшельцевъ понесло съ собою языкъ отцевъ своихъ, и слѣдственно началомъ всѣхъ языковъ долженъ быть одинъ первобытный, который естьли не могъ сохраниться въ цѣлости, то по крайней мѣрѣ слѣды онаго больше или меньше, смотря по отдаленности происшедшихъ отъ него нарѣчій, должны быть примѣтны. Сіе необходимо быть долженствуетъ; ибо отколѣ бы ни взяли мы начало человѣческаго слова или языка, отъ первосозданнаго ли мужа и жены, или отъ семьи Ноевой, единственной, оставшейся на землѣ послѣ потопа, въ томъ и другомъ случаѣ, какъ народы, разсѣлявшіеся по земному шару, не перестаютъ быть ихъ потомствомъ, такъ и языки должны непремѣнно

быть больше или меньше отдаленными нарѣчіями того языка, какимъ говорилъ первый народъ по созданіи человѣка. Хотя народъ сей, или народы, и были истреблены всеобщимъ потопомъ, но родъ человѣческій чрезъ то не пресѣкся. Ной былъ не вновь созданный человѣкъ, но оставшійся отъ прежде бывшихъ людей: слѣдственно естьли потомство людское не было прервано, то и прехожденіе языка ихъ изъ устъ въ уста не могло быть остановлено; ибо сынъ говоритъ всегда языкомъ отца своего. Никогда народъ, происходящій отъ другаго народа, не бросалъ языка предковъ своихъ, и не производилъ новаго, особенно имъ составленнаго *). Семейство Ноево не могло говорить разными языками, а потому и потомство его, то есть народы отъ народовъ, отъ Сима ли мы ихъ поведемъ, или отъ Хама, или отъ Яфета (сыновей его), всѣ вообще безсомнѣнія гово-

*) Естьли бы кто въ опровержение сей истины привелъ смѣшеніе языковъ при столпотвореніи Вавилонскомъ, то бы онъ сдѣлалъ несправедливое возраженіе; ибо ни событіе сіе нашими доводами, ни доводы наши симъ событіемъ не опровергаются, поелику для смѣшенія языковъ не было надобности раздѣлять ихъ на многіе первобытные языки; но довольно было изъ одного и тогоже языка сдѣлаться разнымъ нарѣчіямъ, дабы люди (какъ мы то и нынѣ видимъ) не могли другъ друга разумѣть.

рили языкомъ своихъ предковъ. Изъ сего слѣдуетъ непреложное заключеніе, что какими бы въ послѣдствіи времени народы сіи ни стали называться именами: Халдеи, Скиѳы, Пелазги, Греки, Славяне, Персы, и проч. и проч., но чрезъ то не преставали они быть потомками дѣтей Ноевыхъ. Равнымъ образомъ и языки ихъ, получая названія по названіямъ народовъ, не преставали чрезъ то быть тѣмъ же самымъ языкомъ (т. е. происходящимъ отъ него нарѣчіемъ) какимъ говорилъ Ной и его дѣти. Итакъ какой бы ни взяли мы языкъ, Халдейской, Скиѳской, Славенской, Греческой, Латинской, и проч., но чрезъ то не престанетъ онъ быть языкомъ Ноева семейства.

Изъ сего слѣдуетъ, что всякой языкъ можетъ назваться первобытнымъ, поелику есть нарѣчіе проистекающее изъ онаго; но и напротивъ ни одинъ языкъ не есть первобытный, поелику мы видимъ, что никакой изъ нихъ не остается безъ того, чтобъ со временемъ не измѣнился. Не токмо чрезъ сорокъ или пятьдесятъ вѣковъ, но часто чрезъ одинъ или два вѣка языкъ предковъ становится невразумительнымъ болѣе для потомковъ. Самыя названія языковъ отрицаютъ уже первобытность ихъ; ибо языки называются по именамъ говорящихъ ими народовъ, а народы не прежде могли получать имена, какъ по размноженіи своемъ, когда

надлежало имъ различаться однимъ отъ другихъ. Сіе размноженіе не могло иначе послѣдовать, какъ чрезъ долгое отъ потопа время, въ которое конечно уже ни одинъ народъ не могъ соблюсти въ цѣлости и невредимости тотъ языкъ, какимъ говорило Ноево семейство. Чтожъ изъ сего о нынѣшнихъ языкахъ нашихъ заключить слѣдуетъ? то ли, что всѣ они суть одинъ и тотъже языкъ первобытный? Но сему противорѣчитъ великая ихъ между собою разность; или то, что всѣ они суть разные языки? но сему противорѣчитъ происхожденіе ихъ отъ одного и тогоже первобытнаго языка, происхожденіе, не могущее быть опроверженнымъ, поелику народы происходятъ одинъ отъ другаго, а народы (какъ мы выше о томъ разсуждали) не могли ни перестать говорить прежнимъ, ни начать говорить другимъ совсѣмъ особымъ языкомъ. Слѣдовательно сіе не можетъ быть иначе, какъ такимъ образомъ, что первобытный языкъ исчезъ самъ по себѣ, но существуетъ во всѣхъ языкахъ, въ иныхъ больше, въ иныхъ меньше. Онъ существуетъ въ нихъ не словами своими, но корнями, изъ которыхъ каждый языкъ произвелъ свои вѣтви. Сіе мы отчасу яснѣе будемъ видѣть, чѣмъ далѣе станемъ читать сіи разсужденія.

Великое множество нынѣшнихъ языковъ, изъ которыхъ многіе кажутся совершенно между собою несходными, не служитъ ни-

мало къ опроверженію сего мнѣнія; ибо таково есть свойство слова человѣческаго, что одинъ и тотъже языкъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, и время отъ времени отчасу больше измѣняясь, раздѣляется наконецъ на многія нарѣчія, изъ коихъ тѣ, которыя весьма одно отъ другаго отдаленны, почитаются уже особыми языками. Сіе происходитъ отъ того, что нѣкоторыя слова забываются, другія измѣняются, третьи вновь выдумываются и входятъ въ употребленіе; но забытое слово не престаетъ иногда существовать въ происшедшихъ отъ него вѣтвяхъ, измѣненное остается часто неизмѣнившимся въ корнѣ, новое обыкновенно производится отъ стараго. Такимъ образомъ сколько бы новѣйшій языкъ какого либо народа ни отошелъ далеко отъ первобытнаго своего образа, однакожъ слѣды онаго остаются въ немъ примѣтными, или не столько изгладившимися, чтобъ не льзя было до нихъ добраться. Они не могутъ быть видимы по одному наружному сравненію двухъ или трехъ весьма отдаленныхъ между собою языковъ, въ которыхъ хотя и бываютъ сходственныя слова, признаки происхожденія ихъ отъ общаго первобытнаго языка, однакожъ сіи малые признаки, при множествѣ прочихъ совершенно несходныхъ словъ, не могутъ вести ни къ какимъ яснымъ и вѣроятнымъ заключеніямъ. Но возмемъ Сравнительный

словарь на многихъ языкахъ *), и посмотримъ въ немъ, какимъ образомъ одно и тоже слово, постепенно измѣняясь, теряетъ прежній образъ свой и становится двумя или многими совершенно несходными между собою словами. Приведемъ для примѣра одно только слово *день*,

По Славенски, Славено-Венгерски, Богемски, Сорабски, Кашубски, Малороссійски	день.
По Ингушецки	день, де.
По Латышски	дѣнъ.
По Индостански { въ Бенгалѣ	динь.
{ въ Деканѣ	дынь.
По Польски . . , ...	дзень (dzien).
По Вендски	джень.
По Сербски	день, дань.
По Кривинго-Ливон. и Литов.	діэна.
По Брешански	деицъ, децъ.
По Латински	діэсъ (dies).
По Испански и Португальски	діа.

---

*) Россійская Императрица Екатерина Великая открыла первая сей важный путь къ познанію языковъ. Жаль, что составленный по препорученію ея Палласомъ сравнительный на двухъ стахъ языкахъ словарь остается и нынѣ таковымъ же, безъ всякаго къ нему прибавленія и усовершенствованія. Россійская Академія со временемъ не оставитъ издать оный съ новыми прибавленіями и примѣчаніями.

По Корнвальски . . . . . . деирна, депъ.
По Вальски . . . . діорнодъ, диддъ.
По Валезански . . . . . . джоръ.
По Италіянски . . . . . джорно (giorno) *).
По Романски и древне-Французски . . . . діэсъ, дисъ, жоръ.
По Ново-Французски . . . журъ (jour).
По Палабски . . . . діангъ.
По Англо-Саксонски . . . дагъ, дегъ.
По Нижне-Германски, Цимбрски, Датски, Шведски, Голландски . . . . дагъ.
По Германски . . . . : . тагъ.
По Тевтонски . . . . . . тахъ.
По Исландски . . . . . . дагуръ, дагръ.
По Индѣйски въ Мульшанѣ деговъ.
По Цигански . . . . . . дивесъ.
По Фризски . . . . дай
По Англински . . . . . . дя (day).

Здѣсь на сорока нарѣчіяхъ и языкахъ видно, что всѣ оные одно и тоже слово повторяютъ; но между тѣмъ какая сдѣлалась разность между Рускимъ словомъ *день*, Французскимъ *jour* и Нѣмецкимъ *tag!* **)

---

*) Въ Италіянскомъ словѣ giorno хотя начальная буква *d* и выпускается, однакожъ слогъ *gio* произносится какъ бы *dgio*. Оно взято съ Латинскаго *diurnus* (дневный) и произвело Французское *jour*.

**) Изъ двухъ путей, по коимъ измѣненіе

Одинъ сей примѣръ служитъ уже довольнымъ доказательствомъ первое тому, что всѣ языки, не взирая на множество ихъ и великое между собою различіе, могутъ происходить отъ одного и тогоже первобытнаго языка, и второе, что какъ ни много отдалились они отъ онаго, но вникая въ нихъ и сличая оные между собою, можно видѣть постепенность ихъ измѣненій, доходить до общаго корня, къ которому разноязычныя вѣтви ихъ относятся, и познавать чрезъ то заключающійся въ словахъ разумъ, какъ своего такъ и чужихъ языковъ.

Безсомнѣнія, соглашая исторію народовъ съ сими изслѣдованіями языковъ ихъ, достовѣрнѣе открылось бы то, что доселѣ толикимъ покрыто мракомъ. Читая древнихъ и новыхъ писателей о происхожденіи народовъ, мы бы яснѣе увидѣли справедливость и несправедливость различныхъ о томъ мнѣній, когда бы, руководствовались примѣчаемыми въ языкахъ ихъ слѣдами. Намѣреніе мое не состоитъ въ семъ обширномъ предпріятіи, но токмо въ малѣйшей принадлежащей

слова сего происходило, оба весьма очевидны: 1-й: *день*, діэна. діэцъ, діурно, джорно, журъ.
2-й: *день*, дань, даангъ, дагъ, тагъ.
Отселѣ часто примѣчается, что въ одномъ и томъ же языкѣ остается и первоначальное и изъ него измѣнившееся слово, какъ то въ древне-Французскомъ *дисъ* и *жаръ*.

къ сему части, а именно въ разсмотрѣніи нѣкотораго числа разноязычныхъ словъ, дабы сколько нибудь увидѣть, какой языкъ сохраняетъ въ себѣ болѣе первоначальныхъ корней, или скажемъ иначе, существуетъ ли такой ближайшій къ первобытному языкъ, въ которомъ бы народы, говорящіе разными отдаленнѣйшими языками, могли отыскивать корни тѣхъ употребляемыхъ ими словъ, коихъ происхожденія они въ языкахъ своихъ находить не могутъ, и потому должны почитать ихъ первообразными, то есть не имѣющими начала, не извѣстно откуду взявшимися и отъ какого понятія рожденными. Обстоятельство, отрицающее дѣйствіе человѣческаго ума въ языкѣ, то есть въ томъ твореніи его, которое не могъ онъ иначе создать, какъ силою ума своего и размышленія.

Я бы могъ въ подтвержденіе мнѣнія моего привесть многихъ древнихъ и новѣйшихъ бытописателей, производящихъ оный отъ Скиѳовъ *), а сихъ отъ Яфета, одного изъ сыновъ Ноевыхъ, могъ бы также сослаться и на то, что естьли только и по однимъ

*) Самое слово *Скиѳы или Скиты* почитаютъ Славенскимъ, означающимъ *скитаніе*, то есть прехожденіе отъ одного мѣста въ другое, поелику первоначальные народы не имѣли постоянныхъ жилищъ.

историческимъ событіямъ разсуждать о Славенскомъ языкѣ, то отнюдь не невѣроятно, чтобъ оный не былъ самодревнѣйшій и можетъ быть ближайшій къ первобытному языку, ибо одно исчисленіе Скиѳо-Славенскихъ народовъ, подъ тысячами разныхъ именъ извѣстныхъ и по всему лицу земли разсѣлившихся, показываетъ уже какъ великое его распиреніе, такъ и глубокую древность; но я уже сказалъ, что не буду входить въ подробность историческихъ розысканій, а только въ одно происхожденіе словъ, однакоже и по одной сей части не безъ основанія утверждать могу, что когда изслѣдованіе словъ разныхъ языковъ показываетъ, согласно съ историческими выводами, великое и всеобщее отношеніе ихъ къ Славенскому языку, то какъ исторія, такъ и языкъ, одно другимъ взаимно подкрѣпляемое, ведетъ къ вѣроятнымъ и несомнительнымъ заключеніямъ.

Сіе изслѣдованіе словъ сопряжено съ тѣми неудобствами, что одинъ или немногіе примѣры, сопровождаемые краткими замѣчаніями, недостаточны къ полному въ томъ убѣжденію и могутъ показаться случайною сходственностію между двумя языками, а ежели собрать ихъ множество съ подробными объясненіями, то хотя доказательства и будутъ чрезъ то становиться яснѣе и очевиднѣе, но сухость разсужденій, всегда

объ одномъ и томъже наскучиваетъ читателю. Въ семъ затрудненіи, любя науки и пользу, поставляемъ мы за должное предпочесть первое второму, посвящая труды наши тому, кто любитъ разсуждать, а не тому, кто читаетъ для забавы.

Въ краткой рѣчи моей, произнесенной мною въ чрезвычайномъ собраніи Россійской Академіи (см. сей же части стран. 17) говорилъ я уже о глубокой древности и преимуществахъ Славенскаго языка. Тамъ между прочими разсужденіями сказано: „языкъ нашъ превосходенъ, богатъ, громокъ, „силенъ, глубокомысленъ, надлежитъ токмо „познать цѣну оному, вникнуть въ составъ „и силу словъ его, и тогда удостовѣримся, „что не его другіе языки, но онъ ихъ про„свѣщать можетъ.“ Въ сихъ словахъ моихъ не токмо иностранцы, но и многіе Рускіе усумнятся; первые по незнанію языка нашего, о которомъ слѣдственно и судить такъ не могутъ, какъ бы судили, когда бы совершенно оный знали; а вторые по малому въ немъ упражненію *), но я смѣло утверждаю,

*) Я различаю упражненія въ языкѣ отъ упражненій въ Словесности, подъ которыми обыкновенно разумѣются стихотворство и краснорѣчіе. Сіи могутъ процвѣтать, но языкъ и при успѣхахъ ихъ остается въ безъизвѣстности: ибо никакія превосходныя поэмы, ни Риторики, ни Грамматики, не покажутъ намъ началъ онаго,

что тѣ, которые терпѣливо и безъ предубѣжденія прочтутъ меня, вникнутъ и сообразятъ всѣ приводимые мною въ сочиненіяхъ моихъ доводы, тѣ конечно увидятъ и согласятся, что я не по слѣпому пристрастію къ отечественному языку моему, не по мечтательнымъ догадкамъ, но по истинному и точному изслѣдованію многихъ языковъ и нарѣчій мнѣнію моему справедливое основаніе излагаю. Я не выдаю разсужденій моихъ за нѣкія какъ бы уже въ порядокъ и цѣлость приведенныя правила и ученія; ибо достигнуть сего не прежде можно, какъ чрезъ многія порознь и частно сдѣланныя изысканія и замѣчанія. Не ручаюсь также, чтобъ индѣ, увлеченный сходствомъ понятій, не сдѣлалъ я никакой ошибки; но буде бы оная гдѣ и случилась, то остальное, ясное и очевидное покажетъ столько, что не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ умѣ, вникающемъ въ силу и связь доказательствъ.

Мы въ объясненіе того, о чемъ тогда въ краткой рѣчи не могли распространить-

---

безъ знанія коихъ мы будемъ имѣть о немъ такоеже несовершенное понятіе, какое въ Геометріи имѣютъ о треугольникѣ, когда знаютъ, что три угла его равны двумъ прямымъ, но не умѣютъ сего доказать, и слѣдственно вѣрятъ въ томъ сказанію учителя, а не собственному своему разуму.

ся, намѣрены изъ разныхъ языковъ привесть многіе, здѣсь примѣры, изъ которыхъ истину сказаннаго нами яснѣе можно будетъ усмотрѣть. Но какъ и сіе требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ разсужденій, то мы, прежде нежели приступимъ къ дѣлу, присовокупимъ здѣсь оныя. Сіи разсужденія наши не могутъ иначе быть, какъ тѣже, или подобныя тѣмъ, о какихъ въ разныхъ мѣстахъ сего Полнаго Собранія сочиненій говорено было; но какъ доказательства о единствѣ языковъ, и откровеніе первыхъ началъ ихъ, требуютъ многихъ примѣровъ и объясненій, изъ которыхъ, чѣмъ оныхъ больше, тѣмъ вѣрнѣе, выводится справедливость заключеній, то и не почитаемъ мы нѣкоторыя краткія повторенія излишними, потому что приводимые при нихъ новые примѣры истину сію согласно съ прежними лучше утверждаютъ.

Мы видимъ ясно и несомнѣнно, что всѣ языки одинакимъ образомъ составляются, то есть, изъ одного и тогоже корня, посредствомъ приставливанія къ нему разныхъ окончаній и предлоговъ, извлекаются вѣтви, въ которыхъ присоединенное къ корню понятіе накогда не перемѣняется, но токмо разнообразится. Отселѣ явствуетъ, что для отысканія сего понятія, или корня, всякое слово, на какомъ бы языкѣ оное ни было, надлежитъ разлагать, то есть, отдѣлять

отъ него предлогъ и окончаніе, и по оставшемуся въ немъ корню разсуждать о томъ первоначальномъ понятіи, какое остается существующимъ во всѣхъ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ, какъ на одномъ, такъ и на многигъ языкахъ.

Отысканіе корня въ словѣ не всегда бываетъ удобно по той причинѣ, что въ нѣкоторыхъ словахъ трудно распознавать части, составляющія предлогъ и окончаніе. Въ такомъ случаѣ надлежитъ слово сіе сличать съ другими одного съ нимъ семейства, и чрезъ то узнавать подлинный ихъ корень. Возмемъ, на примѣръ, слово *начало*. Какимъ образомъ разберемъ оное? положимъ ли, что корень его есть *нач*, а *ало* окончаніе? или возмемъ *на* за предлогъ, *чал* за корень, а *о* за окончаніе? все сіе будетъ гадательно и не поведетъ къ познанію точнаго состава сего слова, и слѣдственно къ открытію содержащагося въ немъ кореннаго значенія или смысла. Для сего надлежитъ сообразить оное съ другими тогоже корня вѣтвями: *начать*, *начинаю*, и проч. Изъ нихъ вѣтвь *начинаю* покажетъ намъ тотчасъ, что въ ней *на* есть предлогъ, *чин* корень, *аю* окончаніе. Теперь можемъ уже безошибочно разсуждать, что корень онаго *чин* (отъ котораго въ словѣ *начало* осталось одна только буква Ч) есть имя *чинъ*: и такъ *начинаю* значитъ приступаю къ произведенію въ дѣйство пред-

начертаннаго въ умѣ моемъ *чина*, то есть порядка, устройства,съ какимъ я намѣреваемое мною дѣло производить хочу. Такимъ образомъ коренное значеніе во всѣхъ произшедшихъ отъ сего корня вѣтвяхъ будетъ для меня ясно.

Мы различаемъ въ каждомъ словѣ, на какомъ бы то языкѣ ни было, два понятія или значенія, изъ которыхъ одно называемъ *кореннымъ*, а другое *вѣтвеннымъ*: различіе сихъ словъ весьма нужно знать, и для того постараемся опредѣлить ихъ сколько можно точнѣе. Коренное значеніе относясь ко многимъ вещамъ вдругъ, не опредѣляетъ ни которой изъ нихъ, но только показываетъ нѣчто всѣмъ имъ сродное или свойственное. Вѣтвенное напротивъ, опредѣляетъ каждую вещь порознь. Зная первое, мы не можемъ еще знать втораго, доколѣ оное не опредѣлится. Такъ, напримѣръ: хотя бы и знали слово *рука* и глаголъ *ять* (емлю, беру), но о составленномъ изъ нихъ имени *рукоятка* не могли бы имѣть инаго понятія, кромѣ кореннаго, то есть общаго всякой вещи, которую можно взять рукою или руками. Итакъ, для превращенія сего кореннаго значенія въ вѣтвенное, надлежитъ непремѣнно зрѣнію нашему представить ту самую вещь, которую мы подъ симъ именемъ разумѣть должны. Тогда уже, оставляя коренное, привязываемъ мы къ ней вѣтвенное значеніе, то есть одну

ее разумѣемъ подъ симъ названіемъ, не относя онаго къ другимъ вещамъ, которыя также можно брать рукою. Отсюду происходитъ, что хотя всякая извлеченная изъ корня вѣтвь сохраняетъ въ себѣ оный, слѣдственно и значеніе свое отъ него заимствуетъ; но какъ она получа опредѣленіе, устремляетъ воображеніе наше прямо на образъ вещи, мѣшая чрезъ то уму нашему помышлять вмѣстѣ и о томъ, по какой причинѣ оная симъ, а не инымъ именемъ названа, то случается часто, что коренное значеніе затмѣвается вѣтвеннымъ, и даже совсѣмъ отъ очей разума исчезаетъ. Естьли бы у кого спросить: какимъ образомъ подъ именами, на примѣръ, *камень*, *голубь*, *грибъ* и проч., разумѣетъ онъ именно такія-то, а не другія какія вещи? или почему произведя отъ одного и тогоже понятія *висѣть* вѣтви *вишня* и *висѣлица* разумѣетъ онъ подъ ними толь различныя между собою вещи? вѣроятно отвѣтъ его былъ бы: мнѣ указали на сіи предметы, и назвали каждый изъ нихъ: это камень, это голубь, это грибъ, это вишня, это висѣлица: съ тѣхъ поръ видъ ихъ, зримый мною, остался въ умѣ моемъ начертаннымъ, а названія, имъ данныя, затвердились въ памяти моей и сохраняются въ ней чрезъ всегдашнее ихъ повтореніе и наслышку. При семъ знаніи языка, изображенномъ въ семъ отвѣтѣ, можетъ остановиться тотъ,

кто не хочетъ далѣе идти; но мы, почитая оное недостаточнымъ для любомудрія, станемъ продолжать наши разсужденія. Древность языка и забвеніе многихъ первобытныхъ названій, отъ коихъ происшедшія вѣтви утратили корень свой, не позволяютъ намъ при каждомъ словѣ проникнуть начало онаго и причину; однакожъ главная и величайшая часть языка состоитъ изъ такихъ словъ, которыя или весьма или довольно яснымъ образомъ показываютъ свое происхожденіе. Въ словѣ, на примѣръ, *камень*, мы не видимъ, или не добрались еще до кореннаго значенія, то есть до причины, по которой онъ такъ названъ, и потому почитаемъ его первобытнымъ словомъ, имѣющимъ одно только вѣтвенное значеніе, хотя непремѣнно имя сіе должно быть вѣтвію отъ какого нибудь кореннаго понятія происшедшею; но въ словѣ, на примѣръ, *медвѣдь*, видимъ два значенія, вѣтвенное и коренное; первое представляетъ намъ извѣстнаго звѣря, а второе, что звѣрь сей *вѣдаетъ гдѣ медъ* (т. е. ищетъ его, любитъ имъ питаться; ибо дѣйствительно сіе свойство въ немъ примѣчается *).

---

*) Иностранцу хотя бы и сказать значеніе слова *медвѣдь*, но когда бы не извѣстны ему были слова *медъ* и *вѣдать*, то онъ зналъ бы одно вѣтвенное его значеніе, не зная кореннаго, и слѣдовательно какую бы вещь ему подъ симъ

Здѣсь оба значенія весьма ясны, потому что оба сіи слова *медъ* и *вѣдь* (сокращенное отъ глагола *вѣдать*) каждое порознь употребительны; также примѣтно сіе во многихъ и простыхъ, то есть не сложныхъ словахъ, какъ на примѣръ въ ягодахъ *черница*, *голубица*, по цвѣту ихъ; *земляница*, потому что низко къ землѣ растетъ; *костяника*, потому что имѣетъ въ себѣ косточки; или въ другихъ разныхъ названіяхъ, какъ-то: *бичъ*, потому что имъ бьютъ; *темница*, потому что въ ней темно; *корабль*, потому что образомъ своимъ походитъ на коробъ, и такъ далѣе. Но есть и такія слова, въ которыхъ коренное значеніе больше или меньше затмѣвается вѣтвеннымъ, иногда отъ измѣненія какой нибудь буквы, какъ на примѣръ *масло*, *весло*, *прорубь* (вмѣсто *мазло* отъ *мазать*, *везло* отъ

названіемъ ни указали, напримѣръ рыбу, коренное значеніе, что ей несвойственно *вѣдать медъ*, не остановило бы его тому повѣрить. Итакъ по тѣмъ словамъ, которыхъ начало намъ неизвѣстно, мы можемъ въ языкѣ своемъ назвать себя иностранцами. Богемцы отъ ошибки въ произношеніи перемѣнили букву *м* въ *н*, и вмѣсто *медвѣдь* пишутъ *nedwed* Слѣдовательно слово ихъ, потерявъ коренное значеніе, осталось при одномъ вѣтвенномъ. Таковыя въ разговорномъ языкѣ погрѣшности надлежитъ въ письменномъ поправлять, или по крайней мѣрѣ происшедшую отъ неправильнаго произношенія ошибку объяснять.

везти, *прорубь* отъ *прорубать*, и проч.); иногда отъ сильнаго устремленія мысли нашей на одно вѣтвенное значеніе, такъ что коренное при ономъ забывается: подъ словомъ *голубь* разумѣемъ мы птицу, получившую названіе сіе отъ *голубаго* цвѣта перьевъ своихъ. Но когда мы увидимъ тойже породы птицу съ перьями инаго цвѣта, то уже даннаго единожды названія не перемѣняемъ, и говоримъ *бѣлый голубь*. Слѣдственно мы тогда объ одномъ вѣтвенномъ значеніи помышляемъ, какъ бы забывая коренное, которое не позволило бы намъ *голубое* называть *бѣлымъ*. Многія совсѣмъ несходныя между собою вещи могутъ коренное значеніе имѣть одинакое: имена *свинецъ* и *синица* въ вѣтвенномъ значеніи превеликую имѣютъ разность; но въ коренномъ никакой, поелику оба произведены отъ понятія о *синемъ* цвѣтѣ *). Изъ сего явствуетъ, что вѣтвенное значеніе состоитъ въ *вѣтви* (т. е. въ словѣ, означающемъ вещь), а коренное въ *корнѣ* (т. е. въ существенной части слова, общей и одинакой во всѣхъ единокорненныхъ вѣтвяхъ): первое всякому въ языкѣ своемъ извѣстно, а второе открывается только тому, кто разсуждаетъ о началахъ языка. Всякой, на примѣръ, знаетъ,

---

*) Свинецъ есть испорченное изъ *синецъ*, поелику крушецъ сей дѣйствительно имѣетъ *синій* цвѣтъ, равно какъ и птичка называемая синицею.

что такое *грибъ*; но почему, онъ названъ симъ именемъ, доберется только тотъ, кто станетъ разсматривать корень онаго *грб*, и сличая слово сіе (или вѣтвь) съ другими тотъже корень имѣющими вѣтвями, таковыми какъ *погребъ*, *гробъ*, *гребень*, *горбъ* и проч., станетъ искать, не имѣетъ ли вещь, названная *грибомъ*, какой либо соотвѣтственности, ближайшей съ одною изъ сихъ вѣтвей, нежели съ другими *). Тогда увидимъ, что вещи названныя именами *погребъ*, *гробъ*, *гребень*, не представляютъ ничего сходнаго съ вещію названною *грибомъ*, и потому не могли подать мысли къ названію ея симъ именемъ; но *горбъ*, и *грибъ* имѣютъ великую между собою соотвѣтственность, поелику верхняя часть *гриба* (называемая шляпкою) дѣйствительно *горбата*. Изъ сего со всякою вѣроятностію можемъ сдѣлать заключеніе, что отъ понятія о *горбѣ* произведено имя *грибъ* **). Такимъ образомъ и во всякомъ словѣ

**) Ибо хотя всѣ оныя яко происходящія отъ одного и тогоже корня, то есть произведенныя одною и тоюже первоначальною мыслію, должны имѣть нѣкоторую между собою соотвѣтственность, но каждая изъ нихъ можетъ одна порождать другую, и слѣдственно показывать непосредственное ея отъ ней происхожденіе.

*) Богемецъ изъ тогоже *hrb* (горбъ) произвелъ двѣ вѣтви *hrib* и *hreb*, изъ которыхъ первая *hrib* значитъ у него тоже, что и у насъ

при вѣтвенномъ значеніи можемъ находить купно и коренное.

Для подробнѣйшаго понятія о единствѣ и разности языковъ недовольно того, чтобъ при сличеніи Славенскихъ словъ съ иностранными смотрѣть на одно токмо явное въ нихъ сходство буквъ и одинакое значеніе, какъ на примѣръ Англинское *brow* и Славенское *бровь*, Нѣмецкое *grabe* и Славенское *гробъ*, Шведское *sister* и Славенское *сестра*, Французское *sel* и Славенское *соль*, и такъ далѣе. Подобныя слова хотя и показываютъ нѣкоторое сходство между всѣми языками, но ихъ не такъ много, чтобъ мы, при недостаткѣ главнаго числа остальныхъ словъ, могли совершенно въ томъ удостовѣриться, и притомъ сколько бы ихъ ни отыскалось сходныхъ, сіе не по-

---

грибъ, а подъ второю (hreb) разумѣетъ онъ то, что мы называемъ *гвоздь*. Здѣсь (какъ и всегда въ производствѣ изъ корня вѣтвей примѣчается) ясно видѣть можно, что сходство вещей (ибо образъ гриба весьма сходствуетъ съ образомъ гвоздя) подало ему поводъ назвать сіи два предмета одинакимъ именемъ, измѣняя только для различенія ихъ одну гласную букву. Начавъ такимъ образомъ подъ словомъ *hreb* разумѣть гвоздь, слово *гвоздь*, въ томъ значеніи, въ какомъ мы оное употребляемъ, долженствовало, какъ уже замѣненное другимъ, въ нарѣчіи его или истребиться, или обращено быть къ означенію иной вещи, по какому нибудь подобію сходствующей съ гвоздемъ.

ведетъ насъ къ познанію, какимъ образомъ отъ одного и тогоже языка расплодились толь многія и толь различныя между собою нарѣчія. Равномѣрно не покажетъ и того, чтобъ при всей разности нарѣчій, ставшихъ отдаленными, или лучше сказать совсѣмъ иными языками, можно было изъ нихъ примѣчать и видѣть явное ихъ отъ одного и тогожъ языка происхожденіе, чему по естественной выше сего объясненной нами причинѣ, а именно, что языкъ всегда вмѣстѣ съ народами текъ отъ поколѣнія въ поколѣніе, непремѣнно быть должно. Итакъ для дальнѣйшаго изслѣдованія сего важнаго обстоятельства надлежитъ вникать въ тѣ переходы изъ однѣхъ понятій въ другія съ ними смежныя, какими умъ человѣческій въ каждомъ языкѣ при составленіи онаго руководствовался, когда изъ общаго всѣмъ имъ корня каждый народъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ производилъ вѣтви. Войдемъ сколько нибудь въ исчисленіе признаковъ, показующихъ вмѣстѣ, какъ единство корней, такъ и разность вѣтвей, отколѣ можемъ яснѣе усмотрѣть справедливость заключенія нашего, что всѣ языки суть больше или меньше отдаленныя нарѣчія первобытнаго языка.

Въ пятой части сего полнаго Собранія Сочиненій и Переводовъ (см. статья II стр. 312) ужѐ довольно показали мы, какимъ обра-

зомъ одинъ и тотъже языкъ, не перемѣняясь въ началахъ и существѣ своемъ, становится нарѣчіемъ и даже совсѣмъ инымъ языкомъ, который въ свою очередь производитъ отъ себя другія нарѣчія. Но покажемъ и здѣсь новыми примѣрами тожъ самое; ибо погруженная во мракѣ и затмѣваемая силою навыка истина сія не иначе открывается и становится очевидною и вѣроятною, какъ чрезъ многіе выводы, согласно подтверждающіе, что когда корень въ разныхъ языкахъ одинъ и тотъже, то и вѣтви, произведенныя изъ него, сколько бы ни были особеннымъ выговоромъ и значеніями различны, но всѣ вообще сохраняютъ въ себѣ первоначальное понятіе, присоединенное къ корню, отъ котораго онѣ произошли; или, естьли переходятъ въ другое значеніе, то непремѣнно смежное съ первымъ. На семъ основаніи утверждается единство языковъ.

Приступимъ къ объясненію сего подробнѣе, но прежде нежели станемъ говорить объ отдаленныхъ языкахъ, таковыхъ какъ Славенскій, Латинскій, Нѣмецкій, и проч., возмемъ изъ многихъ Славенскихъ нарѣчій, какъ-то Чехскаго, Польскаго, Иллирійскаго, Краинскаго и другихъ, одно которое нибудь (ибо разсужденіе объ одномъ можетъ приложено быть и ко всякому другому), на примѣръ Чехское (или иначе Богемское) и сличимъ оное съ Славенскимъ или Рускимъ язы-

комъ. Доколѣ слова сохраняются безъ всякой перемѣны буквъ, имѣя тожъ самое значеніе:

глава, hlawa	мостъ, most.
дубъ, dub	поле, pole.
дубрава, dubrawa	мышь, myš.
духъ, duch	мразъ, mraz.
колечко, colečko	плодъ, plod, и проч.

до тѣхъ поръ языкъ остается одинъ и тотъже. Онъ пребываетъ таковымъ токмо въ началахъ своихъ, въ послѣдствіяхъ же начинаетъ отъ нихъ уклоняться, и хотя происткая изъ оныхъ не престаетъ быть тѣмъ же языкомъ, подобно какъ рѣка, раздѣлившаяся на многіе рукава, не престаетъ быть тоюже рѣкою; однакожъ во всякомъ нарѣчіи пріемлетъ иной ходъ, иное направленіе. Онъ начинаетъ по многимъ причинамъ или обстоятельствамъ отъ первобытнаго образа своего больше или меньше отличаться.

1 е, Разностію принятой Богемцами Латинской азбуки съ Славенскою, изъ которыхъ первая не имѣетъ достаточнаго числа буквъ къ выраженію всѣхъ звуковъ Славенскаго языка, и потому должна выражать ихъ, или одну букву многими, или одною буквою многія, различая оную на отточенную и неотточенную.

З замѣняется буквою *z:* законъ, *zakon;* заморскій, *zamorsky;* злато, *zlato;* земный *zemny;* знакъ, *znak*, и проч.

Ж тоюже буквою съ точкою въ верху: жалоба *żaloba;* желѣзо, *żelezo;* заложить, *założit;* служба, *służba*, и проч. (иногда пишутъ и *ss:* дождь, *desst;* дожжевый, *desstny;* дожжевая вода; *desstowka*, такъ какъ бы по нашему сказать *дожжовка*.

Х буквами *ch:* хохолъ, *chochol;* хвала, *chwala;* хмель, *chmel;* ходъ, *chod;* храмъ, *chram*, и проч.

Ц буквою *c:* цѣна, *cena;* цѣлость, *celost;* цѣловать, *celowati*, и проч.

Ч тоюже буквою съ точкою въ верху: черпать, *ċerpati;* червь, *ċerw;* часъ, *ċas;* часто, *ċasto;* черный, *ċerny*, и проч.

Ш буквою *s̈* или *ss:* роскошь, *rozkos̈;* послушность, *poslussnost;* лишей, *lissey*, и проч.

Щ буквами *sste:* еще, *esste;* ратовище, *ratisste;* льнище (т. е. поле, на которомъ сѣютъ ленъ) *lnisste*, и проч. (иногда замѣняется оная и буквою *c:* овощь, *owoce*).

Г буквою *h:* громъ, *hrom;* гроза, *hroza*, и проч. буква же *g* употребляется и произносится у нихъ какъ наша гласная й: рой, *rog;* обычай, *obyceg;* война, *wogna;* иду, *gdu;* иго, *gho*, и проч. Сверхъ сего буква сія ко всѣмъ гласнымъ присоединяется и составляетъ съ ними всѣ наши гласныя буквы, какъ-то: (е или о или ѣ) едва, *gedwa;* единорогъ, *gednorożec;* еликоже, *gelikoż;* его, *geho;* ему, *gemu* (сокращенно же *ho* и *mu*); ея, *gegi;* ежъ или іожъ, *gez;* олень или елень, *gelen;* однажды

или единократно, *gedenkrat;* ѣзда, *gizda;* ѣду, *gedu;* ѣмъ, *gim,* и проч.

У выражается иногда буквою *u:* мудрецъ, *mudrec;* муха, *mucha;* мужъ, *muz;* иногда буквами *au:* дубокъ, *daubok;* дубрава, *daubrawa;* гаснуть, *hasnauti;* пущеніе крови, *pausstenj krwe,* и проч. иногда буквою *v:* уступъ, *vstup;* усиліе, *vsyli;* утѣха, *vtecha;* усыпать, *vsypati;* утрата, *vtrata,* и проч. (ю) иногда буквами *gi:* утро (по старинному ютро), *gitro;* юноша, *ginoch;* юношество, *ginochstwi,* и проч. (ы) иногда буквою *y:* быть, *byt;* былина, *bylina;* быкъ, *byk;* быстрый, *bystry;* мысль *mysl:* о когда бы! *oby!* и проч. Иногда буквами *au* или *ey:* дыра, *daura;* добыть, *dybeyti;* мыть, *myti* и *meyt,* и проч., (я) иногда одною буквою *a:* вязъ (дерево) *waz;* вѣять, *wati,* и проч. Иногда буквами *ga* (которыя соотвѣтствуютъ нашей *я* или *ia*): ясно, *gasno;* яма, *gama;* ягода, *gahoda;* я, *ga,* и проч. Иногда буквами *ge* или *gi:* ягненокъ, *gehnatko;* ѣсть или ясти *gisti,* и проч.

Изъ сего единаго сличенія словъ однѣхъ и тѣхъже, написанныхъ Славенскими и Латинскими буквами, видимъ уже мы немалую разность, не перемѣняющую языкъ, но препятствующую понимать оный скоро; ибо читая слова *мыть, яма, вѣять, иго,* превращенныя въ *meyt, gama, wati, gho,* не иначе можно узнать ихъ, какъ по сравненію Латинскихъ буквъ съ Славенскими, то есть употребя на то нѣкоторый трудъ и внима-

ніе. Но главная разность нарѣчій, истекающихъ изъ одного и тогоже языка состоитъ не въ различіи письменъ или азбукъ; а въ томъ, что каждое изъ нихъ своимъ образомъ, то есть по собственному своему употребленію или навыку, произноситъ, сокращаетъ, растягиваетъ слова; всегоже болѣе въ томъ, что при производствѣ изъ корня вѣтвей слѣдуетъ собственному своему соображенію и сцѣпленію понятій, опредѣляющихся употребленіемъ, какъ-то изъ слѣдующихъ замѣчаній усмотрѣть можемъ:

2е. Одно нарѣчіе продолжаетъ разнствовать отъ первобытнаго образа своего (то есть отъ языка) или отъ другаго нарѣчія измѣненіемъ гласныхъ буквъ: трость, *trest*; пепелъ *popel*; порядокъ, *poradek*; десна, *dasne*; клокотать, *klektati*, *) и проч. Иногда и согласныя измѣняются: ось, *wos*; звѣзда, *hwezda*; черешня, *tressne*; нравъ, *mraw*; хлыстъ, *klest*.

3е. Сокращеніемъ словъ: молчаливость, *mlcawost*; вергаю, *wrhu*; воркованіе, *wrkanj*; волна, *wlna*; дощечка, *desstka*; хохотъ, *checht*, и проч. Иногда сіи сокращенія или выпуски буквъ совсѣмъ затмѣваютъ корень или происхожденіе слова, какъ на примѣръ *odniti* вмѣ-

---

*) У Ломоносова сказано: *и съ сѣрою кипя клокочетъ*; а въ словѣ о полку Игоревомъ: *орлы клекчутъ*.

сто *отгнути*, *wznitise* вмѣсто *возогнитися*, т. е. возгорѣться.

4е. Растяженіемъ словъ: хладѣть, *chladnauti;* твердѣть, *twrdnauti;* мыльня, *mytedlna;* сало, *sadlo;* дикій, *diwoky;* дичина, *diwocina*, и проч. Замѣтимъ, что въ семъ послѣднемъ случаѣ не они, но мы выпускомъ буквы *в* затмили корень; ибо слово *дикій*, по старинному *дивій*, происходитъ отъ имени *диво*, и слѣдовательно изъ *дивокій* или *дивкій* (т. е. всему удивляющійся, ни къ чему не привычный) сократилось въ *дикій*, откол ѣ и слово *диковинка*, означающее больше *дивную*, нежели *дикую* вещь.

5е. Переставкою буквъ, весьма часто примѣчаемою: холмъ, *chlum;* пестръ, *perest;* долго, *dlauho;* долбить, *dlaubati;* долгъ, *dluh;* долженъ, *dlužen;* паршивѣть, *prassiweti*, и пр.

6е. Различными окончаніями, хотя вообще свойственными языку, но въ одномъ нарѣчіи больше употребительными, нежели въ другомъ: мужество, *mužnost;* милосердіе, *milosrdenstwj;* миротворецъ, *mirce;* мертвячина (трупъ), *mrcha;* затосковать, *zatesknauti;* засѣданіе, *zased;* паденіе, *pad* (хотя въ сложныхъ словахъ и мы говоримъ тоже *водопадъ*); доказательство *dokaz* или *dokazliwost*, и пр.

7е. Перемѣною предлоговъ: обвинять, *zawiniti;* обезпечить, *zbezpeciti;* побледнѣть, *zblednauti;* съумысла, *zaumysla;* сполна, *zauplna;*

по близости или вблизи, *zbljzka;* издалека, *zdalcka*, и проч.

8 е. Болѣе же всего различіемъ производства вѣтвей изъ одного и тогоже корня или слова; ибо 1 е число сихъ вѣтвей не бываетъ въ обѣихъ нарѣчіяхъ одинакое, но всегда въ одномъ больше или меньше, нежели въ другомъ. 2 е, Недостающее число вѣтвей въ одномъ нарѣчіи замѣняется въ другомъ вѣтвями отъ иныхъ корней, всегда производимыми отъ двухъ смежныхъ между собою понятій. 3, Часто вѣтви въ обѣихъ нарѣчіяхъ бываютъ составомъ буквъ и выговоромъ совершенно одинакія, но значеніемъ сходствуютъ токмо въ коренномъ, а не въ вѣтвенномъ смыслѣ. Для лучшаго объясненія сего приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ совершеннаго единства и великой разности двухъ нарѣчій, нашего и Чехскаго или Богемскаго.

Мы говоримъ *мракъ*, *мрачный*, и Богемцы тоже *mrak*, *mracny;* но они въ одинакомъ смыслѣ говорятъ *oblak* и *mracck*, а мы говоримъ токмо *облако*, не употребляя слова *мрачекъ*.

Мы говоримъ *трость*, и они съ малымъ измѣненіемъ тоже *trest;* но они произвели отъ сего имени глаголъ *trestati* (тростати, то есть наказывать, бить тростью), а мы не имѣемъ сего глагола. Они говорятъ *trcstu hodcn* (трости годенъ) т. е. наказанія достоинъ; а для насъ такое

выраженіе дико, хотя и можемъ разумѣть оное.

Мы говоримъ *рыба*, *рыбарь*, *рыбакъ*, и они тоже, или почти тоже, rybj, rybar, rybak; ихъ rybarstwj, рыбарство, и у насъ иногда употребительно въ такомъже смыслѣ, какъ рыболовство; но мы вмѣсто рыбный промыслъ, торговать рыбою, не говоримъ какъ они, *rybarenj*, *rybariti* (рыбареніе, рыбарить).

Мы говоримъ *млеко*, *млечный*, и они тоже *mleko*, *mlecny*; но мы не говоримъ, какъ они, *mlecnaty*, вмѣсто *млекоподобный*; а они не употребляютъ нашихъ словъ *молоко*, *молочный*.

Мы говоримъ *боду*, *бости* (рогами), и они тоже *bodu*, *bosti*; но мы употребляемъ прилагательное *бодливый*, говоря объ одномъ только животномъ, которое бодется рогами, а они подъ своимъ словомъ *bodlivy* разумѣютъ *колючій*, поелику *бости* и *колоть*, есть одинакое дѣйствіе. Мы говоримъ *штыкъ* (у ружья), а они *boden* (т. е. боден, чѣмъ бодутъ), поелику *бости* и *тыкать* есть тоже одинакое дѣйствіе. Мы говоримъ *точка*, а они *bodec*, по тойже причинѣ (см. въ пятой части стр. 89, примѣчаніе на сіе слово). Мы говоримъ крапива, а они *bodlak*, потому что трава сія колетъ, бодетъ.

Слово наше *хлѣбъ* и по ихъ названію *chleb*; но мы подъ именемъ *хлѣбникъ* разумѣемъ того, кто печетъ хлѣбы, а они подъ своимъ

chlebnik разумѣютъ мѣсто, гдѣ хранятся хлѣбы; хлѣбника же называютъ *chlebinar.*

Былiе, былина, былинка (трава) и по ихъ тоже *bylj, bylina, bylinka;* но торгующаго травами и кореньями мы называемъ *зеленьщикъ*, муж., *зеленьщица*, жен. (отъ зелiе или зелень) а они или *trawac, trawacka* (отъ трава), или *bylinar, bylinarka* (отъ былiе).

Мы говоримъ *пахнуть*, и они тоже *pachnuti* или *pachnauti;* но мы не называемъ худой запахъ *пахниною* (pachnina).

По нашему случай, приключенiе, судьба, предчувствiе, рукоятка (у шпаги), а по ихъ *pripad, pripadnost, osud, predcyt, rukowet* или *gilce* (т. е. яльцо, отъ глагола ять, емлю).

Мы говоримъ: тучится, дождь будетъ; а они *mraci se, bude prsseti* (т. е. мрачится, будетъ порошить).

По нашему *воръ* или *тать*, а по ихъ *kradar* (отъ краду).

По нашему *любовникъ*, а по ихъ *milovnik;* ибо кто намъ милъ, того мы и любимъ.

По нашему *глотокъ*, а по ихъ *lok* (наше отъ *глотаю*, а ихъ отъ *лакаю*.

По нашему *равнина*, а по ихъ *hladina* (отъ гладкости).

По нашему *ступа, иготь;* а по ихъ *moždir* (отъ глагола *moždíti*, можжить, которой значитъ у нихъ толочь).

Мы о человѣкѣ весьма больномъ говоримъ *полумертвый*, а они *nedomrlec* (недоумершiй).

По нашему *жилище* или *обиталище*, а по ихъ *bydlisstc* (отъ глагола *быть*).

По нашему *несозрѣлый* или *недоспѣлый*, а по ихъ *nedossly* (недошлый) и такъ далѣе.

Не рѣдко случается, что два слова изъ одинакихъ буквъ составленныя различное значатъ, поелику разные корни имѣютъ. Наше слово *подробность* происходитъ отъ глагола *дробить*, а ихъ *podrobenost* отъ глагола *robiti* соотвѣтствующаго нашему *работать*, (которой часто пріемлется въ смыслѣ чинить, служить) и потому ихъ *podrobenost* значитъ подчиненность, повиновеніе.

Наше *припасать* происходитъ отъ *пасу*; а ихъ *pripasati*, отъ *pas* (поясъ), и потому значитъ *препоясать*, и проч.

Сверхъ сего въ одномъ нарѣчіи могутъ находиться слова, въ другомъ мало или совсѣмъ неизвѣстныя, отъ того ли, что онѣ, по какому либо особому случаю, въ одно нарѣчіе вошли, а въ другое нѣтъ; или потому, что въ одномъ могли совершенно истребиться, а въ другомъ отъ древнихъ временъ сохранились. Такимъ образомъ *klid* (покой), *ssperk* (нарядъ) *smaha* (чадъ или зной, откуда глаголъ *smahnauti*, *смягнуть* т. е. сохнуть, оставшійся у насъ только въ отношеніи къ губамъ; ибо въ семъ смыслѣ говорится губы *смягнутъ*, или *осмягли*); *rotiti se* (клясться, присягать), и тому подобныя, хотя и кажутся намъ совершенно чуждыми, однакожъ

иныя въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ или народномъ языкѣ отыскиваются, какъ на примѣръ въ словѣ о полку Игоревомъ читаемъ: *смагу носячи въ пламеннѣ розѣ;* въ Священныхъ Писаніяхъ и древнихъ лѣтописяхъ находимъ также *ротà* и *ротúтися* въ томъже смыслѣ. Ежели мы такимъ образомъ станемъ вникать въ слова ихъ, разбирать откуда онѣ происходятъ, и смыслъ ихъ соглашать съ смысломъ нашихъ словъ, то рѣдкое изъ нихъ останется для насъ чуждымъ и неизвѣстнымъ.

При сравненіи такимъ образомъ одного нарѣчія съ другимъ примѣчаются два обстоятельства, первое, народъ говорящій однѣмъ нарѣчіемъ не можетъ разумѣть говорящаго другимъ. По сей причинѣ называемъ ихъ языками: Польской, Сербской, Богемской, Иллирійской языкъ и проч. Но второе, вникая въ корни и производство словъ сихъ нарѣчій, видимъ, что всѣ онѣ составляютъ одинъ и тотъже Славенской языкъ, различно употребляемый, но отнюдь не чуждый тому Славенину, кто станетъ его не по навыку слушать, а разбирать по разсудку и смежности понятій. Ибо хотя мы не скажемъ вмѣсто сборное мѣсто, *zbiradlo;* вмѣсто клятвопреступникъ, *kriwopriseznik;* вмѣсто чрезвычайный, *mimoradny;* вмѣсто поссориться съ кѣмъ, *dati se s nekym do wady*, и пр., однакоже знаемъ, что такое сбирать, криво присягать,

мимо ряду, вадить и пр., Слѣдовательно не учась Богемскому нарѣчію можемъ по собственному своему языку понимать оное.

Показавъ чрезъ сличеніе двухъ близкихъ между собою нарѣчій, что при всей своей разности составляютъ онѣ одинъ и тотъже языкъ и ссылаясь на прежнія наши разсужденія, что и всѣ языки суть не иное что, какъ меньше или больше отдаленныя нарѣчія, влекущія происхожденіе свое посредственно или непосредственно отъ первобытнаго языка, мы можемъ на томъже основаніи обратиться теперь и ко всѣмъ вообще языкамъ. Но дабы разсужденія наши для лучшей ясности подкрѣпить также примѣрами, то да не поскучитъ читатель вмѣстѣ съ нами вникнуть въ оные. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ освободить умъ изъ подъ сильной власти навыка, и дать ему волю безъ ложныхъ отъ онаго внушеній разсуждать здраво и правильно. Для сего нужны ясныя доказательства, по бóльшей части требующія самыхъ подробнѣйшихъ изслѣдованій и выводовъ. Итакъ станемъ продолжать оныя. Исчислимъ сколько нибудь признаки или слѣды единства или сходства разныхъ языковъ.

Возмемъ какое нибудь слово за первообразное, на примѣръ Славенскій глаголъ *бить*, и присовокупимъ къ нему глаголы тожъ самое значеніе имѣющіе на другихъ

языкахъ Отдѣлимъ члены и предлоги отъ корня и окончаній:

Славенск.	бит—ъ.
Англин.	*to—beat.*
или	*bat—ter.*
Франц.	*bat—tre.*
Итал.	*bat—tere* *).

Здѣсь слѣдуетъ вопросъ: всѣ сіи слова разныя ли суть, или одно и тоже слово? Разрѣшимъ сперва оный. Слова сіи по одному токмо зрѣнію и нѣкоторому не совсѣмъ одинакому произношенію можемъ мы почитать разными; ибо видимъ въ нихъ: 1е, разныя письмена; 2е, измѣненіе въ корнѣ гласныхъ буквъ; 3е, разныя окончанія. Но всѣ сіи видимыя разности не препятствуютъ разуму находить въ нихъ совершенное единство; ибо: 1е, изображенныя различнымъ образомъ письмена (какъ-то Славенское *б* и Латинское *b*) составляютъ одинъ и тотъже звукъ; 2е, измѣненіе въ корнѣ гласныхъ буквъ (какъ уже не однократно о томъ говорено) есть необходимое слѣдствіе извлекаемыхъ изъ него

*) *Для* избѣжанія излишнихъ подробностей мы ограничиваемся сими четырьмя языками; ибо естьлибъ на другихъ языкахъ и нашлись сейже корень имѣющія и тожъ значащія слова, то слѣдствія, выводимыя изъ нихъ, были бы тѣжъ самыя или симъ подобныя.

вѣтвей, нимало не разрушающее существенности корня не токмо въ разныхъ языкахъ, но даже въ одномъ и томъже всегда примѣчаемое; 3е, разныя окончанія, каждому языку свойственныя, не могутъ почитаться различіемъ, когда не перемѣняютъ въ словѣ ни кореннаго, ни вѣтвеннаго значенія его. Слѣдственно всѣ сіи разности уничтожаются, между тѣмъ какъ одинакое всѣхъ сихъ разноязычныхъ словъ значеніе показываетъ ясно, что онѣ существенную часть слова, то есть корень, имѣютъ общій.

Доказавъ такимъ образомъ, что вышеозначенныя слова, по виду разныя, но по корню и значенію одинакія, суть не иное что, какъ одно и тоже слово, доставшееся симъ четыремъ языкамъ отъ нѣкоего первобытнаго, всѣмъ имъ общаго отца, и зная притомъ, что умъ человѣческій во всѣхъ языкахъ при составленіи оныхъ дѣйствуетъ одинаково, а именно производитъ изъ корня вѣтви, слѣдовало бы изъ того заключить, что когда корень у многихъ языковъ одинъ и тотъже, то и вѣтви отъ него производимыя, яко отъ единаго понятія истекающія, должны имѣть взаимную между собою связь и сходство. Сіе заключеніе справедливо и неоспоримо; но надлежитъ знать, въ чемъ состоитъ сіе сходство, и почему такъ далеко уходитъ оно отъ нашихъ взоровъ, что при великой разности языковъ стано-

вится совсѣмъ непримѣтно. Разсмотримъ тому причины.

Вѣтви производимыя въ разныхъ языкахъ отъ общаго имъ корня и понятія, хотя коренное значеніе во всемъ своемъ поколѣніи всегда сохраняютъ, но вѣтвенное токмо иногда. Означимъ здѣсь сіи вѣтви:

Руск.	Англ.	Франц.	Итал.
бить . . .	to beat	battre	battere.
:	:	:	:
1, Битва, бой.	battle, combat, baiting.	bataille, combat.	battaglia, combattimento.
2, биться . .	to combat	combattre .	combattete.
3, боецъ, битецъ.	combatant . . .	combattant .	combattente.
4, біеніе, ...	battering, beating .	battement . .	battimento.

До сихъ поръ всѣ четыре языка составляютъ какъ бы одинъ и тотъже языкъ; ибо имѣя общій корень, ни въ чемъ по разуму или смыслу не разнятся, а различаются только приставливаніемъ къ корню свойственныхъ каждому языку наращеній, то есть предлоговъ и окончаній, которыя не могутъ безъ корня составлять никакихъ понятій, а когда присоединяются къ нему, то въ одномъ и томъже языкѣ служатъ къ извлеченію изъ кореннаго понятія разныхъ вѣтвенныхъ значеній, въ разныхъ же языкахъ могутъ при одной и тойже вѣтви быть различныя, какъ на примѣръ: мы изъ своего *бить*, приставя къ корню *бит* окончаніе *ва*, произвели вѣтвь *битва*; Англичанинъ, Французъ, Италіянецъ, сдѣлали тожъ самое, а именно къ тomуже

корню *bat* приставили окончанія *tle*, *aille*, *taglia*. Иногда чрезъ нѣкоторую перемѣну сихъ наращеній дѣлаются двѣ одинакое значеніе имѣющія вѣтви: такъ, на примѣръ, мы отъ своего *бить* произвели *битва* и *бой*, Французъ отъ своего *battre* тоже двѣ, *bataille* и *combat*; но хотя составленіе сего послѣдняго слова его и различно съ нашими, однако сіе не нарушаетъ единства языковъ, поелику частица *com* есть не иное что какъ предлогъ, соотвѣтствующій нашему *со* или *съ*: слѣдовательно Французъ (тожъ разумѣется и о другихъ языкахъ) сею вѣтвію говоритъ подобно тому, какъ бы мы вмѣсто *битва*, *бой*, говорили *собитва*, *со-бой*. Доселѣ нѣтъ никакой перемѣны въ понятіяхъ; но народы, говорящіе разными языками, не всегда, при производствѣ изъ корня вѣтвей, показываютъ такое въ мысляхъ своихъ согласіе. Итакъ пойдемъ далѣе искать въ единствѣ разности и въ разности единства.

Вѣтви, производимыя въ разныхъ языкахъ отъ общаго имъ корня, всѣ вообще сохраняютъ въ себѣ коренное понятіе ненарушимо; но какъ сіе понятіе можетъ относиться ко многимъ разнымъ вещамъ, то каждый народъ и обращаетъ оное къ собственному своему предмету, присвояя ему именно сію, а не другую какую отъ тогоже корня вѣтвь. Такъ, на примѣръ, мы отъ глагола *бить* произвели вѣтви *бичъ*, *бойница*, *при-*

бойникъ, и проч., сіи слова не имѣли бы для насъ никакого опредѣленнаго значенія, естьлибъ мы оставались токмо при коренномъ объ ономъ понятіи; ибо тогда знали бы только, что всѣми сими вещами можно бить; но какъ бить можно палкою, камнемъ, рукою, и проч., то бы мы и не знали различія между вышеозначенными вѣтвями. Итакъ для точнаго разумѣнія надлежитъ необходимо каждую изъ нихъ опредѣлить и сверхъ того употребленіемъ утвердить, разумѣя подъ словомъ *бичъ* нѣкотораго рода плѣть, которою *бьютъ*, погоняютъ лошадей; подъ словомъ *бойница* нѣкоторое мѣсто, обставленное пушками, изъ которыхъ *бьютъ* приступающаго непріятеля *), подъ словомъ *прибойникъ* нѣкоторую снасть, употребляе-

*) Часто иноязычныя отъ тогожъ корня произведенныя и тожъ самое значащія вѣтви, употребляемъ мы вмѣсто своихъ и отнимаемъ чрезъ то у собственныхъ своихъ вѣтвей силу, омрачаясь навыкомъ, что будто чужеязычная вѣтвь, одна и таже съ нашею, яснѣе и значительнѣе своей. Такимъ образомъ вмѣсто *бойница* пріучаемся говорить *батарея*, не разсуждая о томъ, что чужая вѣтвь *batterie* точно такимъ же образомъ произведена отъ ихъ *battre*, какъ наша *бойница* отъ нашего единокореннаго съ ними глагола *бить* и которая означаетъ тужъ самую вещь: слѣдовательно въ одномъ и томъже понятіи не можетъ быть ни большей ясности, ни большей значительности.

мую *для прибиванія* заряда, когда заряжаютъ пушки (а не камень или молотокъ, которымъ *прибиваютъ* гвозди; ибо въ семъ случаѣ по коренному значенію и то будетъ *прибойникъ*). Такимъ образомъ умъ человѣческій обращается отъ кореннаго къ вѣтвенному понятію; но сей переходъ отъ одного понятія къ другому не можетъ быть у всѣхъ нарсдовъ одинакій, поелику одинъ человѣкъ относитъ по нѣкоему подобію коренное понятіе къ одной, а другой по такомужъ подобію къ другой вещи или предмету. Изъ сихъ свойственныхъ человѣческому уму соображеній происходитъ, что въ извлеченіи вѣтвей на двухъ или многихъ языкахъ изъ общаго имъ корня, языки сіи отчасти совершенно между собою сходствуютъ, отчасти разнятся мало, отчасти же одинъ отъ другаго далеко уклоняются. Первое видѣли ужѐ мы изъ вышеприведеннаго нами примѣра, второе увидимъ изъ слѣдующаго: Французъ, Италіянецъ, Англичанинъ, отъ своихъ *battre, battere, beat* (бить) произвели слова̀ (или лучше сказать слово) *baton, bastone, batoon;* мы сіе слово ихъ выражаемъ вѣтвями отъ иныхъ корней (палка, дубина); но между тѣмъ и отъ общаго съ ними корня имѣемъ вѣтвь *батогъ* (въ множ. *батожье*), которая хотя не точно означаетъ ихъ *baton,* однакожъ нѣчто подобное тому, а именно тонкую палочку или прутъ, употребляемый *для битья.*

Здѣсь двумя вѣтвями выражаются почти одинакія вещи, а потому и разность языковъ не велика, но бываетъ оная гораздо болѣе. На примѣръ, Французы отъ корня своего *battre* произвели вѣтвь *debat* точно такимъже образомъ, какимъ мы отъ своего *бить* произвели слово *отбой* (ибо предлогъ ихъ *de* соотвѣтствуетъ нашему *отъ*, а коренное *bat* есть сокращеніе глагола *battre*); но ихъ *debat* не значитъ нашъ *отбой*, а значитъ *споръ*. Здѣсь изъ одного корня и одинаково произведенными въ двухъ языкахъ вѣтвями, (*debat* и *отбой*) выражаются два весьма различныя понятія; не взирая однакожъ на сіе различіе вѣтвеннаго ихъ значенія, мысль, породившая ихъ (какъ мы то видимъ въ глаголахъ *battre* и *бить*) была у насъ одна и таже. Слѣдовательно и тѣ двѣ мысли, которыя отъ сей единой родились, долженствуютъ, при всей своей разности, имѣть нѣкоторое между собою сходство: и дѣйствительно, хотя мы слова *отбой* не употребляемъ въ смыслѣ *спора*, но судя по общему соображенію вещей, конечно *споръ* есть не иное что, какъ *отбой* или отпоръ, дѣлаемый другъ другу словами. Изъ сего явствуетъ что между вѣтвями *debat* и *отбой* нѣтъ иной разности, кромѣ той, что употребленіе и навыкъ утвердили Француза подъ понятіемъ *debat* (соотвѣтствующимъ по составу своему нашему *отбой*) разумѣть

споръ; а мы, обратя наше *отбой* на иное значеніе, хотя и выражаемъ Францускую вѣтвь *debat* инокорненною вѣтвію *споръ*, однакожъ при малѣйшемъ соображеніи можемъ находить, что между дѣйствіями *биться* и *отбиваться* (откуда ихъ *debat*) и *прать* или *препираться* (откуда наше *споръ*) мало различія, поелику оба сіи дѣйствія представляютъ нѣкотораго рода битву.

Иногда вѣтвь на двухъ языкахъ изъ одного и тогоже корня извлеченная и совершенно одинакая, значитъ весьма различное *): Французъ изъ своего *battre*, и Англичанинъ изъ своего *to beat*, оба произвели вѣтвь *bat*, но Французъ разумѣетъ подъ нею рыбій хвостъ, а Англичанинъ летучую мышъ или нетопыря. Одинъ заключающееся въ глаголахъ ихъ (*battre* и *beat*) коренное понятіе (бить) обратилъ на рыбій хвостъ, потому что рыба плавая или трепещась всегда имъ *бьетъ*; а другой на летучую мышъ, потому, что она летая *бьетъ* иногда крыльями человѣка по головѣ. Сей послѣдній разумѣетъ еще подъ симъ палицу или пестъ, потому

---

*) При семъ надлежитъ всегда помнить, что когда говорится о различіи двухъ извлеченныхъ изъ одного корня вѣтвей, то подъ симъ различіемъ разумѣется вѣтвенное, а не коренное ихъ значеніе, которое не можетъ быть различно, какъ скоро корень у нихъ одинъ и тотъже.

что первою *бьютъ*, а другимъ толкутъ; ибо *бить* и *толочь* разнятся только образомъ дѣйствія, а не самымъ дѣйствіемъ.

Главное въ языкахъ несходство примѣчается въ томъ, что хотя корень у нихъ одинъ и тотъже, но число вѣтвей, производимыхъ изъ онаго, въ каждомъ языкѣ бываетъ не равное, и тогда излишнее число въ одномъ, дополняется въ другомъ вѣтвями отъ иныхъ корней. Мы, на примѣръ, отъ первообразнаго или кореннаго глагола своего *бить* произвели вѣтвь *убить*. Французъ отъ своего *battre* не произвелъ сей вѣтви, но выражаетъ ее вѣтвію отъ инаго корня *tuer;* Англичанинъ тоже *to kill;* Италіянецъ тоже *ammazzare* или *uccidere*. Отселѣ ужѐ и въ другихъ отъ сей происходящихъ вѣтвяхъ, таковыхъ какъ *убійца, убійство*, и проч., языки сіи не сходствуютъ. Разность сія бываетъ весьма велика, такъ что иной языкъ имѣетъ тысячу вѣтвей, когда другой не имѣетъ ихъ изъ тогоже корня болѣе десяти.

Но и въ сей разности должна быть нѣкая потаенная смежность понятій или связь мыслей; ибо человѣкъ не иначе даетъ названіе вещи, какъ по какому нибудь примѣченному въ ней свойству или качеству, и какъ одна и таже вещь можетъ имѣть разныя качества, то часто и называется означающими каждое изъ нихъ двумя или больше разнокорненными именами, въ которыхъ

сходство между оными не прежде можемъ мы примѣчать, какъ тогда только, когда изъ сихъ двухъ названій извѣстно будетъ коренное ихъ значеніе. Сіе обстоятельство примѣчается не токмо въ разныхъ языкахъ, но даже въ нарѣчіяхъ, и даже въ одномъ и томъже языкѣ. Мы на примѣръ нѣкоторую птичку называемъ и *ольшанка*, и *подколодникъ*, и *краснозобка*, безсомнѣнія потому, что она любитъ ольху, держится подъ колодами и красной имѣетъ зобъ. Не соединяя въ себѣ сихъ свойствъ не могла бы она быть называема тремя разными именами. Также въ одинакомъ смыслѣ говоримъ *супругъ* и *сожитель*, *орать* и *пахать*, и проч. Не прибѣгая къ разсмотрѣнію кореннаго значенія сихъ словъ, мы не можемъ знать причины, по какой разумѣемъ подъ ними одно и тоже. Но разсуждая, что *супругъ* происходитъ отъ *сопрягаю*, а сожитель отъ *сожительствую*, т. е. вмѣстѣ живу съ кѣмъ либо, и притомъ вѣдая, что сопрягающіеся бракомъ обыкновенно живутъ вмѣстѣ, удобно понимаемъ, почему *супругъ* и *сожитель* имѣютъ одинакое значеніе. Равнымъ образомъ когда вникнемъ, что *орать* происходитъ отъ глагола *рыть* а *пахать* отъ глагола *пхать*, и когда притомъ сообразимъ, что землю не льзя иначе *рыть*, какъ *пханіемъ* въ нее какого либо орудія, тогда почувствуемъ, или увидимъ ясно, что *орать* и *пахать*, не взирая на происхо-

жденіе свое отъ разныхъ корней, должны заключать въ себѣ одинакое, или по крайней мѣрѣ смежное понятіе. Богемецъ вмѣсто нашего слова *пощочина* говоритъ *pohlawek;* ибо ударъ по щекѣ или по головѣ есть почти одно и тоже. Нашъ *огородъ* называетъ онъ *zelnice;* ибо въ огородахъ обыкновенно растетъ *зеліе* или *зелень*, т. е. травы и овощи. Хотя сіи Богемскія слова произведены отъ иныхъ корней съ нашими, и потому ихъ названія у насъ, а наши у нихъ неупотребительны, однакожъ мы не можемъ сихъ словъ ихъ почитать совершенно для насъ чуждыми, поелику онѣ произведены отъ нашихъ словъ *глава*, *зеліе*. Равнымъ образомъ надлежитъ разсуждать и о тѣхъ языкахъ, въ которыхъ мы, не взирая на великую ихъ отъ нашего языка отдаленность, многія свои слова примѣчаемъ. Хотя бы Французъ изъ своего *battre* (бить), сдѣлавъ *abattre* (сбить) и не всегда употреблялъ сей послѣдній глаголъ согласно съ нами; ибо онъ, на примѣръ, говоритъ: *le vent s'abat* (вѣтръ *сбиваетъ* себя), чего мы не говоримъ вмѣсто *стихаетъ;* однакожъ сіе не мѣшаетъ намъ проницать точную мысль его, поелику за дѣйствіемъ *сбиванія* естественно слѣдуетъ *паденіе* или *уменьшеніе* (сбить яблоко съ дерева, сбить чью гордость, и проч.) Итакъ мы, не взирая на обыкновенное для насъ выраженіе (le vent s'abat), можемъ по собственному нашему

единокорненному съ нимъ глаголу *сбиваетъ себя*, чувствовать, что Французъ могъ употребить оный въ смыслѣ паденія, уменьшенія, стиханія. Такимъ образомъ и о всякой вѣтви его разсуждать и соглашать съ нашею можемъ. Онъ, на примѣръ, говоритъ *le battant d'une cloche;* мы слова его *battant,* происходящаго отъ глагола *battre* и соотвѣтствующаго нашему *битокъ* или *біющій*, не употребляемъ для выраженія означаемой имъ вещи, но называемъ оную языкъ (у колокола); однакожъ не смотря на сію разность названій, можемъ удобно понимать, что онъ потому языкъ у колокола, или висящій у дверей молотокъ (ибо слово его имѣетъ оба сіи значенія), называетъ *battant* (битокъ), что тѣмъ и другимъ *бьютъ*, однимъ въ колоколъ, а другимъ въ дверь, дабы живущіе въ домѣ услышали стукъ. Французъ наше слово *колоколъ* называетъ похожимъ на оное словомъ *cloche*, Нѣмецъ тоже *gloke* *), Италіянецъ, не похожимъ *campana,* Англичанинъ совсѣмъ не похожимъ *bell.* Но откуду сей послѣдній произвелъ

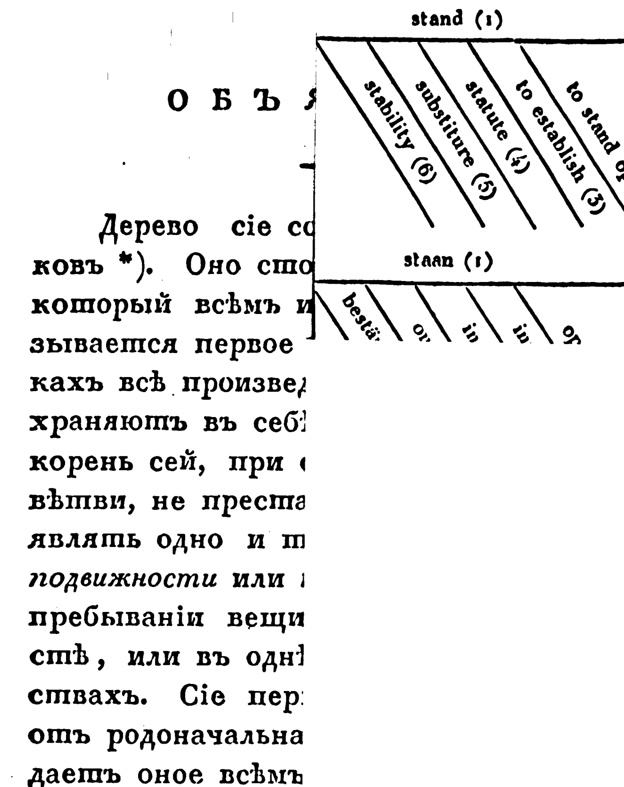
---

*) *Clo* и *glo* могутъ легко быть сокращеніемъ изъ коло, отколѣ могло произойти слово *колоколъ* потому ли, что онъ имѣетъ круглое, подобное колесу или колу основаніе, или по *окольности* т. е. окрестности раздающагося отъ него звука, или наконецъ потому что въ него *колотятъ*, бьютъ языкомъ.

слово свое? отъ глагола *to beat.* Итакъ опять, не смотря на разность словъ *колоколъ* и *bell,* мы можемъ чувствовать, что онъ подъ словомъ своимъ (bell) разумѣетъ такую вещь, въ которую *бьютъ.* Мы отъ нашего *бить* произвели подобнуюже вѣпвь, означающую вещь, не сходную съ образомъ и веществомъ колокола, но сходную съ употребленіемъ онаго, а именно повѣшенную доску, въ которую бутошники *бьютъ* часы, и называютъ оную *било.* Не видимъ ли здѣсь, что *bell* и *било* сближаются и происхожденіемъ, и звукомъ, и значеніемъ? — Возмемъ еще нѣсколько Англинскихъ словъ: *beat flat,* сплюскивать, собственноже *бить плоско;* но чтожъ иное значитъ *сплюскивать,* какъ не бить по чему нибудь выпуклому, доколѣ оное не сдѣлается плоскостію? *beat down,* низвергать, собственноже *бить долу;* но чтожъ иное низвергать, какъ не толкать или бить или сбивать что нибудь возвышающееся, дабы оное легло, упало на землю? *beat to powder,* истолочь мелко, собственноже *бить до пыли;* не всякой ли чувствуетъ, что *истолочь мелко* есть не иное что, какъ *бить до пыли,* не взирая на неупотребительность сего выраженія въ нашемъ языкѣ? Возмемъ еще нѣсколько Италіянскихъ словъ: battersi и по нашему *биться; batter l'ore* и по нашему *бить часы;* но *batter l'ali* (бить крыльями), *batter gli occhi* (бить очами) мы хотя не говоримъ вмѣсто летѣть, мигать;

однакожъ не взирая на неупотребительность сихъ выраженій, чувствуемъ, что *бить крыльями* есть тоже что *летѣть*, *бить очами* есть тоже что *мигать*.

Мы привели здѣсь примѣры единозначенія разноязычныхъ вѣтвей изъ одного только глагола *бить*; но какой бы ни взяли корень, тожъ самое сходство находить будемъ, какъ уже о томъ и прежде разсуждали (см. сравненіе словъ иностранныхъ съ нашими въ пятой части сего полнаго Собранія Сочиненій и Переводовъ стран. 406 подъ корнемъ *видѣть*, и въ шестой части стран. 9, подъ корнемъ *малый*). Естьли и здѣсь возмемъ еще сколько нибудь корней, на примѣръ *ст* въ глаголѣ *стоять* (стою), или *стр* въ глаголѣ *стрю* (простираю), или *клн* въ глаголѣ *клоню*, и пр., и приведемъ отъ нихъ на разныхъ языкахъ вѣтви, то увидимъ, что всѣ оныя отъ одного коренного понятія проистекаютъ, и слѣдственно всѣ имѣютъ одно и тоже коренное значеніе. Мы хотя бы могли показать многіе изъ нихъ, но для избѣжанія излишества довольствуемся показаніемъ здѣсь одного токмо корня *ст*, составя на немъ нижеслѣдующее дерево, и присовокупя къ оному нѣкоторыя нужныя объясненія.

О Б Ъ Я

Дерево сіе со
ковъ *). Оно сто
который всѣмъ и
зывается первое
кахъ всѣ произве
хранятъ въ себ
корень сей, при
вѣтви, не преста
являть одно и т
подвижности или
пребываніи вещи
стѣ, или въ одн
ствахъ. Сіе пер
отъ родоначальна
даетъ оное всѣмъ
вямъ **). Мы для

---

*) Можно бы
какъ и число вѣтв
кое многовѣтвенно
шемъ языкѣ може
словъ) было бы чр
удовольствовались
малымъ образчиком
кожъ довольно яв
почерпали мысли и составляли языки свои изъ одного и тогоже источника.

**) Всѣ тѣ имена и глаголы, отъ которыхъ, какъ потомки отъ праотца, расплодились колѣна

чили здѣсь отъ каждаго языка по нѣскольку вѣтвей (а именно по 12ти), но естьли бы означить и всѣ, сколько каждый языкъ произвелъ ихъ отъ сего корня, то какъ бы ни велико было число ихъ, и сколь бы вѣтвенное (т. е. окончаніями и предлогами опредѣляемое) значеніе ихъ ни было различно, однако тѣжъ самыя коренныя буквы, и слѣдственно тожъ самое коренное или первоначальное понятіе *о неподвижности*, во всѣхъ оныхъ пребывало бы непреложно. Сіе есть истинное основаніе сродства языковъ, показующее несомнѣнное происхожденіе ихъ отъ одного начала, то есть отъ первобытнаго языка, и открывающее намъ слѣды ума человѣческаго, хотя въ каждомъ языкѣ при

и вѣтви, могутъ называться *родоначальными*, поелику суть отцы семействъ. Но какъ всякое безпредложное слово состоитъ изъ двухъ частей, а именно изъ корня и окончанія, и какъ при всѣхъ происходящихъ отъ одного и тогоже родоначальнаго слова вѣтвяхъ, первая часть, то есть корень, остается непоколебимымъ, а последняя, то есть, окончаніе, при каждой вѣтви перемѣняется; то и выходитъ изъ того непремѣнное слѣдствіе, что понятіе, изъявляемое родоначальнымъ словомъ, переносится къ корню онаго, или (что тожъ самое) къ коренным буквамъ, и что безъ всякаго нарушенія смысла можемъ говорить: имена: *столбъ, стойло, постоянство, и проч.*, *происходятъ отъ глагола стоять*, или (что тожъ самое) *суть вѣтви корня ст.*

размноженіи онаго различно дѣйствовавшаго, но всегда на основаніи порядка и непрерывной цѣпи соображеній. Посмотримъ сначала, какимъ образомъ умъ сей въ составленіи нашего языка дѣйствовалъ. Славенинъ, получа единожды чрезъ глаголъ *стоять* понятіе *о неподвижности*, сталъ, смотря по надобности словъ для объясненія мыслей своихъ, сперва разнообразить сіе понятіе приставливаніемъ къ корню разныхъ окончаній: *стоять*, *стать*, *ставить*, *становить*, *стояніе*, *стоянка*, *стойкость*, *и проч*. Потомъ присовокупленіемъ предлоговъ распространять сіе разнообразіе еще болѣе: *настать*, *устать*, *наставить*, *поставить*, *постановить*, *постоянство*, *пристойность*, *состояніе*, *пристань*, *уставъ*, *и проч*. Потомъ тожъ самое понятіе относить къ вещамъ, которыя по существу своему неподвижны: *столъ*, *столбъ*, *стебль*, *стогъ*, *стѣна*, *ступень*, *и проч*. Потомъ относить оное и къ тѣмъ предметамъ, которые хотя суть умственные, однакоже по примѣчаніямъ его совмѣщаютъ въ себѣ понятіе о неподвижности. Таковы, на примѣръ суть: *стынь*, *стужа*, *стыдъ*, *настъ*, *постъ*, *старость*, и пр. Всѣ сіи слова показываютъ, что онѣ произведены отъ понятія *стоять*; ибо *стыть*, говоря о жидкости, есть не иное что, какъ сгущаться, твердѣть, и слѣдовательно изъ состоянія подвижности, уступчивости, переходить въ состояніе стойкости, неподвиж-

ности: вода, кровь *стынетъ*, есть тоже, что *останавливается*, замерзаетъ. *Стужа* есть причина дѣйствія выражаемаго глаголомъ *стыну*. — *Стыдъ* или *студъ* есть чувствованіе, изъявляющееся кратковременною *остановкою* крови, кинувшейся отъ сердца къ лицу *). Другое, подобное же *стыду* или *стыдливости* чувствованіе называется отъ тогоже корня именемъ, *застенчивость*. — *Настъ* есть имя, произведенное отъ глагола *стыну*, *настываю*. — *Постъ* тоже отъ глагола *постановляю*. — Слово *старость* по всей вѣроятности составлено изъ двухъ корней *ст* и *ар*, изъ которыхъ первый принадлежитъ слову *останавливаюсь* или *престаю*, а второй слову *ярость*, означающему (какъ-то изъ многихъ вѣщей видѣть можно) жизнь, силу, огонь, свойственныя юности, и которыя съ умноженіемъ лѣтъ уменьшаются, *стынутъ*, *престаютъ* быть.

Во всѣхъ языкахъ умъ человѣческій тѣмиже средствами дѣйствуетъ, и въ семъ дѣйствованіи его, разсматривая извлекаемыя изъ корня вѣтви, не льзя усумниться; ибо

*) Слово *стыдъ*, писавшееся прежде *студъ*, кажется непосредственно происходитъ отъ *студеность*, *стужа*; но сіе не препятствуетъ ему происходить и отъ родоначальнаго глагола *стоять*, поелику *стыть* и *стужа* отъ негоже происходятъ.

въ каждомъ языкѣ представляются многі
семейства словъ, и въ каждомъ семействѣ
оное примѣчается. Мы изображаемъ сі
семейства деревьями, и въ составленном
нами вышеозначенномъ деревѣ помѣстил
однѣ токмо такія вѣтви, которыя въ каж
домъ языкѣ при одинакомъ корнѣ имѣют
и вѣтвенное значеніе одинакое, или почт
одинакое, и сіе соотвѣтствіе ихъ означил
числами 1, 2, 3, и проч. Въ семъ дерев
можемъ видѣть, что каждый языкъ изъ об
щаго всѣмъ имъ корня производитъ вѣтв
одинакимъ способомъ, а именно: къ одном
и томуже корню приставляетъ свои нара
щенія, то есть предлоги и окончанія. Такъ
на примѣръ, Славянинъ, приставя къ корн
ст окончаніе *оять*, произвелъ глаголъ *сто
ять* (вѣтвь 1 я) *), означающій, говоря
человѣкѣ или животномъ, *быть на ногах
неподвижно*, а говоря о другихъ вещахъ
не имѣющихъ ногъ, *пребывать на одном*

*) Мы беремъ здѣсь одно только неопредѣленное наклоненіе глагола; ибо такимъже образомъ для различенія лицъ и временъ приставляются во всякомъ языкѣ къ томуже корню разныя окончанія: въ нашемъ *стою*, *стоишь* *стоитъ*, *стоялъ*, и проч. Въ Нѣмецкомъ *stehe* *stehest*, *stehet*, *stand*, и проч. Въ Италіянском *sto*, *stai*, *sta*, *stava*, и проч. Тожъ самое дѣлается и въ другихъ языкахъ.

мѣстѣ. Латинецъ, Италіянецъ, Нѣмецъ, Датчанинъ, Голанецъ, Англичанинъ, приставя къ томуже корню *ST* окончанія (каждой свое): *are, chen, aac, aan, and,* произвели глаголы: *stare, stehen, staae, staan, stand,* которые всѣ значатъ одно и тоже, что Славенскій или Рускій *стоять*. Сіе обстоятельство доказываетъ ясно, что всѣ они говорятъ тѣмъ языкомъ, какимъ говорилъ отдаленнѣйшій народъ, общій ихъ праотецъ; ибо всѣ сіи разныхъ языковъ вѣтви можно почитать одною и тоюже, поелику всѣ имѣютъ одинъ и тотъже корень, одно и тоже понятіе изъявляющій, и хотя разнятся окончаніями, но окончанія (какъ уже многократно говорено) суть наращенія, не имѣющія безъ корня никакого значенія. Всѣ прочія вѣтви, на всѣхъ языкахъ, какъ изображенныя, такъ и неизображенныя въ семъ деревѣ, производятся на томъже основаніи, то есть во всякой вѣтви сохраняется корень *ST*, показующій при особомъ ея вѣтвенномъ значеніи купно и коренное или главное понятіе о *неподвижности* *).

---

*) Естьли въ какомъ словѣ корень или коренныя буквы *ст* не изъявляютъ понятія о *неподвижности*, то надлежитъ полагать тому двѣ причины: 1 е, что слово сіе произведено отъ инаго корня. Такъ, на примѣръ, въ нашемъ языкѣ

Показавъ такимъ образомъ основаніе, на какомъ утверждается единство или сродство языковъ, нужно также, хотя отчасти, показать и причины, по которымъ они, а особливо отдаленные, такъ много между собою разнствуютъ, что сходство ихъ не иначе примѣчается, какъ чрезъ прилѣжное вниканіе въ ихъ начальное происхожденіе. Причины сіи многочисленны и требуютъ многихъ мелочныхъ изслѣдованій, безъ которыхъ однакожъ не льзя въ употребляемыхъ разными народами словахъ ви-

---

струя, струна, страна, и проч., хотя и вмѣщаютъ въ себѣ буквы *ст*, однакожъ происходятъ не отъ глагола *стою*, но отъ глагола *стру* (простираю). 2е, Что понятіе о *неподвижности* можетъ иногда исчезать въ вѣтвенномъ, но не исчезаетъ въ коренномъ значеніи. Такъ, напримѣръ въ глаголѣ повелительнаго наклоненія, *ступай*, скорѣе представляется намъ понятіе о движеніи, нежели о неподвижности; однакожъ собственно, по коренному смыслу, значитъ онъ *останавливайся на стопѣ* (т. е. на подошвѣ ноги); но какъ сія кратковременная *остановка* или *пребываніе на стопѣ* въ сравненіи съ движеніемъ человѣка не чувствительна, то въ семъ соединеніи двухъ противныхъ между собою дѣйствій одно изъ нихъ затмѣваетъ другое, такъ что мы подъ глаголомъ *ступай!* разумѣемъ болѣе *иди*, нежели *останавливайся*. Мы говоримъ здѣсь о своемъ языкѣ, но тожъ самое или подобное тому можемъ примѣчать и въ другихъ языкахъ.

дѣть различіе умозаключеній, истекающихъ изъ одной и тойже мысли. Мы уже много сдѣлали подобныхъ замѣчаній, но прибавленіе къ нимъ еще новыхъ не почитаемъ за излишнее; ибо малость о томъ писаній, въ которыхъ бы сіе объяснено было, необходимо того требуетъ *).

---

*) Во всѣ времена о наукѣ словопроизводства являлись разные толки, и хотя поставлена она въ число грамматическихъ частей, и есть самонужнѣйшая, поелику разсуждаетъ о началахъ языка, открывающихъ весь его составъ, разумъ и силу; однакоже оставалась всегда неприкосновенною и невоздѣланною. Отселѣ происходитъ, что многіе, довольствуясь однимъ навыкомъ употребленія словъ, почитаютъ ее не надобною, а другіе даже и смѣшною, заключая то изъ нѣкоторыхъ нелѣпыхъ словотолкованій, утверждающихъ, напримѣръ, что иностранное слово *кабинетъ* происходитъ отъ Рускихъ словъ *кабы нѣтъ*, потому что хозяинъ дома обыкновенно въ сей комнатѣ уединяется, и словно *какъ бы его не было* въ домѣ. Подобныя симъ толкованія, основанныя на одномъ сходствѣ звука, похожи на переводъ Италіянскаго стиха: *placa gli sdegni tuoi*, плакали деньги твои, или Французскаго: *oublions jusqu'à la trace*, оболыдмъ жосткой матрасъ. Онѣ хороши для шутокъ и смѣха; но я не знаю, которое невѣжество больше, то ли, которое въ самомъ дѣлѣ принимаетъ ихъ за правду, или то, которое по нимъ заключаетъ о безполезности науки, просвѣщающей умъ человѣческій разгнаніемъ мрака словъ.

Безсомнѣнія творцами первобытна
языка были двѣ данныя человѣку способ
ности: чувства и умъ. Сперва чувства
таковыя, какъ радость, страхъ, удивлені
исторгли изъ него восклицанія: *а*, *о*, *у*,
проч. Потомъ сіи гласныя буквы сталъ о
соединять съ согласными: *ба*, *да*, *ма*, *н*
та, *ох*, *ух*, и проч. Потомъ изъ повторен
или сочетанія сихъ слоговъ составля
родственныя и другія имена, какія и п
нынѣ слышимъ: *баба*, *дядя*, *мама*, *нян*
тятя, *охать*, *хохотъ*, *ухо*, *слухъ*, *духъ*, и п
(см. въ пятой части сего полнаго Собран
Сочиненій и Переводовъ статью I стр. 29
Сверхъ сего подражалъ онъ природѣ: пти
криками своими научили его называть их
кукушка, *грачъ*, *крякуша*, *гусь*, *кокошь*, и о
начать голоса ихъ звукоподражательны
ихъ голосамъ глаголами: *кукуетъ*, *граетъ*
крякаетъ, *гогочетъ*, *квокчетъ*, (вмѣсто к
кочетъ), и пр. Разныя слышимыя имъ дѣ
ствія въ природѣ такимъже образомъ н
ставили его произносить: *гремитъ*, *стучит*
трещитъ, *храпитъ*, *шипитъ*, *сапитъ*, *гл*
таетъ, и пр. *); ибо каждое изъ сихъ дѣ
ствій сими звуками въ слухъ его ударяло.

*) Сличая Французскія слова *glougloter* (кр
чать какъ индѣйской пѣтухъ), *glouglou* (шум
какой дѣлаетъ пиво или вино, когда человѣ

Когда такимъ образомъ посредствомъ чувствъ своихъ составилъ онъ многія слова, тогда умъ его чрезъ уподобленіе однихъ вещей съ другими сталъ изобрѣтать новыя названія. На примѣръ, назвавъ звукоподражательно тяжелое во время сна дыханіе *сапитъ*, отселѣ же состояніе, въ которомъ сіе дыханіе совершается, назвалъ онъ съ малымъ измѣненіемъ *спитъ*. Иногда къ дышанію сему присовокупляется нѣкоторая въ горлѣ игра, которую также, подражая звуку ея, наименовалъ онъ (подразумѣвая нѣкоторыя малыя въ томъ различія) *хрипѣть*, *храпѣть*, *храпать*, и произвелъ отъ перваго вѣтви: *хрипунъ*, *хрычъ*, *хрычовка*, *охрипнуть*, и проч.; отъ втораго и третьяго *храпунъ*, *храпуга*, *храпокъ*, отколѣ сталъ говорить: *храпство*, *хороба*, *храбрость*, и проч. Симъ образомъ отъ одного понятія сталъ онъ переходить къ другому, смежному съ нимъ, и отъ каждаго изъ сихъ понятій производить принадлежащее къ оному семейство словъ.

пьетъ оное изъ бутылки), *glouton* (обжора), съ Рускими *глотать*, *глотокъ*, не ясно ли видимъ въ нихъ одинакое звукоподражаніе природѣ?

Изъ сего краткаго показанія, разсуждая объ одномъ нашемъ языкѣ, можемъ усматривать, какимъ образомъ оный расплодился. Но обращая сіе разсужденіе и на всѣ другіе языки тожъ самое въ нихъ примѣчаемъ, то есть, что они отъ одинакихъ началъ истекаютъ и одинакими средствами составляются и возрастаютъ, чему иначе и быть не можно, поелику всѣ народы (какъ мы ужè и прежде о томъ разсуждали) происходятъ отъ перваго народа; никто изъ нихъ не былъ созданъ особо, съ особыми гласоорудіями; всякъ заимствовалъ языкъ свой отъ отца своего и передавалъ оный сыну. Цѣпь сія никогда не прерывалась: слѣдственно тотъже перваго народа первобытный языкъ долженствовалъ непремѣнно дойти и до самыхъ послѣднѣйшихъ племенъ человѣческаго народа. Открывавшіяся въ языкахъ новыя понятія, новыми словами выражаемыя, не могутъ опровергать сего разсужденія, поелику новыя слова всегда примѣчаются быть вѣтвями старыхъ. Итакъ въ семъ смыслѣ всѣ языки можно назвать однимъ и тѣмъже языкомъ, который отъ малыхъ началъ, какъ великая рѣка отъ малаго источника, потекъ и вмѣстѣ съ народами возрасталъ и распространялся по лицу земли. Отселѣ слово *языкъ* даетъ намъ два понятія, которыхъ какъ совер-

шенное соединеніе, такъ и совершенное раздѣленіе, противно разсудку и можетъ вовлекать насъ въ ложныя умствованія и заключенія. Естьли мы всѣ языки возмемъ за одинъ, то несходство ихъ будетъ тому противурѣчить; естьли же каждый изъ нихъ возмемъ за особый языкъ, то отвергнемъ примѣчаемое изъ нихъ самихъ общее ихъ начало, разорвемъ неразрывную цѣпь постепеннаго ихъ порожденія, и вмѣсто слѣдовъ ума человѣческаго будемъ видѣть въ нихъ нѣкое слѣпое изобрѣтеніе пустыхъ звуковъ. Итакъ не отпринемъ изъ сихъ двухъ понятій ни того, ни другаго. Не станемъ утверждать, что Японской и Руской языкъ есть одинъ и тотъже; но не станемъ и то почитать за несобыточное дѣло, чтобъ въ Японскомъ и Рускомъ языкахъ могли быть слѣды, показующіе единство ихъ происхожденія. Иначе мы впадемъ въ такое же заблужденіе, какъ Японцы, которые думаютъ, что земля ихъ, изшедшая изъ глубины водъ, есть особая отъ земли другихъ народовъ. (см. путешествіе Головнина). Разность между однимъ и другимъ языкомъ, конечно, можетъ быть превеликая, не представляющая никакого сходства; но изъ того не слѣдуетъ заключить, чтобъ разумъ не могъ ничего найти въ нихъ общаго, относящагося къ первобытному языку. На-

противъ, изъ разсматриванія состава языковъ мы ясно увидимъ, что разность сія не есть особое каждымъ народомъ изобрѣтеніе словъ, но постепенное, на очевидныхъ причинахъ основанное, и слѣдственно весьма естественное измѣненіе и возрастаніе одного и тогоже языка. Онъ могъ измѣняться разными способами: 1е, произношеніемъ *); 2е, различнымъ размѣщеніемъ гласныхъ буквъ между согласными. **) 3е, пе-

*) Произношеніе дѣлается посредствомъ голосовыхъ орудій нашихъ, кои суть: губы, языкъ, небо, зубы, носъ, гортань. Каждое изъ сихъ орудій можетъ голосъ свой напрягать или ослаблять, и чрезъ то производить нѣкоторое въ немъ отличіе. Сіи отличія изъявляются письменами или буквами, и мы больше чувствуемъ ихъ зрѣніемъ, нежели слухомъ. На примѣръ *б* и *п* суть губныя, *г* и *х* гортанныя буквы. Мы на письмѣ весьма ихъ различаемъ, и зная грамматическія правила никогда не напишемъ *дупъ* вмѣсто *дубъ*, или *нохти* вмѣсто *ногти*; но естьли бы не изображали ихъ письменами, то бы въ произношеніи часто не различали. Между тѣмъ языкъ переходитъ отъ одного народа къ другому больше по изустному, нежели письменному преданію. Отселѣ непремѣнно должны послѣдовать измѣненія въ выговорѣ и письменахъ.

**) Извѣстно, что существенныя буквы въ корняхъ словъ суть согласныя, съ которыми гласныя буквы, какъ меньше существенныя, часто по произвольному употребленію соединяются и перемѣшиваются. (См. въ пятой части стр. 364, разсужденіе о гласныхъ и согласныхъ буквахъ).

реставкою буквъ *), ипакъ далѣе. Мы разсуждаемъ здѣсь только о пакихъ разностяхъ, которыя необходимо сопряжены съ выговоромъ словъ; но есть еще другія, происходящія отъ образа составленія языка, и разныхъ соображеній ума человѣческаго. Въ составленіи всякаго языка видимъ мы, что оное дѣлается посредствомъ извлеченія изъ корня вѣтвей, изъ коихъ каждая должна быть отличена отъ другой. Великое множество вѣтвей, производимыхъ изъ одного и тогоже корня, не можетъ быть иначе различаемо, какъ посредствомъ приставливанія къ нему предлоговъ и окончаній, которыя тѣмъ больше въ каждомъ языкѣ долженствуютъ быть различны, что не составляя существеннаго значенія слова, удобнѣе могутъ быть произвольными. Значеніе заключается въ корнѣ, который, по тойже причинѣ многаго извлеченія изъ него вѣтвей, иногда измѣняетъ, иногда теряетъ свои буквы, такъ что часто остается при одной согласной, и только потому примѣтенъ, что при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ и сокращеніяхъ не престаетъ изъ-

---

*) О переставкѣ буквъ мы уже неоднократно говорили. (См. въ пятой части стран. 322) о сихъ измѣненіяхъ или разностяхъ, и особенно разность XII).

являть тожъ самое, общее всѣмъ языкамъ коренное понятіе, отъ котораго каждый изъ нихъ производилъ свои вѣтви. Отселѣ происходитъ, что разноязычное дерево, стоящее на одномъ и томъже корнѣ, хотя составляетъ общее семейство словъ, но сіе семейство въ каждомъ языкѣ есть особое, какъ числомъ вѣтвей, такъ и значеніемъ оныхъ, а потому хотя вѣтви одного языка не всегда и даже рѣдко соотвѣтствуютъ вѣтвямъ другаго, однакоже видно, что всѣ оныя, во всѣхъ языкахъ, произведены отъ одного и тогоже общаго всѣмъ имъ первоначальнаго понятія или мысли, такъ что вѣтвь одного языка, въ моемъ не существующая, или иное значащая, можетъ мнѣ по единству корня столькоже быть понятна, какъ бы она была моя собственная. Латинскія слова *instabilis* (нестойкій, непостоянный), *circumstare* (обстать), *consistere* (состоять), *insistere* (настоять), и пр., точно по коренному и вѣтвенному смыслу соотвѣтствуютъ нашимъ словамъ, и потому намъ не трудно видѣть въ нихъ единство мысли. Но Латинецъ отъ своего *stare* произвелъ *interstitium* (по точности состава *междустояніе*), а я (Руской) отъ моего *стоять* не произвелъ сей вѣтви, или не разумѣю подъ нею то, что разумѣетъ Латинецъ; я называю это отъ другаго корня

словомъ *промежутокъ*. Такимъ образомъ, хотя и кажется намъ, что мы различествуемъ съ Латинцемъ, выражая одно и тоже понятіе разными словами (*interstitium* и *промежутокъ*); но когда двѣ мысли (непремѣнно долженствующія быть въ двухъ разнокорненныхъ словахъ) соединяются въ одну, то есть въ двухъ языкахъ означаютъ одинъ и тотъже предметъ, то безсомнѣнія сіи двѣ мысли должны имѣть какое нибудь между собою сходство или связь; ибо безъ того не могли бы онѣ соединяться въ семъ предметѣ. Такъ и здѣсь: Латинецъ говоритъ *междустояніе* (*interstitium*), а Руской *промежутокъ*; но *промежутокъ* и *междустояніе*, оба суть не иное что, какъ то, что между двумя предѣлами лежитъ или *стоитъ*. Распространяя сіе разсужденіе и на всѣ чужеязычныя отъ общаго съ нами корня произведенныя вѣтви, мы вездѣ сходство сіе находить будемъ. Латинское *obstaculum*, по составу *противустояніе*, а по смыслу *препятствіе* (но *препятствіе* или *препинаніе*, оба происходятъ отъ *препинаю*, а препинать иначе не можно, какъ *противустояніемъ*). *Antistitium*, по составу *предстояніе*, а по смыслу *преимущество* (но *ставить на переди* есть не иное что, какъ отдавать первенство или преимущество).

Existere *), по составу наше не употребительное *изстоять*, а по смыслу *существовать* (ибо *стоять* значитъ иногда жить, пребывать **), а предлогъ *ex* соотвѣтствуетъ нашему *изъ* или *отъ*. Слѣдовательно Латинское *изстоять*, *existere*, говоритъ: *пребывать отъ нѣкоего начала*; (но пребываніе отъ нѣкоего начала, или по Латинскому составу *изстояніе*, *existentia*, есть не иное что, какъ *существованіе*). *Superstitium*, по составу наше неупотребительное *застойство*, а по смыслу *суевѣріе* (слово составомъ своимъ весьма различное съ нашимъ, но которое однакожъ мы по единству корня, или коренной мысли, удобно понимать можемъ; ибо Латинцы въ языческія времена почитали Христіянскую мысль о *стояніи*, то есть пребываніи *за* предѣломъ жизни, *суетною вѣрою* и потому подъ словомъ *застойство*, *superstitium*, разумѣли *суевѣріе*). Такимъ образомъ всякое иностранное слово, или по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, не будутъ для насъ совершенно чужды: мы можемъ разумѣть ихъ не по сказанію отъ учителя или отысканію въ сло-

---

*) Глаголъ *existere* сокращенъ изъ *ex-sistere*, выпускомъ изъ сего послѣдняго буквы *s*.

**) И мы часто говоримъ: *гдѣ ты стоишь?* вмѣсто живешь, пребываешь.

карѣ; но по разуму въ нихъ самихъ, то есть въ составѣ ихъ или въ корнѣ заключающемуся. Различные языки, чрезъ приведеніе ихъ къ одному началу, сдѣлаются намъ извѣстнѣе, и тогда, употребляя чужеязычныя слова, таковыя, какъ *статъ* или *штатъ*, *статуя*, *статутъ*, *конституція*, *институтъ*, *станція*, *инстанція*, и проч., по крайней мѣрѣ будемъ мы знать, что оныя не составляютъ нѣкоего особеннаго преимущества тѣхъ языковъ, отъ которыхъ мы заимствуемъ ихъ, и что не льзя обвинять языкъ свой недостаткомъ оныхъ, когда другой языкъ отъ общаго съ нами корня произвелъ ихъ. Нива запускаемая и не воздѣлываемая не можетъ называться безплодною.

Замѣтимъ между тѣмъ, что не всякой языкъ для означенія одного и тогоже понятія извлекаетъ изъ общаго корня одинакую вѣтвь, но иной произвелъ ихъ двѣ или болѣе, а другой ни одной. Латинецъ, напримѣръ, выражаетъ нашу вѣтвь *стоять* двумя единокорненными вѣтвями: *stare* и *sistere* *). Французъ напротивъ не имѣетъ

---

*) Въ словѣ *sistere* частица *si* есть нѣкое свойственное языку прибавленіе къ глаголу *stare*, измѣняющее оный въ *stere*. Вѣроятно оная есть то самое, что у насъ указательное *се*. Такимъ

сего родоначальнаго глагола. Онъ выражаетъ его особымъ, ему одному свойственнымъ, отъ инаго корня словомъ *débout*. Однакожъ, не имѣя отца, имѣетъ дѣтей, то есть производныя отъ корня *ST* вѣтви, какъ то: *rester*, *consister*, *arreter*, *) и проч., въ которыхъ частицы *re*, *consi*, *arre*, суть наращенія или предлоги, а *ster* измѣненіе Латинскаго глагола *stare*. Отселѣ происходитъ, что Французъ не выражаетъ нашего глагола *стоять* единокорненною съ нами вѣтвію, но *стойкость*, *постоянство*, *разстояніе*, *стоячую воду*, и проч., называетъ тѣмиже (т. е. отъ тогоже корня) именами: *stabilité*, *constance*, *distance*, *l'eau stagnante*, *etc*. Нашему языку свойственно говорить двояко *встать* *возстать* (вѣтвь 2), напротивъ того Ла-

---

образомъ Латинское *sto* соотвѣтствуетъ нашему *стою*, а *sisto* нашему *се стою*. Сіе прибавленіе произвело у нихъ двоякія вѣтви: *constare* и *consistere* (обѣ значатъ *состоять*; но первая больше въ смыслѣ *стоять съ кѣмъ либо вмѣстѣ* или *сопребывать*); *adstare* и *adsistere*, измѣняемое для слуха въ *assistere*, собственно *пристоять* или *стоять при комъ*, разумѣя подъ симъ *помогать*.

*) Въ словѣ *arrêter*, писавшемся прежде *arrester*, какъ и нынѣ въ Италіянскомъ *arrestare*, виденъ выпускъ буквы *s*, какой во многихъ Французскихъ отъ сего корня вѣтвяхъ примѣчается: *établir* вмѣсто *éstablir* (вѣтвь 3), *état* вмѣсто *éstat* (вѣтвь 9), *étable* вмѣсто *éstable*, (вѣтвь 12) и проч.

тинской, Италіянской и Французской языки совсѣмъ не имѣютъ сей вѣтви: въ первомъ вмѣсто ее употребляется глаголъ *sorgere*, во второмъ *levarsi*, въ третьемъ *se lever* (подняться). Нѣмецъ подъ словомъ *abstand* (вѣтвь 7) хотя тоже разумѣетъ, что мы подъ своимъ *разстояніе* (или отстояніе), но онъ наше слово охотнѣе переводитъ словами *weite*, *entfernung* (далекость, отдаленіе); а Датчанинъ совсѣмъ не произвелъ сей вѣтви отъ корня *ST*, и вмѣсто оной говоритъ *immelemrum* (междумѣстіе) или *frabeliggenhed* (междулежаніе). Наше *стойло*, Латинское *stabulum*, Италіянское *stalla*, Французское *étable* (сократившееся изъ *éstable*), Нѣмецкое *stall* (вѣтвь 12), всѣ происходятъ отъ глагола *стоять* (или корня *st*), и слѣдовательно коренной смыслъ имѣютъ одинакой, то есть вообще означаютъ мѣсто, гдѣ *стоятъ* животныя; но въ вѣтвенномъ значеніи нѣсколько различествуютъ; а именно, иной (какъ то Нѣмецъ, Италіянецъ и Французъ) разумѣетъ подъ вѣтвію своею (*stall*, *stalla*, *étable*) не точно *стойло* (то есть отгороженное въ конюшнѣ для одной лошади мѣсто), но всю конюшню или всякой скотной дворъ; а то, что мы называемъ *стойло*, Италіянецъ называетъ отъ тогоже корня именемъ *posta*. Сіе сходство или единство въ началахъ, то есть въ корнѣ или коренномъ значеніи,

превращается при производствѣ изъ него вѣтвей въ великое несходство, по той причинѣ, что каждый народъ производитъ ихъ по своимъ соображеніямъ. Латинецъ отъ своего *stabulum* (стойло) произвелъ вѣтви *stabularius* (конюшій), *stabularia* (хозяйка на постояломъ дворѣ). Мы не могли произвесть сихъ вѣтвей отъ своего *стойло*, потому что кругъ значенія его тѣснѣе Латинскаго *stabulum*, которое значитъ иногда гостинницу или постоялый дворъ. Напротивъ того Латинецъ наши отъ сего корня вѣтви, таковыя какъ *ставка*, *станокъ*, *поставецъ*, и проч., объясняетъ словами отъ иныхъ корней. Сія въ языкахъ разность или уклоненіе ихъ одного отъ другаго, есть весьма естественное въ составленіи оныхъ слѣдствіе; ибо хотя общій корень *ст* (или *st*) изъявляетъ неподвижность, и во всѣхъ оныхъ сообщаетъ сіе понятіе всѣмъ произведеннымъ отъ него вѣтвямъ; но какъ многія вещи могутъ быть неподвижны, то не всякой языкъ произведенную изъ него вѣтвь обращаетъ на означеніе одного и тогожъ предмета. Мы (какъ выше упоминали) отъ глагола *стоять*, означающаго неподвижность, стали говорить: *стыть*, *стужа*, *стыдъ*, и проч.; Латинецъ для выраженія сихъ понятій употребляетъ слова отъ иныхъ

корней *); однакожъ имѣетъ и отъ сего корня вѣтви, нѣчто подобноеже означающія: слова его *stupor*, *stupefacio* (удивленіе, ужасъ), *stupiditas* (глупость), и проч., отъ тогожъ самаго понятія о *стояніи* (неподвижности) почерпнуты, какъ и наши *стынуть*, *стыдъ*, хотя совсѣмъ различное значатъ; ибо *удивленіе* или *ужасъ* есть *остановка* (оцѣпѣненіе). Нѣмецъ выражаетъ чувство сіе отъ тогоже корня словомъ *starren*, мы въ подобномъже смыслѣ говоримъ *остолбенѣть*. Равнымъ образомъ и въ словѣ *глупость* (*stupiditas*) скорѣе представляется намъ *стояніе*, медленность, неподвижность, нежели скорость или проворство. О глупомъ человѣкѣ не скажутъ: *быстръ какъ рѣка*, но обыкновенно говорятъ: *стоитъ какъ столбъ*. Изъ сего явствуетъ, что Латинецъ точно по такому же соображенію о неподвижности могъ отъ своего *stare* произвесть *stupiditas*, по какому мы отъ своего *стоять* произвели *стыть*, и проч.

---

*) Въ сихъ иныхъ корняхъ часто примѣчаются сословы: Нѣмецъ *стужу* называетъ *kälte*, *kalt*, Англичанинъ и Датчанинъ *kold*, Шведъ *köld*, Голанецъ выпустя букву *L* говоритъ *koud*. Явно, что всѣ сіи слова единокорненны съ нашимъ *хладъ*, *холодъ*. Латинское *gelidus* (хладный) вѣроятно къ семуже корню принадлежитъ. Буквы *к*, *г*, *х*, суть всѣ гортанныя, легко одна вмѣсто другой произносимыя.

Въ сличеніи языковъ надлежитъ смотрѣть въ чемъ состоитъ ихъ сходство, и въ чемъ различіе; ибо оныя часто кажутся въ превратномъ видѣ. Латинское слово *dies* (день) и Французское *jour* не имѣютъ въ буквахъ ни малѣйшаго сходства, но по происхожденію и значенію оба суть одно и тоже слово. (см. выше, стр. 33). Напротивъ того Латинское *prosto* и Руское *просто* числомъ буквъ и выговоромъ точно одинаковы, но происхожденіемъ и значеніемъ совершенно различны. Латинское происходитъ отъ глагола *sto* (стою) и значитъ *предстою*, а Руское отъ глагола *стру* (простираю) единокорненнаго съ Латинскимъ *sterno*.

Притомъ надлежитъ еще и то разбирать, что какъ вещи, такъ и дѣйствія, означающся именами и глаголами, изъ коихъ иные показываютъ совокупность, а другіе частность, или, такъ сказать, единицы, составляющія сію совокупность. *Благочестіе*, *милость*, *кротость*, *великодушіе*, и проч., разумѣются подъ общимъ именемъ *добродѣтель*. Такъ и *неподвижность*, общее состояніе вещей, можетъ многими разныхъ корней глаголами быть изъявляемо: *стоитъ*, *сидитъ*, *лежитъ*, *пребываетъ*, и проч. Въ такомъ случаѣ человѣкъ для выраженія мыслей своихъ избираетъ слово приличнѣйшее съ

естественнымъ положеніемъ вещи: дерево *стоитъ*, птица *сидитъ*, камень *лежитъ*, болѣзнь или порокъ *пребываетъ*; однакожъ въ сихъ опредѣленіяхъ своихъ не всегда наблюдаетъ онъ строгую точность, и даже иногда правильности (когда оная требуетъ излишнихъ подробностей) предпочитаетъ неправильность. Напримѣръ, правильно говоритъ: *птица сидитъ на гнѣздѣ*; но неправильно: *птица сидитъ на деревѣ*; ибо она тогда стоитъ на ногахъ. Стужа хотя не имѣетъ ногъ, однако же мы лучше и охотнѣе говоримъ: *стужа долго стоитъ*, нежели *пребываетъ*. О деревнѣ, городѣ, или тому подобномъ, съ равною ясностію можемъ сказать: *стоитъ* или *сидитъ*, или *лежитъ*, при рѣкѣ или у подошвы горы. Сіи соображенія, а особливо въ разныхъ языкахъ, не могутъ быть точно одинакія, однакожъ, какъ происходящія отъ однихъ началъ, не могутъ быть и совершенно разныя. Отысканіе общихъ корней покажетъ намъ путь къ словопроизводству, а сіе поведетъ насъ къ познанію, какъ своего, такъ и чужихъ языковъ, откроетъ существующее между ими родство, и дастъ намъ свѣтильникъ озаряющій тѣ таинства, которыя безъ того останутся сокрытыми во всегдашнемъ мракѣ. Тогда во всякомъ словѣ будемъ мы видѣть мысль, а не простой звукъ съ при-

вязаннымъ къ нему неизвѣстно почему и откуда значеніемъ. Тогда вѣрнѣе утвердятся грамматическія правила, и точнѣе составится опредѣляющій языкъ словопроизводный словарь. Тогда не будемъ мы въ немъ одно и тоже дерево, изъ одного корня возникшее, разсѣкать на многія части, пріемля вѣтви онаго за корни. Не станемъ, напримѣръ, *сморкаю* и *мокрота*, или *стою̀* и *сто́ю* (и множество подобныхъ словъ), раздѣлять, и каждое изъ нихъ почитать первообразнымъ, то есть особому корню принадлежащимъ, какъ то въ нашемъ (и подобное же сему во всѣхъ другихъ словаряхъ) доселѣ находимъ. (см. въ шестой части сего полнаго Собранія Сочиненій и Переводовъ стр. 128, статью подъ названіемъ выписокъ изъ Академическаго Словаря *). Тогда изъ

---

*) Въ словахъ *сморкаю* и *мокрота* корень очевидно одинъ и тотъже. Первое потому, что дѣйствіемъ симъ освобождаемъ мы себя отъ накопившейся въ носу мокроты, и второе, что въ коренныхъ буквахъ *мокр* и *морк* видимъ одну только переставку ихъ, которая во всѣхъ языкахъ весьма часто примѣчается. Въ глаголахъ *стою̀* и *сто́ю* видѣнъ также переходъ отъ одного понятія къ другому. Посмотримъ какимъ образомъ мысль человѣческая сдѣлала сей переходъ, изъявляемый однимъ токмо перенесеніемъ ударенія съ одной буквы на другую. Глаголъ *стать* или *стоять*, пріемля предлоги, и посредствомъ

составленія и разбора нѣкотораго числа подобныхъ вышеизображенному разноязычныхъ деревъ, могли бы мы удобнѣе усмотрѣть, что наше, и что чужое, чего досель ко вреду и стѣсненію языка своего часто не различаемъ. Покажемъ здѣсь мимоходомъ хоть одинъ тому примѣръ. Выше сего сказали мы, что отъ глагола *постановляю* произведено имя *постъ* (подобно

оныхъ разнообразя свое значеніе, произвелъ вѣтви *достать*, *состоять*, которыя стали означать, первая *получить* (ибо предлогъ *до* изъявляетъ приближеніе, прикосновеніе къ какой нибудь вещи, и слѣдственно коснуться до ней, или *стать при ней*, есть тоже, что *имѣть ее при себѣ*, или получить оную. Отселѣ подъ словомъ *достатокъ* стали разумѣть полученіе и обладаніе многими вещами). Вторая *состоять* произвела *состояніе*, то есть *стояніе* или пребываніе въ нѣкоторомъ положеніи относительно къ имуществу, здоровью, чести, или чему иному. Сія мысль породила новыя вѣтви *достояніе*, *достоинство*, изъ которыхъ подъ первою стали разумѣть вещественное, а подъ второю нравственное имущество или обладаніе какимъ либо благомъ. Такимъ образомъ глаголъ *стою́*, по произведеніи вѣтви *достоинство*, самъ, какъ бы новая рожденная отъ ней вѣтвь, измѣнился (перенесеніемъ одного токмо ударенія) въ *сто́ю*, и перешелъ отъ понятія о *неподвижности* къ понятію *цѣнности* вещей. Таковыя дѣйствія человѣческаго ума при разсмотрѣніи корней откроются намъ во многихъ своихъ и чужихъ словахъ.

тому, какъ *ростъ* отъ расту, *мостъ* отъ мощу, и проч.) Симъ образомъ общее или коренное понятіе, изъявляемое глаголомъ *постановляю*, превратили извлеченною изъ него вѣтвію *постъ* въ частное или вѣтвенное, отнеся оное имянно, опредѣлительно, къ *постановленному* или *уставленному* для сухоядєнія времени. Между тѣмъ мы употребляемъ слово *постъ* въ двоякомъ смыслѣ: 1е, въ противузначеніи съ словомъ *мясоѣдъ*, и 2е, въ значеніи стражи: *вотъ твой постъ*, то есть мѣсто, гдѣ ты пребывать долженъ. Въ семъ послѣднемъ смыслѣ почитаемъ мы оное чужеязычнымъ, взятымъ съ Французскаго *poste* или съ Нѣмецкаго *post*, и употребляемъ съ ихъ предлогами *аванпостъ* или *форпостъ*. Но на какомъ сужденіи основываясь отрицаемся мы отъ сего слова, которое есть столько же (естьли не болѣе) наше, сколько ихъ? Италіянецъ (тожъ Французъ и Нѣмецъ) отъ тогожъ корня *ST* и отъ тогожъ глагола *поставить* (*postare*) произвелъ тужъ самую вѣтвь *posto*, но обратилъ ее къ разнымъ *стоящимъ* или *поставленнымъ* предметамъ: 1е, учрежденное мѣсто, гдѣ *стоятъ* готовые лошади для проѣзжающихъ (почта), 2е, отгороженное въ конюшнѣ для *стоянія* лошади мѣсто, которое называемъ мы *стойло*. 3е, Всякое мѣсто, на которомъ *поста-*

вленъ одинъ или нѣсколько человѣкъ для охраненія чего нибудь, и проч. Итакъ видимъ, что слово сіе по началу и производству своему столькоже принадлежитъ нашему, сколько другимъ языкамъ, и естьли оно нужно намъ для означенія отводной стражи, то для чего не употреблять оное, какъ свое собственное, въ двухъ смыслахъ, говоря великой *постъ*, и передовой *постъ*, подобно тому какъ употребляемъ непріятельскій *станъ* (говоря о войскахъ) и прекрасный *станъ* (говоря о тѣлѣ человѣческомъ)? За чемъ же брать его съ Французскаго или съ Нѣмецкаго языка, и вмѣсто *передовой постъ* говорить *аванпостъ* или *форпостъ* *)? Можетъ быть нѣкоторые не охотники до подобныхъ разсужденій найдутъ ихъ слишкомъ подробными и мелочными; я не спорю, что говорить объ одномъ словѣ есть конечно мелочь въ отношеніи ко всему языку, но пусть распространятъ они сіи разсужденія на тысячи иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ

*) Замѣтимъ еще, что слово сіе языкамъ симъ больше чуждо, нежели нашему; ибо на Французскомъ нѣтъ глагола *стоять*, отъ котораго оно первоначально происходитъ; а на Нѣмецкомъ ближе подходитъ оно къ Италіянскому *postare*, нежели къ ихъ *stellen*, хотя оба сіи глагола имѣютъ одинъ корень.

языкѣ нашемъ, изъ коихъ иныя суть наши собственныя, принимаемыя за чужія; иныя безъ всякой нужды предпочитаются своимъ; иныя приводятъ въ забвеніе или обвѣтшаніе старыя наши глубокомысленнымъ умомъ произведенныя вѣтви; иныя, будучи введены въ общее употребленіе, препятствуютъ намъ обогащать языкъ свой новыми извлекаемыми изъ корней вѣтвями; иныя принуждаютъ насъ составлять изъ нихъ рѣчи намъ несвойственныя, и проч., и проч.; тогда пусть посудятъ, что лучше, мелочи ли сіи, показующія первоначальное основаніе языковъ, или отверженіе ихъ, недопускающее разсуждать о сихъ началахъ, или допускающее безъ нихъ разсуждать объ языкѣ и словесности неосновательно и ложно? Впрочемъ мы охотно повторяемъ здѣсь, что изслѣдованія наши, требующія многосложныхъ соображеній, могутъ иногда быть ошибочны, и для того приглашали и приглашаемъ всѣхъ любителей языка сообщать намъ свои замѣчанія, естьли дѣйствительно гдѣ откроется погрѣшность, или отыщется словопроизводство, или иное какое заключеніе, правдоподобнѣйшее нашего. Мы съ благодарностію оное примемъ; но должны притомъ сказать, что сіе приглашеніе и прозба наша отнюдь не относится къ тѣмъ мнимымъ въ нѣкото-

рыхъ журналахъ напечатаннымъ противъ насъ *критикамъ* *), которыя, не содержа въ себѣ никакихъ доказательствъ, доказываютъ только, что можно, послѣдуя движенію страсти своей, ничего не зная обо всемъ писать. Оставляя подобныя критики безъ всякаго вниманія и уваженія, мы станемъ для благомысленныхъ читателей продолжать примѣчанія наши, подкрѣпляемыя доводами и примѣрами.

Возмемъ еще два слова, близкія значеніями, и составимъ изъ каждаго на разныхъ языкахъ два столбца:

Первый столбецъ.

Руское	дрема (l'envie de dormir, l'assoupissement Фр. Schlummern, Нѣм.)	
Англинское	dream	сновидѣніе или сонъ въ семъ смыслѣ.
Датское	dröm	
Голландское	droom	
Нѣмецкое	traum	
Латинское	dormire	спать.
Италіянское	dormire	
Француское	dormir	

Вторый столбецъ.

Руское	сонъ	сонъ, усыпленіе.
Италіянское	sonno	
Латинское	somnus	
Француское	sommeil	
Датское	sovn	

*) См. въ журналѣ такъ называемомъ *Сынѣ Отечества* статью о пятой книжкѣ Академическихъ Извѣстій.

Италіянское . . . . sogno } сновидѣніе.
Францусское . . . . . songe }

Ясно, что каждый изъ сихъ столбцевъ содержитъ въ себѣ одно и тоже слово, разными языками съ малымъ измѣненіемъ повторяемое; и такъ Руской, Англичанинъ, Датчанинъ, Голанецъ, Нѣмецъ, Латинецъ, Италіянецъ и Французъ, восемь разныхъ народовъ (не включая другихъ), употребляютъ не восемь разныхъ, но два только слова къ выраженію двухъ дѣйствій природы *сна* и *дремоты*, столь же смежныхъ между собою, какъ единозвучіе и смыслъ сихъ двухъ каждаго столбца словъ. Могло ли бы сіе случиться, естьлибъ сіе согласіе языковъ не истекало изъ одного и тогоже источника, то есть первобытнаго языка? Слѣдовательно каждый изъ нихъ долженъ начала своего искать въ немъ; ибо всякой вещи познаніе почерпается изъ познанія началъ оной. Разность языковъ не должна приводить насъ въ отчаяніе найти въ нихъ единство, а узнавъ оное мы узнаемъ, какимъ образомъ произошла ихъ разность. Изъ вышеупомянутаго собранія словъ усматриваемъ мы, что слово первобытнаго языка, повторяемое осмью его нарѣчіями, измѣнилось 1) въ произношеніи: *дрема*, *dream*, *dröm*, *droom*, *traum*, *dormire*, *dormir* (сохраняя однакожъ во всѣхъ измѣненіяхъ

общій корень *drm*); 2) въ значеніи или смыслѣ: ибо Англичанинъ, Датчанинъ, Голанецъ и Нѣмецъ, подъ словами своими *dream, dröm, droom, traum* (сновидѣніе) разумѣютъ не точно то, что Руской подъ словомъ *дрема* или *дремота* (т. е. не настоящій сонъ, но токмо позывъ на оный) и также не точно то, что Латинецъ, Италіянецъ и Французъ подъ словами *dormire, dormir* (спать). 3) Въ смѣшеніи перваго столбца со вторымъ, по причинѣ, что они почти одно и тоже понятіе изъявляютъ. Отселѣ происходитъ, что Славенинъ по корню перваго столбца говоритъ *дремать*, а Италіянецъ и Французъ, для выраженія тогожъ самаго понятія, по корню втораго столбца *sonnecchiare, sommellier*. Англичанинъ, Датчанинъ, Голанецъ и Нѣмецъ, для означенія, дѣйствія *видѣть во снѣ* употребляютъ корень перваго столбца *dream, dröm, droom, traum*; а Руской, Италіянецъ и Французъ, втораго: *сновидѣніе, sogno, songe*. Наконецъ то, что мы выражаемъ корнемъ втораго стобца, *сонъ* и *спать*. Другіе языки выражаютъ корнями изъ обоихъ столбцовъ, какъ напримѣръ, Италіянецъ сонъ (или *спанье*) называютъ *sonno*, а *спать*, *dormire*. Томужъ самому послѣдуютъ Латинецъ, Датчанинъ и Французъ. Англичанинъ же и Нѣмецъ имѣютъ слова перваго столбца

dream, traum, а втораго совсѣмъ не имѣютъ; ибо по Англински *сонъ* называется *sleep*: или *sleepiness* *), по Голландски *slaap*, по Нѣмецки *schlaf*.

Разсматривая такимъ образомъ языки, и сличая ихъ между собою, отчасу больше будемъ видѣть ихъ сходство, и находить, что они составляютъ цѣпь нарѣчій, идущую отъ первобытнаго языка, и что самое отдаленнѣйшее изъ нихъ нарѣчіе, при величайшемъ измѣненіи своемъ, долженствуетъ однакожъ сохранять въ себѣ признаки того праотца своего (языка), отъ котораго въ корняхъ словъ получило оно сѣмена для произведенія изъ нихъ новыхъ, но изъ тогоже источника почерпаемыхъ понятій. Изъ сего разсужденія, вышеприведенными примѣрами и доказательствами утвержденнаго, слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что во всякомъ языкѣ такъ называемыя первообразныя слова, имѣющія одно вѣтвенное значеніе безъ кореннаго, не могутъ въ строгомъ смыслѣ быть таковыми, поелику образъ составленія всякаго языка противурѣчитъ тому, чтобъ могли въ немъ быть слова, не почерпнутыя

*) Едвали не отъ Славенскаго *слѣпъ, слѣпота;* по смежности понятій, что *спящій* человѣкъ никогда не бываетъ зрячій, но всегда *слѣпый.*

ни отъ какого начала. Итакъ всякое первообразное слово есть вѣтвь другаго, часто не извѣстнаго намъ, но которое, буде вовся не истребилось изъ всѣхъ нарѣчій, долженствуетъ въ которомъ нибудь изъ нихъ существовать. Обыкновенно примѣчается, что въ древнихъ языкахъ меньше первообразныхъ, и несравненно больше производныхъ словъ; въ новѣйшихъ же, составленныхъ изъ многихъ нарѣчій, видимъ противное тому.

На семъ то основаніи утверждаясь намѣрены мы разсмотрѣть многія иностранныя слова, съ тѣмъ, что ежели коренное значеніе ихъ въ тѣхъ самыхъ языкахъ не извѣстно, то не можно ли по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ, естьли не совершенно очевиднымъ образомъ, отыскать оное въ другомъ языкѣ. Мы избираемъ для сего Славенскій языкъ, не по тому, что онъ нашъ отечественный, но по тому, что онъ древній, скрывающій начало свое въ самыхъ отдаленнѣйшихъ временахъ, и слѣдовательно безсомнѣнія есть отецъ безчисленнаго множества нарѣчій и языковъ. Надѣемся, что тотъ, кто вникнетъ во всѣ вышеприведенныя нами предварительныя сужденія и доводы, найдетъ изслѣдованія наши достойными уваженія, и вообще для познанія слова человѣческаго, на коемъ основываются

всѣ науки, нужными и полезными. Для другихъ же, довольствующихся однимъ навыкомъ и употребленіемъ, не заботясь о томъ, чтобъ руководствоваться здравымъ умомъ и разсудкомъ, мы не пишемъ. Но приступимъ къ дѣлу и начнемъ съ Нѣмецкаго языка.

1. Нѣмецъ *языкъ* называетъ *zunge*, но прежде называли, и нынѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ называютъ *gezunge* (см. Аделунговъ словарь). Въ семъ словѣ буквы *ezug* ясно показываютъ близость онаго съ словомъ языкъ. Разлагая сіе Славенское слово, находимъ, что оно составлено изъ мѣстоименія *я* и имени *зыкъ*, такъ что заключаетъ въ себѣ выраженіе: *я* (есмь) *зыкъ* то есть звукъ, звонъ, голосъ, гулъ. Подъ какимъ понятіемъ можемъ мы сей гортанный удъ нашъ разумѣть приличнѣе, какъ не подъ симъ: *я есмь орудіе голоса?* и такъ Славенское не по вѣтвенному токмо или условному значенію (какъ въ другихъ языкахъ), но само собою, то есть заключающимся въ немъ разумомъ, показываетъ описуемую имъ вещь. А какъ другіе языки также не могли по произволу давать имена вещамъ, но всегда или почерпали или заимствовали ихъ отъ нѣкоего понятія, то надлежитъ, чтобъ и ихъ слова имѣли какое нибудь начало. Естьли нѣтъ онаго въ нихъ, то должны они искать его въ другомъ

языкѣ, отъ коего произошли и сохраняютъ въ себѣ больше или меньше остатки онаго. Посмотримъ теперь, не окажетъ ли Славенскій языкъ во всѣхъ прочихъ великаго участія. Возмемъ сравнительный словарь и выпишемъ изъ него, какимъ образомъ слово *языкѣ* на многихъ языкахъ называется:

По Славенски, Славено-Венгерски, Сорабски, Полабски, Малороссійски, Суздальски, языкъ называется .	языкъ.
По Иллирійски, Сербски, Вендски .	язикъ.
По Кашубски	ензикъ.
По Польски	сндзикъ.
По Богемски	гацикъ *).
По Старо-Персидски	гезус.
По Осетски	абзагъ **).
По Дугорски	афзагс
По Ассирійски	абсагъ
По Черкесъ Кабардински	бзекъ.
По Germански	цунге.
По Тевтонски	цунгунъ.
По Цимбрски	цунгъ.
По Фризски и Нижне-Германски .	тунгъ.

*) Хотя Богемцы и пишутъ *gazik*, но мы выше сего видѣли, что они *g* произносятъ какъ наше *и*, а *z* какъ *з* или *ц*: слѣдовательно ихъ *gazik* написанный иначе будетъ *іазикѣ* или *язикѣ*.

**) Слова сіи хотя и не показываютъ въ себѣ толь явныхъ слѣдовъ къ заключенію о единствѣ ихъ съ вышеозначенными, однакожъ ежели мы отъ *абзакѣ* отнимемъ *б*, то *азагѣ* подойдетъ близко къ *языкѣ*.

По Датски и Англо-Саксонски . . тунге.
По Исландски и Шведски . . . . . тунга.
По Голландски и Англински . . тонгъ.
По Готтійски . . . . тугго.

Сіи послѣднія слова далеко отошли отъ нашего *языкъ*, но онѣ очевидно суть измѣненія Нѣмецкаго *цунге*, которое, какъ мы выше сего видѣли, сходствуетъ съ нашимъ. Главную разность его составляетъ вмѣшанная въ него посторонняя буква *н* (или по ихъ *n*); но оная есть не иное что, какъ произношеніе въ носъ подобное тому, какъ Поляки вмѣсто *рука*, *рубачъ* говорятъ *ренка*, *ренбачъ* (Ręka, Rębacz). Такимъ образомъ видимъ мы здѣсь 30 языковъ или нарѣчій, повторяющихъ съ малыми и весьма примѣтными измѣненіями тожъ самое имя, имѣющее коренное значеніе свое въ одномъ токмо Славенскомъ языкѣ. Но посмотримъ, какъ далѣе называется слово *языкъ*:

По Эллински и Ново-Гречески . . глосса.
По Кубачински . . . . госъ *).

Сіе Греческое названіе совершенно сходствуетъ съ нашимъ *гласъ*, или *голосъ*. Слѣдственно долженствуетъ быть Славенское, отнесенное къ понятію о *языкѣ* (членѣ во

---

*) Въ семъ словѣ очевидно выпущена буква *л*.

рту), поелику членъ сей есть равно орудіе *зыка* или *голоса*. Но пойдемъ еще далѣе:

По Персидски		зубанъ, зубунишъ.
По Бухарски		зюбанъ, тиль.
По Курдски		себанъ.
По Индѣйски въ Мультанѣ:	.	джубанъ.
По Индостански	въ Бенгалѣ:	джибъ.
	въ Деканѣ:	жибу.
По Авгински		жиба.
По Балабански		шиба.

Названія сіи сходствуютъ съ нашимъ словомъ *зубы*, и какъ перенесеніе однихъ понятій къ другимъ, смежнымъ съ ними, вездѣ примѣчается, то и могутъ наше *языкъ*, Греческое *глосса* и Персидское *зубанъ* или *зубанишъ*, всѣ три легко быть Славенскими, поелику сей членъ во рту нашемъ столько же есть орудіе *зыка*, сколько *голоса* и *зубовъ*. Выше сего видѣли мы, что по старо-Персидски сходственно съ Славенскимъ *языкъ* называли *гезуе*, а здѣсь видимъ, что онъ по ново-Персидски тоже сходственно съ Славенскимъ словомъ *зубы* называется *зубанъ*. Итакъ въ одномъ и томъже языкѣ Персидскомъ было два названія, оба звукомъ Славенскія, и оба по Славенскому значенію приличны той вещи, которая ими описуется; ибо мы даже безъ всякаго употребленія и навыка подъ словомъ *зубникъ* можемъ разумѣть *языкъ*, яко орудіе зубовъ. Можно

противъ сего сдѣлать возраженіе, что по Славенскимъ словамъ *голосъ*, *зубъ* не льзя относить изъявляемыхъ ими понятій къ Греческому *глосса*, или Персидскому *зубанъ*, потому, что голосъ не называется по Гречески *голосъ*, ниже зубъ по Персидски *зубъ*, и что слѣдственно ни Грекъ, ни Персіянинъ, не могли сими Славенскими понятіями руководствоваться къ разумѣнію подъ ними *языка*. Возраженіе сіе хотя и кажется справедливымъ, однакожъ оно ни мало не служитъ къ опровершенію нашихъ доказательствъ, но напротивъ еще болѣе подтверждаетъ ихъ; ибо ежели бы слово *гласъ* (или по Греческому произношенію *глосса*), доставшееся, какъ думать должно Славянамъ и Грекамъ отъ первобытнаго языка, осталось и у Грековъ въ такомъ же значеніи, какъ у Славянъ, тогда и не могло бы оно имѣть другаго значенія; но какъ то, что называемъ мы *гласъ* или *голосъ* называютъ они *φωνή* (сходственно съ нашимъ *звонъ*, Италіянскимъ *suono*, Францускимъ *son* и проч.); слѣдственно, имѣя уже сему предмету опредѣленное названіе, имя *глосса* (или гласъ) долженствовало у нихъ, какъ не надобное, или истребиться, или обращено быть на другое смежное съ симъ понятіе, таковое какъ *языкъ*. Тожъ можемъ сказать и о Персидскомъ словѣ *зубанъ* или

зубунишъ. Впрочемъ подобный сему въ одномъ и томъже словѣ переходъ отъ одного понятія къ другому, смежному съ нимъ, примѣчается во всѣхъ нарѣчіяхъ и языкахъ, какъ мы то уже неоднократно видѣли. Далѣе *языкъ* называется:

По Пеельски . . . гyoбія, гозуанъ.

Изъ сихъ двухъ одну и туже вещь выражающихъ названій можемъ видѣть, что второе *гозуанъ*, хотя и много различествуетъ съ Славенскимъ *языкъ*, однакожъ буквы *азуг*, какъ ни перемѣшаны въ немъ, но еще составляютъ немалое сходство; а второе *гуобія* очевидно есть Славенское *губы*, отнесенное, такимъже какъ и въ другихъ языкахъ образомъ, къ разумѣнію подъ нимъ орудія губъ, то есть *языка.* Наконецъ далѣе *языкъ* называется:

По Арабски . . . лизаанъ, лезанъ.
По Сирійски . . . лешонъ.
По Еврейски . . . лашонъ.
По Халдейски . . лишну.
По Карасински . . лакша.

Сличая слова сіи съ Рускимъ *лизать*, Француским *lécher* Италіянскимъ *leccare*, Нѣмецкимъ *lecken*, которыя всѣ четыре означаютъ дѣйствіе производимое языкомъ, не ясно ли видно, что одно и тоже слово, съ нѣкото-

*

рыми измѣненіями въ произношеніи, служило у разныхъ народовъ, заимствовавшихъ оное отъ общаго имъ предка, къ изъявленію одного и тогоже дѣйствія? Карасинское *лакша*, при сличеніи онаго съ нашимъ глаголомъ *лакать*, означающимъ подобное же дѣйствіе языка, тожъ самое подтверждаетъ. Мы пріемля сей кусокъ тѣла во рту нашемъ за орудіе *звука* или *зыка*, назвали оный языкъ; но ежели бы взяли оный за орудіе *голоса*, или *зубовъ* или *губъ*, то есть когда бы отъ сихъ предметовъ произвели имя онаго, то назвали бы его, какъ Греки, *голосникомъ* (глосса), или какъ Персіяне *зубникомъ* (зубанъ), или какъ Пеельцы *губникомъ* (гуобія). Равнымъ образомъ когда бы произвели имя онаго отъ глаголовъ *лизать*, *лакать* то назвали бы его, какъ Арабы, *лизуномъ* (лизаанъ), или какъ Карасинцы *лакшою* (лакша).

Изъ разсмотрѣнія сего одного слова можемъ мы видѣть, сколь многимъ народамъ Славенскій языкъ кажется быть общимъ, поелику всѣ употребляемыя ими названія слову *языкъ* находимъ въ нашемъ *языкѣ*, и какъ еще находимъ? такъ что всѣ онѣ совершенно приличествуютъ той вещи, которая ими называется. Я говорю, мы разсмотрѣли здѣсь одно только слово, но ежели бы и многія подобныя изслѣдованія сдѣлали, то нашли бы и во всѣхъ тожъ самое. Итакъ какимъ образомъ, видя повсюду слѣды Славен-

скаго языка, усумниться, что онъ не есть самый древнѣйшій? и не должны ли другіе языки прибѣгать къ нему для отыскиванія въ немъ первыхъ своихъ началъ?

II. Возмемъ Нѣмецкое слово *jahr* (годъ). Нѣмецъ, испытуя одинъ свой языкъ, не найдетъ первоначальной въ семъ словѣ мысли. Когда же прибѣгнемъ къ Славенскому языку, то увидимъ, что корень *яр* означаетъ свойство огня или солнечную теплоту; ибо многія произведенныя отъ сего корня вѣтви какъ то *жарб*, *варб*, *парб*, *ярость*, и проч., то показываютъ. Сверхъ сего на многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ весну называютъ *яро*, по причинѣ теплоты воздуха, откуда и мы произвели свое *яровое*, *ярка*, *ярко*, и проч. Изъ сего явствуетъ, что Нѣмецкое *jahr* есть Славенское *яро*, съ тою разностію, что Нѣмецъ, взявъ часть за цѣлое, разумѣетъ подъ симъ *годб*, а не весну, подобно какъ изъ Славенскаго же слова *зима*, взявъ одну часть времени за другую, сдѣлалъ онъ *sommer* (лѣто). Весна по Нѣмецки называется *frühjahr* или *frühling*. Слово *frühjahr* есть сложное изъ словъ *früh* (рано) и *jahr* (годъ), слѣдовательно значитъ *ранній годб*. Посему и слово *frühling* должно также быть сложное изъ того же *früh* и другаго имени *ling*, не имѣющаго въ Нѣмецкомъ языкѣ значенія, и которое потому вѣроятно есть испорченное

Славенское *лѣто*, такъ что *frühling* значитъ *раннее лѣто* *).

---

*) Можетъ быть возразятъ мнѣ, что частица *ling* (столь различная отъ слова *лѣто*) не есть имя, но окончаніе, подобное тому, какъ въ словѣ *liebling*, и проч. На сіе я отвѣчаю: когда къ какому нибудь имени, какъ здѣсь *liebe* (любовь), приставляются окончанія, таковыя какъ *ling*, *lich*, *ster*, и дѣлаются изъ того слова: *liebling* (любимецъ), *lieblich* (любезно), *liebster* (любезный) и проч., то окончанія сіи вообще разнообразятъ токмо одно и тоже понятіе, изъявляемое словомъ *liebe*, не обращая онаго ни на какой особый предметъ. Но когда предметъ сей надлежитъ именно опредѣлить, тогда уже не окончаніе, но имя онаго приставляется къ слову *liebe*, какъ-то: *liebesblick* (любовный взглядъ) *liebeshandlung* (любовныя дѣла, волокитство) *liebesbrief* (любовное письмо) и проч.; ибо безъ того мы имѣемъ токмо общее понятіе о склонности называемой *liebe*, (любовь), но при всѣхъ приставляемыхъ къ нему окончаніяхъ не можемъ знать къ чему склонность сія относится, ко взгляду ли (blick), къ дѣламъ ли (handlung), или къ письму (brief). Равнымъ образомъ когда мы и въ словѣ *frühling* частицу *ling* назовемъ окончаніемъ, то уже оно не будетъ выражать, какъ токмо общее понятіе о *ранней порѣ*, не относимой ни къ какому особому, опредѣленному времени, какъ то дню, году, вѣку, или чему иному. Тогда слово *frühling* было бы нѣчто неопредѣленное, удобное стольkоже означать весну, сколько и утро (т. е. раннюю пору дня), или все то, что бываетъ рано, подобно какъ *liebling* означаетъ все то, что намъ любезно или нравится, безъ всякаго означенія того предмета, къ которому мы сію склонность нашу относимъ. Но

III. Птица *рябчикъ* или *рябъ* по Нѣмецки называется *räbhun*. Слово *hun* означаетъ курицу. Итакъ неоспоримо, что въ семъ сложномъ словѣ часть онаго *räb* есть прилагательное, означающее отличной родъ или свойство курицы. Но въ Нѣмецкомъ языкѣ оно ничего не значитъ, а потому значенie его надлежитъ искать въ другихъ языкахъ. Въ Славенскомъ языкѣ птица сiя по рябости (или пестротѣ) перьевъ своихъ называется *рябчикъ*. Слѣдовательно. Нѣмецъ въ словѣ сво-

---

какъ подъ словомъ *frühling* разумѣется имянно *весна*, то уже непремѣнно частица *ling* должна въ немъ быть не окончанie, а имя, подобное имени *jahr* въ словѣ *frühjahr*, значущемъ тожъ самое, что *frühling*. Итакъ *ling* долженствуетъ непремѣнно быть имя того времени, котораго слово *früh* показываетъ *раннюю пору* или начало. Италiянецъ весну называетъ *primavera*. Слово сie *prima* значитъ *первая*, слѣдовательно и приставленное къ нему *vera* не есть окончанie, а должно быть имя, о которомъ словомъ *prima* говорится, что оно есть *первое*. Безъ того слово *primavera* не составитъ полнаго смысла. Но въ Италiянскомъ языкѣ слово *vera* не имѣетъ значенiя. По сей причинѣ нужно справляться съ такимъ языкомъ, которой покажетъ значенie сего слова. Мы видѣли, что въ Славенскомъ языкѣ *яро* (откуду и Нѣмецкое *jahr*) вообще означаетъ то время года, когда солнечный зной наиболѣе господствуетъ. Итакъ очевидно, что Италiянское *vera* есть Славенское *яро*, къ которому слово *prima* (первая) приставлено для того, что дѣйствительно весна есть первое начало сего времени.

емъ *räbhun* найдетъ прилагательное *räb*, въ Славенскомъ языкѣ, который покажетъ ему, по какой причинѣ къ слову *hun* приложено *räb*, и что *рябчика* называетъ онъ *рябою курицею* (*räbhun*) потому что онъ *рябъ* и похожъ на курицу.

IV. Нѣмецкое слово *stein* значитъ камень; но слово сіе есть Славенское *стѣна*. Объяснимъ причину, по какой два народа одно и тоже слово, пришедшее къ нимъ отъ общаго ихъ предка, употребляютъ въ разныхъ значеніяхъ. Камень, одинъ, составляетъ иногда цѣлую гору или скалу, которой бока часто бываютъ такъ утесисты, что представляютъ зрѣнію вмѣстѣ и *камень* и *стѣну*. Таковое соединеніе двухъ понятій въ одномъ предметѣ, подаетъ поводъ съ удобностію переходить отъ одного понятія къ другому. Такимъ образомъ Нѣмецъ Славенское слово *стѣна*, измѣня въ *stein*, хотя и сталъ разумѣть подъ онымъ, не *стѣну*, а *камень*, однакожъ прежнее значеніе его не совсѣмъ истребилъ. Отселѣ *печную трубу* называетъ онъ *schornstein*. Слово сіе очевидно составлено изъ двухъ словъ *schorn* и *stein*. Итакъ не ясно ли, что слова сіи суть Славенскія *черно* и *стѣна*, поелику означаютъ *черную стѣну*, или стѣны закоптелыя отъ дыма. Безъ снесенія ихъ съ Славенскими словами, какимъ образомъ изъ понятія о *камнѣ* (stein), соединеннаго съ какимъ то неизвѣстнымъ въ Нѣмецкомъ языкѣ

словомъ *schorn* *) можно себѣ сдѣлать понятіе о *трубѣ?* Слѣдственно любомудрый Нѣмецъ, желающій знать отъ какихъ понятій производилъ онъ слова свои, долженъ искать первоначальнаго значенія ихъ въ Славенскомъ языкѣ.

V. Нѣмецъ подъ словомъ *gatte* разумѣетъ супруга, мужа. Въ старинномъ Рускомъ языкѣ находимъ мы названіе *хотя*, означающее тожъ супруга или мужа. (см. сего полнаго Собранія Сочиненій и Переводовъ часть VI стр. 181. Статью подъ названіемъ: Слово о полку Игорев.) Между словами *gatte* и *хо̀тя* главное различіе дѣлаетъ буква *g*, но оная есть точно такоеже гортанное произношеніе, какъ *h* и *ch*. Слѣдовательно *gatte*, подобно многимъ другимъ словамъ, находимымъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, можетъ легко быть одно и тоже съ Славенскимъ *хо̀тя;* но Славенское имѣетъ начало свое отъ *хотѣніе* (желаніе, вожделѣніе), подобно какъ *милый* отъ *умиленія* души. Нѣмецкое напротивъ безъ Славенскаго не можетъ быть истолковано.

VI. Нѣмецъ называетъ олово *zinn*, а свинецъ *bley*. Крушцы (металлы) **) сіи сходны

---

*) Слово сіе безъ всякаго сомнѣнія есть Славенское, какъ по приличію значенія своего, такъ и потому, что Нѣмецъ, не имѣя буквы *ч*, не можетъ иначе сказать *чорнъ*, какъ *шорнъ*.

**) Какъ жаль, что послѣ Рускаго слова, для объясненія онаго, должно ставить иностранное!

между собою, и потому могутъ легко быть приняты одинъ за другой. Нѣмецкое слово *zinn* само по себѣ ничего не значитъ, то есть не показываетъ никакого свойства или качества той вещи, которая симъ именемъ называется. Славенинъ или Россіянинъ (ибо языкъ у нихъ одинъ и тотъже) къ слову *синецъ* (означающему вещь *синяго* цвѣта) прибавилъ букву *в*, и сталъ говорить *свинецъ*. Нѣмецъ изъ тогожъ Славенскаго слова *синь* сдѣлалъ *zinn*, и сталъ разумѣть подъ онымъ олово. Онъ принялъ слово *weiss* вмѣсто слова *бѣлый*, но не совсѣмъ потерялъ сіе послѣднее (Славенское), а обратилъ оное къ значенію другаго цвѣта: изъ *бѣлый* сдѣлалъ *belau*, сократя оное въ *blau* (голубый). Отсель, перемѣшавъ цвѣты, назвалъ болѣе бѣлую вещь (т. е. олово) *zinn* (отъ слова *синь*), а болѣе синюю (т. е. свинецъ) *bley* (отъ слова *бѣлый*). Слѣдующая за симъ статья подтвердитъ еще болѣе справедливость сего словопроизводства.

VII. Нѣмецкія слова: *blas* или *bleich*, *blech*, *blitz*, означающія блѣдность, жесть, молнію, единокорненны и смежны понятіемъ съ нашими *блѣдность*, *бляха*, *блескъ*. Слова сіи, какъ ихъ, такъ и наши, очевидно происходятъ отъ прилагательнаго *бѣлый*; ибо означаютъ вещи, имѣющія сей цвѣтъ, и суть не иное что, какъ сокращенія изъ *belas*, *beleich*, *belech*, *belitz*, *бѣледность*, *бѣляха*, *бѣлескъ*; но наши

имѣютъ у себя отца (то есть прилагательное *бѣлый*), а Нѣмецкія не имѣютъ; *бѣлое* называется у нихъ *weiss*. Такимъ образомъ потерявъ отца и сохранивъ дѣтей его, они не могутъ болѣе въ языкѣ своемъ отыскивать ихъ происхожденія.

VIII. Нѣмецъ говоритъ *kaufen*, Голанецъ *koopen*, Датчанинъ *kiobe*, Руской купить. Покажемъ сперва единство сихъ словъ. Наша буква *у* часто выражается иностранными *au*. Богемецъ и другіе Славяне, принявшіе Латинскую азбуку, вмѣсто *купити* пишутъ *kaupiti*. Букву *p* сами Нѣмцы часто смѣшиваютъ съ *f*: итакъ разность между сими словами остается только въ-томъ, что Нѣмецъ къ корню *kauf* или *kaup* или *kup* приставилъ окончаніе *en*, а Руской къ томуже корню окончаніе *ить*; но окончанія, какъ ужѐ многократно говорено, не составляютъ существеннаго значенія словъ, и во всякомъ языкѣ различны. Притомъже, когда въ двухъ словахъ, различныхъ окончаніями, съ единствомъ корня соединяется единство значенія, то хотя слова сіи принадлежатъ двумъ языкамъ, но труднѣе повѣрить ихъ двойству, нежели тожеству, тѣмъ паче, что обстоятельство сіе во всѣхъ языкахъ и во множествѣ примѣчается. Итакъ изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ, что Нѣмецкое слово *kaufen* есть одно и тоже съ Рускимъ *купить*. Остается разсмотрѣть, въ которомъ языкѣ начало или

корень его ощутительнѣе для разума. Наше *купить* происходитъ отъ слова *купа*. Первоначальное значеніе его есть *ку́пить* (ударяй на первомъ слогѣ) т. е. собирать въ *купу*; но какъ для выраженія сего понятія корень *куп* измѣненъ въ *коп*, и сдѣлано слово *копи́ть*, то уже слово *ку́пить* (въ смыслѣ *собирать въ купу*) сдѣлалось для выраженія сего смысла болѣе не нужнымъ, и съ перенесеніемъ ударенія на второй слогъ (*купи́ть*) стало означать, не тоже самое, но смежное съ симъ понятіе, а именно: *пріобрѣтать вещи платою за нихъ денегъ*; ибо *пріобрѣтать* есть не иное что, какъ *копи́ть* или *ку́пить*, или собирать ихъ въ *купу*. Таковой же переходъ отъ одного понятія въ другое смежное съ нимъ можемъ мы видѣть и въ иныхъ корня сего вѣтвяхъ, какъ напримѣръ въ словѣ *скупость*, которое съ инымъ окончаніемъ писалось *скупство*, и слѣдовательно въ первоначальномъ смыслѣ означало *ско́пство*, *скопленіе*, *совокупленіе*. Отселѣ прилагательное *скупой*, которое значитъ какъ того, кто не любитъ расточать, такъ и того, кто любитъ *копи́ть* или *ку́пить* или *совокуплять*; ибо нелюбленіе расточенія съ любленіемъ собиранія въ *купу* суть смежныя понятія, или лучше сказать одно и тоже. Доказавъ такимъ образомъ, что Нѣмецкое слово *kaufen* есть одно и тоже съ Славенскимъ *купить*, и показавъ источникъ мыслей, котораго Нѣмецъ въ словѣ

своемъ *kaufen* показать не можетъ, не должны ли мы изъ того заключать *), что Нѣмецкій языкъ былъ нѣкогда Славенскій, и хотя съ теченіемъ времени весьма измѣнился, однакожъ многіе слѣды его въ себѣ сохраняетъ, и для отысканія первоначальнаго въ словахъ своихъ смысла имѣетъ въ немъ, какъ въ праотцѣ своемъ, великую надобность. Естьли бы Нѣмецъ и сказалъ, что онъ точно такуюже смежность понятій находитъ въ словахъ своихъ *häufen* и *kaufen*, какая между нашими *копить* и *купить*, и что потому не имѣетъ онъ надобности прибѣгать къ Славенскому языку для отысканія той же самой связи понятій, которая и въ его языкѣ существуетъ; тогда Славенинъ могъ бы изслѣдованія свои простерть далѣе слѣдующимъ образомъ: Нѣмецкое слово *haufe* (откуда глаголъ ихъ *häufen*), по тѣмъже самымъ доказательствамъ, есть одно и тоже съ нашимъ *купа* или *коп* (въ словахъ *копить*, *копна*, и проч.); ибо чтобъ почувствовать единство словъ *haufe* и *купа*, не довольно ихъ однихъ сличить, но надлежитъ разобрать 1е, принадлежность въ нихъ буквъ къ одному и томуже гласоорудію, и 2) посмотрѣть произношеніе ихъ въ разныхъ тѣхъже языковъ на-

---

*) Разумѣется не изъ одного слова сего, но изъ многихъ, отчасти токмо приведенныхъ здѣсь.

рѣчіяхъ. Такимъ образомъ найдемъ, что Руское *купа* (на другихъ же Славенскихъ нарѣчіяхъ *кира*, *кӯра* и *кóра*), Голландское *hoop*, Шведское *hop*, Датское *hob*, Нѣмецкое *kuppe* и *haufe*, при разныхъ правописаніяхъ есть одно и тоже, не могущее быть сомнительно по сугубому сходству буквъ и значенія. Доказавъ такимъ образомъ, что *haufe* и *купа* есть одно и тоже, Славянинъ скажетъ: мой корень *куп* или *коп* (которыхъ единство выше сего доказано) смеживаетъ понятія *копить* и *копать*, поелику дѣйствіе *копанія* (земли, песку или чего инаго) производитъ на ровномъ мѣстѣ яму; а гдѣ яма, тамъ выкопанная изъ ней земля (естьли не размѣшана) должна непремѣнно составлять нѣкоторую *купу* или *копу* (т. е. нѣчто *совокупное*, *накопленное*), или, какъ въ Нѣмецкомъ и другихъ происходящихъ отъ него языкахъ говорится: *haufe*, *hoop*, *hop* и *hob*. Но какъ въ сихъ языкахъ не сохранилось Славенское *копать*, а выражается Славенскимъ же отъ инаго корня словомъ *graben* (гребсти), то и прервалась у нихъ связь мыслей, существующая у насъ между нашими словами *купа* и *копать*, и не существующая болѣе между ихъ словами *haufe* и *graben*, изъ которыхъ одно принадлежитъ одному, а другое другому корню.

IX. Посмотримъ еще, какимъ образомъ трудолюбивые, но безъ Славенскаго языка мало могущіе успѣвать Нѣмцы, или вообще

иностранцы, толкуютъ происхожденіе словъ. Подъ словомъ *die garde* сказано: „взято съ Французскаго *garde*, но которое обратно происходитъ отъ Нѣмецкаго *wahren* и *warten.*“ (См. Адел. Словарь). Подобныя толкованія хотя во множествѣ и полезны открытіемъ происхожденія многихъ неизвѣстно почему употребляемыхъ въ языкѣ словъ, однакожъ безъ вѣрнаго путеводителя, то есть древняго языка, при всемъ трудолюбіи и проницаніи упражняющагося въ сихъ изысканіяхъ, могутъ быть иногда ошибочны *), иногда недостаточны, иногда не ясны, и вообще не показываютъ той цѣпи понятій, которая ведетъ къ познанію всѣхъ языковъ, безсомнѣнія изъ одного и тогоже первобытнаго языка

*) Вышеозначенныя Нѣмецкія слова *wahren* и *warten* хотя смысломъ и подходятъ нѣкоторымъ образомъ къ слову *garde*, поелику означаютъ тожъ охраненіе или нѣкое внимательное медленіе, однакожъ скорѣе Нѣмецкое *wahr* или *wart* есть Французское *gard*, нежели обратно; ибо стражу или охраненіе Французъ называетъ *garde*, Италіянецъ *guardia*, Англичанинъ *guard*; но тотъже Англичанинъ Французское слово *garderobe* (одеждохранилище) пишетъ не *guardrobe*, а *wardrobe*. Слѣдовательно ясно, что онъ откинулъ начальную букву *g*, а послѣдующую за нею букву *u* превратилъ въ *w*, которая и называется у нихъ двойное *u* или *v*, какъ то и образъ ея *v* и *w* показываетъ. Нѣмецъ съ своими *wahren* и *warten* тожъ сдѣлалъ, что Англичанинъ.

истекающихъ. Итакъ посмотримъ, не найдемъ *ли* мы сей цѣпи, больше *или* меньше непрерывной, въ Славенскомъ языкѣ. Вѣтви корня *gr*, отъ котораго произошло сіе *garde* и множество другихъ единокорненныхъ съ нимъ словъ, общи почти всѣмъ языкамъ. Итакъ начнемъ съ сего корня. Въ объясненіяхъ нашихъ подъ корнемъ *кр*, *гр*, *хр*, найдемъ мы, что самъ слышимый въ воздухѣ стукъ *или* шумъ повтореніемъ гласа *грр*, научилъ насъ назвать оный *громомъ*; потомъ, поелику гремѣніе сіе слышалось надъ нашими головами, то къ понятію *о громѣ* естественно присовокупилось понятіе *о высотѣ*, и тогда человѣкъ по смежности сихъ понятій, увидя высокой предметъ, назвалъ оный отъ тогожъ корня именемъ *гора*; потомъ, когда началъ что нибудь воздвигать *или* строить *для* обитанія своего, то представляя себѣ какъ бы возвышалъ отъ земли нѣкую *гору*, сталъ говорить *горожу*, *гражду*, *сограждаю*. Отселѣ многія зданія въ совокупности назвалъ *городъ*, *градъ*. Наконецъ, продолжая далѣе размышлять, что таковая *городьба* дѣлается иногда *для* воспрепятствованія переходить чрезъ оную, *или* для отдѣленія какого нибудь мѣста отъ свободнаго входа въ него, произвелъ отъ тогожъ корня *или* понятія вѣтви: *преграждаю*, *преграда*, *прегражденіе*, *перегородка*, также *ограждаю*, *ограда*, *огражденіе*, *огородъ*, *изгорода*, и проч. Такимъ обра-

зомъ видимъ мы въ языкѣ нашемъ непрерывную цѣпь понятій, идущую отъ перваго начала, почерпнутаго въ самой природѣ. Разсмотримъ теперь иностранныя слова, сохраняющія въ себѣ тогоже корня буквы и тожъ значеніе, и слѣдовательно относящіяся къ томужъ источнику мыслей, но до котораго они на своихъ языкахъ, по причинѣ, что многія вѣтви ихъ потеряли свой корень, добираться не могутъ. Французъ говоритъ *garder* (хранить или стеречь), *garde* (стражъ или стражи), Италіянецъ тоже, *guardare*, *guardia* *). Естьли спросить у нихъ, откуда, по какому первоначальному понятію слова ихъ получили сіе значеніе? то они, ограничиваясь однимъ токмо языкомъ своимъ, не могутъ удовлетворить сему вопросу. Но какъ всякое данное человѣкомъ названіе непремѣнно родилось отъ какой нибудь мысли, то и слѣдуетъ заключить, что слово ихъ *garde* или *guardia* **), есть, такъ сказать, верхушка, оставшаяся у нихъ отъ дерева, скрывающаго корень свой въ другомъ какомъ либо древнѣйшемъ языкѣ. Итакъ посмотримъ

*) Достойно примѣчанія, что языки сіи происходятъ отъ Латинскаго, въ которомъ нѣтъ однакожъ сего слова.

**) Тожъ разумѣется и о всѣхъ прочихъ словахъ ихъ отъ сего корня происходящихъ, таковыхъ какъ *gardien*, *garderobe*, *gardefeu*, и проч.

не можемъ ли мы въ нашемъ Славенскомъ языкѣ отыскать то дерево, изъ котораго видно будетъ, что верхушка сія точно отъ него оторвана и къ нему принадлежитъ. Мы видѣли какимъ образомъ Славенина сама природа научила говорить *громъ*, откол̀ѣ, чрезъ сношеніе и уподобленіе одного понятія съ другимъ, произвелъ онъ слова̀: *гора*, *горожу*, *городъ* или *градъ*. Тожъ самое соображеніе вещей покажетъ намъ, что словами *огораживаю* или *ограждаю*, и словами *охраняю* или *берегу* или *стерегу* (откуда и слово *стражъ*, *стража*), не взирая на разность корней ихъ, изъявляются одинакія или весьма сходныя дѣйствія; ибо *ограда* или *огражденіе* есть тоже, что *стража*, поелику *стража* есть нѣкоторымъ образомъ *ограда*, и *ограда* есть нѣкоторымъ образомъ *стража*: то и другое дѣлается или ставится для сохраненія мѣста или чего инаго. Отселѣ, почти повторяя одно и тоже, говоримъ: *береги*, *стереги*, *охраняй его и проч.* Итакъ Славенинъ, начиная отъ корня, то есть отъ са̀мой первой мысли своей, внушенной ему природою, и переходя отъ одного понятія къ другому, смежному съ нимъ, слѣдственно не прерывая теченія одной и тойже мысли своей, дойдетъ до словъ *ограда*, *огражденіе*, смежныхъ значеніемъ съ словами *охраненіе*, *сбереженіе*, *стереженіе*. Посмотримъ теперь на иностранныя слова, тотъже корень имѣющія, но ко-

торыхъ значеніе, не могущее выводимо быть изъ корня, отселѣ только начинается. Славенинъ говоритъ *градъ*, и разумѣетъ подъ нимъ то, что Французъ разумѣетъ подъ словомъ *cité* или *ville*; Французъ говоритъ *garde*, и разумѣетъ подъ симъ то, что Славенинъ подъ словомъ *стража*. Замѣтимъ первое, касательно до одного буквеннаго состава, что между словами *градъ* и *garde* нѣтъ иной разности, кромѣ перестанвки буквъ *ра* въ *ar*, обстоятельство не въ одномъ или двухъ, но въ тысячи словахъ примѣчаемое, и слѣдственно весьма обыкновенное *). Второе, относительно до смысла или значенія мы уже видѣли, что смежность понятій между словами *градъ* **) и *стража*, могла Французу дать мысль подъ Славенскимъ словомъ *градъ*, измѣненнымъ въ *garde*, разумѣть *стражу*. Но присовокупимъ еще къ тому, что не одно сіе слово служитъ намъ доказательствомъ; многія другія, въ разныхъ языкахъ, тожъ самое подтверждаютъ. Мы подъ словами *огородъ*, *ограда* (происходящими отъ *горожу*), разумѣемъ обгороженное или *огражденное* мѣсто. Датчане, Нѣмцы, Шведы, Англичане,

---

*) Иностранцы часто въ собственныхъ Славенскихъ именахъ дѣлаютъ сію перестановку, напримѣръ вмѣсто *Бѣлградъ* пишутъ *belgarde*, и пр.

**) Ибо въ коренномъ смыслѣ *ограда*, *огородъ*, *огражденіе*, есть тоже, что *градъ* или *соограждение*.

Латинцы, Италіянцы, Французы, подъ словами своими, *gaard*, *garten*, *gard*, *yard*, *hortus*, *orto* или *giardino*, *jardin*, очевидно одинъ и тотъже корень имѣющими, разумѣютъ тожъ самое, т. е. *огородъ* или *обгороженное* мѣсто *). Изъ всѣхъ сихъ разсужденій и примѣровъ явствуетъ, что Славенинъ можетъ, чрезъ открытіе въ языкѣ своемъ корня, видѣть, какимъ образомъ текущая изъ него мысль, переходя отъ одного смежнаго понятія къ другому, пораждаетъ колѣнчатый стебль и вѣтви общаго многимъ языкамъ древа. Онъ доберется до истаго или кореннаго значенія, какъ своихъ, такъ и чужихъ колѣнъ и вѣтвей; но иностранецъ безъ Славенскаго языка встрѣтитъ великія въ томъ затрудненія и препятствія. Напримѣръ Французъ, изслѣдывая одинъ свой языкъ, никакимъ образомъ не можетъ добраться до того, чтобъ слова свои *garde* (ограда въ смыслѣ стражи) и *jardin* (огородъ, въ смыслѣ сада) почитать отъ одного корня происходящими, какъ то показываютъ Славенскія слова. Славенинъ дойдетъ до значенія ихъ по лестницѣ, начиная отъ корня *гр*, и переходя отъ колѣна *громъ* къ колѣнамъ *гора*, *горожу*, *городъ*, *огородъ*, *и проч.*; но Фран-

---

*) Голанецъ *садъ* или *огородъ* называетъ *tuin*. Слово сіе безсомнѣнія есть Славенское же *тынъ*, поелику *тынъ* есть тоже что *ограда* или *огражденіе*.

цузъ (тожъ разумѣется и о другихъ языкахъ) при словахъ своихъ *garde* и *jardin* остановится; въ языкѣ его названіе *громъ*, *гора*, *городъ*, произведены отъ разныхъ корней *tonner*, *montagne*, *ville*, и слѣдственно ни между собою, ни съ словами *garde* и *jardin* не имѣютъ ни какой постигаемой мыслями связи. Такимъ образомъ слова сіи, будучи отторжены отъ корня, становятся сами коренными или первообразными, неизвѣстно откалѣ произшедшими. Дерево Французское отъ нихъ начинается, и производитъ или непосредственныя вѣтви, какъ то *garder*, *gardien*, *garde-feu*, и проч., или посредственныя, которыя называемъ мы *колѣнами*, какъ то отъ *garder* (хранить, стеречь) съ приложеніемъ предлога произведено *regarder* (смотрѣть или глядѣть). Мы хотя ни котораго изъ сихъ глаголовъ не произвели отъ корня *гр*, однакожъ по связи колѣнъ, составляющихъ наше дерево, можемъ видѣть (какъ мы уже выше сего объяснили) почему Французъ подъ словомъ *garder* (единокорненнымъ съ нашимъ *городить*) разумѣетъ стеречь, и почему подъ тѣмъже предложнымъ словомъ *regarder* разумѣетъ *смотрѣть*. Сей послѣдній переходъ понятія отъ *garder* къ *regarder* можемъ мы также по собственному языку нашему чувствовать; ибо глаголъ *смотрѣть*, въ выраженіи, напримѣръ: *смотри на меня*, значитъ просто *гляди*; но въ выраженіи: *смотри не попадись въ бѣду!*

значитъ тоже, что охраняй, *ограждай* себя, *остерегайся*, то есть, имѣй зрѣніе свое *оградою, стражемъ* своимъ. Вотъ преимущество Славенина: онъ по корнямъ языка своего можетъ доходить до кореннаго смысла чужеязычныхъ словъ, неизвѣстнаго тѣмъ самимъ, кои употребляютъ оныя! Покажемъ еще одинъ тому примѣръ: Французъ говоритъ *garderobe*; слово сіе въ словаряхъ ихъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: *chambre destinée à y mettre les habits, le linge, etc.* *) т. е. комната для поклажи платья, бѣлья и проч. Мы имѣемъ подобное же слово *ризница*; но стѣсняя обыкновенно смыслъ словъ нашихъ, дабы послѣ нуждаясь ими принимать чужеязычныя, употребляемъ оное въ особенномъ смыслѣ, говоря токмо о хранилищѣ *ризъ* (подъ коими разумѣемъ одно только священническое одѣяніе); не хотимъ также говорить

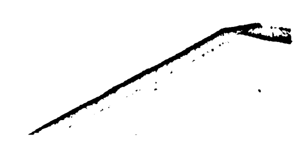
*) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что и сіе слово ихъ *linge* можетъ также быть вѣтвію Славенскаго слова *ленъ*, поелику растѣніе сіе на многихъ языкахъ одинакимъ именемъ называется, какъ-то: по Латински *linum*, по Итал. *lino*, по Франц. *lin*, по Нѣм. *lein* и *flachs*, по Англински *linseed* и *flax*. Даже и сословы Нѣмецкой и Англинской *flachs*, *flax*, могутъ токмо Славенскимъ словомъ быть истолкованы, ибо Голландцы пишутъ слово сіе *vlas*, чистое Славенское *власъ* (волосъ); но что иное волокна льна, какъ не подобіе волосовъ?

одеждохранилище, и приписуя нехотѣніе свое бѣдности языка, объясняемся Францускимъ словомъ *гардеробъ*. Я говорю францускимъ, но Французъ составилъ сіе названіе изъ Славенскихъ словъ, и слѣдовательно говоритъ по Руски. Какимъ это образомъ? возопіютъ противъ меня и Французы и Рускіе (можетъ быть сіи послѣдніе еще больше первыхъ). — Вотъ какимъ, милостивые государи, естьли угодно вамъ безъ гнѣва меня выслушать. Мы выше сего видѣли происхожденіе Францускаго слова *garde*, измѣнившагося изъ нашего слова *градъ*, и значущаго у нихъ *ограду*, *огражденіе* (или по смежному понятію охраненіе, хранилище). Въ такомъ смыслѣ говорятъ они *garde-cote*, *garde du corps*, *garde-magasin*, и проч. Разсмотримъ теперь слово *robe*. Французъ говоритъ *roberond* (круглое платье), *robe de chambre* (халатъ или спальное платье), *robe de noces* (брачное одѣяніе), въ переносномъ же смыслѣ *robe de féve*, *de pois* (шелуха на бобахъ, на горохѣ), и проч. Италіянецъ подъ тѣмъже словомъ *roba* разумѣетъ тожъ одежду, но распространяетъ смыслъ онаго и на всякую другую вещь. Естьли спросить у нихъ: что собственно, то есть по коренному смыслу значатъ слова ихъ *robe*, *roba*? Они не найдутъ дальнѣйшаго имъ объясненія, какъ только скажутъ: такъ говорится. Но посмотримъ наше семейство словъ, на семъ корнѣ основанныхъ: глаголъ *рубить* произвелъ.

слова *рубецъ* *или* *рубчикъ* (т. е. знакъ, оставшійся отъ посѣченія *или* *порубленія*), а отъ сего произошли имена *рубъ*, *рубище* (т. е. толстая ткань или одежда, имѣющая *рубцамъ* подобныя нити: *извнѣ убо царскими одеждами одѣянна, внутрь же рубы власяными.* Прол. 12 Апрѣл.); *рубаха* или *рубашка*, отъ того, что швы ея суть не иное что, какъ рубцы, откол̀ѣ и говорится *обрубить* платокъ или что иное, то есть обшить оный по краямъ или кругомъ. Изъ сего можемъ мы справедливо и безошибочно заключить: 1е, что иностранные языки имѣютъ въ себѣ множество Славенскихъ словъ, какъ то мы здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ сихъ *Сочиненій*, вездѣ видимъ. 2е, Что Французское *robe*, Италіянское *roba*, и Славенское *рубъ*, *рубище*, *рубаха*, какъ единствомъ буквъ, такъ и единствомъ значенія, совершенно сходны (ибо всѣ означаютъ одежду, платье), и 3е, что, въ другихъ языкахъ не видимъ мы происхожденія сихъ словъ, а въ Славенскомъ видимъ. Почему же при столькихъ доводахъ можемъ сомнѣваться, что Французское *garderobe* не происходитъ отъ Славенскихъ словъ *градъ* и *рубъ?* Первое воззрѣніе на совокупность толь различныхъ между собою понятій конечно покажется невѣроятнымъ; но сообразимъ одно съ другимъ: мы видѣли, что слово ихъ *garde* произошло отъ нашего *градъ*, и говоритъ тоже, что наши, отъ сего корня

произведенныя, *ограда*, *огражденіе*, или по иному корню *охраненіе* (ибо что *ограждено*, то и *хранимо*). Мы видѣли, что слово ихъ *robe* говоритъ тоже, что наши *рубъ*, *рубаха*, *рубище* (въ общемъ смыслѣ одежда, платье): итакъ какоежъ сомнѣніе остается, чтобъ сложное слово ихъ *garderobe* не было Славенское *ограда рубовъ*, т. е хранилище одеждъ? Пускай безъ Славенскаго языка попытаются они съ подобною же ясностію вывесть значеніе сего слова своего.

X. Нѣмецъ говоритъ *lager* и мы за нимъ также *лагерь*. Нѣмецъ читая наши книги и находя въ нихъ свое слово, скажетъ: Руской языкъ такъ бѣденъ, что не можетъ выразить слова *lager*, и принужденъ оное отъ насъ заимствовать. Онъ правъ, и вездѣ въ нашихъ выраженіяхъ найдетъ подтвержденіе тому, что мы, составляя оныя по его языку, говоримъ: *разбить лагерь*, *стать лагеремъ*. Но откуда Нѣмецъ произвелъ слово свое *lager*? отъ глагола *liegen* или *legen*; но глаголъ сей одинъ и корнемъ и значеніемъ съ нашимъ *лягу*, *лежу*, *положу*, *полагаю*. Итакъ онъ подъ словомъ столько же своимъ, сколько и нашимъ, *lager*, разумѣетъ нѣчто *лежащее*. Мы не произвели слова сего отъ *лежу*, но отъ *стою* и говоримъ *станъ*. Глаголъ нашъ *стоять* есть единокорненный съ Нѣмецкимъ *stehen*. Такимъ образомъ корень у насъ общій; однѣ только окончанія различны; но не окончанія,

а корни содержатъ въ себѣ существенность значенія, и для того не по нимъ, а по корнямъ должно судить о разумѣ словъ. Почемужъ Нѣмецкое отъ Славенскаго же происходящее, *lager* предпочитаемъ мы нашему *станъ?* и для чего, умствуя не по своему, а по Нѣмецки, вмѣсто *стоять станомъ* или *становать* (*lagern*) говоримъ *стоять лагеремъ*, то есть по разуму словъ *стоять лежаніемъ?* навыкъ конечно ко всему можетъ пріучать, но тамъ надлежало бы отъ него отвыкать, гдѣ онъ во время отсутствія разсудка укоренился.

XI. Нѣмецкое *schrank* значитъ поставецъ или *шкапъ*, въ которомъ для сохраненія ставятся или кладутся какія нибудь вещи. Слѣдовательно по употребленію своему онъ не иное что есть, какъ хранилище. Нѣмецкой языкъ не показываетъ откуду слово сіе произошло. Итакъ поищемъ кореннаго значенія его въ Славенскомъ языкѣ. Нѣмецъ произноситъ оное *шранкъ;* но буквы *ch* выговариваются иногда какъ нашъ *х* (напримѣръ въ словахъ *lachen, machen*, и проч.); и такъ безъ всякой перемѣны буквъ можетъ оно произносимо быть и *схранкъ;* тогда выдетъ по Славенски *схранка, сохранка, хранилище;* но чтоже иное ихъ *schrank*, какъ не хранилище? Довольно и сего доказательства, но оное слѣдующимъ примѣромъ еще болѣе подтверждается: Нѣмецъ говоритъ *gränze* (граница,

межа, рубежъ, предѣлъ), и онъ же въ одинакомъ смыслѣ употребляетъ глаголы *begränzen* и *beschränken* (ограничить, обмежевать, опредѣлить). Изъ сего явствуетъ, что слово ихъ *gränze* и *schrank*, не взирая на великую въ вѣтвенномъ ихъ значеніи разность (*граница* и *шкапъ*), должны въ коренномъ смыслѣ своемъ имѣть сходство. Выше сего видѣли мы, что ихъ *schrank* есть наше *схранка*, *сохранка* (отъ глагола *сохранять*); теперь разсмотримъ слово ихъ *gränze* и почему въ коренномъ смыслѣ сходствуетъ оно съ словомъ *schrank*. Нѣмцы и мы за ними говоримъ, что наше слово *граница* взято съ ихъ языка; но чѣмъ они то докажутъ? а я напротивъ утверждаю, что ихъ *gränze* взято съ Славенскаго и вотъ мои доказательства: Славенское слово *граница* (по настоящему *храница* *)) происходитъ отъ глагола *хранить*, равно какъ и слово *храНь* (произносимое *грань*). Слова сіи означаютъ вообще предѣлы, первое (граница) предѣлы всякой поверхности или площади (особливо земной), второе (грань) предѣлы тѣла (особливо драгоцѣнныхъ камней). Мысль сія весьма естественна, поелику

*) На Богемскомъ и на другихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ пишется оно ближе къ настоящему произношенію *hranice* а не *granice*. Въ переводѣ Библіи Скорина во многихъ мѣстахъ напечатано Рускими буквами *храница*, а не *граница*.

всякіе предѣлы суть конечно *хранители* того, что въ нихъ содержится. Такимъ образомъ предѣлы тѣла (то есть плоскія стороны, въ коихъ оно заключается) и предѣлы поверхности (то есть края окружающіе оную), справедливо называемъ мы первые *гранями*, а вторые *границами* (правильнѣе *хранями* и *храницами*), по причинѣ, какъ выше объяснено, что содержимое въ чемъ либо есть тѣмъже самымъ и *хранимое*. Нѣмецкой языкъ не сблизитъ словъ своихъ *schrank* и *gränze*, не выведетъ, почему глаголы *beschränken* и *begränzen* значатъ одно и тоже; Славенскій, напротивъ, сближаетъ ихъ и показываетъ, какъ происхожденіе ихъ отъ одного и тогоже корня или понятія *(хранить)*, такъ слѣдственно и единство или сходство кореннаго значенія (не взирая на великую разность вѣтвеннаго). Но когда слово на одномъ языкѣ вмѣстѣ съ вѣтвеннымъ значеніемъ своимъ показываетъ и коренное, а на другомъ сего послѣдняго не показываетъ, то неоспоримо, что оно принадлежитъ первому изъ нихъ, а не второму.

XII. Нѣмецъ говоритъ *kutsche* (коляска), *kutscher* (возница). Кто изъ насъ усумнится, чтобъ употребляемое нами слово *кучеръ* не было Нѣмецкое? Но почему оно Нѣмецкое, когда на другихъ языкахъ и на всѣхъ Славенскихъ нарѣчіяхъ есть одно и тоже? Коляска называется:

По Нѣмецки	kutssche, kalesche.
По Италіянски	cocchio, calesso.
По Голландски	koets, kales.
По Французски	coche, caleche.
По Англински	coach, calash.
По Польски	cozh, cotcz.
По Богемски	kocj, kotcj.
По Словакски	coc.
По Сербски	kutscha.
По Вендски	kozhia.
По Кроатски	kochie.
По Босняцки	kocie.
По Рагузски	kocia, kocijze.

Отселѣ Нѣмецкое *kutscher*, Италіянское *cocchiere*, Французское *cocher*, Англинское *coach-man*, Руское *кучеръ* (иначе возница), и проч. Какомужъ языку принадлежитъ сіе слово? не тому ли, въ которомъ докажется, что имя сіе дано согласно съ свойствами называемой имъ вещи? итакъ разсмотримъ сіе обстоятельство. Въ нашемъ языкѣ нѣтъ слова *кочъ* или *коча*, означающаго коляску. По крайней мѣрѣ нигдѣ не случалось мнѣ сего видѣть. Но въ Академическомъ Словарѣ находится слѣдующее: „*коча* или *кочъ*, большое выходное въ Сибирѣ и на сѣверномъ Океанѣ употребляемое судно, съ одною мачтою и съ палубою.“ — Изъ сего явствуетъ, что слово *кочъ* въ нашемъ языкѣ, подобно какъ и въ другихъ многихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, суще-

ствуетъ, и хотя у насъ употребляется оно только въ значеніи нѣкотораго водоходнаго судна, однакожъ видно, что оно также и сухопутную повозку или коляску значило; ибо отъ него произошли слова: *кочевать, кочующій народъ, и проч.*, то есть такой, которой живетъ не въ домахъ, но въ *кочахъ* (т. е. въ кибиткахъ, повозкахъ, на подобіе подвижныхъ избъ), и переѣзжаетъ въ нихъ съ мѣста на мѣсто. Во Французскомъ языкѣ слово *coche* означаетъ также коляску и нѣкоторый родъ судна. (*coche, espece de chariot couvert. Coche d'eau, certains bateaux de voiture*). Сверхъ того другія, вѣроятно отъ сегоже корня, слова, таковыя какъ *кочка, кочанъ, куча, куща*, показываютъ нѣчто возвышенное, округлое, похожее на *кочу*, т. е. шалашъ или маленькой домикъ. Такимъ образомъ видимъ, что слово *кочъ* или *коча* не есть въ нашемъ языкѣ чуждое, и означаетъ тожъ самое, что и въ другихъ языкахъ и Славенскихъ нарѣчіяхъ. Остается теперь посмотрѣть, къ какому языку отнесть начало онаго. — Наши означающія повозку слова суть, *колесница, коляска, колымага*, въ сложныхъ же словахъ *колка* (какъ то въ словѣ одноколка *). Такимъ образомъ *коляска* или *колесница* или *колка* озна-

*) По нѣкоторымъ Славенскимъ нарѣчіямъ просто *колица*, или *колка* или *колга*.

чаетъ вещь, имѣющую *колеса*; а *коло* или *колесо* корнемъ своимъ показываетъ круглость; ибо всѣ происходящія отъ него вѣтви (какъ-то *коло*, *около*, *око*, *околица*, *околичность*, *кольцо*, *коловратность*, *и проч.*) суть имена вещей круглыхъ или содержащихъ въ себѣ понятіе о круглости. Итакъ, при толь всегда соотвѣтственныхъ свойствамъ вещей названіяхъ, весьма вѣроятно, что и слово *коча* тужъ самую соотвѣтственность выражаетъ, но что коренной смыслъ онаго чрезъ какое нибудь измѣненіе корня затмился. Примѣры выпусканія одной буквы изъ словъ (при извлеченіи вѣтвей изъ корня) часто встрѣчаются. Мы говоримъ *солнце* и *сонце*, *поздно* и *позно* или *поздо*, *и проч*. Такъ и здѣсь легко могло отъ слова *коло* произойти *колица* или *колка* или *колча* (какъ нынѣ *колесница* и *одноколка*), а отъ *колча* съ выпускомъ средней буквы сдѣлаться *коча*. Такимъ образомъ въ Славенскомъ языкѣ происхожденіе слова *коча* весьма вѣроятно доказывается, чего другіе языки съ равною вѣроятностію конечно вывесть не могутъ. Притомъ же они при названіяхъ *kutsche*, *cocchio*, *koets*, *coche*, *coach*, тужъ самую вещь называютъ и *kalesche*, *calesso*, *kales*, *caleche*, *kalash*, имена очевидно единокоренныя съ нашимъ *коляска*, происходящимъ отъ *коло*, *колесо*, которое въ ихъ языкахъ не называется симъ именемъ. Слѣдовательно когда мы говоримъ *коляска* или *колесница*,

то знаемъ, что вещь называемая симъ именемъ, имѣетъ у себя *колеса*, и что *коло* или *колесо* по корню своему означаетъ нѣчто круглое. Нѣмцу напротивъ, или Италіянцу, или Голанцу, или Французу, или Англичанину, употребляемое ими съ малыми измѣненіями тожъ самое слово *коляска* (*kalesche*, *calesso*, *kales*, *calrche*, *calach*) не даетъ ни малѣйшаго, такъ сказать описанія о той вещи, которую они симъ неизвѣстно откуду происходящимъ именемъ называютъ. Слѣдовательно, чтобъ имѣть о словахъ своихъ такое же ясное понятіе, какое мы о своихъ имѣемъ, должны они начала ихъ искать въ Славенскомъ языкѣ, или остаться при однѣхъ условныхъ значеніяхъ, не зная причины по какой какую вещь называютъ. Невѣденіе, долженствующее непремѣнно вовлекать во многія ошибочныя въ языкѣ своемъ сужденія. Я не спорю, что мы слово *кучеръ* взяли съ Нѣмецкаго *kutscher*, но Нѣмецкое *kutsche* и *kutscher*, есть Славенское *коча* и *кочарь*. Вольно намъ собственное свое брать отъ другихъ и называть это не своимъ. Вникая глубже въ Славенскій языкъ, мы много подобныхъ примѣровъ найдемъ.

XIII. Мы употребляя въ книгахъ нашихъ слова радиксъ, радіусъ, почитаемъ ихъ Латинскими (*radix*, *radius*), но онѣ скорѣе наши, нежели Латинскія. Разсмотримъ ихъ. *Radix* по Латынѣ въ собственномъ смыслѣ значитъ

корень у дерева или всякаго растенія, въ иносказательномъ же корень числа (въ ариѳметикѣ). *Radius* значитъ лучъ, также и прутикъ или розга *). Отнимемъ у обоихъ словъ сихъ окончанія *ix, ius*, существенная часть ихъ останется *Rad*. Я вопрошаю: какимъ образомъ Латинецъ изъ сей существенной части, общей многимъ словамъ его, извлечетъ понятіе, всѣмъ онымъ приличное? по какому разсужденію или соображенію приставя къ звуку *Rad* (ничего въ языкѣ его незначущему) окончанія *ix, ius*, (тожъ ничего не значащія, поелику окончанія безъ корня не составляютъ смысла), сталъ онъ подъ однимъ изъ сихъ словъ разумѣть *корень*, а подъ другимъ три разныя вещи, *лучъ*, *розга* и *полупоперечникъ*? Могутъ ли два ничего составлять нѣчто, или два пустозвучія произвесть смыслъ? и можетъ ли неизвѣстность значенія корня открыть смежность или соотвѣтственность, долженствующую непремѣнно быть между имъ и произведенными отъ него вѣтвями? какимъ образомъ въ словахъ *Radix* и *Radius* подвести подъ одну мысль всѣ означаемыя ими разныя вещи, таковыя какъ *корень*, *лучъ*, *розга*, *полупоперечникъ*? но посмотримъ, чего не можемъ узнать изъ Латин-

---

*) (Въ Геометріи же пріемлется за полупоперечникъ круга).

скаго языка, не узнаемъ *ли* изъ Славенскаго. Мы уже замѣтили, что Латинскій корень *rad* ничего въ языкѣ семъ не значитъ, но между тѣмъ, по приставленіи къ нему окончаній *ix*, *ius*, произвелъ онъ слова *radix*, *radius*. Славенскій языкъ имѣетъ тотъже самый корень *рад* (или *род*), пустившій отъ себя вѣтви *родить*, *раждаю*, *родина*, *порода*, *радимецъ*, *и проч.* Итакъ полагая, что корень сей есть общій обоимъ языкамъ, перенесемъ понятіе, содержащееся въ Славенскихъ словахъ къ Латинскимъ, и посмотримъ, остается ли оно тожъ самое при Латинскихъ именахъ *radix*, *radius*, какое существуетъ при Славенскихъ глаголахъ *родить*, *раждаю*, *и проч.* Латинское *radix* значитъ *корень дерева*; но чтожъ иное *корень дерева*, какъ не *родъ* или *родоначальная* причина онаго? не отъ корня ли оно родится? и вообще *radix* (корень) не означаетъ ли начала или *рожденія* всякаго происходящаго отъ него растѣнія или вещи? Слѣдовательно Латинецъ въ корнѣ своемъ *rad*, хотя и не сохранилъ общаго понятія, изъявляемаго Славенскимъ тѣмъже корнемъ *род* (или *рад*) однако въ томъже значеніи перенесъ оный къ частному понятію о деревѣ; но симъ самымъ перенесеніемъ закрылъ общее значеніе его, и сдѣлалъ оное въ языкѣ своемъ неизвѣстнымъ. Отселѣ происходитъ, что слово его *radix*, будучи вѣтвію Славенскаго слова *родъ*, сдѣлалось у него первообразнымъ, имѣющимъ

одно только условное или вѣтвенное значеніе, недостаточное, или мало достаточное къ истолкованію всѣхъ другихъ происходящихъ отъ него вѣтвей, поелику само не имѣетъ начала, и не можетъ показать отъ какой первобытной мысли получило смыслъ свой. Но обратимся къ истолкованію онаго по разуму Славенскаго языка. Славенинъ произвелъ слово *корень* отъ слова *кора*, поелику оный дѣйствительно есть не иное что, какъ уходящая въ землю древесная кора, на многіе сучья расползающаяся и держащая дерево. Латинецъ *radix* произвелъ отъ Славенскаго *родить*, но какъ сей глаголъ, пустившій вѣтвь сію, истребился изъ языка его, и замѣнился глаголомъ *generare*, то слово *radix* и осталось не имѣющею корня вѣтвію. Дабы лучше почувствовать, что мы въ производствѣ словъ отъ одного и тогоже корня руководствовалися, не взирая на различіе языковъ, одинакою мыслію, сдѣлаемъ сперва Славенина Латинцемъ, и потóмъ Латинца Славениномъ. Забудемъ на время Славенское слово *корень*, и скажемъ Славенину, чтобъ онъ вещь сію назвалъ, какъ Латинецъ, вѣтвію произведенною отъ глагола *родить* или *раждаю*; поелику понятіе *о рожденіи* столько же ей свойственно, сколько и происхожденіе ея отъ *коры*. Тогда безсомнѣнія могъ бы онъ ее назвать *родицъ* или *радицъ* (т. е. *раждающій*); ибо въ томъже смыслѣ говоримъ *родица*,

въ словѣ *Богородица* (т. е. Бога *родшая*), и ежели бы сдѣлать изъ сего сложное слово *древородицъ*, то и теперь, не смотря на неупотребительность сего слова, и на привычку нашу къ слову *корень*, всякой почувствуетъ, что *древородицъ* не можетъ инаго значить, какъ тоже самое, что значитъ *корень*. Такимъ образомъ Славенское слово *радицъ* было бы точное Латинское *radix* (Италiянское *radice*). Наконецъ сличая Латинскiй корень *rad*, потерявшiй свое значенiе, съ Славенскимъ *рад* или *род*, сохраняющимъ оное *), мы еще болѣе въ единствѣ ихъ можемъ удостовѣриться, когда усмотримъ, что связь между Латинскими, происходящими отъ сего корня вѣтвями, скорѣе Славенскимъ, нежели Латинскимъ языкомъ истолкована быть можетъ. Какимъ образомъ Латинецъ покажетъ намъ, по какой причинѣ или соображенiю вещь, называемую имъ *radix*, назвалъ онъ симъ именемъ? или по какому сходству мыслей подъ словомъ *radius* (очевидно единокорненнымъ съ *radix*, и слѣдственно долженствующимъ изъ одной и тойже мысли проистекать) разумѣетъ онъ *лучъ*? какое подобiе *корень дерева* (*radix*) имѣетъ съ *лучемъ* (*radius*)? Но прибѣгнемъ къ Славенскому языку,

---

*) Ибо во всѣхъ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ изъявляетъ онъ понятiе о *рожденiи*.

онъ лучше объяснитъ намъ начало и смыслъ всѣхъ происходящихъ отъ сего корня словъ, какъ на Латинскомъ, такъ и на другихъ языкахъ. Выше сего мы уже сблизили Латинское слово *radix* съ Славенскимъ *радицъ* или *родицъ*, и сказали, что вещь сія, дѣйствительно *родящая*, по Славенскому значенію могла быть названа *radix;* но по Латинскому языку слово сіе неизвѣстно откуду произошло, и почему стало означать *корень*. Отселѣ объясняется уже и слово *radius*, которое значитъ: 1) *лучъ*, то есть свѣтъ исходящій (и слѣдственно *раждающійся*) отъ солнца. 2) *Полупоперечникъ круга*, т. е. подобный же лучъ исходящій (и слѣдственно *раждающійся*) изъ средней точки. 3) *Розга* (иначе прутъ или лозà) тожъ исходящая (и слѣдственно *раждающаяся)* или отъ корня, или отъ стебля дерева, почему и въ нашемъ языкѣ таковые отрасли называются *рождіемъ*. Такимъ образомъ, разбирая всѣ истекающія изъ сего понятія иностранныя слова, можемъ находить, что ни одно изъ нихъ не уклоняется отъ разума Славенскаго языка, и что Славенинъ хотя не употребляетъ ихъ въ своемъ языкѣ, но по единству корня можетъ проницать ихъ значенія, то есть по глаголу своему *родить, раждаю*, чувствовать мысль, какую имѣли иностранцы, когда стали говорить: Латинецъ *radix*, Италіянецъ *radice*,

Французъ *racine,* Англичанинъ *root* *) разумѣя подъ симъ *корень;* Латинецъ *radius,* Италіянецъ *raggio,* Французъ *rayon,* Англичанинъ *ray,* (разумѣя подъ симъ *лучъ* **). Отселѣ произвели уже непосредственныя отъ словъ сихъ вѣтви, таковыя какъ Италіянское *radicale,* Французское и Англинское *radical* (коренный); Италіянское *radioso* или *raggiante,* Французское *radieux* или *rayonnant,* Англинское *radiant,* (сіяющій, блестящій, лучезарный), и проч. Сіе познаніе чрезъ нашъ языкъ тѣхъ въ иностранныхъ языкахъ началъ, которыя имъ самимъ неизвѣстны, послужатъ намъ руководствомъ къ основательнымъ и обширнѣйшимъ свѣденіямъ, какъ въ своемъ, такъ и въ ихъ языкахъ. Оно поведетъ насъ (здѣсь и въ другихъ подобныхъ случаяхъ) къ разрѣшенію вопроса: Латинское *radix,* Французское *rayon,*

---

*) Почти всѣ слова Англинскаго языка сходны съ словами вышеозначенныхъ языковъ, слѣдственно и сіе слово есть въ немъ одинакое съ ними; но оно ближе ихъ показываетъ происхожденіе свое отъ Славенскаго *родъ.* Италіянецъ произноситъ слово свое *радиче,* тожъ близко къ Славенскому *родичъ,* т. е. *раждающій.*

**) Нѣмецъ называетъ слово сіе *strahl,* Голанецъ *straal,* Датчанинъ *straale,* очевидно отъ Славенскаго *стрѣла;* ибо воображая лучъ *стремящимся* отъ свѣтила мы видимъ въ немъ подобіе *стрѣлы,* которая и сама происходитъ отъ *струсь, простираюсь, стремлюсь.*

Англинское *root*, разныя ли сушь, или одно и шоже слово, различно произносимое? ошвѣшъ: одно и шоже; ибо во Французскомъ словѣ *rayon*, корень *ra* очевидно сокращенъ изъ *rad*, какъ-шо показывающъ въ шомъже языкѣ однозначащія съ разными окончаніями слова *radieux* и *rayonnant*. Англинское шоже; ибо измѣненіе буквъ *a* въ *o* и *d* въ *t* легко дѣлаешся. Сей ошвѣшъ показываешъ единсшво сихъ разноязычныхъ словъ, но не показываешъ при вѣшвенномъ ихъ значеніи вмѣсшѣ и кореннаго, кошорое опыскиваешся въ Славенскихъ словахъ *родить*, *родъ*, и *проч*.

XIV. Славенское слово *нощь* или *ночь* (по другимъ нарѣчіямъ, шо есшь Польскому, Богемскому, Сербскому, и проч., *noc*, *noz*, *nottz*, *noch*, *nuzh*, *nocch*, *и проч*., по ошдаленнымъ же языкамъ, какъ-шо, Лашинскому *nox*, Греческому *νὺξ*, Дашскому *nat*, Шведскому *natt*, Голландскому *nagt*, Нѣмецкому *nacht*, Англинскому *night*, Ишаліянскому *notte*, Французскому *nuit*, Гишпанскому *noche*, Персидскому *нуахъ*, *и проч*.), есшь безсомнѣнія одно и шоже слово всѣми сими языками съ нѣкошорымъ въ произношеніи различіемъ повшоряемое; ибо ежелибъ было не одно, шо какимъ образомъ въ сшолькихъ языкахъ сохранило бы единсшво начальныхъ буквъ? Но какъ всякое слово заключаешъ въ себѣ какое нибудь коренное поняшіе, по кошорому вѣшвенное значеніе его ушвердилось, шо и надлежишъ непремѣнно

сему понятію, на которомъ нибудь изъ сихъ языковъ яснѣе быть видиму, нежели на другихъ. Разсмотримъ Славенское слово: что такое ночь? темнота, мракъ, отъемлющій дѣйствіе зрѣнія. Человѣкъ, пребывающій въ немъ, находится въ такомъ состояніи какъ бы не имѣлъ очей. Итакъ весьма естественно могъ онъ сіе отсутствіе свѣта представить себѣ подъ выраженіемъ *нѣтъ очей*, которое сократилъ сперва въ *не очъ*, а потомъ въ *ночъ*, откуда пошли *nox*, *notte*, *nat*, и проч. Изъ сего явствуетъ, что Славенское слово, ближе всѣхъ другихъ показывающее коренное значеніе свое, долженствуетъ быть первобытное или родоначальное.

XV. Славенинъ говоритъ *клоню* (клонить), Латинецъ *clino*, Грекъ *κλίνω*, Италіянецъ *declinare*, *inclinare*, Французъ *decliner*, *incliner*, Англичанинъ *to decline*, *to incline*, *и проч*. Отселѣ на всѣхъ языкахъ пойдутъ вѣтви, таковыя какъ *declinazione*, *inclinazione*, *declinaison*, *inclination*, *склоненіе*, *склонность*, *и проч*., изъ коихъ каждая, сохраняя корень *клн* или *кл* (*cln*), сохраняетъ и главное, то есть общее всѣмъ понятіе *о кривизнѣ*; ибо ничто *наклоненное* не можетъ быть *прямо*. Находя такимъ образомъ общій источникъ одного и тогоже понятія, изъ котораго каждый языкъ почерпалъ свои мысли и при составленіи словъ ими руководствовался, остается спросить: на какомъ языкѣ (ибо сіе непремѣнно быть

долженствуетъ) можно яснѣе усмотрѣть причину, по которой корень *клон* или *clin* (въ коемъ постояннѣйшія буквы суть *кл)* во всякой произшедшей отъ него вѣтви означаетъ кривизну *)? Безсомнѣнія таковое изслѣдованіе покажетъ, что тотъ языкъ, въ которомъ сіе откроется, долженъ быть праотцемъ другихъ, поелику изъ него течетъ первоначальная мысль. На Славенскомъ языкѣ многія отъ сего корня слова, какъ-то: *око* (*l'oeil*, Франц.) около *(autour)*, *коло* или *колесо (la roue)*, *кольцо (un anneau)*, *колѣно (le genou)*, *и проч.*, означаютъ всегда или круглыя или согнутыя вещи. Слѣдовательно глаголъ *клоню* (тожъ разумѣется и обо всѣхъ происходящихъ отъ него вѣтвяхъ), какъ корнемъ своимъ, такъ и значеніемъ, показываетъ сродство свое съ вышеозначенными словами, и вѣроятно изъ *колоню* (т. е. сгибаю наподобіе *кола* или *колеса*) сокращено въ *клоню*. Изъ сего явствуетъ, что понятіе *о кривизнѣ*, об-

*) Благосклонный читатель да припомнитъ здѣсь, что разсуждая о коренномъ значеніи мы не разсуждаемъ о вѣтвенномъ; ибо хотя, напримѣръ Руское слово *поклонъ* и Французское *décline* въ вѣтвенномъ значеніи не соотвѣтствуютъ одно другому, но въ коренномъ, соотвѣтствуютъ, поелику и тотъ, кто *кланяется*, и тотъ, кто *приближается къ паденію или концу* (qui est sur son décline), оба гнутся, *клонятся*, становятся не бодры, не прямы.

щее всѣмъ разноязычнымъ вѣтвямъ, отъ корня сего исходящимъ, влечетъ начало свое изъ Славенскаго языка; ибо въ немъ единомъ корень сей примѣчается.

Я прерываю здѣсь сіи замѣчанія, предоставляя себѣ впредь продолжить оныя, буде время и обстоятельства то позволятъ. Между тѣмъ я совершенно увѣренъ, что подобныя изслѣдованія для всѣхъ вообще языковъ весьма полезны; ибо приводятъ ихъ къ общему началу, и показываютъ, какъ отъ первой человѣческой мысли раждались другія, и какимъ образомъ составлялись и распространялись языки, которыхъ слѣды происхожденія отъ первобытнаго языка, при обращеніи на то нѣкотораго вниманія, такъ еще свѣжи и примѣтны.

ПРОДОЛЖЕНІЕ
ИЗСЛѢДОВАНІЯ КОРНЕЙ.

Мы помѣщаемъ здѣсь выписку изъ книги подъ названіемъ: *деревья словъ.* Книга сія въ листъ напечатана особо при Академіи. Въ ней въ видѣ древъ изображены исходящіе изъ корней колѣнчатые стебли, отъ каждаго колѣна коихъ произрастаютъ вѣтви. Намѣреніе, съ какимъ оная начата, состоитъ въ томъ, чтобъ по утвержденіи деревъ, то есть по объясненіи связи колѣнъ каждаго дерева, приступить къ опредѣленію и объясненію каждой вѣтви (чему въ упоминаемой книгѣ и сдѣлано ужѐ начало), дабы такимъ образомъ составить полный Словарь, не по названію токмо, но дѣйствительно по связи и непрерывному теченію мыслей *словопроизводный.* Въ предувѣдомленіи сей книги сказано:

„Листки сіи, содержащіе въ себѣ корни словъ съ истекающими изъ нихъ наподобіе древъ колѣнами и вѣтвями, печатаются въ немногомъ числѣ; ибо издаются токмо для опыта. Намѣреніе напечатанія ихъ есть не то, чтобъ выдать оныя уже за совершенно исправные и утвержденные; но чтобъ Члены

Академіи, также и другіе любители языка своего и словесности, могли сами, имѣя листки сіи въ своихъ рукахъ, судить о справедливости доводовъ, какими смежность понятій между колѣнами и принадлежность ихъ къ одному и томуже корню доказывается. Естьли найдетъ кто въ деревѣ какое либо колѣно не довольно доказаннымъ, и сыщетъ ближайшее и вѣрнѣйшее доказательство о принадлежности сего колѣна къ другому дереву (то есть найдетъ оное происходящимъ отъ инаго корня), или отыщетъ въ языкѣ новое пропущенное въ семъ деревѣ колѣно, то замѣчанія его, естьли онъ пришлетъ ихъ въ Академію, примутся съ благодарностію, даже и тогда, когда бы Академія не нашла ихъ удовлетворительными: ибо симъ токмо образомъ можетъ и желаетъ она со временемъ достигнуть до того, чтобъ утвердить начала обширнаго и древняго нашего языка, безъ чего всѣ труды въ сочиненіи словопроизводнаго Словаря и точныхъ Грамматическихъ правилъ будутъ несовершенны; поелику знаніе о природѣ и свойствахъ всякой вещи почерпается изъ объясненія первоначальныхъ ея стихій. Мы не распространяемся здѣсь о пользѣ сего намѣренія. Любопытствующій можетъ лучше и подробнѣе усмотрѣть оное изъ чтенія Академическихъ Извѣстій. Замѣтимъ токмо, что по отысканіи такимъ образомъ принад-

лежности вѣтвей къ колѣнамъ, и колѣнъ къ корнямъ, мало останется такихъ словъ, коихъ корни не отыщутся, и тогда весь языкъ потечетъ отъ малочисленныхъ началъ, а чѣмъ оныя малочисленнѣе, тѣмъ языкъ извѣстнѣе и опредѣлительнѣе. Новѣйшіе языки, изъ многихъ другихъ нарѣчій составленные, не могутъ никогда въ одинакой степени съ древнимъ языкомъ Славянскимъ до сего важнаго преимущества достигнуть.“

Тамъже помѣщены слѣдующія краткія замѣчанія:

„Корень состоитъ изъ малаго числа буквъ (часто изъ одной токмо), коихъ первоначальное значеніе по большой части почерпается отъ звукоподражанія природѣ, то есть она сама даетъ человѣку и звукъ и мысль.“

„Наконецъ (сказано въ заключеніи) читатель самъ, вникая во всю цѣлость дерева, можетъ извлекать подобныя сему замѣчанія. Впрочемъ кто изъ любителей отечественнаго языка своего пожелаетъ принять на себя трудъ составить таковое (одно или болѣе) дерево изъ корня, избраннаго имъ по произволенію, и пришлетъ оное въ Академію, тотъ чѣмъ болѣе потрудится, тѣмъ болѣе принесетъ ей удовольствія. Ибо прежде надлежитъ сдѣлать разныя изслѣдованія, дабы потомъ изъ сихъ изслѣдованій безошибочнымъ и доказаннымъ образомъ основать и

утвердить течение составлявших языкъ мыслей человѣческихъ."

Сверхъ сего во многихъ мѣстахъ мы уже опредѣлили что такое разумѣемъ подъ *корнемъ* слова, и какимъ образомъ чрезъ сношеніе или уподобленіе вещей извлекаются изъ него *колѣна*, а изъ колѣнъ *вѣтви*. (См. въ 5й и 6й части сихъ Сочиненій и Переводовъ корни *вѣщ. мал.* и *пик.*). По сей причинѣ отсылаемъ читателя къ помянутымъ статьямъ, не повторяя здѣсь того, о чемъ прежде было говорено. Скажемъ токмо, какъ и въ началѣ предувѣдомляли, что въ разсмотрѣніи корней не наблюдаемъ азбучнаго порядка; ибо всѣ оные одинъ за другимъ пройти завело бы насъ въ ненужный еще при первомъ опытѣ трудъ. Довольно когда мы изложимъ начала, на которыхъ словопроизводный Словарь долженъ быть основанъ, поелику безъ того не можетъ онъ достигнуть цѣли своей и быть вѣрнымъ истолкователемъ языка. Притомъ же когда многіе корни хотя и порознь будутъ изслѣдованы, то уже привесть ихъ въ порядокъ не многаго потребуетъ труда. Главное дѣло состоитъ въ изысканіи доказательствъ къ связанію колѣнъ, чего ни въ какихъ словаряхъ, ни въ нашемъ, ни въ иностранныхъ, по сіе время не видимъ; а между тѣмъ съ нѣкоторымъ о томъ размышленіемъ ясно почувствовать можемъ, что въ семъ-то самомъ и заключается ихъ несовершенство.

Чтожъ принадлежитъ до исчисленія вѣтвей, произведенныхъ отъ каждаго колѣна, то оное во всѣхъ словаряхъ соблюдается; но сего мало, когда колѣна не связаны между собою; ибо тогда *словопроизводный* словарь, возвѣщая именемъ своимъ намѣреніе показать, какимъ образомъ слова происходили одно отъ другаго, не исполнитъ сего намѣренія, поелику въ немъ производятся вѣтви не прямо отъ корня, но отъ первыхъ произведенныхъ отъ него вѣтвей, пріемля каждую изъ нихъ за корень, чрезъ что затмѣвается коренная, первоначальная мысль, и опредѣленіе словъ подвергается погрѣшностямъ и ошибкамъ. (См. въ шестой части сихъ Сочиненій и Переводовъ, на стр. 124, статью о недостаткахъ Академическаго словаря).

Помѣщеніе же здѣсь того, что въ вышеозначенной книгѣ съ изображеніемъ деревъ напечатано, дѣлается по той причинѣ, что оная первое еще неокончана, и второе, какъ первоначальный опытъ, въ немногихъ экземплярахъ издается, и потому въ рукахъ у малаго числа читателей быть можетъ. Притомъже здравое обсужденіе толь многосложной и доселѣ мало извѣстной науки языка требуетъ открывающихся постепенно добирательствъ, не могущихъ при первомъ опытѣ быть безошибочными и со-

вершенными; но польза чрезъ нѣкоторыя ошибки (хотя бы оныя и нашлися) нимало не разрушается; ибо связь главнаго числа колѣнъ въ деревѣ очевидна и неподвержена никакому сомнѣнію; а потому хотя бы нѣкоторыя колѣна и оказались сомнительными, или бы по новымъ откровеніямъ и яснымъ доводамъ нашлося, что оныя не къ сему, но къ иному корню принадлежатъ, то изъятіе ихъ изъ одного дерева и помѣщеніе въ другое, есть одна токмо поправка, отнюдь не повреждающая главной цѣли составленія совершеннѣйшаго издаваемыхъ донынѣ словопроизводныхъ словарей.

ОБЪЯСНЕНІЕ

колѣнъ дерева, коего корень есть МР.

1-е Колѣно *мру* *). Корень *мр*, то есть звукъ, состоящій изъ сихъ двухъ буквъ, кажется естественъ чувствамъ нашимъ, когда мы голосомъ изъявляемъ что нибудь противное имъ, или непріятное. Гораздо

---

*) Здѣсь исчисляются однѣ токмо колѣна; ибо происходящія непосредственно отъ нихъ вѣтви можно видѣть въ Академическомъ словарѣ.

свойственнѣе произнести оный съ пасмурнымъ, нежели съ веселымъ лицемъ. Онъ потрясая губы и языкъ нашъ, кажется приводитъ и душу или чувства наши въ такое потрясеніе, какое ощущаемъ при нѣкоторой боязни или отвращеніи. Взглядъ на камень, на дерево, на цвѣтокъ, на ручей, и тому подобное, не производитъ надъ душою нашею такого сильнаго дѣйствія, какое производитъ взглядъ на мертваго человѣка, или животное. Здѣсь ужасъ, соединенный съ отвращеніемъ, потрясая чувства наши, и сообщая сіе потрясеніе языку, понуждаетъ его произнести звукъ *мр*, отъ котораго произошли потомъ вѣтви: *мру*, *умираю*, *мертвый*, *смерть*, *и проч.* Соединя единожды съ симъ корнемъ понятіе объ ужасѣ, вселяемомъ погасаніемъ жизни, человѣкъ началъ всѣмъ прочимъ подобнымъ же явленіямъ давать почерпаемыя изъ сего первоначальнаго понятія на томъ же корнѣ основанныя имена, какъ мы то изъ нижеслѣдующаго увидимъ.

2-е Колѣно *мерлуха*, *мерлушичей мѣхъ*. Отъ глагола *мру*, *мереть*; ибо мѣхи сіи составляются изъ умершихъ или уморенныхъ ягнятъ, прежде нежели они родятся.

3-е Колѣно *смрадъ* (въ просторѣчіи *смородъ*). Все мертвое сгниваетъ, а сгнивающее издаетъ отъ себя противный запахъ:

и такъ зловоніе есть необходимое слѣдствіе лишенія жизни. Отсюду названія *смерть* и *смрадъ* происходятъ отъ одного корня, и столько же близки значеніемъ, сколько и звукомъ. Сущность слова составляютъ однѣ согласныя буквы; изъ сего явствуетъ, что сперва человѣкъ оба сіи толь смежныя между собою понятія разумѣлъ подъ единымъ и тѣмъже знакомъ *смрт*, но когда съ распространеніемъ ума почувствовалъ онъ надобность въ большемъ различеніи вещей, тогда, примѣшавъ къ тому-же звуку гласныя буквы, изъ *смрт* сдѣлалъ *смерть* и *смрадъ*. Такимъ образомъ съ родившимся изъ перваго понятія (или колѣна) вторымъ, произвелъ онъ отъ сего втораго непосредственно относящіяся къ нему вѣтви *смердѣть*, *смердящій*, *и проч.*

4-е Колѣно *смердъ*. Ясно, что сіе презрительное имя, какое давали самому черному и неопрятному народу, произошло отъ глагола *смердѣть*.

5-е Колѣно *смородина*. Отъ слова *смородъ*, *смрадъ*, поелику такъ называемая *черная смородина* имѣетъ, хотя непротивный, но весьма сильный духъ, или *смородъ*. Нѣкоторые почитаютъ сіе названіе сложнымъ изъ словъ *самородина*, однако сіе несправедливо, поелику она не больше *сама родится*, какъ и всякая другая ягода.

6-е Колѣно *мерзость*. Когда человѣкъ далъ зловонію или противному запаху названіе *смрадъ*, и произвелъ отъ онаго вѣтви *смердѣть*, и проч., тогда надлежало ему дать и другое названіе дѣйствію, какое сей дурной запахъ въ чувствахъ нашихъ производитъ. Онъ изъ тогоже корня, по соображенію смежности понятій, извлекъ вѣтви *мерзость*, *мерзю*, *мерзкій*, *мерзко*, *и проч*. Такимъ образомъ вѣтви сего шестаго колѣна, сохраненіемъ въ нихъ кореннаго звука *мр* напоминаютъ, что онѣ чрезъ *смерть*, перейдя въ *смрадъ*, выражаютъ сопряженное естественно съ ними понятіе о *мерзости*, то есть чувствѣ, раждающемся въ насъ посредствомъ зрѣнія отъ вида смерти, посредствомъ же обонянія отъ смрада.

7-е Колѣно *мракъ*. Человѣкъ, видя въ мертвецѣ подобнаго себѣ человѣка съ закрытыми очами, легко могъ себѣ представить, что сей мертвый не видитъ тѣхъ предметовъ, какіе онъ живой видитъ. Итакъ, дабы означить сіе состояніе незримости вещей, онъ, полагая тому виновницею *смерть*, отъ глагола *мру*, перемѣня окончаніе, сдѣлалъ имя *мракъ*, откolѣ произвелъ непосредственныя сего седмаго колѣна вѣтви *мрачность*, *мрачный*, *помрачить*, *и пр*.

8-е Колѣно *смерчіе*. Хотя первое слово *смерчіе*, значитъ, какъ толкуютъ, можже-

веловый кустъ; однакожъ по причинѣ ли черноты ягодъ сего растѣнія, или почему иному, но главная при семъ названіи мысль должна быть взята отъ *мрака*, въ чемъ удостовѣряетъ насъ второе слово *смерчъ* или *смерщъ*, означающее точно *мрачность*, какую сіи называемые *смерчами* водяные столбы, помрачая горизонтъ, на морѣ производятъ.

9-е Колѣно *морщу*. Морщины на лицѣ показываютъ старость, ветхость тѣла, приближеніе къ смерти; изъявляютъ мракъ печали, погасаніе игривости, веселія: итакъ справедливо въ семъ колѣнѣ сохраненъ тотъже корень *мр*, какой и въ колѣнахъ *мру*, *мракъ*. Изъ естественнаго состоянія *морщиться* (то есть отъ старости покрываться морщинами) глаголъ сей чрезъ уподобленіе перешелъ въ значеніе: *становиться мрачнымъ*, то есть гнѣвнымъ или печальнымъ.

10-е Колѣно *сморчокъ*. Отъ того, что *сморщился*, весь въ *морщинахъ*.

11-е Колѣно *морошка*. Вѣроятно также отъ *морщинъ*, потому что ягода сія выпуклыми частицами своими показываетъ нѣкоторое сходство съ морщинами.

12-е Колѣно *смурый*. Говорится *смурый кафтанъ* (т. е. темнаго цвѣта) и *пасмурная погода* (т. е. темная, мрачная): слѣдова-

тельно изъ сихъ двухъ выраженій ясно видно, что мысль сего колѣна заимствована отъ слова *мракъ*.

13-е Колѣно *хмурю*. Глаголъ *нахмуриться* значитъ сдѣлать сердитое, печальное, мрачное лице: и такъ ясно, что мысль сего колѣна заимствована также отъ слова *мракъ*, почему и корень *мр* сохраненъ въ немъ тотъже самый.

14-е Колѣно *мравій* или *муравей*. Имя сему насѣкомому вѣроятно дано по темнотѣ цвѣта его. Мы въ слѣдующемъ колѣнѣ увидимъ достаточные тому признаки.

15-е Колѣно *мурава*. Мысль въ вѣтвяхъ сего колѣна по всей видимости почерпнута отъ слова *мракъ*. Сколь ни различныя вещи разумѣются подъ именами *муравей* (насѣкомое), *мурава* (трава), *муравить* (наводить на глиняную посуду нѣкотораго цвѣта глянецъ), и хотя понятіе о *мракѣ* исчезаетъ уже въ нихъ; однакожъ сличая ихъ съ подобозвучными же словами *смурый*, *пасмурно*, *хмуриться*, въ которыхъ понятіе о *мракѣ*, гораздо ощутительнѣе, надлежитъ думать, что и оныя одинакой съ ними корень имѣютъ. Легко могло статься, что *муравей* названъ по *смурости* цвѣта своего; *мурава* тожъ, по сравненію цвѣта ея съ другими прозрачнѣйшими цвѣтами; *муравить*, наводить подобную *муравѣ* краску.

16-е Колѣно *мурлыту* или *мурныту*. Всѣ вѣтви сего колѣна показываютъ нѣкое суровое или непріятное ворчанье: *кошка мурнытетъ*, *медвѣдь муртитъ*, и проч.; а потому явствуетъ, что оныя должны проистекать отъ тогоже корня *мр*, означающаго тужъ *мратность* (то есть грубость, или угрюмость, или свирѣпость), каковую изъявляютъ и другія сего дерева вѣтви, таковыя, какъ *пасмурно*, *хмуриться*, и проч.

17-е Колѣно *маргаю*. Вѣроятно отъ того, что чрезъ частое смыканіе ресницъ глаза не такъ ясно видятъ, какъ на долго отверстыя, и что чрезъ сіе дѣлается въ нихъ нѣкоторый *мракъ*. Надлежитъ примѣтить, что между словами *мракъ* и *маргаю*, когда мы исключимъ изъ нихъ гласныя буквы, дѣлается почти совершенное единство: *мрк*, *мрг*.

18-е Колѣно *мараю*. Слово *мáра*, въ нашемъ языкѣ неизвѣстное, но въ Польскомъ и другихъ нарѣчіяхъ Славенскаго языка существующее, означаетъ мечту, призракъ, привидѣніе. Отсюду въ языкѣ нашемъ находимъ мы слѣдующія сего слова слѣды: 1-е *кикимара*, мечтательное, воображеніемъ созданное существо, подобное Греческимъ Сиренамъ или Наядамъ. Итакъ слово *мáра* соотвѣтствуетъ здѣсь точному смыслу употребленія онаго въ другихъ Славенскихъ

нарѣчіяхъ. Другая половина онаго *кики* есть постороннее къ нему присовокупленіе *). 2-е, *Обморочить;* говорится *онъ меня обморочилъ,* то есть обманулъ, ослѣпилъ, навелъ на меня *мóрокъ, мракъ.* 3-е, простонародное *маракую* значитъ разумѣю не много, то есть знаю или вижу вещи, но не совсѣмъ ясно, какъ бы въ нѣкоемъ мечтаніи, темнотѣ (или по корню, такъ сказать, въ нѣкоторой *мáрѣ, мóрокѣ, мракѣ*). 4-е, Другое простонародное *моркотно мнѣ,* вмѣсто скучно, грусно, показываетъ также въ словѣ *моркотно* вѣтвь, произведенную отъ слова *мракъ.* Наконецъ 5-е, изъ всѣхъ сихъ соображеній заключить можемъ, что и глаголъ *мараю,* значащій черню, привожу какой нибудь ясный или свѣтлый видъ въ *мрачный, помраченный,* несомнѣнно происходитъ отъ слова *мракъ* **).

19-е Колѣно *морковь.* Вѣроятно отъ глагола *мараю* (вещь *мáркая*), по причинѣ, что овощь сей, имѣя въ себѣ багряный сокъ, можетъ, особливо на одеждѣ бѣлаго цвѣта, дѣлать красные пятна, *марать* оное.

---

*) *Кики,* Zéa mays. Однолѣтнее пахатное произрастеніе, имѣющее стебель толстой, вышиною въ человѣка, и проч. (См. Академ. Словарь).

**) Сюда же принадлежатъ слова *Мавръ, Муринъ,* (иначе Арабъ), murzyn Польск. отъ murzyc, марать; mohr, Нѣмец.

20-е Колѣно *мразъ*. Человѣкъ составилъ слово сіе точно по тѣмъже разсужденіямъ, по какимъ и слово *мракъ*. Онъ примѣтя, что сильный хладъ въ подобное же, какъ и смерть приводитъ состояніе, то есть жидкое и движущееся, какъ бы отъемля у онаго жизнь, претворяетъ въ окостенѣлое и неподвижное, взялъ мысль, заключающуюся въ глаголѣ *мру*, и перемѣня у сего корня окончаніе, сдѣлалъ изъ него *мразъ* или *морозъ*, находя въ дѣйствіяхъ сей сильной стужи, что она приключаетъ *моръ*, *умираніе*. Отселѣ произвелъ относящіяся непосредственно къ сему колѣну вѣтви: *морозить*, *заморозить*, *отморозить*, и проч.

21-е Колѣно *море*. Человѣкъ не однимъ сопряженнымъ съ отвращеніемъ ужасомъ поражается. Его изумляютъ и смущаютъ также великія разстоянія, неизмѣримыя пространства. Видъ смерти ужаснулъ и потрясъ чувство его; но видъ необъятнаго взорами разліянія водъ, привелъ въ толикое же душу его удивленіе. Итакъ, взирая на морскія бездны, на сію безпредѣльную пучину, потому ли, что столько удивленъ былъ ею, сколько и образомъ смерти, или по тому, что не полагалъ на семъ пространствѣ водъ никакого обитанія и жизни, назвалъ оное, *моремъ*, отъ понятія, заключающагося въ корнѣ *моръ*, *мру*, *умираю*.

22-е Колѣно *моржъ* (можетъ быть сперва *морежъ*). Вѣроятно отъ того, что *морской* звѣрь.

23-е Колѣно *мрежа* или *мережа* (можетъ быть сперва *морежа*). По тойже причинѣ, какъ рыболовная сѣть, бросаемая въ *море* или въ воду.

24-е Колѣно *міръ*, тожъ самое удивленіе, по какому человѣкъ назвалъ великую пучину водъ *моремъ*, подало ему поводъ подобноеже неизмѣримое пространство воздуха назвать *міромъ*, то есть вѣтвію отъ тойже мысли и корня произведенною.

25-е Колѣно *миръ*. Съ смертію неразрывно сопрягается понятіе о тишинѣ или спокойствіи; отселѣ говоримъ о мертвомъ, *покойникъ*. Итакъ человѣкъ могъ легко, для выраженія понятія о тишинѣ, взять слово изъ понятія о смерти, то есть вывесть изъ корня *мру* вѣтвь *миръ*, означа оною покой, тишину, подобіе смерти. Покойный Эминъ, чувствуя смежность сихъ двухъ понятій, вмѣсто *умереть* писалъ *умиреть*, производя глаголъ *умереть* отъ имени *миръ*; однакожъ словопроизводство сіе несправедливо, хотя и кажется правдоподобнымъ; ибо допустивъ оное можно спросить, откуда же слово *миръ?* тогда новыя родятся затрудненія къ открытію источника мыслей.

ОБЪЯСНЕНІЕ

колѣнъ дерева, коего корень есть КР, ГР, ХР.

Мы пріемлемъ звуки *кр* или *гр* или *хр* за одинъ и тотъже корень по той причинѣ, что предшествующія буквѣ *р* согласныя буквы *к*, *г*, *х*, суть всѣ гортанныя, и потому легко одна вмѣсто другой произносятся. Въ доказательство тому служить могутъ разныя Славенскія нарѣчія, изъ сличенія коихъ во многихъ словахъ сіе окажется. Напримѣръ мы говоримъ *хрупкость*, а Поляки, Богемцы, Словаки тожъ слово произносятъ kruchosc, krehkost. Даже и въ собственномъ нарѣчіи нашемъ часто ихъ перемѣшиваемъ: *хрупко* и *кропко*, *хрусталь* и *кристаль*, *гаркать* и *каркать*, и проч. Сіи буквы не имѣютъ инаго различія, кромѣ нѣкотораго измѣненія въ дуновеніи нашемъ изъ горла или утробы, безъ всякаго соучастія губъ, языка и неба; а потому, согласно съ ихъ природою и употребленіемъ въ языкѣ, мы составляемъ изъ нихъ, яко изъ единаго корня, единое и древо.

Звуки, состоящіе изъ буквъ *кр*, *гр*, *хр*, слышимые въ преломленіи сухихъ вещей, въ удареніи другъ о друга твердыхъ тѣлъ, въ воздушныхъ треніяхъ, въ голосѣ животныхъ и проч., подали человѣку поводъ къ соста-

вленію изъ нихъ словъ, означающихъ различные гласы или шумы. Главное дѣйствіе въ семъ звукоподражаніи природѣ производитъ буква *р*. Она какъ сама, такъ и съ приставленіемъ къ ней, сзади или спереди, другихъ буквъ, вмѣстѣ съ ними служитъ къ изъявленію самихъ шумовъ, или шумныхъ дѣйствій, или относящихся къ нимъ понятій. Она производитъ сіе не съ однѣми токмо буквами *к*, *г*, *х*, но и со многими другими *). Покажемъ неоспоримое тому доказательство, зримое во множествѣ словъ; *брякаетъ*, *брюжжитъ*, *бормочетъ*, *бурчитъ*, *бурлакъ*, *буря*, *ворчитъ*, *воркуетъ*, *гаркаетъ*, *гремитъ*, *громитъ*, *грохаетъ*, *грохочетъ*, *граетъ*, *грызетъ*, *грозитъ*, *горланитъ*, *каркаетъ*, *крякаетъ*, *кричитъ*, *кропочетъ*, *крехтитъ*, *курлыкаетъ*, *мурлычетъ*, *скрыпитъ*, *стрекочетъ*, *трещитъ*, *трубитъ*, *тороторитъ*, *тормошитъ*, *чиркаетъ*, *урчитъ*, *уркуетъ*, *ура*, *храпитъ*, *хрипитъ*, *храпаетъ*, *хруститъ*, *хряснуло*, *хрюхаетъ*, и проч. и проч. Изъ сего весьма еще не полнаго собранія словъ, вмѣщающихъ въ себѣ букву *р* и означаю-

---

*) Однакожъ мы другихъ сопряженныхъ съ нею буквъ, таковыхъ, какъ *б*, *м*, *т*, и проч., яко разноорганныхъ подъ сей корень не ставимъ, но каждую подъ своимъ: *брякать* подъ *бр*, *мурлыкать* подъ *мр*, *трещать* подъ *тр*, и такъ далѣе.

щихъ шумы, каждое, аки колѣно, пускаетъ собственныя свои вѣтви, и притомъ рождаетъ мысль къ составленiю чрезъ уподобленiя съ ними новыхъ колѣнъ и вѣтвей. Отселѣ можно себѣ представить коликимъ числомъ словъ, изъ сего единаго понятiя истекшихъ, языкъ обогатился! Но заглянемъ и во всѣ иностранные языки, мы примѣтимъ въ нихъ тоже. Во Французскомъ: briser, bruit, brusquer, hurler, heurter, fracas, fragil, frayeur, fredonner, frotter, craquer, craqueter, crier, crever, croasser, murmurer, organe, orage, terreur, trouble, tourbillon, etc. Въ Италiянскомъ: briccolare, borbottare, burrasca, crepitare, cricchio, ctistallo, croccare, crocchiare, cruccio, fracassare, frangere, grifare, gridare, grondare, stridere, strepitare, urtare, etc. Мы собрали здѣсь изъ сихъ двухъ языковъ малое токмо число названiй, оставя многiя невыписанными, и могли бы во всѣхъ другихъ языкахъ показать тожъ самое, то есть множество таковыхъ словъ, кои вмѣстѣ съ нашими подтверждаютъ расположенiе понятiй отъ сего корня; но сiе было бы уже излишно. Довольно изъ приведеннаго нами явствуетъ, что первая о томъ мысль человѣческая почерпнута изъ самой природы, и что какъ ни различны между собою, но всѣ они текутъ изъ единаго источника и одинакимъ образомъ, то есть всякъ изъ одного и тогоже общаго

всѣмъ корня извлекалъ свои колѣна и вѣтви. Приступимъ теперь къ описанію дерева:

1. Колѣно *крякаю*. Глаголъ сей очевидно есть звукоподражаніе голосу птицы, или иному какому либо звуку или шуму, въ преломленіи вещей слышимому.

2. *Кряква*. Родъ большой утки по тому такъ названной, что въ голосѣ ея слышно звучаніе *кря, кря*, откуда и говорится: утка *крякаетъ*.

3. *Каркаю*. Голосъ вороны, которая потому и называется иначе *корга*.

4. *Кряхчу*. Подобныйже *кряканью* голосъ стараго или больнаго человѣка.

5. *Кречетъ*. Птица сія, прежде называемая *крагуй*, оба сіи названія получила также отъ звукоподражанія голосу ея. Можетъ быть сперва называли ее *крехчетъ*, и потомъ, дабы отличить имя отъ глагола, стали говорить *кречетъ*. Глаголъ *крехчетъ*, изъявляющій голосъ подобный *крехтенію*, измѣнился потомъ въ *клехчетъ*, ибо о голосѣ орловъ говорятъ: орлы *клехчутъ*. (См. слово о полку Игоревомъ).

6. *Курлычу* или *курлыкаю*. Глаголъ, тожъ звукоподражательно изъявляющій голосъ журавля.

7. *Кропочу* или *кропчу*. Глаголъ, значащій тоже, что брюзжать, ворчать, и по-

тому очевидно заимствованный отъ корня *кр*, по подобію съ птичьими голосами.

8. *Кричу́*. Въ семъ глаголѣ видимъ мы тотъже корень *кр* или *кри*, означающій подобный же гласъ или шумъ, какой и другія отъ сегоже корня произведенныя колѣна означаютъ; а потому ясно, что онъ отъ одного съ ними корня и понятія произведенъ. Французской crier, Италіянской gridare, Нѣмецкой schreyen (ибо и въ немъ коренныя буквы суть cr) тожъ показываютъ.

9. *Скребу́*. Глаголы *скребу́*, *скрежещу́*, *скрыплю́*, содержатъ въ себѣ тотъже корень *кр*, и тожъ не разность вещей, но разность одной и тойже вещи означаютъ. *Скребу ножемъ*, *скрежещетъ зубами*, *дверь скрыпитъ*. Во всѣхъ сихъ выраженіяхъ *ножъ*, *зубы*, *дверь*, суть разныя вещи; но *скребу*, *скрежещетъ*, *скрыпитъ*, есть одинъ и тотъже гласъ или звукъ, различно токмо слышимый.

10. *Скрежещу́*. См. предъидущее колѣно.

11. *Скрыплю́*. См. предъидущее колѣно.

12. *Кора́*. Въ семъ словѣ примѣчается тотъже звукъ *кр*, данный такой вещи, которой онъ дѣйствительно свойственъ; ибо сія оболочка дерева, называемая *корою*, бываетъ въ старыхъ деревьяхъ обыкновенно сухая, чорствая, ломкая, и чрезъ то, во время преломленія оной, удобнѣе всѣхъ дру-

гихъ мягкихъ и гибкихъ вещей издаетъ сей звукъ, отъ коего и названіе получила. Въ неоспоримое тому доказательство служатъ названія *коры* на другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, напримѣръ по Латински cortex и crustum, по Рагузински korra и hrustaliza. Послѣднія изъ сихъ названій (crustum, hrustaliza) ясно показываютъ сходство ихъ съ нашими словами *хрустѣть*, *хрупко*, *хрусталь* или *кристаль*, кои не иное что суть, какъ звукоподражаніе сухимъ преломляющимся вещамъ. Умъ человѣческій перейдя такимъ образомъ отъ понятія о шумѣ къ понятію о вещи, издающей оный, то есть отъ звука *кр* къ слову *карà*, получилъ новый способъ разсуждать; а именно: онъ всѣ тѣ вещи, въ коихъ находилъ подобіе съ сею первою, началъ называть произведенными отъ одного съ нею корня словами. Симъ средствомъ сохранилъ въ вѣтвяхъ каждаго колѣна то свойство, что онѣ коренными буквами своими показываютъ принадлежность или отношеніе свое къ первоначальному заключающемуся въ корнѣ понятію, а разнообразіемъ прочихъ приставляемыхъ къ коренным, или смѣшиваемыхъ съ ними буквъ, являютъ различіе значенія между собою. Сіе различіе въ одномъ и томъже колѣнѣ можетъ такъ иногда быть велико, что вѣтви онаго не прежде можно отнести

къ нему, какъ по нѣкоемъ соображеніи. Здѣсь, напримѣръ, находимъ мы три таковыхъ слова: *кора*, *коришневый* и *коржавѣть*. Каждое изъ нихъ кажется представляетъ уму нѣчто особое; ибо какимъ образомъ говоря, напримѣръ, о *коришневомъ* цвѣтѣ, въ тожъ время воображать древесную *кору*? Кажется между ими нѣтъ никакой связи; но не меньше чрезъ то слова сіи суть непосредственныя вѣтви сего колѣна; ибо 1-е, человѣкъ, дабы отличить отъ общаго слова *кора*, нѣкотораго особаго дерева *кору*, назвалъ ее уменьшительнымъ именемъ *корица*, и произвелъ оттолѣ названіе цвѣту ея *коришневый*. 2-е, Дабы отличить подобную же *кору* на каменьяхъ, плодахъ, и проч. назвалъ ее другимъ уменьшительнымъ именемъ *корка* (алмазная, лимонная, хлѣбная корка, и проч.) 3-е, Находя, что *кора* обыкновенно бываетъ жесткая, онъ, вмѣсто чтобъ о мягкой вещи сказать: *она дѣлается подобно корѣ жесткою*, сталъ говорить *коржавѣетъ*. Продолжая такимъ образомъ размышлять, произвелъ онъ слѣдующія колѣна и вѣтви:

13. *Скора*. Человѣкъ, находя сходство между *корою* дерева и звѣриною кожею (ибо оная также покрываетъ звѣря и также можетъ съ него быть сдираема), для отличія отъ *кора* прибавя букву назвалъ ее *скора*

или *шкура*, и произвелъ оттолѣ вѣтви *скорнякъ*, *скорнячить*, и проч.

14. *Скорлупа́*. Ясно, что слово сіе составлено изъ имени *кора́* или *скора́* и глагола *лупить*.

15. *Ко́жа*. Слово *кожа* безсомнѣнія къ сему же дереву или семейству единокорненныхъ словъ принадлежитъ; ибо тожъ понятіе означаетъ: *кора́*, *скора́*, *шкура*, *ко́жа* есть одно и тоже, одинакимъ образомъ покрываетъ тѣла растѣній и животныхъ. Можетъ быть (чему много можно найти примѣровъ) буква *р* выпущена изъ средины, такъ что вмѣсто *ко́ржа* стали говорить *ко́жа*. Глаголъ *коржавѣть* значитъ дѣлаться *коро́ю* или *ко́жею*, то есть становиться жосткимъ. Ежели бы изъ него выпустить *р*, то бы *кожавѣть* не перемѣнило смысла, ибо значило бы тожъ становиться подобно *кожѣ* или *корѣ* жосткимъ. Латинскія слова имѣютъ одинакое съ нашими происхожденіе: кора̀, cortex; скора̀ или шкура, scortum; скорнякъ или кожевникъ, coriarius; кожа corium. Ихъ corium, происходя отъ cortex, сохранило коренную букву r, а наше *кожа* потеряло; но по всему явно, что оно отъ сегоже корня происходитъ.

16. *Корь*. Тѣло человѣческое въ сей болѣзни покрывается струпьями, отъ которыхъ оно теряетъ гладкость свою и дѣ-

лается жостко и шароховато, какъ древесная *кора*. Отселѣ болѣзнь сія названа *корью*.

17. *Коро́ста*. По тойже причинѣ; ибо болѣзнь сія такова же рода, какъ и *корь*.

18. *Коры́сть*. Человѣкъ примѣтя, что непріятели въ сраженіяхъ, для хвастовства или прибыли своей, снимаютъ съ убитыхъ соперниковъ доспѣхи, оружіе, одежду и обнажаютъ ихъ подобно тому, какъ обнажаютъ дерево или звѣря, сдирая съ перваго *кору̀*, или со втораго *скору̀*, назвалъ, по сходству того, сіи пріобрѣтенія *корысть*; откуда произвелъ вѣтви *корыстоваться*, *корыстолюбіе*, и проч. — (См. пространнѣйшее о семъ словѣ объясненіе въ V^й Ч. сего полнаго Собранія Сочин. и Перев. стр. 184).

19. *Ко́рень*. Слово сіе безъ всякаго сомнѣнія произведено отъ слова *кора̀*; поелику вещь называемая *корнемъ* есть не иное что, какъ таже самая *кора̀*, уходящая въ землю и тамъ пускающая отъ себя множество отраслей для держанія дерева въ отвѣсномъ положеніи.

20. *Кряжъ* (можетъ быть сначала *коряжъ*). Безсомнѣнія тожъ отъ слова *корень*, поелику означаетъ въ деревѣ ближайшую часть къ *корню*. Отселѣ подъ словомъ *кряжéвина* разумѣемъ подобное *корню* дерево, которое не удобно раскалывается. Отселѣ говоримъ *дорыться до кряжа*, то есть до

самаго настоящаго слоя или *корня* земли; *кряжъ горъ*, то есть цѣпь, сплетеніе, какое обыкновенно примѣчается въ частяхъ или вѣтвяхъ *корня*. Въ Академическомъ словопроизводномъ Словарѣ къ сему жъ колѣну отнесено слово *кряква* или *кряквы*, дѣлающіяся позади саней или зимнихъ повозокъ, дабы иногда служить вмѣсто изголовья лежащему въ саняхъ человѣку, а иногда чтобъ стоящій сзади человѣкъ за нихъ держаться могъ. Словопроизводство сіе потому быть можетъ вѣроятно, что *кряквы* сіи переплетаются иногда веревками, составляющими между собою *кресты* или *крыжи*, отъ подобія съ которыми и слово *кряжъ* возъимѣло свое начало, и могло сообщить оное слову *кряквы* *).

21. *Крыжъ*. (Можетъ быть сначала *корыжъ*) безсомнѣнія слово сіе произошло отъ слова *корень*, поелику нигдѣ не видимъ мы

---

*) Я хотя соглашаюсь здѣсь съ Академическимъ Словаремъ, однакоже не могу оставить безъ примѣчанія, что можетъ быть сіи *кряквы* произошли и прямо отъ глагола *крякать*, по тому соображенію, что оныя не могутъ выдерживать большой тягости, и что ежели человѣкъ сильно на нихъ опрется, то они *крякнутъ*, то есть изломятся. Легко можетъ статься, что сіе названіе дано имъ для того, дабы онѣ именемъ своимъ напоминали о сей осторожности.

столько переплетшихся между собою и одинъ черезъ другой переходящихъ отраслей, какъ во всякомъ *корнѣ*, пускающемъ сверхъ сего отъ себя множество усиковъ, находящихся съ нимъ въ томъ *перекрестномъ* положеніи, которое разумѣемъ мы подъ словомъ *крыжъ*.

22. *Крестъ* (можетъ быть сначала *корéстъ*). Слово сіе, тожъ значащее что и *крыжъ*, безсомнѣнія отъ тогожъ подобія съ *корнемъ* произведено.

23. *Крестьянинъ*. Многіе думаютъ, что слово сіе есть испорченное изъ *христіянинъ*; но естьли бы и отъ слова *крестъ* произвести оное, то бы мысль о *христіянствѣ* ни мало въ немъ не измѣнилась; поелику Христосъ на *крестѣ* былъ распятъ, а потому понятія о Христѣ и *крестѣ* соединены тѣсно между собою, такъ что *крещеніе* означаетъ уже *христіянина*.

24. *Корзи́на*. Очевидно происходитъ отъ словъ *корà* или *корень*, поелику изъ молодой коры или кореньевъ сплетается. Отсюду же должно происходить извѣстное по Несторовой лѣтописи, неупотребительное нынѣ слово *корзна* или *корзно*. (См. часть V сего полнаго Собр. Соч. и Перев. стр. 88).

25. *Кóробъ*. Такой же сосудъ, какъ и *корзина*, дѣлающійся изъ тонкой *корѝ* или драницъ.

26. *Корабкаюсь.* Очевидно, что глаголъ сей произшелъ отъ имени *коробъ.* Видя можетъ быть дѣтей взлезающихъ на *коробъ* или вылезающихъ изъ онаго, (ибо коробы дѣлаются различной величины), такимъ же образомъ, какъ отъ *мостина*, *взмоститься*, стали отъ слова *коробъ* говорить *корабкаюсь*, *вскорабкаться*, *выкорабкаться*, и проч.

27. *Коробить.* Сгибаніе коры или кореньевъ, при дѣланіи *корзинъ* и *коробовъ*, подало поводъ къ произведенію изъ тогоже корня глагола *коробить.* Отсюду говорится: доску *покоробило*, то есть согнуло наподобіе *короба.*

28. *Корабль.* Нѣтъ сомнѣнія, что *корабль* получилъ имя отъ *коробъ*; ибо онъ по образу своему дѣйствительно есть *коробъ*, несравненно превосходнѣйшимъ образомъ сдѣланный, но подобно ему имѣющій согнутые бока и вмѣщающій въ себѣ кладь.

29. *Скорбну.* Человѣкъ примѣтя, что *кора* на деревѣ (особливо старомъ), или *корка* на хлѣбѣ или на чемъ иномъ, всегда бываетъ сухая, черствая, шароховатая, и притомъ облупленная еще скорѣе засыхаетъ, произвелъ изъ того глаголы *скорбнуть*, *заскорбнуть*, то есть дѣлаться или сдѣлаться подобно *корѣ* или *коркѣ* жосткимъ, сухимъ.

30. *Скорблю.* Изъ предъидущаго колѣна отъ понятія о жосткости *коры*, по есте-

ственному соображенію, что всякая чорствость или *заскорблость*, когда водятъ по ней рукою, *оскорбляетъ* (т. е. приключаетъ нѣкоторое непріятное, иногда же и болѣзненное чувствованіе), перешелъ онъ къ понятію о семъ чувствѣ, и сдѣлалъ изъ глагола *скорбну* (становлюсь подобно *корѣ* жосткимъ) глаголъ *скорблю* (т. е. чувствую непріятность, печаль, *скорбь*, страданіе подобное тому, какое приключаетъ *кора* или *корка*, когда гладятъ по ней рукою). Отселѣ непосредственно произвелъ вѣтви *оскорбляю*, *прискорбно*, *оскорбитель*, и проч. При толь близкой смежности понятій не могутъ не встрѣчаться нѣкоторыя изъ вѣтвей такія, которыя принадлежатъ обѣимъ колѣнамъ. Напримѣръ ежели бы кто сказалъ: *скорблю сердцемъ*, глаголъ *скорблю* принадлежалъ бы сему 30 колѣну; но когда бы прачка на вопросъ: что ты дѣлаешь? отвѣчала: *скорблю рубашки*, тогда глаголъ *скорблю* принадлежалъ бы къ предъидущему 29 колѣну; ибо въ немъ *скорбить* значитъ *дѣлать скорблымъ*, иначе крохмалить.

31. *Корю*. Очевидно, что глаголъ сей подобно глаголу *скорблю*, произведенъ отъ имени *кора*, которая, какъ мы уже въ предъидущемъ колѣнѣ сказали, бываетъ всегда не гладкая, уязвляющая; а потому *корю* или *укоряю*, есть тоже, какъ бы сказать: по-

добною *корѣ* чорствостію принуждаю чувствовать непріятное, болѣзненное, *скорбное*. Наконецъ съ приложеніемъ инаго предлога вышло изъ того *покоряю*, гдѣ понятіе о непріятности или *оскорбленіи* еще чувствительно, поелику *покореніе* состоитъ въ нѣкоемъ насильственномъ преобладаніи надъ нами; но когда мы говоримъ: *вашъ покорный слуга*, то въ словѣ *покорный* коренная мысль, произведшая оное, совсѣмъ уже исчезаетъ; ибо мы подразумѣваемъ здѣсь непринужденную, а добровольную *покорность* или *покореніе* себя изъ учтивости.

32. *Карáю*. Глаголъ или колѣно сіе безсомнѣнія происходитъ отъ предыдущаго колѣна; ибо *караю* почти тоже значитъ, что *корю́*, то есть наказываю, приключаю такую боль, какъ бы *корою* вожу или тру по чувствительному мѣсту. *Корю* и *караю* есть одно и тоже, съ такимъ же точно различіемъ въ окончаніи, какъ *крещу* и *крещаю*, *горю* и *сгараю*, и проч.

33. *Крушу́*. Глаголъ сей также по всей вѣроятности происходитъ отъ понятія о *корѣ*; ибо разсматривая части дерева не находимъ ли, что *кора* въ немъ есть самая ломкая, самая *хрупкая* или *удобосокрушаемая* часть; слѣдовательно понятіе, заключаю-

щееся въ глаголѣ *крушить* *), легко и справедливо могло быть почерпнуто отъ ней **).

34. *Крошу́*. Мы видѣли изъ предъидущаго колѣна *крушу́*, что оное произошло отъ имени *кора́*, яко такой вещи, которая удобно *крушится*, то есть раздробляется на мѣлкія части, или, какъ сухая и ломкая, во время преломленія оной издаетъ звукъ *кр* или *хр*, откол̀ѣ и говорится звукоподражательно *кропкая* или *хрупкая*, *хрупкій*, *хрустѣть*, и проч. Глаголъ *крошу́* значитъ превращаю, раздробляю какое нибудь *хрупкое* тѣло въ *крохи* или *крупицы*, то есть въ мелкія части. По сему *кроха*, иначе *крупица*, есть мелкая часть отъ *хрупкой*, удобно *крушимой* вещи. Отселѣ ясно, что глаголъ *крошу́* есть слѣдствіе глагола *крушу́*, *сокрушаю*.

35. *Крухъ*. Слово сіе означаетъ нѣкакую глыбу или комъ. Говорится *укрухъ хлѣба*, то есть отрѣзанная или *отрушенная* отъ

---

*) Надлежитъ примѣтить, что говоря о начальномъ словѣ колѣна, мы тожъ самое говоримъ и обо всемъ колѣнѣ; ибо всякое онаго слово или вѣтвь можно взять за начальную.

**) Безсомнѣнія сюдаже принадлежитъ и глаголъ *рушу*, рушить, имя *рыхлый*, такожъ и другія слова начинающіяся съ буквы *р*, и означающія шумы или звуки, таковыя какъ: *рыкаю*, *рыгаю*, *рыдаю*, *ржу*, и проч.; но мы оставляемъ ихъ для помѣщенія подъ буквою *р*.

него не малая часть. Происходитъ отъ глагола *крушить*, поелику всякій отрѣзокъ отъ какого нибудь тѣла есть нѣкоторымъ образомъ *разрушеніе* или *сокрушеніе* цѣлости онаго.

36. *Крушéцъ*. Слово сіе мало употребительно, потому что вмѣсто онаго введено въ употребленіе иностранное слово *металлъ*. Названіе онаго *крушцемъ* весьма справедливо, поелику всякій *крушецъ* (металлъ) есть *крухъ* или глыба, *хрупкая*, могущая быть *сокрушаема*, или разсыпаема въ *крохи*, то есть въ мелкія части.

37. *Кручúна*. Ясно, что колѣно сіе есть ближайшее истеченіе изъ 33 колѣна *крушу̀*; поелику *кручинюсь* есть не иное что, какъ *крушусь*, *сокрушаюсь*. Можетъ быть потому стали говорить *кручúна* (а не *крушина*), чтобъ дать знаменованію сему еще болѣе силы, приближа оное къ глаголу *кручу̀*, и означить чрезъ то вмѣстѣ и *крушеніе* и *крутую* (т. е. сильную) печаль.

38. *Крупа̀*. Очевидно, что слово сіе происходитъ отъ слова *хрупкость*; ибо всѣ раздробляющіяся тѣла суть *хрупки*, и при удареніи одного въ другое, или при *сокрушеніи* своемъ издаютъ звукъ *кр* или *хр*. Названіе сіе отнесено къ нѣкоторымъ хлѣбнымъ зернамъ, которыя дѣйствительно при раздавленіи оныхъ *хрупаютъ*, *крушатся* на части.

39. *Крупно.* Человѣкъ примѣтя, что *кропкое* или *хрупкое* тѣло раздробляется на части, больше или меньше мелкія (такъ напримѣръ изъ хлѣбнаго зерна, чрезъ *сокрушеніе* онаго, выходитъ и *крупа̀* и *мука̀*), по сравненію *крупы̀* съ мукѐю, сталъ о меньше мелкихъ частяхъ говорить *кру̀пно*, *кру̀пный*.

40. *Кро̀ю.* Глаголъ *кро̀ю* (крыть) со всѣми своими вѣтвями: *закрыть*, *открыть*, *покрыть*, *крыша*, *покрывало*, *покровитель*, *сокровище*, и проч., по всей вѣроятности происходитъ отъ слова *кора̀*; ибо смежность понятій между *кора̀* и *кро̀ю* весьма ощутительна. Безсомнѣнія первые люди, прежде нежели достигли до построенія домовъ изъ бревенъ или досокъ, находили убѣжище и защиту подъ вѣтвями деревъ, подъ кущами или шалашами, гдѣ древесные листья, а особливо *кора̀* служила имъ первою *корышею* (сокращенно же *крышею* или *крышкою*) отъ непогодъ. Отселѣ изъ *кора̀* сдѣлался глаголъ *коро̀ю* или *кро̀ю* *).

---

*) Мы прежде замѣтили и теперь повторяемъ, что хотя вмѣсто *крышка, кро̀ю*, неупотребительно говорить *корышка, коро̀ю*; однакожъ растяженіе буквъ *кр* въ *кор* такъ вездѣ свойственно всякому языку, что и въ тѣхъ словахъ, кои не терпятъ сего распространенія, или сей вставки гласной буквы между согласными, отрицать онаго не можемъ; ибо оное легко могло быть употребительно въ давнія времена.

41. *Кровь*. Нѣтъ сомнѣнія, что колѣно сіе принадлежитъ къ сему дереву; ибо откуду могло произойти названіе *кровь*, какъ не отъ глагола *крою?* мысль о *скрытности*, *сокровенности*, долженствовала породить сіе слово въ умѣ человѣческомъ, поелику онъ видѣлъ, что *кровь* находится всегда *сокрыта* подъ кожею, и не прежде появляется, какъ по разрѣзаніи сей кожи.

42. *Крыло́*. Здѣсь не нужно даже и объясненія, что слово *крыло́* происходитъ отъ глагола *крыть*; ибо ежели мы перенесемъ удареніе на первый слогъ и скажемъ *кры́ло*, то слово сіе вообще будетъ значить всякую *крышу* или *покрывало*.

43. *Крыльцо́*. По уподобленію съ *крыло́мъ*; ибо сіи придѣлываемые къ домамъ иногда съ обѣихъ сторонъ восходы или лестницы походили на *крылья* птицы. А можетъ быть и потому, что были *крытыя*. Но отъ того, или отъ другаго, всегда принадлежатъ къ сему дереву.

44. *Коры́то*. Ясно, что посудина сія, равно какъ и другія подобныя ей, получила названіе свое отъ *коры*. Имена *корча́гъ* или *корча́га*, *коре́цъ* (по нынѣшнему ковшъ), *корыто*, означаютъ нѣкотораго рода посуду, изъ которой пьютъ и ѣдятъ. Безсомнѣнія таковую посуду прежде начали дѣлать изъ *коры*, нежели изъ дерева. По Гречески кора

называется *σκωρία*, корыто же *κόρυς*, или *κορίσκος*. Итакъ въ Греческомъ языкѣ видимъ тожъ самое происхожденіе сихъ словъ; но ихъ *κόρυς* означаетъ родъ посуды въ нѣкоемъ пространнѣйшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ, нежели наше *корыто* въ нынѣшнемъ его значеніи. Поляки однакожъ употребляютъ оное не въ толь тѣсномъ смыслѣ, какъ мы; они разумѣютъ подъ симъ словомъ разнаго рода посуды, какъ то koryto wodne (корыто водяное, т. е. ушатъ или ведрò) *); miesnu koryto (корыто, въ которомъ муку мѣшаютъ, т. е. квашня); koryto rzcki (корыто рѣки, т. е. рѣчное ложе, которое Венды весьма хорошо выражаютъ однимъ словомъ *течище*, отъ глагола *теку*); koryta gospodarskie bywaia topolowe, lipowc, т. е. корыта господскія (блюды, сосуды) бываютъ тополовыя, липовыя (т. е. изъ лучшей

---

*) Можетъ быть и мы прежде названія *ведрò* (вѣроятно испорченнаго изъ *водрò* отъ имени *водà*) называли сей сосудъ какимъ нибудь производнымъ отъ *коры* именемъ, напримѣръ *коробъ* или *корыто* (какъ Поляки koryto wodne), поелику называемъ служащее для носки двухъ ведръ изогнутое дерево *коромысломъ*. Слѣдовательно съ перемѣною названія не перемѣнили того, чѣмъ ихъ носятъ, иначе говорили бы *ведромысло*. Впрочемъ послѣдняя сего сложнаго имени часть *мысло* есть безсомнѣнія искаженіе буквы *н* въ *м*, и что изъ *короносло* сдѣлалось *коромысло*.

коры или дерева). По сему не льзя усумниться, чтобъ подъ словами *корчáгъ*, *корéцъ*, *корыто*, не разумѣлись разнаго рода посудины или сосуды, дѣлаемыя изъ *коры* или *кореньевъ*.

45. *Корчáгъ* или *корчáга*. Родъ посудины, которую безсомнѣнія выдѣлывали изъ *коры* или *кореньевъ*, подобно какъ и другую таковую же посудину, называемую *корéцъ* (см. въ вѣтвяхъ колѣна *корень*). Оттолѣ долженствовала оная и названіе свое получить.

46. *Корчмá*, *корчемня*, *корчемница*. Слово сіе по видимому произошло отъ сближенія понятій съ другими отъ сегоже корня происходящими словами, каковы суть *корчагъ*, *корецъ*, *кормъ*; поелику *корчма* есть такой домъ или гостинница, гдѣ пріѣзжающихъ за деньги *кормятъ*, и гдѣ они пьютъ изъ *корчагъ*, *корцовъ*, и другихъ подобныхъ тому посудинъ. Многіе вмѣсто *корчма* или *корчемня* говорятъ *харчевня*, отколѣ произошло слово *харчъ*, значащее тоже, что и *кормъ* (съѣстное).

47. *Крáвчей*. Подъ словомъ *кравчей* разумѣли придворной чинъ человѣка, имѣвшаго подъ своимъ вѣденіемъ съѣстные припасы, напитки, посуду для того употребляемую, и проч. Мы видѣли, что отъ слова *корá* произошли имена сосудовъ: *корчáгъ*, *корецъ*, даже и *корыто*, которое, какъ мы выше

сего показали, имѣло благороднѣйшее нынѣшняго значеніе. Поелику же въ сихъ сосудахъ хранилось съѣстное, или изъ нихъ ѣли, то и могли они подать поводъ къ произведенію отъ нихъ слова *кормъ* (подобно какъ отъ *пить* вышла *пища*). Равнымъ образомъ и названіе *кравчей* (можетъ быть сперва *коравчей*, т. е. надъ *корчагами*, *кормомъ*, *и проч.* начальствующій), по тойже смежности всѣхъ сихъ понятій, могло отъ сегоже корня быть почерпнуто.

48. *Кормлю́* (кормить, кормъ). См. оба предъидущія колѣна.

49. *Корма́* (у судна). См. объясненіе о смежности или сцѣпленіи понятій между словами *кормъ* и *корма́* въ Акад. Извѣстіяхъ подъ глаголомъ *окормить*. (См. Ч. V, стр. 219).

50. *Курю́*. Глаголъ сей по видимому произведенъ тожъ отъ имени *кора́*, поелику оная удобнѣе возгарается, нежели дерево. Дымъ отъ зажженной *коры́* подалъ поводъ говорить *курится*, къ чему способствовать могло также и слово *курь* (см. 68 колѣно) отъ сегоже корня произведенное и значащее *кривизну*; ибо дымъ или *куреніе* всегда вьется въ верхъ нѣкакою *кривою* чертою.

51. *Кручу́*. Глаголы *кручу́* и *крючу* столь же смежны выговоромъ, сколько и заключающимися въ нихъ понятіями; ибо что значитъ *крутить* веревку или нитку, какъ не то, что сгибать ее въ *крюкъ*? Могутъ ли

въ *скрученомъ* (свитомъ) канатѣ волокна имѣть прямое протяженіе? и такъ ясно, что оба сіи глагола породила одна и таже мысль, или одинъ и тотъже корень.

52. *Кòрчу*. *Кора*, употребляемая на плетеніе *корзинъ* и *коробовъ* сгибается; она же, брошенная въ огонь, сжимается; *корень* никогда не бываетъ прямъ, но всегда нѣсколько согнутъ; *кòрка*, уменьшительное отъ *корà*, на камняхъ, на хлѣбѣ, на плодахъ, и проч., всегда бываетъ округлая: всѣ сіи явленія подали поводъ къ произведенію отъ того же корня глаголовъ *корчить*, *крючить*, *кривить* или *коривить* *), означающихъ состояніе вещей теряющихъ свою прямизну.

53. *Крючу*. Смотри предъидущее колѣно. Сверхъ сего *о крюченіи*, *кривизнѣ* или *кривости* могла и сама *корà* дать понятіе, поелику оная, яко огибающаяся вокругъ дерева, никогда не бываетъ прямою.

54. *Кривлю*. См. оба предъидущія колѣна.

---

*) Мы поставили неупотребительное слово *коривить*, которое покажется сомнительнымъ, но примѣчая въ другихъ употребительныхъ глаголахъ тотъже самый образъ сокращенія, какъ напримѣръ *володѣть* и *владѣть*, *молодѣть* и *младѣть*, и проч., не можемъ отрицать, чтобъ и отъ *корà* не могло произойти сперва *коривить*, а потомъ *кривить*. Чтожъ принадлежитъ до глагола *корючить*, то и понынѣ въ просторѣчіи говорятъ: *экъ его скорючило*, вмѣсто *скрючило*.

55. *Кругъ.* Къ произведенію вѣтвей сего колѣна вѣроятно тажъ самая *кора*, служила поводомъ; ибо она, яко *окружающая* всегда дерево, могла первая представить понятіе о *круглости.* Мы выше сего въ глаголахъ *корчить*, *крючить*, *кривить*, видѣли тотъже корень и тѣжъ понятія о непрямости. Въ другихъ языкахъ тожъ самое примѣчается: Латинское circum (кругъ) и cortex (кора), хотя кажется и весьма разнствуютъ между собою, но сіе происходитъ отъ примѣшанія къ корню гласныхъ буквъ и отъ того, что они с свое предъ согласными и гласными различно выговариваютъ. Приведемъ оба сіи слова къ однѣмъ коренньмъ буквамъ, и тогда одно будетъ crc, другое crt.

56. *Кружка.* Отъ того, что всегда бываетъ *круглая.*

57. *Кружево.* Отъ того, что когда плетутъ оное, то перекидывая коклюшками всегда дѣлаютъ *кругъ.*

58. *Корочу́* (дѣлаю короткимъ, укорачиваю, сокращаю). Слово сіе происходитъ отъ тогоже уподобленія съ *корою.* Мы увидимъ сіе весьма ясно, когда снесемъ оное съ другими отъ сегоже корня происходящими и тожъ или смежное понятіе изъявляющими словами, таковыми, какъ *кручу́*, *ко́рчу*, и проч. Что значитъ *кручу́* какъ не *коро́чу* или *укорачиваю?* Когда, напримѣръ, *крутятъ* (вьютъ) веревку или канатъ, волокна его не умень-

шаются ли въ длинѣ? Слѣдовательно *крученіе* есть купно и *укорачиваніе*. Когда *кора̀* брошенная въ огонь, или что нибудь иное, имѣющее длину, *корчится*, то не вмѣстѣ ли съ тѣмъ и *укорачивается?* Итакъ ясно, что *короткость* или *краткость* точно такимъ же образомъ заимствовало значеніе свое отъ сего корня, какъ и другія отъ негоже произведенныя слова *кручу̀*, *крюч*, *ко̀рч*, *кривизна̀*, *кругъ*, и проч., всѣ означающія непрямость.

59. *Кра̀та*, есть безсомнѣнія сокращеніе слова *краткость*; ибо какъ единица есть самое малое число, такъ и *крата* (подобная же единица, поелику значитъ *одинъ разъ*) есть тожъ самое малое число, или, уподобляя рядъ чиселъ длинѣ, самая величайшая *краткость*, *короткость*, *корота̀*, *крата̀*, или съ перемѣною ударенія *кра̀та*.

60. *Кротость*. Колѣно сіе непосредственно происходитъ отъ мысли, заключающейся въ 58 колѣнѣ *корочу̀*. Когда мы сблизимъ глаголы *укоро̀тить* и *укротѝть*, то найдемъ въ нихъ великую смежность понятій. Мы говоримъ о гнѣвѣ (или дерзости, или наглости) *простеръ гнѣвъ свой*, слѣдовательно подъ словомъ *простерть* разумѣемъ какъ бы гнѣвъ можно было больше или меньше протянуть, продолжить. Ясно, что мы въ семъ случаѣ пріемлемъ степень возрастанія его въ силѣ за постепенность въ протяженіи; а потому уменшеніе въ силѣ будетъ уменшеніе въ про-

тяженіи. Такимъ образомъ *укоротить* превращается въ *укротить*. Отселѣ *укротить* гнѣвъ есть *укоротить*, уменьшить оный.

61. *Кротъ*. По извѣстной короткости зрѣнія его, и по сравненію онаго съ другими подобными ему звѣрьками, которыхъ онъ *короче*. Прежде, описуя подробнѣе свойства его, состоящія въ томъ, что онъ *коротокъ* и *роетъ* землю, называли его сложнымъ именемъ *кроторый* или *кроторыя*.

62. *Край*. Слово сіе могло произойти прямо отъ словъ *кора́* или *ко́рка*, поелику на всякомъ деревѣ *кора́*, или на всякой вещи *ко́рка*, есть окружающая или покрывающая оную поверхность, предѣлъ, конецъ; и слѣдственно человѣкъ, руководствуемый сею мыслію или симъ подобіемъ, могъ изъ тогоже корня произвесть слово *край*, означающее всякій предѣлъ или конецъ. Онъ могъ также произвесть оное отъ слова *крыша* или *кровля*, поелику всякая *крыша* составляетъ *край* или предѣлъ высоты дома или чего инаго. Но отъ слова ли *кора̀* или отъ слова *крыша* произвелъ онъ названіе *край*, сіе не отъемлетъ принадлежности онаго къ сему корню, поелику и слово *крыша* (См. въ колѣнѣ 40 глаголъ *кро́ю*) отъ тогоже корня происходитъ.

63. *Крою̀* (кроить). Правильнѣе *краю*, *краить*. Глаголъ сей безсомнѣнія происходитъ отъ имени *край*; ибо что значитъ *кроить*? рѣзать сукно, или что либо иное подобное

тому: слѣдовательно изъ того, что имѣло немногіе *края*, дѣлать многіе, сообразно той одеждѣ, какую, слагая *край* съ *краемъ*, составить хочешь. Портные говорятъ; *выкраиваю платье*, т. е. вырѣзываю изъ куска сукна тѣ *края*, которые, когда сошьются, то составятъ платье; а въ Геометріи *окраить черту* значитъ опредѣлить, назначить ей *края*. И такъ смежность понятій между *крою* и *край* весьма ощутительна.

64. *Кайма̀*. Слово сіе имѣетъ тотъже смыслъ, какъ и *край* или *кромка*; а потому надлежитъ думать, что оно не иное что есть, какъ измѣненіе слова *край*, изъ котораго, для нѣкоего различенія сихъ *краевъ*, сдѣлались *крома̀* (кромка) и *крайма̀*, или съ выпускомъ буквы *р кайма̀*. По крайней мѣрѣ безъ сего словопроизводства корень *край* или *кайма* не показываетъ никакихъ слѣдовъ значенія.

65. *Курга́вый*. Слово сіе значитъ: *короткую* и *закрючившуюся* шерсть или перья имѣющій; а потому ясно, что оно единокорненно съ глаголами *ко́рчу*, *крю́чу*, *кручу̀*, *корочу̀*, и проч., и относится вмѣстѣ съ ними къ понятію о непрямости или *кривизнѣ*.

66. *Ку́дри*. (Въ един. кудерь или кудря). Имена *ку́дри* и *кургавость* выражаютъ совершенно одно и тоже. Сверхъ сего и другія отъ сегоже корня происшедшія слова *кручу̀*, *крючу*, *кривлю̀*, *кружу̀*, и проч., всѣ содержатъ въ себѣ понятіе о непрямости, равно какъ

и слово *кудри*, а потому думать должно, что и оно отъ сегоже корня произведено, хотя вмѣшанная въ него посторонняя буква *д* и даетъ ему видъ какъ бы инаго происхожденія.

67. *Куръ* (курица). Вѣроятно, что имя сіе дано сей птицѣ по *кургавому* часто бывающему на головѣ ея хохлу. Слово *куропатка* есть сложное изъ словъ *куръ* и *падать*, поелику сіи дикія курицы садятся всегда на землю, и когда съ полету опускаются, то кажется падаютъ.

68. *Куръ*. Старинное Славенское слово, изъ коего сдѣлали потóмъ *коротокъ* или *кратокъ*. (Французское court, Италіянское corto, Нѣмецкое kurz, и проч., сюда же принадлежатъ). Корень сей подалъ поводъ къ составленію другихъ словъ, означающихъ *короткость* той вещи, которой имя къ оному приставлено, какъ то *курносый*, *кургузый*, *и проч.* Поелику же слово *краткость* единокорненно и смежно понятіемъ (какъ мы уже то видѣли) съ словомъ *кривизна*, по сей причинѣ частица *кур* выражаетъ иногда и сіе понятіе, какъ-то примѣтить можно въ словѣ *куролѣсить*, которое значитъ говорить или дѣлать что нибудь худо, безразсудно, *криво*, какъ бы блуждая ходить *кругомъ по лѣсу*. Тожъ показываютъ и старинныя слова *кóрда*, *оскордъ*, означавшія родъ воинскихъ орудій, *кривыхъ* или *короткихъ*, таковыхъ, какъ сабля, бердышъ.

69. *Курокъ.* Вѣроятно по нѣкоему сходству съ стоящимъ на одной ногѣ пѣтухомъ (ибо пѣтухъ называется также *куръ*). Сходство сіе умножается еще и тѣмъ, что спущаемый *курокъ* ударяясь въ пóлку походитъ на клюющаго носомъ *курà* или пѣтуха. Впрочемъ *курокъ* можетъ происходить и отъ глагола *курю̀*, поелику посредствомъ онаго *воскуряется*, или вспыхиваетъ порохъ.

70. *Кромà* (употребительнѣе въ уменьшительномъ *крóмка*). Безсомнѣнія отъ *край*; ибо почти тожъ самое значитъ. Отселѣ *кромшц*, *изкромсать*, и проч., то есть безпорядочно рѣзать, безъ разумѣнія и надобности изъ цѣльнаго куска дѣлать многіе *края*.

71. *Кромъ.* Тоже отъ *край*. Верхній *край* строенія называется *кровля* или *кровъ*, а боковой (т. е. стѣна) по видимому назывался *кромъ*; ибо подъ словомъ *зáкромы* разумѣются въ житницахъ глубокіе ящики, которые для храненія хлѣбныхъ зеренъ дѣлаются внутри по сторонамъ или *краямъ* житницы. Изъ сего явствуетъ, что *зáкромъ* и *закрáина* извлечены изъ одного корня, первое для означенія въ житницѣ подобнаго тому, что второе означаетъ въ рѣкѣ. Отсюду же тьма *кромешная* не иное что значитъ, какъ самая *крайняя*. Нарѣчіемъ *кромѣ* мы говоримъ тоже, какъ бы говорили *за краемъ*, *внѣ края*. Отъ слова *край*, перенеся понятіе къ слову *кромъ* (т. е. ящику, дѣлающемуся при *краѣ* житни-

цы) мы, по сходству укладки зеренъ въ семъ ящикѣ, стали говоришь *укромно*, *укромный*, и проч.

72. *Скромный.* Достигнувъ чрезъ слово *кромѣ* до понятія *укромность* (то есть уютное въ *крому*, или въ другомъ подобномъ мѣстѣ лежаніе зеренъ или иныхъ вещей), мы, уподобляя сіе тихое и спокойное ихъ тамъ пребываніе спокойству и тишинѣ мыслей или дѣйствій нашихъ, легко уже могли перейти къ понятію *о скромности*, то есть такойже въ насъ тишинѣ и молчаливости, съ какою въ *кромахъ* (т. е. въ сундукахъ, въ заперти) лежатъ хранимыя вещи.

73. *Кремень.* Кажется въ словѣ семъ буквы *кр* показываютъ вмѣстѣ и твердость и звукъ слышимый при раздробленіи твердыхъ тѣлъ, какъ мы то изъ нижеслѣдующаго колѣна яснѣе увидимъ.

74. *Крѣпость.* Чѣмъ тверже тѣло, тѣмъ съ бо́льшимъ стукомъ оно раздробляется, когда какою либо силою разрушаемо бываетъ. Въ звукахъ, при разрушеніи тѣлъ, примѣчается не малое различіе. О деревѣ преломляющемся мы говоримъ *трещитъ* (звукоподражая издаваемому имъ гласу *тр*); но о камнѣ, или о иныхъ подобныхъ тѣлахъ, когда онѣ другъ въ друга ударяютъ или раздробляются, мы не говоримъ ни *ломятся*, ни *трещатъ*, а говоримъ *крушатся*, или *гремятъ*, или *хрупаютъ*, или *хрустятъ*, отколѣ и на-

зываемъ ихъ *хрупкими* тѣлами. Изъ сего явствуетъ, что мы слабѣйшіе звуки тѣлъ болѣе ломкихъ или менѣе твердыхъ выражаемъ буквами *хр* (зерно подъ ногою *хрупнуло*; стекло раздавленное *захрустѣло)*; для гласовъ же сильнѣйшихъ употребляемъ буквы *гр (громъ, гремитъ*, эхо по лѣсу *грохочетъ)*; самыхъ же твердѣйшихъ тѣлъ звуки, при раздробленіи ихъ слышимые, изъявляемъ буквами *кр* (ударять *кремнемъ*, алмазная *корка*, камень *крушить*, и проч.). Итакъ мы видимъ, что буквы *кр* преимущественнѣе другихъ служатъ къ выраженію гласовъ тѣлъ, болѣе твердыхъ, не разсѣкаемыхъ или преломляемыхъ, какъ дерево, но раздробляемыхъ, *сокрушаемыхъ* на части, *крохи*, ударенїемъ млата, или иною какою силою; а потому человѣкъ, приближась такимъ образомъ къ понятію о твердости, легко могъ изъ тогоже корня *кр* извлечь слово *крѣпкій*. Очистимъ оное отъ вмѣшенія въ него гласныхъ букъ, оставя однѣ коренныя, тогда *крпк* или *крк* ясно показывать будетъ свое происхожденіе.

75. Гремлю. (Громъ, гремушка, громко, разгромить, и проч.). Отъ сего колѣна продолженіе тогожъ общаго понятія о шумахъ или гласахъ начинается съ буквъ *гр*. Человѣкъ, услыша надъ головою своею воздушный гласъ или шумъ, повторяющій сіи буквы, назвалъ его звукоподражательно *грм* или *горомъ* или *громъ* (ибо хотя первыя два слова

не говорятся въ нашемъ нарѣчіи, но въ другихъ говорятся; притомъ же вставка гласныхъ буквъ между коренными согласными есть главное основаніе состава всѣхъ языковъ). Начавъ такимъ образомъ подъ словомъ *громъ* разумѣть извѣстный стукъ или шумъ, обратилъ онъ (какъ мы уже то и при звукѣ *кр* видѣли) вниманіе свое и на прочіе подобные гласы или шумы, и дабы каждый изъ нихъ отличить особенно, придумалъ самое лучшее средство, а именно: оставлять всегда тѣжъ самыя первоначальныя буквы, и приставлять къ нимъ разныя окончанія, или вводить между ими гласныя буквы, и симъ способомъ коренными буквами означать общее понятіе о шумѣ, а смѣшеніемъ съ ними другихъ буквъ различать шумъ отъ шума. Такимъ образомъ и здѣсь (то есть при звукѣ *гр)* произвелъ онъ колѣна, изъ коихъ каждое означаетъ особаго рода шумъ *) какъ то: *гремлю, грохочу, гаркаю, граю, горланю, грызу, грожу, и проч.* Распространя симъ средствомъ понятіе свое о различіи шумовъ, поступилъ онъ далѣе; сталъ отъ каждаго колѣна (т. е. отъ каждаго слова изъявляющаго шумъ или

---

*) Я съ намѣреніемъ говорю *колѣна*, а не вѣтви, поелику вѣтви одного и тогоже колѣна изображаютъ всегда одинъ и тотъже шумъ, а не другой; напротивъ того колѣна изъявляютъ разные шумы.

отъ шума произшедшаго) производитъ существительныя имена вещей, какъ-то: отъ гремлю, *громъ*; отъ грызу *грыжа*; отъ грохочу или грохаю, *горохъ*, (ибо отъ него сухаго и сыплющагося на что нибудь сухое или твердое шумъ сей обыкновенно слышанъ бываетъ), и такъ далѣе. Достигши до глагола и существительныхъ именъ, началъ онъ дѣлать изъ нихъ прилагательныя имена, причастія, нарѣчія, и сверхъ того соединять ихъ съ предлогами: *громкій*, *гремящій*, *громко*, *загремѣть*, *прогремѣть*, и проч.; *грызущій*, *грызомый*, *отгрызть*, *перегрызть*, и проч.; *гороховый*, *гороховикъ*, *огорошить*, и проч. Размножая или раздробляя симъ образомъ понятія свои, дошелъ онъ до важнѣйшаго еще средства размножать оныя, а именно чрезъ уподобительное сближеніе и сцѣпленіе ихъ между собою, какъ мы уже то въ описаніи колѣнъ подъ буквами *кр* видѣли, и здѣсь подъ буквами *гр* и *хр* тоже усмотрѣть можемъ.

76. *Грохочу* или *грохаю*. Дѣлаю шумъ или стукъ, подобный шуму изъявляемому глаголомъ *гремлю*. См. предъидущее колѣно.

77. *Гаркаю*. Говорится о человѣческомъ крикѣ или голосѣ. См. выше.

78. *Граю*. Говорится о птицѣ издающей сей голосъ и потому названной *грачъ*.

79. *Горохъ*. (По другимъ нарѣчіямъ сокращенно *грохъ*), потому что *грохочетъ*, *гремитъ*. См. выше.

80. *Грохъ*. Вѣроятно по тойже причинѣ, т. е. что брошенный *грохочетъ*, *гремитъ*.

81. *Грызу*. Отъ шума производимаго зубами при совершеніи сего дѣйствія. Отселѣ *огрызаться*, *грыжа*, и проч.

82. *Грожу*. Отъ того, что дѣйствіе сіе не можетъ быть тихое, но всегда сопровождается нѣкоторымъ возвышеніемъ голоса: шумомъ, *крикомъ*, *громомъ*.

83. *Горло* или *гортань* (guttur, Лат. gurgel, Нѣм. gola, Итал. gorge, gosier, Франц.). Отъ того, что сей органъ *) человѣческій есть производитель всякаго *грома* (т. е. шума, гласа, клика), и что буквы *гр*, посвященныя, какъ мы видимъ, изъявленію всякихъ шумовъ, имъ единымъ составляются, безъ всякаго соучастія губъ, языка и неба во рту. Отсюду говоримъ *горланить*.

84. *Жерло*: есть безсомнѣнія тожъ самое *горло*, измѣненное нѣсколько **) для отличенія подобной же трубы, или хляби, или отверстія въ бездушномъ тѣлѣ. Отсюду между

---

*) Замѣтимъ здѣсь слово *органъ*; оно конечно иностранное, но по корню и первоначальному понятію столько жъ и намъ, сколько имъ принадлежитъ; ибо, ихъ org или gorg (gorge, (Фр.) означаетъ тожъ самое, что и наше *гр*, т. е. орудіе гласа, *горло*, *гортань*.

**) Я говорю нѣсколько или немного потому, что буквы *г* и *ж* удобно мѣняются: *нога*, *ножка*; *рога*, *рожекъ*; *Рига*, *Рижскій*, и проч.

сими двумя словами такое сходство, что оныя часто пріемлются одно за другое. На-примѣръ вмѣсто *жерло у пушки* можно сказать *горло, гортань*. Ломоносовъ, говоря о пушечной пальбѣ сказалъ: *гортани мѣдныя рыгаютъ жаръ свирѣпый*.

85. *Жру*. Отъ слова *гȯрло* произошло *жерлȯ*, а отъ сего глаголъ *жрать*. Сія очевидность не требуетъ еще дальнѣйшихъ доказательствъ. Итакъ замѣтимъ токмо въ произведенныхъ отъ *жру* непосредственно вѣтвяхъ, что однѣ изъ нихъ уклонились въ низкое, а другія въ высокое и священное знаменованіе. Отъ *жру* (въ презрительномъ смыслѣ глотаю, ѣмъ много и съ жадностію) произошли вѣтви: *обжираюсь, обжора, прожорливый*, и проч., Отъ того же *жру* (въ смыслѣ истребляю, снѣдаю посредствомъ огня; ибо говоримъ огонь *пожираетъ)* произошли вѣтви: *жертва* (иначе всесожженіе), *жертвенникъ, жрецъ, жертвоприношеніе*. Отселѣ первое *жру* въ неопредѣленномъ производитъ *жрать*, другое *жрѣть* или *жерть*.

86. *Жиръ* (жирѣю, жирѣть, жирный и пр.). Слово сіе безсомнѣнія происходитъ отъ глагола *жру*, поелику есть слѣдствіе сего дѣянія. Гладъ или не вкушеніе пищи производитъ сухощавость, состояніе, противное тучности или *жиру*; слѣдственно ѣда *(пожираніе)* производитъ *жиръ*. Отселѣ, по причинѣ

смежности сихъ понятій, единокорненность между словами *жру* и *жиръ* очевидна.

87. *Жёрновъ*. По всей видимости происходитъ отъ глагола *жру*, поелику онъ раздробляя и превращая зерна въ мѣльчайшія частицы, словно какъ бы поядаетъ, *пожираетъ* ихъ. Переставка буквъ изъ *жра* или *жре* въ *жер* вездѣ, во всякомъ сѣмействѣ словъ примѣчается.

88. *Зернó*: замѣтимъ напередъ при семъ словѣ, что буквы *ж* и *з* удобно мѣняются: *пронзить* и *пронжу*, *грозить* и *грожу*, *низко* и *ниже*, и проч. По сему изъ *жирно* легко могло сдѣлаться *зерно*. Остается только посмотрѣть, имѣетъ ли вещь, называемая *зерномъ*, такое качество, которое сближало бы его съ тѣмъ, что называется *жирнымъ*. Безсомнѣнія имѣетъ: ибо *зерно* есть конечно *жирно* въ сравненіи съ сухостію и безсмачностію колоса и соломы. Доказываетъ это человѣкъ, поелику тѣ отвергаетъ, а его употребляетъ въ пищу. Оно есть снѣдь, пища, *пожираніе*, причиняющее *жиръ*. Итакъ по всей смежности сихъ окружающихъ его и прямо относящихся къ нему понятій, должно думать, что названіе *зерно* получило словопроизводство свое отъ словъ *жру*, *жирно*.

89. *Гортáнь*. - *Горло* и *гортань* есть одно и тоже слово съ разными окончаніями. Таковыхъ словъ не мало бываетъ въ языкѣ: *очи* и *очеса*; *мать* и *матерь*; *правда*, *правота* и

справедливость, и проч. Онѣ иногда имѣютъ не малую въ значенiи разность (какъ напримѣръ *катышъ* и *катокъ*), а иногда почти никакой (какъ напримѣръ *стражду* и *страдаю*); но хотя и кажутся онѣ имѣющими одинакiй смыслъ, однакожъ въ приложенiи къ другимъ словамъ не мало разнятся: напримѣръ можно сказать: *страждущiй человѣкъ* и *страдательный глаголъ*, но не льзя сказать: *страждущiй глаголъ* и *страдательный человѣкъ*.

90. *Гора́*. Человѣкъ, наученный природою подъ звукомъ *гр* разумѣть всякiй гласъ или шумъ, и оттолѣ самый сильнѣйшiй изъ сихъ шумовъ, слышимый имъ всегда надъ главою своею, назвавъ *громъ*, сталъ далѣе соображать и разсуждать. Съ понятiемъ *о громѣ* естественно соединялось понятiе *о высотѣ*, поелику *громъ* всегда въ верху слышится. Отсюда, увидя нѣчто отличной высоты, онъ тотчасъ (не по стуку, но по высокости) снесъ сiю вещь съ словомъ *громъ* или *горомъ* и назвалъ оную *гора*. Сiе новое въ умѣ его понятiе *о горѣ* (родившееся отъ слова *громъ*) подало ему поводъ подобнымъ же образомъ, то есть чрезъ сличенiе и уподобленiе вещей, производить отъ тогоже начала (корня) и другiя колѣна и отъ колѣнъ вѣтви, какъ то мы выше сего видѣли и теперь изъ нижеслѣдующихъ объясненiй увидимъ.

91. *Го́родъ* (градъ). Безсомнѣнiя отъ *гора́*; ибо первыя укрѣпленiя или строенiя дѣлались

на высокихъ мѣстахъ, на *горахъ*, дабы съ одной стороны трудно было взойти непріятелямъ, а съ другой скорѣе увидѣть ихъ подходящихъ, и удобнѣе отъ нихъ обороняться. Взглянемъ на развалины древнихъ за́мковъ или крѣпостей, онѣ всѣ стояли на горахъ. Итакъ когда первыя отличнѣйшія зданія начались на оныхъ, то безсомнѣнія и названіе свое отъ нихъ получили, и хотя, по изобрѣтеніи пото́мъ сильныхъ оборонительныхъ орудій, и перенеслись съ *горъ* на равныя мѣста, или даже въ долины, однакожъ имя *городъ* при себѣ удержали. Замѣтимъ здѣсь (какъ и при многихъ другихъ словахъ тожъ самое замѣчать можемъ), что часто одно и тоже слово, употребляемое съ двумя и съ одною гласною буквою, въ произведеніи вѣтвей отъ полнаго и краткаго выговора онаго, начинаетъ въ смыслѣ своемъ немало различествовать: названіе *городъ*, сокращенно *градъ*, произвело хотя и смежнаго, однако различнаго знаменованія имена и глаголы, сохраняющіе въ себѣ простоту происхожденія своего отъ слова *городъ*, или возвышенность отъ слова *градъ*, (подобно тому какъ выше сего видѣли мы подъ словомъ *жрu*. См. вѣтви сего колѣна). Такимъ образомъ отъ перваго выговора (городъ) произошли глаголы: *городить*, и съ предлогами, *загородить*, *нагородить*, *обгородить* или *огородить*, *отгородить*, *перегородить*, *пригородить*, *сгородить*, и отъ нихъ

имена: *загородка*, *изгорода*, *огородъ*, *отгородка*, *перегородка*, *горожанинъ*, и проч. Отъ втораго (градъ): *заградить*, *наградить*, *оградить*, *преградить*, *соградить*, и отъ нихъ имена: *загражденіе*, *награда*, (или *награжденіе*, *вознагражденіе*), *ограда*, *преграда*, *соагражденіе*, *гражданинъ*, и проч. Отсюда выходитъ, что простыми именами или глаголами простыя токмо и вещи объясняются, возвышенными же возвышенныя или умственныя, иносказательныя. Напримѣръ хотя *перегородка* и *преграда* по существенному смыслу своему одно и тоже значатъ, однакожъ *сдѣлать перегородку въ горницѣ* не есть *сдѣлать преграду*; напротивъ того *поставить преграду злодѣйству* не есть *поставить перегородку*. Равнымъ образомъ въ выраженіяхъ *нагородить много клетокъ* и *наградить добродѣтель*, глаголы *нагородить* и *наградить*, не взирая на единство происхожденія своего, и слѣдственно одинакаго въ коренномъ смыслѣ значенія, въ вѣтвенномъ имѣютъ великое различіе.

92. *Гордость*. Безъ всякаго сомнѣнія отъ уподобленія съ *горою*; потому что сословы гордости суть: *спѣсь*, *напыщеніе*, *высоковыйность*, *высокомѣріе*; первое отъ *сопѣть*, второе отъ *пыхтѣть*; третіе отъ *высоко носить шею или голову*, четвертое отъ *превозноситься*, *ставить себѣ высокую мѣру*. Изъ всѣхъ сихъ понятій явствуетъ, что признакомъ *гордости* почитается, когда человѣкъ наду-

вается, поднимаетъ голову вверхъ, и слѣдственно какъ бы хочетъ стать нѣкою *горою*, выше всѣхъ возносящеюся.

93. *Горбъ.* Очевидно отъ *гора́*, поелику не иное что есть, какъ нѣкое подобіе малой *горы* за плечами.

94. *Грибъ*, отъ *горбъ*, поелику *горбатъ*, *горбо́мъ* кажется.

95. *Хребе́тъ.* Вѣроятно происходитъ отъ слова *горбъ*, уменьшительно *го́рбикъ* и *го́рбецъ* или *го́рбетсъ* (ибо *ц* часто выговаривается какъ *тс: братской* и *брацкой*, *Датской* и *Дацкой*). Отселѣ изъ коренныхъ буквъ *грбт* или *хрбт* съ размѣщеніемъ гласныхъ могъ сдѣлаться *хребетъ*, то есть спина или спинная кость, которая по удобности своей сгибаться всегда бываетъ больше или меньше *горбатою*. Сходственно сему понятію слово сіе удобно переносится къ означенію и другихъ подобныхъ же вещей, какъ то *хребетъ* горъ, и проч.

96. *Грубый* (grob, Нѣмец.). Есть также понятіе, почерпнутое отъ понятія *о горѣ* или *го́рбѣ*, потому соображенію, что всякая гладкость не дѣлаетъ такой непріятности осязанію, какую причиняетъ негладкость, то есть *горами*, *горками*, *горбами*, *горбылями* исполненное мѣсто, иначе *шароховатость* отъ слова *шаръ* тожъ, какъ и *гора* или *горбъ*, дѣлающимъ негладкость, неровность. Отъ чувственнаго осязанія перешло сіе къ ум-

ственному понятію и сократясь изъ *горубость* въ *грубость* стало означать невѣжливость, неучтивство, то есть такую же во нравѣ чорствость, какую осязаемъ водя рукою, или ходя ногами, по неровному, негладкому, шароховатому мѣсту.

97. *Груда* (растяженно *горуда*), отъ подобія съ *горою*, поелику есть нѣчто возвышенное, подобное *горѣ*; иначе, *куча*, *куща*, отъ словъ *купа*, *совокупность*; ибо на нѣкоторыхъ Славенскихъ нарѣчіяхъ пишется cирса (купча), почему видно, что въ нашемъ буква *п* выпущена.

98. *Грудь*. Тоже отъ *гора* или *груда*, поелику есть самая возвышеннѣйшая и твердѣйшая часть человѣческаго туловища, гдѣ главныя силы его кажутся быть совокупленными. *Взять городъ грудью*, не иное что значитъ, какъ *грудою* храбрыхъ сердецъ.

99. *Громада* (распространенно *горомада*). Отъ имени *гора*, поелику означаетъ нѣчто великое, *горѣ* подобное. Отселѣ непосредственныя вѣтви: *огромно*, т. е. какъ гора велико; *громоздко*, т. е. такъ тяжело къ подъему или укладкѣ, какъ бы съ горами должно было возиться; *сгромоздить*, т. е накласть какъ бы гора на гору, и проч.

100. *Гридня*, отъ глагола *горожу* въ смыслѣ созидаю, строю. *Какой домище сгородилъ*, т. е. состроилъ. *Городня*, *Гродня* (городъ въ Польшѣ), *гридня* точно такимъ же образомъ

происходять отъ глагола *городить*, какъ *постройка* отъ *строить*, *зданіе* отъ *здать* или *созидать*, *мыльня* отъ *мыть*, и проч.

101. *Грива*. Говорится больше о длинныхъ и жосткихъ волосахъ, растущихъ на верхней части шеи нѣкоторыхъ животныхъ, какъ то у лошади, льва, и проч. Потóмъ, какъ видно, перенесено и къ означенію задней части человѣческой шеи, или верхней части хребта. Отселѣ *загривокъ* значитъ тоже, что и затылокъ. Безсомнѣнія слово сіе произошло отъ тогожъ понятія *о горѣ*, поелику возвышеннѣйшую (*гóрнюю*) часть тѣла составляетъ. Сперва вѣроятно *горúва*, потóмъ сокращеннѣе *грива*. Отсюду слово *гривна*, потому что подобную сей монетѣ золотую или серебряную бляху въ знакъ почести носили на шеѣ или *гривѣ*.

102. *Грúвна*. Монета и знакъ почести. См. предъидущее колѣно.

103. *Грядà*. Думать должно тоже отъ *горà*, поелику есть нарочно возвышаемое мѣсто, котораго возвышенность особливо примѣтна по причинѣ остающихся наподобіе жолобовъ между двумя таковыми грядами дорожекъ, называемыхъ бороздами.

104. *Грядý*. Глаголъ сей безсомнѣнія произошелъ отъ слова *гряда* по причинѣ дорожекъ, оставляемыхъ между *грядами* для хожденія вдоль оныхъ.

105. *Горю* (горѣть, горитъ). Глаголъ сей несомнѣнно происходитъ отъ имени *гора*; ибо онъ изъявляетъ пыланіе огня, а сей по свойству своему не пылаетъ иначе, какъ вверхъ, въ высоту. Отселѣ *горитъ* (пылаетъ) существенно значитъ *горитъ*, то есть возносится въ *гору*, въ *верхъ*, въ *высоту*; ибо всѣ сіи слова одинакое понятіе представляютъ.

106. *Грѣю* (грѣть); очевидно происходитъ отъ *горю, горѣть*; ибо дѣйствіе *грѣянія* происходитъ отъ *горѣнія* огня, естьли мы говоримъ шуба (или что иное) *грѣетъ*, то уже сносимъ или уподобляемъ теплоту отъ ней съ теплотою или *горѣніемъ* огня.

107. *Горнъ* (горнило), тоже отъ *горю*, поелику единственное назначеніе онаго есть то, чтобъ въ немъ *горѣлъ* огонь.

108. *Горшокъ* тоже, поелику употребленіе онаго есть стоять на огнѣ, *горѣть*.

109. *Гребу*, тожъ отъ слова *гора*; ибо что дѣлается отъ *гребли* или *сгребанія* вещей вмѣстѣ? куча; а куча что иное, какъ не *гора*? и такъ *гребсти* (растяженно же *горебсти*) есть не иное что, какъ составлять *гору*. Доказывается еще то и словомъ *сугробъ*, которое непосредственно происходитъ отъ *гребу*, и значитъ *гору*, то есть нанесенную кучу снѣга. Замѣтимъ здѣсь, что самое слово *куча*, хотя происходитъ совсѣмъ отъ инаго корня, однакожъ отъ смежности понятій не удаляется; ибо имѣетъ начало свое отъ *купа*

или *совокупность* (см. 97 колѣно, груда); но *совокупность* или *совокупленіе* многихъ вещей вмѣстѣ, есть столькоже *куча* (т. е. купа), сколько *груда* или *гора*. Впрочемъ происшедшія отъ сего колѣна вѣтви сколь ни разнятся иногда значеніемъ своимъ, напримѣръ *гробъ* и *погребъ*, однакожъ сіи два понятія сблизить не трудно: *гробъ* отъ того, что оный зарываютъ въ землю (т. е. *погребаютъ*). *Погребъ* отъ того, что въ оный ставятъ и зарываютъ въ ледъ или въ песокъ бочки или что иное, и хотя въ семъ случаѣ не говорится *погребаютъ*, поелику слово сіе посвящено именно зарыванію мертваго человѣка въ землю, однакожъ не меньше того ясно, что *погребъ*, равно какъ и *гробъ*, оба произошли отъ *гребу*, *погребаю*.

111. *Гробля*, иначе *ровъ*, отъ того, что оный *роютъ*, *вырываютъ*; но *вырывать*, по сходству дѣйствія есть тоже, что *выгребать*, отколѣ *гробля* и *ровъ* (т. е. *выгребенное* или *вырытое* мѣсто) есть одно и тоже, равно какъ и *яма* отъ глагола *емлю*, *изъемлю*, *вынимаю*.

112. *Грабить* (граблю). Несомнѣнно отъ *гребу*; ибо что значитъ *грабить?* захватывать и притягивать къ себѣ вещи. Но и *гребсти* тоже значитъ. Вся разность состоитъ въ томъ, что сіе послѣднее (гребсти) говорится о вещахъ подверженныхъ дѣйствительной *гребли* или *загребанію*, какъ то сѣно

и тому подобное; а первое (грабить) о вещахъ намъ не принадлежащихъ, которыя мы присвояя себѣ представляемъ, яко бы ихъ *гребемъ* или *загребаемъ*: *награбить* много золота; *ограбить* бѣднаго; *разграбить* домъ, и пр. Такимъ образомъ *гребсти* и *грабить* хотя и составляютъ два колѣна, изъ коихъ каждое пускаетъ свои вѣтви (крестьянка *гребетъ* сѣно; разбойникъ *грабитъ* прохожаго), однакожъ поелику оба сіи понятія на одномъ и томъже корнѣ основаны, то и вѣтви ихъ иногда сливаются въ одинъ и тотъже смыслъ, а иногда перемешиваются, такъ что вѣтви одного колѣна принадлежатъ другому. Напримѣръ *сграбить* или *сгребсти* что нибудь значитъ одно и тоже, ухватить. Слово *грабля* кажется быть принадлежащимъ къ колѣну *грабить*, но принадлежитъ къ колѣну *гребсти*, поелику есть орудіе, которымъ *гребутъ*, а не *грабятъ*.

113. *Горсть*, отъ *гребсти* (гребу), поелику служитъ къ схватыванію вещей; но *схватывать* сопрягаетъ съ собою понятіе о дѣйствіи *гребсти*; ибо при схватываніи многихъ вещей вдругъ (напримѣръ зеренъ, песку, и тому подобнаго) персты *загребаютъ* то, что рука сжимаетъ. При прочихъ вещахъ естьли не дѣйствительно, то умственно *гребутъ*, *загребаютъ*. Итакъ хранилище *загребаемаго* перстами по справедливости названо отъ тогоже корня вѣтвію *горсть*. Замѣтимъ и

здѣсь вездѣ примѣчаемое въ составѣ языка нашего приличіе мыслей: мы называемъ сіе хранилище *загребаемыхъ* перстами вещей *горстію;* но тоже самое, въ исчисленіи частей руки называемъ и *дланію.* Откуду *длань?* отъ слова *долъ.* Въ самомъ дѣлѣ для храненія или держанія *загребенныхъ* вещей потребна не выпуклость или горбъ, но впалость или ямина или *долъ,* какой внутренность ручной кисти по причинѣ сгибанія перстовъ дѣйствительно имѣетъ, а потому и дано ей почерпнутое отселѣ самое приличнѣйшее названіе *длань,* растяженно *долáнь,* откуда, испортя перестaвкою слоговъ, стали нáзывать *ладóнь.*

114. *Гóре.* Очевидно происходитъ отъ понятія о высотѣ, представляющейся намъ подъ словомъ *горà*, отъ которой вѣтви часто употребляются для означенія *неба,* какъ то *гóрнія* селенія, *гóрнія* силы (вмѣсто вышнія, небесныя); воздѣть руки *горѣ* (т. е. на небо), и проч. Человѣкъ во время бѣды и печали взывая о помощи всегда возносится мыслями въ высоту, простираетъ руки *горѣ* (т. е. къ небу, гдѣ полагаетъ быть пребыванію Божію). Отселѣ, для изъявленія таковаго состоянія души, произошло колѣно вѣтвей *гóре, горюю, горевáть, горесть,* и проч.

115. *Гóрькій* (гóрько, гóречь, противное сладкому), есть малое весьма въ понятіи уклоненіе отъ слова *гóре,* такъ что мы тогда токмо различаемъ оное, когда говоримъ

о вкушаемыхъ нами вещахъ, какъ то *горькій хрѣнъ, горькая ретька*, и проч. Когда же говоримъ о вещахъ не вкушаемыхъ или умственныхъ, тогда не чувствуемъ никакой разности. Напримѣръ: *горькая жизнь, горькія слезы, горькая участь*, есть тоже, что *горестная*.

116. *Горчица*, потому что *горька*, имѣетъ въ себѣ *горечь*.

117. *Грусть*, оттуду же, откуду и *горесть* или *горе*. Корень *гру* есть измѣненіе корня *гор*. Растяженно *горустить*, сокращенно же *грустить*, есть тоже что *горевать*. Отселѣ глаголы *грущу* и *горюю* изъявляютъ близкое или почти одинакое состояніе души.

118. *Грѣхъ* (грѣшу, грѣшить), показываетъ также слѣды происхожденія своего отъ *гора*. Мы уже видѣли, что подъ словомъ *горній* часто разумѣемъ мы Бога и Небеса (горній царь, горнія силы). Слово же *грѣхъ* означаетъ имянно вину предъ творцемъ небеснымъ. О человѣкѣ говоримъ мы: *я* виноватъ предъ нимъ; но въ отношеніи къ Богу не употребляемъ слова *виноватъ*, а говоримъ: *согрѣшилъ* предъ Богомъ. Итакъ ясно, что *грѣхъ* (вѣроятно сокращеніе изъ *горѣхъ*), яко вина предъ *горнимъ* владыкою, долженствуетъ происхожденіе свое имѣть отъ сегожъ самаго понятія. Сверхъ того *грѣхъ*, будучи виною предъ *горнимъ*, есть, *для* раскаивающагося въ немъ, купно *и горе* и *горькость*, и *грусть*, и *горесть*. Всѣ сіи понятія изъ одного корня истекшія,

кажутся быть изображающимися въ словѣ *грѣхъ*.

119. *Грузъ*, тоже отъ первоначальнаго понятія о *горѣ*. Подобно какъ *тяжесть* или *тягость* происходитъ отъ *тяну*, такъ *грузъ* отъ *гружу̀*. Разсмотримъ, къ чести Славенскаго языка, на какой точности естественныхъ законовъ слова сіи основаны: *гружу̀* (распространенно *горужу̀*), представляетъ уму нашему мысль, какъ бы кладу на что *гору*, обременяю что либо *горо́ю*. Отселѣ *грузъ* и *тяжесть* значатъ одно и тоже, не взирая на различіе корней, и сей одинакости значенія своего имѣютъ естественную причину; ибо когда мы говоримъ *тягость*, то представляемъ себѣ въ вещи, какъ бы кто ее снизу *тянулъ*; когда же говоримъ *грузъ*, то по корню слова сего воображаемъ, какъ бы нѣкая лежащая на ней *гора̀* давила ее съ верху. Въ обоихъ сихъ случаяхъ движеніе или побужденіе вещей опускаться есть одинакое, тѣмъ ли оно или другимъ образомъ производится, то есть съ низу ли ее кто тянетъ, или съ верху давитъ.

120. *Храплю*. Здѣсь видимъ, что тѣжъ самыя гортанныя и слѣдственно легко одна вмѣсто другой произносимыя буквы (К, Г, Х), пріемля гортанную же постоянную букву *р*, продолжаютъ изъявлять тожъ главное по-

нятіе о *шумахъ*, какъ то: *храпѣть*, означаетъ нѣкое исхожденіе голоса изъ гортани спящаго человѣка.

121. *Хриплю*. Подобный же голосъ удушаемаго или болящаго горломъ человѣка или животнаго.

122. *Хрепещу́*. Тожъ нѣкое произносящее буквы *хр* въ человѣческомъ голосѣ дрожаніе.

123. *Хрущу́* (хрустѣть, хруснуть). Тожъ нѣкоторый звукъ, слышимый при раздавленіи вдругъ на многія части какой нибудь ломкой вещи. Отсюду вѣтви *хрусталь* или *кристаль*, *хрустальный*, и проч.

124. *Хруста́ль*. См. предыдущее колѣно. Изъ вышеобъясненнаго можемъ мы видѣть, что *хрусталь* или *кристаль* не есть иностранное слово, не смотря на то, что оно на иностранныхъ языкахъ точно также называется. Мы не можемъ почитать чужеязычнымъ того, что въ собственномъ нашемъ языкѣ имѣетъ первоначальный свой корень.

125. *Хрупа́ю*, тоже что *хрущу́* съ инымъ окончаніемъ, отколѣ пошли вѣтви *хрупко*, *хрупкость*, и проч., единознаменательныя съ словами *ломко*, *ломкость*, поелику звукъ *хр* обыкновенно при преломленіи вещей слышится. Тѣсное сопряженіе дѣйствій въ природѣ производитъ и въ словахъ, ихъ означа-

чающихъ, таковую же сопряженность или единство смысла.

126. *Хряснуть*. Тоже звукъ, слышимый отъ преломленія дерева или чего инаго. Отселѣ вѣтви *хрящъ*, *хрящикъ*, и проч., т. е. вещь звукъ сей удобоиздающая.

127. *Хрюхать*. Глаголъ звукоподражательно изъявляющій голосъ свиней.

128. *Харкать*. Человѣческій голосъ, слышимый при изметаніи мокротъ изъ горла.

129. *Хрычъ*. Обыкновенно слово сіе употребляютъ въ укоръ старости и дряхлости: *старый хрычъ*, *старая хрычовка*. Слѣдовательно ясно, что онымъ выражаютъ свойственное старости *храпѣніе*, *харканіе*, *хрипѣніе*.

130. *Харчъ*. См. 46 колѣно *корчма*.

131. *Храбрость*. Хотя смыслъ колѣна сего и кажется далеко отступившимъ отъ первоначальнаго смысла своего, однакожъ по всему явствуетъ, что слово *храбрость* произошло отъ глагола *храпать*, которой самъ есть нѣкое измѣненіе глагола *храпѣть*. Человѣкъ *храпитъ* во снѣ; конь *храпаетъ* (иначе фыркаетъ), когда что нибудь встревожитъ или разгорячитъ чувства его. Отселѣ слова̀ *храпо́къ*, *хра́пство*. Выраженіе *взять нахрапо́къ*, значитъ взять насильно, отнять, употребя на то смѣлость, *храбрость*, угрозы. Слово *храпство* (въ соб-

ственномъ значеніи звукъ или голосъ, изъявляющій разгоряченіе, воспаленіе чувствъ) измѣнясь въ *храбство* (*и мужественнѣ храбствуетъ съ нами.* Ник. л. VII, 177), перешло отъ означенія звука къ означенію самыхъ чувствъ, приведенныхъ въ сіе состояніе, и стало выражать смѣлость, отважность, рѣшительность въ опасностяхъ, при коихъ кровь разгоряченная, воспаленная, производитъ естественно и въ голосѣ нѣкое *хрепетаніе*, *храпаніе* или по иному корню *шипѣніе*, *сопѣніе*, свойственныя гнѣву. Отселѣ сей звукъ или голосъ нашъ, яко производимый въ насъ различными чувствами, различаемъ мы и словами, измѣняя въ томъже самомъ словѣ одну изъ гласныхъ буквъ, какъ то: *хрипитъ*, *храпитъ* и *храпаетъ*; *сипитъ*, *сапитъ* и *сапаетъ*. Изъ сихъ послѣднія (т. е. храпаетъ, сапаетъ) означаютъ голосъ сей (собственно конскій, но относимый и къ человѣку) при самомъ сильномъ воспаленіи чувствъ. Такимъ образомъ корень *храп* или *храб*, чрезъ приставку разныхъ къ нему окончаній произвелъ вѣтви: *храбрый*, *храбрость*, и проч., одержавшія въ употребленіи преимущество предъ прежними ближайшими къ корню *храпство* или *храбство*. Здѣсь также, какъ и при другихъ словахъ, сокращеніе и растяженіе, не перемѣняя смысла, производитъ въ немъ нѣкоторыя

отмѣны. Не льзя безъ низости слога вмѣсто *храбрый* говорить *хоробрый*; однакожъ въ просторѣчіи лучше сказать: что ты *расхоробрился?* Отсюду старинное *хо́роба*, которое хотя не точно то значило, что *храбрость*, однако нѣчто подобное тому, а имянно: нѣкое напряженное состояніе души, или одержимость ея какою либо привычкою или страстію, подобно какъ иногда тѣло одержимо бываетъ болѣзнію. Отселѣ, разумѣя подъ словомъ *хо́роба* душевную, такъ сказать, заразу или горячку, перенесли сіе понятіе отъ души къ тѣлу, и (чрезъ переставку буквъ) изъ *хоробать* или *хоровать*, сдѣлали *хворать*: въ другихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ переставки сей не примѣчается, какъ то: по Польски chorowac (хворать), по Богемски zachorowac (захворать).

132. *Хворость*. См. предъидущее колѣно.

ОБЪЯСНЕНІЕ

колѣнъ дерева, коего корень есть ТР.

1. Колѣно: *трещу́*. Корень сего дерева, то есть буквы *тр*, производятъ, а особливо при повтореніи послѣдней, нѣкоторое въ голосѣ дрожаніе или дребежжаніе, подобное тому, какое чувствуетъ слухъ, когда что либо вдругъ часто застучитъ, или что

хрупкое переломится. Такъ напримѣръ, выражая мгновенное преломленіе дерева, или кости, или чего инаго, въ просторѣчіи говорится: лишь только я сталъ гнуть его, а оно вдругъ *тррѣ* (то есть переломилось). Мы въ семъ случаѣ голосомъ своимъ подражаемъ звуку, какой преломляющаяся вещь отъ себя издаетъ. Отселѣ производя вѣтви говоримъ: въ воздухѣ слышанъ *трескѣ*, дрова отъ огня *трещатѣ*, стѣна отъ мороза *треснула*, и проч. Къ изъявленію звукоподражательно всякаго рода шумовъ главное дѣйствіе производитъ буква *р*, какъ о томъ выше сего было сказано. (См. въ деревѣ на корнѣ *кр* объясненіе на 1 е колѣно).

2. *Тре́скаю*. Глаголъ *трещу* и *трескаю* есть одинъ и тотъже съ разными окончаніями, изъ которыхъ послѣднее обращено болѣе къ презрительному значенію глагола *ѣмѣ*, и болѣе относится къ скотамъ: собака *трескаетѣ*. Ясно, что сіе колѣно получило значеніе свое отъ уподобленія тому, что когда таковый звѣрь съ жадностію грызетъ кости, то онѣ на зубахъ у него хрустятъ, *трещатѣ*. Отселѣ стали говорить: собака *трескаетѣ*, то есть такъ жретъ, что отъ зубовъ ея слышанъ *трескѣ*.

3. *Стрекочу́*. Говорится: сорока *стреко́четѣ*; ибо дребежжущій голосъ сей птицы подобенъ звуку *трещотки*; отселѣ для озна-

ченія онаго употребленъ тотъже корень *тр*, равно какъ и въ словѣ *стрекоза*.

4. *Стрижъ*. Родъ ласточки. Названіе сей птицы подходитъ весьма близко къ глаголу *стригу*; но дѣйствіе изъявляемое симъ глаголомъ не представляетъ никакого подобія съ свойствами сей птицы. Итакъ надлежитъ искать инаго сходства. Мы видимъ въ словахъ *стрекотать*, *стрекоза*, что корень *тр*, или *стр*, (по подобію съ *трещаніемъ*) удобенъ изъявлять нѣкоторый похожій на то голосъ; а потому съ вѣроятностію заключать можемъ, что и птичка *стрижъ* получила имя свое отъ подобнаго же у ней голоса.

5. *Торото́рю*. Значитъ: говорю много или скоро. Здѣсь видѣнъ тотъже корень *тр*, и слѣдовательно тожъ уподобленіе *трещанію*. Рѣчь: *полно тебѣ торотори́ть*, собственно значитъ: полно тебѣ какъ *трещотки* издавать звуки *тр*, *тр*, (которыя для удобнѣйшаго выговора превращены здѣсь въ *тор*, *тор*.)

6. *Трублю*. Глаголъ сей означаетъ издаваемый посредствомъ извѣстнаго орудія голосъ человѣческій. Широкое отверстіе сего орудія, называемаго *трубою*, служитъ къ распространенію голоса и дѣлаетъ оный изъ тонкозвучнаго толстозвучнымъ, въ которомъ буква *у* наиболѣе слышима бываетъ;

отселѣ, приставленная къ корню *тр*, посвященному означать различные гласы, весьма выражаетъ она сей особый гласъ, изъявляемый глаголомъ *трублю*. Звуку сему, яко въ самой природѣ слышимому, многіе языки сохранили подражаніе: *труба*: (Росс.), tromba (Итал.), trompette (Франц.), и пр. Что принадлежитъ до тогожъ слова, употребляемаго въ иныхъ смыслахъ, какъ то: *труба* у печки, *труба* зрительная, *труба* заливная или пожарная, и проч., то уже оное получило сіи значенія отъ подобія съ издающею голосъ трубою.

7. *Трясу*. Дѣйствія, означаемыя словами *трескъ* и *трясеніе*, въ природѣ суть неразрывны между собою. Ничто не можетъ въ совершенномъ покоѣ пребывающее *затрещать*; надлежитъ въ вещи для изданія сего звука сдѣлаться нѣкоторому *потрясенію* или поколебанію, безъ чего никогда безгласность ея не нарушится. Итакъ человѣкъ, примѣтя неразрывность или тѣсное между сими двумя дѣйствіями сопряженіе, имѣлъ поводъ, оставя тотъже корень, различить ихъ окончаніями, сдѣлавъ (изъ тогоже *тр*) *трескъ* и *трясу*.

8. *Трусу*. Само по себѣ явствуетъ, что *трусить* значитъ *трястись* отъ страха. Итакъ излишно было бы объяснять здѣсь единство корня сихъ двухъ глаголовъ (или

колѣнъ). Понятія въ произведенныхъ отъ нихъ вѣтвяхъ такъ смежны между собою, что часто одна и таже вѣтвь имѣетъ два значенія, въ коренномъ смыслѣ одинакія, а въ вѣтвенномъ различныя, какъ напримѣръ о робкомъ человѣкѣ говорится *трусъ* и о землятрясеніи тоже *трусъ* (земный). Здѣсь разность состоитъ не въ двухъ понятіяхъ, но въ одномъ и томъже, приложенномъ къ двумъ вещамъ, изъ коихъ одна *трясется* отъ одной, а другая отъ другой причины.

9. *Трушу́*. Говорится: сѣно дорогою *разтруси́лось*, то есть везомое по немногу отдѣлялось отъ воза и падало. Таковое дѣйствіе обыкновенно происходитъ отъ *трясенія*, а потому и вѣтви колѣна сего (*труха*, *разтруска*, и проч.) отъ тогожъ корня и понятія почерпнуты. Отселѣ бываетъ, что нѣкоторыя вѣтви изъ тѣхъже самыхъ буквъ состоятъ и однимъ токмо удареніемъ принадлежность свою къ тому или другому колѣну показываютъ, какъ напримѣръ: *тру́сить* и *труси́ть*; то и другое означаетъ *трясеніе*, но первое относится къ боязни въ человѣкѣ, а второе къ такой вещи, которая отъ трясенія сыплется или теряется.

10. *Трепещу́*. Глаголъ *трепетать* также не иное что значитъ, какъ легкимъ, нѣжнымъ образомъ *трястись*: сердце *трепещетъ* (т. е. *трясется* отъ страха или радости);

рыба *трепещется* (т. е. *трясется*, содрогается от мученія, претерпѣваемаго ею без воды); лист на деревѣ *трепещет* (т. е. *трясется* от вѣянія вѣтра). Итак *трясеніе* и *трепетаніе* очевидно имѣют один корень, равно как и *трепаніе*; ибо между глаголами *трепать* и *трепетать* разность состоит токмо в том, что *трепаніе* производит в вещи *трепетаніе* или потрясеніе, а *трепетаніе* происходит от *трепанія* и есть не иное что, как нѣкоторое *потрясеніе*.

11. *Тормошу́*. Академическій Словарь объясняет глагол сей словами: „дергаю урывкою, порываю, тереблю, или разными докуками удручаю." Слѣдовательно тоже, что приступаю к кому, не даю покою, безпрестанно трогаю, *трясу*. Отселѣ очевидно, что *трясу* и *тормошу́* суть вѣтви одного и тогоже корня *тр*.

12. *Треплю́*. Что значит *трепать*? бить палочкою, или чѣм иным, по чему нибудь мягкому *трепать лен*, *потрепать рукою по плечу*, и проч. Итак ясно, что *трепаніе* есть не иное что, как *потрясеніе* той вещи, которую *треплют*. Отсюду глаголы *трясу* и *треплю* имѣют в основаніи своем один и тотже корень *тр*.

13. *Стряпать* (стряпаю, стряпчей, и проч. Весьма вѣроятно, что слово сіе

произошло отъ глагола *трепать*; ибо оно значитъ приготовленіе пищи, а главное или первоначальное приготовленіе оной безсомнѣнія состояло въ печеніи хлѣбовъ изъ теста, которое мѣсятъ, валяютъ и *треплютъ* руками, дабы составить округлый образъ, какой обыкновенно дается хлѣбамъ. Итакъ изъ *сотрепать*, говоря о хлѣбѣ, легко могъ сдѣлаться глаголъ *стряпать*, распространившій потомъ знаменованіе свое и на всякое другое приготовленіе пищи. Наконецъ, уподобляя заботу и суетливость сего приготовленія суетливости и заботѣ приготовленія приказныхъ дѣлъ и хожденія по онымъ, стали и о семъ послѣднемъ попеченіи говорить *стряпать*, то есть ходить за дѣлами, отколѣ произошло названіе *стряпчей*.

14. *Терплю*. Сличая глаголы *треплю* и *терплю*, мы видимъ въ нихъ разность въ одной только переставкѣ буквъ *ре* въ *ер*, сдѣланную по видимому для различенія дѣйствія съ слѣдствіемъ онаго; ибо *треплемое*, *трясомое*, *теребимое*, *терзаемое*, безсомнѣнія *терпитъ*. Итакъ *терпѣніе* есть такоеже слѣдствіе оныхъ, какъ и *страданіе*. Изъ сего явствуетъ, что всѣ сіи названія, изъ коихъ однѣми выражаются дѣйствія, а другими слѣдствія сихъ дѣйствій, яко смежныя между собою, должны (какъ мы то

вездѣ въ языкѣ нашемъ примѣчаемъ) проистекать изъ единаго источника, то есть изъ корня *тр*, ими въ себѣ показуемаго.

15. *Терпкій*. Сіе прилагательное имя означаетъ весьма кислый вкусъ, какой бываетъ въ незрѣлыхъ плодахъ; а потому вѣроятно произошло отъ той мысли, что непріятно во рту, щиплетъ языкъ, заставляетъ *терпѣть* оный.

16. *Страхъ*. Глаголъ *трясу* произвелъ вѣтви *тряхнуть*, *стряхнуться* или *встряхнуться* значащія тоже, что содрогнуться; посему ежели бы отъ глагола *стряхнуться* произвесть существительное имя (подобно какъ *зовъ* отъ *звать* или *ковъ* отъ *ковать*, и проч.) то бы оное было *стряхъ*, то есть *сотрясеніе* или *потрясеніе*. Но чтоже *страхъ* есть иное, какъ не *сотрясеніе* души? Итакъ очевидно, что изъ неупотребительнаго *стряхъ* сдѣлалось употребительное *страхъ*, произведшее всѣ прочія колѣна сего вѣтви: *страшусь*, *безстрашіе*, и проч.

17. *Страсть*. Понятіе о *страсти* произошло отъ понятія о *страхѣ*, поелику оба сіи чувства соединены неразрывно. *Страхъ* есть *потрясеніе* спокойствія душевнаго и *страсть* тоже. Чувствованія *страсти* не можетъ быть безъ нѣкоего чувствованія *страха*; ибо всегда опасаешься лишиться той вещи, которую чрезмѣрно любишь.

*

Страхъ и *страсть* суть два *потрясенія*, или два *трепетанія* душевныя, вмѣстѣ соединенныя, одно отъ желанія имѣть любимую вещь, другое отъ боязни лишиться или не получить оной. И то и другое состояніе, или лучше сказать оба вмѣстѣ, изъявляются вѣтвію отъ тогоже корня произведенною: *страданіе*. Отселѣ, поелику чувства сіи въ самой природѣ соединены тѣсно, произведены и слова, означающія ихъ, отъ одного и тогоже корня, и также толь тѣсно въ значеніяхъ своихъ соединенныя, что часто пріемлются одно за другое и смѣшиваются между собою. Когда мы скажемъ: душа *дрожитъ*, или *трясется*, или *трепещетъ* (разумѣя подъ симъ, что спокойное, естественное, равнодушное состояніе ея чѣмъ нибудь разрушено), то не довольствуясь однимъ общимъ понятіемъ о ея *трепетаніи*, хотимъ знать о родѣ онаго, то есть отъ какой имянно причины, или отъ какого чувства оное происходитъ: отъ сильнаго ли желанія, или отъ боязни *),

*) Мы поставили здѣсь *боязнь* вмѣсто *страхъ*, дабы имѣть случай вопросить, почему сіи слова пріемлемъ мы за одно и тоже значащія? потому что онѣ, хотя и разныхъ корней, но отъ одной и тойже мысли происходятъ. Мы видѣли, что слово *страхъ* есть не иное что, какъ *стряхъ*, т. е. *сотрясеніе*, или такъ сказать *встряхиваніе*

или отъ претерпѣванія какой нибудь боли, мученія, печали. Первое *сотрясеніе* называемъ *страсть*, второе *страхъ*, третіе *страданіе*. Такимъ образомъ, сохраняя во всѣхъ сихъ вѣтвяхъ одинъ и тотъже корень, разнообразимъ ихъ окончаніями; но при всемъ стараніи каждую вѣтвь отличить отъ другой особымъ окончаніемъ, нѣкоторыя изъ нихъ остаются безъ всякой съ ними перемѣны; и тогда смыслъ ихъ, или принадлежность къ колѣну опредѣляется (какъ мы уже о томъ и выше сего въ колѣнахъ 7 и 8 упоминали) силою рѣчи, въ которой онѣ помѣщены. Такъ напримѣръ глаголъ *пристрастить* столько же относится къ колѣну *страхъ*, сколько и къ колѣну *страсть*; ибо когда мы скажемъ: ребенокъ избаловался, надобно его *пристрастить* (т. е. навесть на него страхъ, дать ему пристрастку), тогда *пристрастить* производимъ отъ слова

сердца. Но откуду глаголъ *боюся*? имя *бой* есть тоже, что *біеніе*; частица *ся* есть сокращенное мѣстоименіе *себя*. Слѣдовательно *боюся* есть *себя бью или бьюсь*. Но *биться* не тоже ли, что *трястися*, *встряхиваться*, *трепетать*? не говоримъ ли мы: рыба *бьется или трепещетъ*, птичка *бьется или трепещетъ*, сердце *бьется или трепещетъ*, пріемля и то и другое за одно и тоже? Итакъ единозначительность разнокоренныхъ словъ должна имѣть причину.

страхъ, но когда скажемъ: надобно его *пристрастить* къ ученью или къ чему, иному (т. е. вселить въ него желаніе, склонность, охоту) тогда *пристрастить* производимъ отъ слова *страсть*; и какъ *страсть* есть состояніе души *потрясенной*, взволнованной, непокойной, то и пріемлется иногда за слово *страданіе*. Въ такомъ смыслѣ говорится: *страсти* Христовы (т. е. *страданія* имъ претерпѣнныя) *страстная* недѣля, и проч. Сіи двузначенія словъ и принятіе ихъ одно за другое не есть недостатокъ въ языкѣ или погрѣшительное смѣшеніе понятій, но естественное самой природѣ послѣдованіе, изъ ея источниковъ текущее и нимало не затрудняющее того, кто языкъ свой хорошо знаетъ.

18. *Стра́жду* или *страда́ю*. Въ предъидущемъ колѣнѣ видѣли мы, что *страхъ*, *страсть* и *страданіе*, суть колѣна, хотя и ставшія нѣкоторымъ образомъ сами корнями, поелику при уклоненіи своемъ въ ближайшій смыслъ пускаютъ отъ себя непосредственныя вѣтви, однакожъ не престаютъ быть вѣтвями главнаго корня своего *тр*, отъ котораго пошли, и котораго звукъ всегда въ себѣ сохраняя, хотя и много различествуютъ между собою смысломъ, но какъ прямо или чрезъ посредство другихъ колѣнъ отъ него происходятъ, то и не теряютъ ни-

когда своей съ нимъ и между собою смежности или сцѣпленія понятій. Возмемъ въ семъ деревѣ колѣна *тру, трясу, треплю, тереблю, тормошу, тревожу, страшу, стругаю, терзаю*, не всѣ ли онѣ показуютъ, что слѣдствіе, отъ дѣйствій ихъ происходящее, есть *страданіе?*

19. *Тревóга.* Слово сіе вмѣщаетъ въ себѣ понятіе о шумѣ, смятеніи, безпокойствѣ; слѣдовательно есть такая же вѣтвь отъ корня *тр*, какъ и другія отъ негоже произведенныя и подобноеже значеніе изъявляющія, какъ то: *трещу, трясу, трублю, тормошу, тереблю, страшу*, и проч. Всѣ сіи слова означаютъ разнаго рода шумъ и безпокойство, а потому и о словѣ *тревога* со всѣми онаго вѣтвями (тревожу, тревожусь, тревожный и проч.), нѣтъ причины сомнѣваться, чтобъ оно не отъ сегоже корня происходило.

20. *Тороплю́.* Глаголъ *торопить, торопиться*, означаетъ поспѣшность, а всякая поспѣшность (особливо сильная) сопряжена съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, съ нѣкоторымъ и внѣшнимъ и внутреннимъ движеніемъ, подобнымъ *трепетанію* крылъ или сердца. Доказывается то словомъ *оторопѣть*, которое значитъ испугаться, почувствовать *страхъ*, а *страхъ* (см. сіе колѣно) есть не иное что, какъ *потрясеніе, трепе-*

таніе души. Отселѣ ясно, что колѣно подъ глаголомъ *тороплю*, яко вмѣщающее въ себѣ тотъже корень и тѣжъ понятія, принадлежитъ къ сему дереву.

21. *Тру* (тереть). Дѣйствія, выражаемыя словами *треніе* и *трясеніе*, имѣютъ великую сопряженность съ звукомъ выражаемымъ словомъ *трещаніе*, поелику часто, естьли не всегда, причиною *трещанія* есть *треніе* или *трясеніе*. Возмемъ напримѣръ орудіе называемое *трещоткою:* отъ чего она *трещитъ?* отъ того, что вертящаяся часть ея *трется* около невертящейся. Отъ чего дерево упало съ *трескомъ?* отъ того, что вѣтръ сломилъ его; но вѣтръ могъ ли сломить оное безъ *потрясенія?* въ громѣ, въ изверженіяхъ огнедышущихъ горъ, и пр., не видимъ ли мы всегда соединенными и *треніе* и *трясеніе* и *трещаніе?* Отселѣ ясно, что глаголъ *тру* (со всѣми онаго вѣтвями), по сопряженности понятій между имъ и глаголами *трясу*, *трещу*, произведенъ отъ тогожъ корня *тр*.

22. *Тропа́*. Очевидно отъ *тру*, поелику есть *натертая*, протоптанная стезя, дорожка.

23. *Трутить* (тручу, напрутишь, и пр.) Говорится *натрутить* что нибудь, то есть, отнять чрезъ многое *треніе* (употребленіе) у вещи крѣпость, сдѣлать составъ ея сла-

бѣе, ближе къ сокрушенію. *Истертое* отъ многаго употребленія есть купно и *натрусенное*, то есть отъ *тренія* поврежденное, ослабленное. Ось у коляски *натрутилась*, тоже что *истерлась*. Ногу *натрутить*, тоже что *натереть*. Итакъ ясно, что глаголъ *трутить* (тручу) есть нѣкій токмо иной видъ глагола *тереть* (тру).

24. *Трутъ*. Все *истертое* представляется въ мелкихъ, сокрушенныхъ частяхъ. *Тере́ть, трясти́, трепа́ть, тереби́ть, труті́ть, труси́ть*, суть дѣйствія, разрушающія цѣлость вещи. Платье, дерево, желѣзо *истерлось*, значитъ обносилось, обвѣтшало, истощилось. Отселѣ явствуетъ, что корень *тру* (тереть) есть первоначальный источникъ всѣхъ сихъ отъ него происшедшихъ вѣтвей, которыя, какъ въ вышеозначенныхъ словахъ или колѣнахъ (*труті́ть*, *трутъ*) такъ и въ нижеслѣдующихъ тожъ самое понятіе въ себѣ сохраняютъ.

25. *Трупъ*. Мы видѣли, что корень *тру* произвелъ колѣна *трутъ*, *трутить*, уклонившіяся въ значеніе ветхости, изможденія, сокрушенія. Итакъ можемъ смѣло утверждать, что и слово (или колѣно) *трупъ*, яко тотъже звукъ и тожъ понятіе изъявляющее, отъ негоже происходитъ; ибо хотя слово *трупъ* собственно значитъ мертвое тѣло, но какъ всякое мертвое тѣло

есть вещь сокрушенная, истлевающая, то и могла вѣтвь сія, подобно какъ и *трутъ*, произойти отъ глагола *тру*, яко дѣйствія приводящаго въ разрушеніе. Притомъ же слово *трупъ* не всегда мертвое тѣло означаетъ, но въ сложеніи съ другими словами значитъ иногда просто поврежденіе, изможденіе, истлѣваніе, какъ то въ словахъ *трупорѣшина*, *трупорѣховатость*, и проч.

26. *Струпъ*. Единокорненность словъ *струпъ* и *трупъ* очевидна. (См. предъидущее колѣно); ибо *струпъ* есть нѣкоторымъ образомъ не иное что, какъ тотъже *трупъ*, то есть загнившая, зараженная, такъ сказать мертвая часть тѣла. Разность между *трупомъ* и *струпомъ* состоитъ токмо въ томъ, что подъ первымъ разумѣется нѣчто цѣлое въ такомъ же состояніи, въ какомъ подъ вторымъ разумѣется часть. *Струпъ* безсомнѣнія происходитъ отъ глагола *стираю* или отъ имени *стираніе*, *сотреніе*; ибо *струпы* (болячки) обыкновенно дѣлаются на тѣхъ мѣстахъ тѣла, которыя повреждены бываютъ отъ *тренія*.

27. *Стропота́*. Въ Академическомъ Словарѣ подъ симъ словомъ сказано: См. часть V, стр. 883. „1) кривизна или шароховатость. 2) Неправда, развратность, уклоненіе отъ истинны.“ Первый изъ сихъ смысловъ доказывается текстомъ: *бысть имъ*

путь стропотокъ зѣло (Ник. Лѣтоп. 11, 69), и другимъ изъ Священнаго Писанія: *будутъ имъ стропотная въ правая.* (Лук. III. 3). Ясно, что *стропотная* въ противуположности съ *правая* долженствуетъ значить шароховатое, горбатое, кривое. Французской и другихъ Библій переводы тожъ самое подтверждаютъ (les chemins tortus seront redressés). Второй смыслъ есть уже иносказательный; ибо что въ вещественности *стропотно* (горбато, криво), то въ нравственности *строптиво* (лукаво, неправедно). Впрочемъ сіе понятіе о шароховатости въ словѣ *стропота̀* безсомнѣнія произошло отъ слова *струпъ*, и что первоначально долженствовало оное быть *струпота̀*, т. е. путь или мѣсто устланное *струпами*, поелику *струпъ* (см. сіе колѣно) есть выдавшаяся на тѣлѣ (какъ бы наподобіе кочки) нѣкая болячка, и слѣдовательно многіе *струпы*, отъемля гладкость у тѣла или кожи, дѣлаютъ ее шароховатою, неровною; а понятіе о шароховатости естественно сопрягаетъ уже въ себѣ и понятіе о кривизнѣ.

28. *Стропъ.* Симъ именемъ, то есть *стропами* или *стропилами* называются косвенно поставленные лѣса, на коихъ лежитъ кровля какого либо строенія. Очевидно, что названіе ихъ произведено отъ косвен-

ности (непрямости), какую изъявляетъ слово *стропотà* (см. сіе колѣно).

29. *Стрѣхà.* Слово сіе хотя и не показываетъ съ очевидною ясностію происхожденія своего, однакожъ вѣроятно отъ сегоже корня имѣетъ свое начало. Оно означаетъ крышу или кровлю дома, которая простирается по *стропиламъ*; а потому легко могли отъ *стру*, (см. 47 колѣно) въ неопредѣленномъ *стреть* (съ предлогомъ *простирать*), произвесть *стрѣха*, подобно другимъ отсюду же происходящимъ вѣтвямъ, таковымъ какъ *стремя*, *стрѣла*, и проч.

30. *Тряпѝца* или *тряпка.* Тоже есть вещь, 1-е, употребляемая для *тренія*, и 2-е, отъ *тренія*, *трясенія*, *трепанія*, обветшалая, ставшая въ нѣкоторомъ смыслѣ *трупомъ*, изъ коей чрезъ большее еще сокрушеніе, то есть сожженіе оной, дѣлается *трутъ*. Всѣ сіи понятія показуютъ ясно смежность ея съ оными.

31. *Тереблю̀.* Дѣйствіе *тереблен*ія есть купно и дѣйствіе *тренія*, *трясенія*, *трепанія*, *терзанія*, *тормошенія*, безъ коихъ оно не можетъ совершаться; ибо ничто *теребимое*, не можетъ быть въ покоѣ. Отселѣ одного и тогоже колѣна вѣтви: *тереблю*, *истребляю*, *употребляю*, хотя кажутся весьма различны смысломъ, однакожъ коренное значеніе имѣютъ одинакое; ибо каждый изъ

сихъ глаголовъ показываетъ отсутствіе покоя, и слѣдовательно присутствіе движенія, а съ движеніемъ неразрывно соединено *треніе*, такъ что всѣ сіи глаголы не иное что изображаютъ, какъ различнаго рода *тренія*; ибо что *я треблю*, или *истребляю*, или *употребляю*, того не оставляю въ покоѣ, но какимъ бы то ни было образомъ двигаю, привожу въ *треніе*.

32. *Трéбую*. Колѣно сіе очевидно есть слѣдствіе предъидущаго; ибо *теребить* значитъ тянуть, тащить, извлекать что нибудь изъ чего нибудь; но и *требовать* значитъ тоже. Вся разность состоитъ въ томъ только, что одно дѣлается руками, а другое словами.

33. *Терзáю*. Всѣ прочія почерпнутыя изъ корня *тр* слова, таковыя какъ *тру*, *трясу*, *тормошу*, *тереблю*, сохраняющія въ себѣ различные образы одинакаго дѣйствія, показываютъ, что и глаголъ *терзаю*, по тойже причинѣ, къ одному съ ними изъ тогоже корня производству принадлежитъ; ибо *терзать* есть не иное что, какъ *тереть*, *трясти*, *тормошить*, *теребить*, равно какъ и каждый изъ сихъ глаголовъ есть не иное что, какъ нѣкоторое *терзаніе*. (См. 45 колѣно).

34. *Терпу́гъ*. Очевидно отъ глагола *тру* (тереть); ибо есть такое орудіе, которымъ

водятъ или *трутъ* по негладкому мѣсту, дабы сдѣлать оное гладкимъ.

35. *Теряю*. Кажется глаголъ сей тожъ отъ понятія о *треніи* происходитъ. Человѣческая мысль легко могла *треніе* или *тереніе* измѣнить въ *теряніе*, для означенія чрезъ сію малую перемѣну слѣдствія того, что обыкновенно или часто отъ *тренія* случается. Вѣроятно примѣчаніе, что вещь положенная въ суму, или въ мѣшокъ, или въ карманъ, по большой части не иначе, какъ чрезъ *протертіе* онаго *теряется*, подало поводъ къ составленію сего слова изъ тогоже корня. Ибо и другой отъ инаго корня однозначущій съ нимъ глаголъ *пропáсть* подобную же мысль въ себѣ являетъ. Выраженія: *вещь потерялась* и *вещь пропала*, пріемлются почти за одно и тоже. Но *пропáсть* по составу своему говоритъ: *пасть сквозь что нибудь* (ибо предлогъ *про* во всякомъ случаѣ показываетъ сіе значеніе, какъ то: *проникнуть*, *пронзить*, *провалиться*, *пробыть*, *проскочить*, и проч.). Между тѣмъ *пасть сквозь что нибудь* не можетъ иначе, какъ надлежитъ, чтобъ сіе *что нибудь* имѣло у себя скважину, а скважина есть не иное что, какъ *протертое* мѣсто. Итакъ *пасть сквозь* (или *пропáсть*) и *протереться* и *потеряться* суть толь смежныя и удобосцѣпляемыя понятія, что глаголъ

тереть съ измѣненіемъ одной изъ гласныхъ буквъ легко изъ означенія дѣйствія могъ перейти къ означенію слѣдствія онаго *терять*. Сверхъ оего глаголы *вытерь*, *стерь*, означающіе, что не стало болѣе того, что прежде было, могли также способствовать къ переходу понятія изъ *тереть* въ *терять*.

36. *Трачу*. Глаголъ *трачу* (тратить) совершенно значеніемъ своимъ сходствуетъ съ глаголомъ *теряю*, а потому думать должно, что оный есть точно такаяже вѣтвь корня *тр*, отъ тѣхъ же понятій *тереть*, *трясти* рожденная и выражающая, равно какъ и глаголъ *терять*, тожъ слѣдствіе оныхъ; ибо и отъ *тромаго* и отъ *трясомаго* всегда нѣчто *теряется* или *тратится*. Вѣроятно глаголъ *теряти* произносили иногда сокращенно *тряти*, отколѣ чрезъ повтореніе окончанія *ти* сдѣлался глаголъ *трятити*, или *тратити*, или *тратить*.

37. *Трудъ* (трудиться, трудно, и пр.). Слово сіе хотя имѣетъ тотъ же самый звукъ, однако не такую близость значенія съ глаголомъ *тру* (тереть), которая бы ясно и тотчасъ намъ представлялась. Для того распространимся нѣсколько въ нашемъ объясненіи. *Трудъ* безсомнѣнія есть распространенное значеніе глагола *тру*, имя изъ него извлеченное; ибо дѣйствіе, изъявляемое симъ глаголомъ, не можетъ быть про-

изводимо безъ нѣкоего усилія, *труда*. Глаголъ *тру* представляетъ намъ одно нѣкоторое дѣйствіе, имъ опредѣляемое. Слово *трудъ* представляетъ вкупѣ многія подобныя дѣйствія, разныя, отнюдь симъ словомъ не опредѣляемыя, но только вообще означаемыя; ибо человѣкъ трудится, когда *третъ*; трудится, когда катитъ (напримѣръ камень); трудится, когда копаетъ (напримѣръ землю), и такъ далѣе. Но во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ глаголъ *тру* соучаствуетъ, поелику ни одно изъ нихъ безъ нѣкоего *тренія* не совершается. Умъ, составлявшій языкъ, долженъ былъ примѣтить оное. Человѣкъ далъ различныя названія симъ дѣйствіямъ (тереть, катить, копать, и проч.); но поелику при каждомъ изъ нихъ совершается нѣкоторое усиліе, напряженіе мышцей, то, дабы дать всѣмъ симъ усиліямъ одно общее имя, не могъ онъ взять произвольно какой нибудь случайно пришедшій ему въ голову звукъ: таковое составленіе языка неудобно и несвойственно одаренному разсужденіемъ существу. Итакъ онъ, размышляя о сихъ дѣйствіяхъ и находя одно изъ нихъ (тереть) болѣе всѣхъ учавствующимъ въ другихъ, взялъ оное за корень, и произвелъ изъ него потребное ему слово *трудъ*. При семъ надлежитъ еще примѣтить, что дѣйствіе, озна-

чаемое словомъ *тренiе*, есть самое сильнѣйшее и величайшее въ природѣ: оно сопряжено съ движенiемъ всѣхъ тѣлъ, яко противуборствующая сему ихъ стремленiю сила, безпрестанно остановить оное *трудящаяся*: слѣдовательно никакое отъ инаго корня произведенное слово не удобно съ такимъ приличiемъ и правдою выразить слово *трудъ*, какъ имя, взятое отъ глагола *тру*. Въ Славенскомъ языкѣ сiе приличiе производства словъ, основанное на истинномъ познанiи вещей и глубокомъ разсужденiи, весьма часто примѣчается.

38. *Торить*. Разсматривая вѣтви колѣнъ сего дерева, мы въ измѣненiи корня *тр* въ *тер*, *стер* и *тор*, нимало усумниться не можемъ. Грамматика намъ то покажетъ; ибо изъ простыхъ глаголовъ *тру*, *стру* дѣлаются предложные, въ будущемъ *протру*, *простру*, въ прошедшемъ *протеръ*, *простеръ*; изъ нѣкоторыхъ же производятся существительныя имена, какъ напримѣръ изъ *простираю*: *просторъ*; изъ *затираю*: *заторъ*, и такъ далѣе. Измѣненiя сiи подаютъ поводъ къ составленiю новыхъ словъ. Такимъ образомъ изъ глагола *тру* произошелъ глаголъ *торю*, который хотя тожъ самое значитъ, однакожъ съ нѣкоторыми въ употребленiи различiями, съ нѣкоторыми той же мысли отмѣнами и распространенiями.

Въ пѣсни поется: *не прокладывай слѣдовъ, дороженьки не тори*, то есть не три, не натирай, не напаптывай. Итакъ хотя *торй* есть точно тоже, что *три*, однакоже говорится въ особенномъ нѣкоемъ смыслѣ о дорогѣ, и потому глаголъ *три* (тереть), яко вообще, а нечастно, дѣйствіе сіе означающій, не можетъ замѣнять здѣсь глагола *торй*, и хотя сей послѣдній въ просторѣчіи только употребляется, но не меньше чрезъ то сдѣлался онъ способнымъ пускать отъ себя особыя колѣна и вѣтви. Такъ напримѣръ прилагательное отъ *тру* есть *тертый*, прилагательное же отъ *торю* есть *торный* (тертый колачъ, торная дорога); отъ *тру*, *натереть*; отъ *торю наторѣть*; и хотя *наторѣть* тожъ значитъ, что *натереть себя*, или *натереться*, однакожъ въ нѣкоемъ особенномъ смыслѣ, то есть быть въ обществѣ съ людьми, *тереться* между ими, и чрезъ сіе всегдашнее съ ними обращеніе изострить себя, навыкнуть жить въ свѣтѣ. Отселѣ слово *торъ* получило нѣкоторое значеніе. Въ просторѣчіи говорится: *быть на тору*, то есть на *торжище*, на сходбищѣ людей, тамъ, гдѣ бываетъ отъ множества ихъ тѣснота, *заторъ*. Люди не собираются здѣсь для лежанія, но для стоянія или хожденія. Сіе обстоятельство (стоять, быть на ногахъ), въ какомъ обыкновенно

бываютъ *на тору*, подало поводъ таковое положеніе человѣка, (а потомъ и всякой другой вещи) означать почерпнутымъ отселѣ словомъ: *торчать*; чего ни о чемъ на какой либо поверхности лежащемъ сказать невозможно. Отсюду же произошли многія другія колѣна съ ихъ вѣтвями, означающими всегда многолюдныя собранія, гдѣ люди въ тѣснотѣ двигаются, *трутся* между собою. Таковыя колѣна суть: *торжище, торгъ, торжество*, и проч. (См. оныя ниже сего). Здѣсь надлежитъ еще примѣтить, что нѣкоторыя вѣтви сего колѣна весьма трудно согласить съ первоначальнымъ смысломъ. Въ Академическомъ Словарѣ подъ словомъ *торный* сказано: „говоря о дорогѣ: угла-женный, убитый посредствомъ ходьбы или ѣзды: *торная дорога*.“ Но въ тоже время прилагательное *приторный* опредѣлено: „по причинѣ сладимости или излишней здобы непріятный, пріѣдчивый.“ Какимъ образомъ согласить толь различныя между собою понятія? Какое сходство между углаженною дорогою и непріятностію во вкусѣ? между тѣмъ *приторный* есть не иное что, какъ *торный* съ приложеніемъ предлога, которымъ существенное значеніе неотъемлется. Итакъ при всемъ кажущемся въ значеніи сихъ двухъ глаголовъ несходствѣ надлежитъ непремѣнно быть между ими нѣко-

ему сходству. Оное будетъ намъ явственно, когда мы обратимъ вниманіе на то, что въ хлѣбныхъ печеніяхъ называется здобою. Имя сіе дается смѣшенному съ масломъ тесту, которое по причинѣ катанія или *тренія* онаго получаетъ названіе *тертаго*. Но мы уже видѣли, что *тертый* и *торный* есть одно и тоже. Итакъ *приторность* есть не иное что, какъ вкусъ *перетертаго* или *притертаго* (т. е. умасленнаго) слишкомъ теста, относимый по подобію съ тестомъ и ко всякой другой въ такомъже состояніи пищи.

39. *Торча́ть*. Глаголъ сей произошелъ отъ слова *торъ*. Онъ заключаетъ въ себѣ мысль: *быть на тору̀*, то есть на *торжищѣ*, на яву у всѣхъ; ибо ничто сокрытое, невысунутое, не изникающее изъ земли или чего инаго, не *торчитъ*. (См. колѣно *торить*). Отъ сего понятія раждается другое, то есть, что вещь *торчащая* должна непремѣнно быть воткнута, дабы не лежала но имѣла отвѣсное или близкое къ отвѣсному положеніе. Отселѣ, для выраженія сего дѣйствія, произвели отъ тогоже корня глаголъ *торгать*, пустившій отъ себя вѣтви *вторгаю*, *исторгаю*, *проторгаю*, *восторгъ*, и проч., ибо естественно, что *торчащее* есть непремѣнно *торгнутое* или *вторгнутое*, и обратно *вторгнутое* есть *торчащее*.

40. *То́ргать.* Единократное *торгнуть*, въ просторѣчіи *торнуть*: т. е. ткнуть, толкнуть, пихнуть. (См. колѣно *торга́ть*). Глаголъ *торгать* чрезъ переставку буквъ произвелъ отъ себя колѣно *трогать*. Въ составѣ языка вездѣ примѣчается, что гдѣ самыя дѣйствія въ природѣ сходны между собою, тамъ и слово, изъявляющее ихъ есть одно и тоже, нѣсколько измѣненное. *Торгать* значитъ толкать, а *трогать* прикасаться: слова сіи извлечены изъ одного и тогоже корня потому, что означаютъ неразрывныя дѣйствія; ибо не можно толкнуть или ткнуть безъ того, чтобъ не прикоснуться: *торгнутое* или *торнутое* непремѣнно *тронуто*.

41. *Тро́гать.* См. предъидущее колѣно.

42. *Стригу́.* Глаголъ сей по ближайшему смыслу долженъ происходить отъ *сторга́ю* (см. *то́ргать*), значущаго свергаю, сталкиваю, срѣзываю, ссѣкаю или подсѣкаю. Коренныя буквы глаголовъ *строга́ю* и *стригу́* суть однѣ и тѣже *стрг*; а потому и понятіе представляютъ одинакое, раздѣляемое помѣщеніемъ гласныхъ буквъ между коренными (какъ то вездѣ въ составѣ языка примѣчается) на два смысла, изъ которыхъ *сторга́ю* есть общій, прилагаемый ко всякой вещи, а *стригу* частный, относимый

токмо къ *стриженію* (т. е. *сторженію*) однихъ волосъ или чего либо имъ подобнаго.

43. *Тернъ*. Смежность понятій между глаголами *тру* и *трогаю* весьма ощутительна, ибо что мы *тремъ*, то непремѣнно и *трогаемъ*. Перешедъ единожды по сей смежности отъ понятія *тру* къ понятію *трóгаю*, а отъ сего къ *тóргаю* (т. е. сую, толкаю, тычу. См. *тóргать*), не трудно уже было отъ сего послѣдняго (въ единократномъ *торгнуть* или *торнуть*) сдѣлать *тернъ* (въ просторѣчіи *тіорнъ*), для означенія колючаго дерева, котораго свойство есть *торгать* и *торгать*, то есть *острыми* высунутыми иглами своими тыкать, колоть.

44. *Торгъ*. Дѣйствіе означающее продажу и покупку товаровъ. Оное обыкновенно производится на площадяхъ, куда по сей причинѣ много сходятся людей. Таковое мѣсто называется *торжище* (въ просторѣчіи рынокъ). Слово *торгъ* происходитъ отъ глагола *тóргать* (толкать), а сей отъ глагола *тру*, поелику гдѣ многолюдно, тамъ и тѣсно; а гдѣ тѣсно, тамъ люди *тóргаются*, *трутся* между собою; ибо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно говорится: меня *затерли*, затолкали, и проч. Такимъ образомъ глаголъ *тóргать* произвелъ имя *торгъ*, а имя *торгъ* произвело глаголъ *торговáть*. (См. колѣна *торить* и *торгать*).

45. *Торжество.* Слово сіе означаетъ тоже, что празднество; а гдѣ празднуютъ, пируютъ, тамъ и людей бываетъ много. Отселѣ явствуетъ, что колѣно сіе точно отъ тойже мысли произошло, отъ какой и другія подобныя сему колѣна *торить*, *торгъ*, и проч. (см. оныя).

46. *Тороватый.* Имя сіе происходитъ отъ глагола *торю* (см. сіе колѣно), чему мы можемъ видѣть неоспоримое доказательство изъ выраженія: онъ всѣ свои деньги *проторилъ* (вмѣсто издержалъ, *истрясъ*); такожъ изъ выраженія: *проторы* и убытки, гдѣ *проторы* значитъ *протреніе* денегъ, т. е. издержаніе, прожитокъ. Слѣдовательно *тороватый* означаетъ того, кто *торитъ*, то есть *третъ* какъ бы сквозь рѣшето, издерживаетъ деньги, щедръ.

47. *Стру.* Глаголъ сей неупотребителенъ, но значеніе онаго въ языкѣ не перестаетъ чрезъ то сохраняться. Для разсмотрѣнія смысла его (и слѣдственно смысла всѣхъ произшедшихъ отъ него колѣна сего вѣтвей) надлежитъ токмо вѣтви сіи сличить съ вѣтвями колѣна *тру*. Итакъ сличимъ оныя: *тру*, *тереть*, *стирать*, *растирать*, суть неоспоримо вѣтви одного и тогоже корня. Но глаголъ *распростирать*, значащій совсѣмъ иное, можетъ привести насъ въ сомнѣніе. Для того нужно разрѣшить оное. *Распростирать* по буквенному складу своему разнится съ *ра-*

стирать однимъ токмо излишествомъ предлога *про*: слѣдовательно показываетъ, что есть тотъже самый глаголъ, изъявляющій тожъ самое понятіе, разнообразимое токмо приставкою сего предлога. Я сказалъ по *букенному складу*, но теперь докажемъ оное по разуму: когда *я тру* что нибудь тряпкою, или инымъ чѣмъ; то мѣсто, по которому я вожу ею, не остается заключеннымъ въ томъ же пространствѣ или обширности, въ какомъ прежде было, или какое занимаетъ тряпка; но становится больше, расширяется: слѣдственно дѣйствіе *тренія* или *растиранія* есть купно и дѣйствіе *распростиранія*. Вотъ отколѣ умъ человѣческій произвелъ сіи два глагола изъ одного и тогоже корня. Итакъ хотя въ рѣчи: *распростерв свои побѣды* не могу я сказать *растерв*, а въ рѣчи: *растираю краску*, не могу сказать *распростираю*, однакожъ толь великая въ сихъ двухъ рѣчахъ между глаголами *растирать* и *распростирать* разность не мѣшаетъ намъ въ составѣ языка чувствовать ихъ единокорненность или единство происхожденія. Глаголъ *распростирать*, по отнятіи отъ него предлога *раз*, дѣлается *простирать*; а сей имѣетъ будущее *простру*; но всѣ въ первомъ лицѣ предложные глаголы будущаго времени, по отнятіи отъ нихъ предлога, означаютъ настоящее время: *прогоню*, *узрю*, *присужу*, *вознесу*, и проч., въ настоящемъ суть: *гоню*, *зрю*, *сужу*, *несу*. По-

сему, когда мы изъ будущаго *простру* хотимъ сдѣлать настоящее, то оное будетъ *стру*, потому токмо неупотребительное, или мало употребительно, что мы замѣняемъ оное предложнымъ, тожъ самое значащимъ и тожъ настоящее время изъявляющимъ глаголомъ *простираю*. Такимъ образомъ, опредѣливъ значеніе глагола *стру*, мы яснѣе увидимъ участіе онаго въ произведеніи нижеслѣдующихъ колѣнъ.

48. *Стручъ*. Само по себѣ ясно, что *стручъ* или *стручокъ* (въ множ. *стручья*, *стручки*) есть вѣтвь, происшедшая отъ понятія *стру*, *простираю*; поелику видъ ихъ не есть круглый или сжатый, но продолговатый, протянутый, *простертый*.

49. *Струна́*. Отъ тогоже глагола *стру*, точно также какъ и *стручъ* или *стручокъ*, потому что натянута, напряжена, *простерта*.

50. *Стру́я*. Нужно ли объяснять, что тотъже глаголъ *струсь* (т. е. *простираюсь*, *стремлюсь*) произвелъ имя *струя*?

61. *Страна́*. Что иное *страна*, какъ не *пространство*? и даже великое *пространство*; ибо мы никакую малую земную площадь не называемъ симъ именемъ. Отселѣ явствуетъ, что тѣжъ глаголы *стру*, *простираю*, подали поводъ всякую обширную часть земли (и даже воздухъ и небеса) называть *страною*, откуда пошли вѣтви *странствовать*, *страннопріимство*, *чужестранецъ*, и проч. Мы видимъ

разумъ словъ нашихъ, текущій изъ самаго источника. Пусть на другихъ языкахъ покажутъ мнѣ съ подобною же непрерывностію мыслей начало на томъже корнѣ основанныхъ словъ; Италіянецъ своего straniere, Французъ своего étranger (по старинному правописанію éstranger), Англичанинъ своего stranger, соотвѣтствующихъ нашему *чужестранецъ*. Пусть покажутъ мнѣ толь же плодовитые корни и такое же между колѣнами сцѣпленіе понятій. Кто вникнетъ въ силу и разумъ Славенскаго языка, тотъ съ сожалѣніемъ увидитъ ослѣпленіе тѣхъ, которые не зная, и потому не чувствуя преимуществъ его, думаютъ обогащать оный принятіемъ чужихъ словъ, или переводомъ чужихъ выраженій.

52. *Строка.* Слово *строка* точно по томужъ соображенію происходитъ отъ глагола *стру*, какъ слово *струкъ* или *струя*, поелику также есть нѣчто *струящееся*, *простирающееся*, текущее наподобіе *струи*.

53. *Строчить.* Глаголъ *строчить* очевидно происходитъ отъ имени *строка*, и хотя уклонился въ нѣкоторый особый смыслъ; ибо мы скорѣе скажемъ *строчить* рубаху, сапоги, нежели *строчить* бумагу; однакожъ, говоря и о письмѣ, можемъ, напримѣръ, сказать: *онъ ужъ три страницы настрочилъ* (вмѣсто написалъ). Сія въ языкѣ, такъ сказать, индѣ тѣхъже самыхъ словъ терпимость, индѣ нетерпимость, отъ того происходитъ, что подоб-

ныя сему слова, какъ *строка* и *строчить*, часто описываютъ по уму одинакія, но по зрѣнію весьма различныя дѣйствія; ибо *строка*, проведенная на рубахѣ, или на платкѣ, есть не то, что *строка* написанная на бумагѣ. Хотя обѣ онѣ *струтся*, *простираются*; но одна изъ нихъ вышивается иглою, а другая начертывается перомъ. Сіи различія хотя и отдѣляютъ нѣкоторымъ образомъ одно значеніе отъ другаго, но единство кореннаго понятія чрезъ то неразрушается.

54. Торочу́ или отораживаю: обшиваю по краямъ тесьмою или чѣмъ инымъ: *оторочить платье лентами* (см. Академ. Словарь). Думать должно, что глаголъ сей есть не иное что, какъ сокращеніе вышеозначеннаго глагола *строчить*; ибо тожъ самое значитъ. *Строка* или *строчка*, проведенная по какому либо краю или шву, есть тоже самое, что *оторочка*. Вѣроятно изъ *остро́чить*, сперва прибавленіемъ буквы *о* растянули въ *осторочить*, а потомъ выпускомъ буквы *с* сократили въ *оторочить*, откуда пошли уже *торока́*, *троки*, и проч.

55. Торока́. Въ Академическомъ Словарѣ подъ симъ словомъ сказано: „ремни у задней сѣдельной луки, коими что либо привязывается." И тамъже подъ словомъ *тро́ки* объяснено: „старинное слово. Родъ прибора сѣдельнаго, состоящаго, изъ разныхъ тесемокъ. (Сообщено изъ оруж. палаты)." — Въ предъ-

идущемъ колѣнѣ показали мы, что слово *торока́* (везти въ торокахъ, и проч.) происходитъ отъ имени *строка* или глагола *строчить.* Здѣсь же въ подтвержденіе тому видимъ, что подъ словами *торока́* и *тро́ки* разумѣются ремни и тесьмы, то есть такія вещи, которыя *простираются* или *струтся*, и слѣдовательно суть *строки.*

56. *Стро́ю.* Мы видѣли, что глаголъ *стру* (простираю), происшедшій отъ *тру* (тереть), означаетъ дѣйствіе расширенія, *распространенія* (см. колѣно 47). Отселѣ явствуетъ, что изъ глагола *стру* сдѣланъ глаголъ *строю*, дабы означить тожъ самое *распростираніе*, но не въ общемъ, а нѣкоемъ частномъ смыслѣ; ибо въ дѣйствіи *строенія* не кладемъ ли мы бревно подлѣ бревна, или камень подлѣ камня? Слѣдовательно когда *строимъ*, то купно и *стремъ* или *простираемъ* или *распростираемъ* во всѣ стороны. Такимъ образомъ *стру*, измѣнясь въ *строю*, произвелъ новое понятіе, отъ котораго пошли уже непосредственно относящіяся къ нему вѣтви: *строй*, *устройство*, *стройность*, и проч.

57. *Стреми́ть.* Глаголы *стру* и *стремлю* имѣютъ одинакій корень, поелику одинакое дѣйствіе выражаютъ: *стру* или *простираю* представляетъ уму движеніе въ какую нибудь сторону, и *стремлю* тоже. Отселѣ явствуетъ, что они при томъже корнѣ разнствуютъ токмо окончаніями, и хотя каждый

изъ нихъ собственныя свои вѣтви производитъ, но сохраняя тотъже корень, сохраняютъ и коренное или первоначальное значеніе тожъ самое.

58. *Стре́мя.* Имя сіе точно по такомужъ соображенію произведено отъ глагола *стремить,* какъ и другія непосредственно къ нему принадлежащія вѣтви *стремглавъ, стремнина,* и проч., ибо ежели *стремнина* отъ того, что отъ вершины горы отвѣсно *стремится* въ долъ, то и *стремя* тоже, поелику и оно отъ сѣдла также отвѣсно *стремится* (или *простирается*) внизъ.

59. *Постро́мки.* Хотя многіе думаютъ, что слово сіе испорчено и сокращено изъ слова *посторонки*, потому что сіи веревки въ упряжѣ протягиваются по обѣимъ сторонамъ лошади, и хотя сіе довольно вѣроятно, однакожъ корень ихъ *стром* (а не *строн* или *сторон*) показываетъ, что онѣ будучи, также какъ и *стремя*, *стремимы* или *простираемы* (токмо не внизъ, а въ бокъ), получили имя свое отъ тогоже глагола *стремить.*

60. *Стрѣляю.* Глаголы *стру*, *простираю*, *стремлю,* и всѣ происходящія отъ нихъ вѣтви, показываютъ дѣйствительное или мысленное движеніе въ какую нибудь страну: рѣка *струится* (т. е. течетъ), *простираю* путь (то есть иду), *стремиться* къ цѣли своей (т. е. стараться дойти, достигнуть оной). Глаголъ *стрѣляю* изъявляетъ подобное

же стремленіе, *простираніе*, движеніе, пули изъ ружья, камня изъ праща, *стрѣлы* изъ лука, и проч. Изъ сего явствуетъ, что корень его *стр* одинъ и тотъже съ вышеозначенными глаголами; ибо не различное понятіе съ ними, но одно и тоже выражаетъ.

61. *Стрекý* или *стрекáю*. Въ Академическомъ Словарѣ подъ симъ глаголомъ сказано: „колю, боду чѣмъ: *стрекнуть бодцами лошадь. Кропива стрекуетъ. Стрекало:* бодецъ, остіе. *Зане якоже юница стрекаломъ стрекаема.* (Осіи IV, 16).“ — Такимъ образомъ глаголъ *стреку* или *стрекаю* (въ неопредѣленномъ времени *стрекать*) долженъ различествовать отъ глагола *стрекочу* (въ неопредѣлен. *стрекотать*), которой означаетъ голосъ сороки (птицы) по уподобленію онаго съ *трещаніемъ*, (см. 3 колѣно); ибо хотя глаголы *стреку* и *стрекочу* въ выговорѣ своемъ почти не имѣютъ никакой разности, однакожъ въ изъявляемыхъ ими понятіяхъ весьма разнятся, поелику между *стрекотаніемъ сороки* (т. е. голосомъ подобнымъ *трещанію*) и *стреканіемъ крапивы* (т. е. болѣзненнымъ нѣкоторымъ чувствованіемъ ею причиняемымъ) нѣтъ никакого сходства. Итакъ хотя очевидно, что оба сіи глагола влекутъ начало свое отъ корня *тр*, но составляютъ два разныя колѣна, не происходящія одно отъ другаго. Откудуже происходитъ колѣно *стреку* или *стрекаю* (то есть колю, боду), (толь близкое выговоромъ,

и толь отдаленное понятіемъ отъ колѣна *стрекочу*, почерпнутаго отъ подобія съ *трещаніемъ?* Посмотримъ, не имѣетъ ли оно сходства съ инымъ какимъ отъ тогоже корня колѣномъ. Что значитъ крапива *стречетъ* или *стрекаетъ?* многими маленькими иглами вдругъ колетъ, производитъ зудъ, щекотитъ съ нѣкоторою болью, жжетъ. Въ семъ чувствованіи нѣтъ ничего похожаго на *трещаніе*, но есть нѣчто похожее на *стрѣляніе*, поелику игла и *стрѣла* колютъ, бодутъ. Итакъ весьма ощутительно, что вмѣсто крапива *стрѣлкаетъ*, то есть колетъ какъ *стрѣлами*, стали, выпустя букву *л*, говорить *стрекаетъ*. Отселѣ уже и всѣ другія глагола сего значенія объясняются, какъ то: *подстрекать*, т. е. подбивать, поджигать, поощрять кого на что либо. Въ просторѣчіи о человѣкѣ ушедшемъ, или бѣгущемъ прытко, говорятъ: *экъ онъ стрекнулъ! какова далъ стрѣлка или стречка! насилу я отъ него устрекнулъ* (т. е. ушелъ, убѣжалъ), и проч. Здѣсь изъ словъ *стрѣлка* и *стречка*, равно употребляемыхъ, ясно, что *стрекнулъ* говорится вмѣсто *стрелкнулъ*, то есть полетѣлъ какъ изъ лука *стрѣла*. Безъ сего сближенія понятій, безъ сего разсмотрѣнія разума словъ, человѣкъ, изъявляющій глаголомъ *стречу* или *стрекочу* вмѣстѣ и *голосъ птицы* и *колкость крапивы* и *прыткость бѣжанія*, казался бъ быть нѣкакимъ безъ размышленія говорящимъ существомъ.

62. *Быстрый* (быстро, быстрина, и пр.). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слово сіе происходитъ отъ глагола *стру* (см. колѣно 47); ибо при томже самомъ корнѣ изъявляетъ тожъ самое понятіе: *струсь* (т. е. простираюсь), *струюсь*, тоже; *стремлюсь*, тоже; слѣдственно и *быстрина* (скорое бѣжаніе), тоже.

63. *Перстъ*, безсомнѣнія отъ *простираюсь*; ибо и корень тотъже *прст* и въ самой вещи есть составъ, членъ, *простирающійся* отъ кисти руки.

64. *Простый*. Слово *просто* значитъ прямо. Въ простор҄ѣчіи вмѣсто *иди прямо*, говорятъ и понынѣ: *иди просто*. Слово сіе происходитъ отъ глагола *простираю*. Выраженіе *иди просто* содержитъ въ себѣ мысль: *иди путемъ передъ очами твоими простертымъ*. Отселѣ вѣтви сего колѣна (простый, просто, простота, и проч.) уклоняются въ разные смыслы: 1-е поелику *просто* значитъ прямо, то *простота̀* (или по иному окончанію *простыня*) значитъ прямизну; а какъ прямизна въ нравственномъ смыслѣ пріемлется за то, что чуждо лукавства и хитрости, того ради вмѣсто прямое сердце говорится *простое* или *простосердечіе*, вмѣсто прямая душа, *простая* душа или *простодушіе*, и проч. 2-е Поелику лукавство, хитрость, пронырство, суть свойства изощреннаго ума, и сколько порочны для употребленія оныхъ противъ

незлобія, невинности, столькоже бывают иногда нужны въ общежитіи для предохраненія себя отъ поставляемыхъ намъ злыми людьми сѣтей. Отселѣ нравственная прямизна или *простота* раздѣляется, такъ сказать, на двѣ и болѣе вѣтви: *простота* сердца и души есть всегда добродѣтель, но *простота* ума почитается недостаткомъ, и даже порокомъ. Отсюду *простой человѣкъ*, *простой народъ*, и проч., значитъ не ученый, не просвѣщенный, не отличающійся своимъ знаніемъ или состояніемъ. Отсюду же *простая вещь*, *простое дѣло*, и проч., значитъ не многосложное, не требующее великаго ума для разобранія онаго. Пословица говоритъ: *простота хуже воровства*: здѣсь *простота* значитъ уже совершенную глупость, безсмысліе. 3-е, Поелику слово *простота* происходитъ отъ глагола *стру*, *простираю*, по сей причинѣ значитъ иногда тоже, что *просторъ* или *пространство* (съ присовокупленіемъ къ сему послѣднему понятія *ничемъ незанятое*). Въ такомъ разумѣ говорится: *опростать* горницу или что иное, и въ семъ случаѣ глаголъ *опростать* становится смеженъ значеніемъ съ глаголомъ *освободить*. 4-е, Отселѣже *простить* (прощаю, прощеніе, и проч.), произшедшее отъ слѣдующей мысли: содѣянная передъ кѣмъ либо вина дѣлается нѣкоторою умственною связью между сими двумя человѣками; ибо обиженный не престаетъ искать

удовлетворенія, и слѣдственно не отпускаетъ, держитъ какъ бы на нѣкоей цѣпи или привязи того, кѣмъ онъ обиженъ. Сія привязка или прицѣпка со стороны обиженнаго или оскорбленнаго дѣлаетъ ихъ какъ бы соединенными другъ съ другомъ, подобно двумъ вещамъ, одна къ другой прилежащимъ, такъ что между ими нѣтъ никакой пустоты, или *простоты*, или *пространства*; итакъ освободить обидившаго отъ сей связи, разрушить сіе съ нимъ соединеніе, *опростать* его, сдѣлать между имъ и собою прежній *просторъ*, *пространство*, значитъ *простить*, *прощаю*.

65. *Простыня*. Слово сіе имѣетъ три разныхъ значенія, изъ коихъ каждое извлечено изъ кореннаго смысла; 1-е, *покрыть пуховикъ простынею*: здѣсь *простыня* произведена отъ глагола *простираю*; ибо есть вещь *простираемая*. 2-е, *Служащіе въ простыни и незлобіи* (Прол. 13 Марта): здѣсь вмѣсто *простота* (въ смыслѣ прямизна) сказано *простыня* по подобію окончанія словъ пустыня, милостыня, и проч. 3-е, *Не любо быстъ ему сіе зѣло, что простыню даетъ ему* (Цар. Лѣт. 185): здѣсь *простыня* значитъ *прощеніе*, отъ *простить*; ибо глаголъ *простить* почерпнутъ отъ *простоты* въ знаменованіи *простора*, *пространства*. (См. предъидущее колѣно).

66. *Прощаю*. См. оба предъидущія колѣна.

67. *Противъ* или *противу*. Слово сіе про.

исходитъ отъ нарѣчія *просто;* надлежало бы говорить *прóстивъ* (см. колѣно 64), но по видимому употребленіе выпустило букву *с*, и чрезъ то корень онаго затмился. Между тѣмъ однакожъ употребленіе не совсѣмъ выпускаетъ оную, но переноситъ иногда напередъ, прилагая къ ней гласную букву: такимъ образомъ вмѣсто *простивъ* говорятъ или *противъ*, или *сопротивъ* и *супротивъ*.

68. *Строгáть* или *стругáть* или *стружúть*. Въ Академическомъ Словарѣ глаголъ *строгаю* или *стругаю* объясненъ слѣдующими словами: „сглаживаю, счищаю стругомъ или другимъ острымъ орудіемъ задорины, неровности какой поверхности.“ Слѣдовательно вожу симъ орудіемъ по чему нибудь негладкому. Но вожу орудіемъ есть тоже, что *тру*, *стру*, *простираю*, *растираю* (ибо всѣ сіи дѣйствія одинакимъ образомъ совершаются): посему *стругаю*, согласуется со всѣми сими понятіями. Отселѣ очевидно, что глаголъ сей, какъ единствомъ коренныхъ буквъ, такъ и единствомъ кореннаго смысла, есть одинакаго съ ними происхожденія, то есть всѣ они произошли отъ понятія *тру* (терепь).

69. *Стругъ*. Имя сіе означаетъ двѣ разныя вещи, и потому въ одномъ случаѣ есть непосредственная вѣтвь глагола *стругаю*, а въ другомъ посредственная или колѣно. *Стругъ* есть орудіе, которымъ *стругаютъ;* о сей вѣтви (находящейся въ числѣ прочихъ вѣтвей

предъидущаго колѣна) нѣтъ нужды объяснять, что она отъ глагола своего происходитъ. Но *стругъ* есть также названіе нѣкотораго рода стариннаго рѣчнаго судна, вѣроятно по какому нибудь подобію съ симъ орудіемъ данное, или можетъ быть по чистотѣ досокъ его *выструганныхъ* глаже, нежели у другихъ судовъ, или наконецъ потому, что оно въ *струяхъ* плаваетъ. Во всякомъ изъ сихъ словопроизводствъ не престаетъ, оно быть вѣтвію сего дерева.

70. *Стро́гій*. Дѣйствіе *строга́нія* или *струга́нія* производится разными образами. Иногда сглаживается поверхность какой нибудь плоской, иногда длинно-круглой вещи, Такъ напримѣръ, *выстругать доску стругомъ*, значитъ сдѣлать поверхность ея гладкою; но *обстругать палку ножемъ* часто значитъ сдѣлать конецъ ея тонкимъ, *острымъ*. Въ семъ разумѣ *обстрогать* тоже значитъ, что *завострить*, или говоря о желѣзныхъ вещахъ, *обточить*. Такимъ образомъ отъ понятія *о строга́ніи* родились понятія *о строгости* и *остротѣ*, которыя, яко смежныя между собою, выражены и названіями изъ одного и тогоже корня извлеченными. Вникая въ вѣтви сего дерева мы тотчасъ можемъ примѣтить близость смысла между словами *строгость* и *острота*. Возмемъ, на примѣръ, глаголъ *стерегу*, или *стрегу*, не значитъ ли онъ *строгое* бдѣніе? не отъ него ли изъ *остерегаюсь*,

остереженіе, произведена вѣщь *осторожность*? но что иное *осторожность*, какъ не *острое* (то есть не тупое, не вялое, не оплошное) смотрѣніе, наблюденіе? *строгое* не иное что есть, какъ *обстроганное*, а *обстроганное* не иное что, какъ *острое*. Отселѣ Ломоносовъ не усумнился сказать о бѣгущемъ по горамъ исполинѣ:

Ступаетъ по вершинамъ *строгимъ*,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,

вмѣсто по вершинамъ *острымъ*. Отселѣ же въ вещахъ, названныхъ *стругъ*, *острóгъ*, *острогá* (см. сіи слова), главное примѣчаемое въ нихъ свойство есть *острота*. Итакъ смежность понятій между словами *строгость* и *острота* въ составѣ языка очевидна, а потому и происхожденіе ихъ отъ одного и тогоже корня несомнительно.

71. *О́стрый*. См. предъидущее колѣно.

72. *О́стровъ*. (По старинному весьма хорошему названію *отокъ*, потому что вода вокругъ его *обтекаетъ*). Ясно, что *островъ* получилъ названіе свое отъ прилагательнаго *острый*; ибо всѣ *острова* суть не иное что, какъ *острыя* вершины стоящихъ подъ водою горъ; притомъ же и наружная ихъ надъ поверхностію моря часть, приближающимся къ нимъ судамъ обыкновенно показывается изъ воды *острою* вершиною.

73. *Стрегý* или *стерегý* (стеречь, стража, осторожность, и проч.). Мы видѣли уже сме-

жность понятій между симъ глаголомъ и именами *строгость* и *острота́* (см. колѣно 70); но присовокупимъ и здѣсь еще нѣчто о томъже. Глаголъ *стрегу* означаетъ, храненіе, береженіе чего нибудь; наблюденіе, смотрѣніе за чемъ либо. Всякое оплошное, нерачительное наблюденіе уничтожаетъ силу сего слова. Итакъ, дабы исполнить сіе наблюденіе во всей онаго точности, надлежитъ, чтобъ оное было недремное, бдительное, *строгое*. Отселѣ явствуетъ, что слово *строгость* легко могло породить глаголъ *стрегу*.

74. *Остро́гъ*. Сей родъ, такъ сказать, и крѣпости и темницы, названъ симъ именемъ потому, что обнесенъ бываетъ тыномъ, которой состоитъ изъ *завостренныхъ* въ верху, плотно соединенныхъ, стоячихъ бревенъ, дабы перелезать чрезъ оный было неудобно.

75. *Острога́*. Желѣзное орудіе съ *острыми* зубцами для ловленія рыбы употребляемое. Происходитъ отъ глагола *строгаю* (острогать) или имени *острый*.

76. *Ость*. Въ Академическомъ Словарѣ слово сіе объяснено слѣдующимъ образомъ: „усики ниткообразные, къ концу *о́стрые*, бываютъ въ хлѣбныхъ и травныхъ колосьяхъ, какъ то, въ пшеницѣ, въ ячменѣ, житѣ, и проч. — *остріе*, иглы или шипы, каковые бываютъ на деревьяхъ и другихъ растѣніяхъ.“ — Тамъ же старинное слово *о́стенъ*

истолковано словомъ *бодецъ*. Итакъ изо всего явствуетъ, что *ость* и *остіе* суть сокращенныя слова изъ *остріе*, *острота*.

77. Ось. Очевидно сокращена изъ *ость*, поелику есть тонкій и потому *острый*, выходящій изъ толстаго мѣста конецъ, просовывающійся сквозь ступицу колеса. А по уподобленію съ симъ говорится уже и о чертѣ умственно проводимой сквозь средоточіе шара: *ось земли*, *ось міра*, и проч.

НѢКОТОРЫЯ ВЫПИСКИ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ГРАФА МЕИСТЕРА,

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ НА ОНЫЯ.

Графъ Меистеръ, извѣстный по ученымъ своимъ занятіямъ, жившій долгое время въ Россіи, въ званіи Сардинскаго посланника, въ сочиненіи своемъ, изданномъ на Французскомъ языкѣ подъ названіемъ: *Les soirées de Saint-Pétersbourg* (Санктпетербургскіе вечера), разсуждая объ языкахъ, и утверждая, что всѣ оные должны происходить отъ первобытнаго языка, между прочимъ говоритъ слѣдующее:

„Нѣтъ произвольныхъ названій, всякое „слово имѣетъ свою причину. Вы, Г. Шевалье, (1) жили нѣсколько времени при по„дошвѣ Альпійскихъ горъ, и можетъ быть „помните, что тамъ *отруби* называются „*bren*, а по другую сторону Альповъ *сова*

(1). Книга сія состоитъ изъ разговоровъ между сочинителемъ и двумя другими лицами. Примѣч. переводчика.

„(птица называется *sava*. Ежели бъ у васъ „спросили: по чему два народа выбрали сіи „два звука для выраженія двухъ понятій? „вы бы вѣрно сказали: *потому, что такъ имъ „захотѣлось; это зависѣло отъ ихъ воли* (2). „Но такой вашъ отвѣтъ былъ бы несправед„ливъ; ибо первое изъ сихъ словъ есть Ан„глинское (3), а второе Славенское, и на пре„красномъ Рускомъ языкѣ отъ Рагузы до „Камчатки оно тожъ самое значитъ, что „за восемь сотъ миль отселѣ въ нарѣчіи со„вершенно мѣстномъ. Вы не станете, я ду„маю, утверждать, что люди размышлявшіе „на Темзѣ, Реинѣ, Оби и По, напали случайно

---

(2). Тѣмъ, которые не упражнялись и не вникали въ составъ языковъ, дѣйствительно кажется, что люди изобрѣли глаголы, предлоги, и давали имена предметамъ произвольно, безъ всякаго размышленія и соображенія, какъ кому первому вздумалось какую вещь назвать; и хотя съ одной стороны видимъ мы, что многія слова происходятъ однѣ отъ другихъ, однакожъ съ другой, встрѣчая множество неизвѣстнаго намъ происхожденія первообразныхъ словъ, думаемъ ихъ быть пустозвучными, то есть ни какою мыслію не порожденными. Но изслѣдованіе корней въ языкахъ откроетъ намъ, что нѣтъ въ нихъ ни одного слова, которое бы не было звѣномъ цѣпи, исходящей отъ первобытнаго начала. Прим. перев.

(3). По Англински отруби называются *bran*. П. П.

„на одинъ и тотъже звукъ для выраженія „одного и тогожъ понятія (4). Слѣдовательно „оба слова существовали прежде въ двухъ „языкахъ, сообщившихъ оныя двумъ нарѣчі„ямъ. Угодно ли вамъ, чтобъ сіи четыре на„рода получили ихъ отъ народа преждебыв„шаго? не знаю, но соглашаюсь (5). Изъ сего „сперва слѣдуетъ, что два превеликія семей„ства, Тевтонское и Славенское, не произ„вольно изобрѣли сіи два слова; но получили „ихъ отъ кого либо иначе. Потомъ вопросъ „начинается снова о народахъ, бывшихъ

---

(4). Что люди, разсѣянные по толь обширному пространству земли, говорящіе разными языками, не могли на одинъ и тотъже звукъ для означенія одной и тойже вещи напасть случайно, доказательство сіе, конечно, само по себѣ велико и неоспоримо; но сходство нѣкотораго числа одинакихъ названій не дастъ намъ того полнаго понятія о происхожденіи всѣхъ языковъ отъ одного первобытнаго, какое можемъ получить отъ изслѣдованія корней. П. П.

(5). Сіе нѣкоторое сомнѣніе въ несомнѣнной истинѣ показываетъ, что ученые люди, каковъ былъ Графъ Меистеръ, больше по чувствамъ, почерпнутымъ отъ глубокихъ свѣденій, нежели по точному испытанію, утверждаютъ, какъ бы токмо нѣкоторою догадкою то, въ чемъ бы они совершенно могли быть удостовѣрены, естьли бъ за основаніе единства языковъ взяли изслѣдованіе корней словъ, а особливо Славенскій языкъ могъ бы ихъ руководствовать къ самовѣрнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ. П. П.

„прежде ихъ: откуда они взяли? отвѣтъ бу-
„детъ тотъже: *они ихъ получили*; и такъ
„далѣе до первоначалія вещей (6). Восковыя
„свѣчи (les bougies), которыя намъ теперь
„подаютъ, напоминаютъ мнѣ объ ихъ имени:
„Французы имѣли нѣкогда великой торгъ во-
„скомъ съ городомъ *Ботція* въ Королевствѣ
„Фецскомъ; они привозили оттуда не малое
„количество восковыхъ свѣчъ, которыя ста-
„ли называть *botzies*, и потомъ по свойству
„языка измѣнили слово сіе въ *bougies*, Англи-
„чане удержали прежнее названіе *wax-candle*
„(восковая свѣча), а Нѣмцы лучше любятъ
„говорить *wachslicht* (восковой свѣтъ); но по-
„всюду видите вы причину опредѣляющую
„слово. Хотя бы и не случилось мнѣ узнать
„происхожденіе слова *bougie*, которое нечаян-
„но нашелъ я въ предисловіи Еврейскаго То-
„массиніева Словаря, то однакоже не меньше
„былъ бы увѣренъ въ какомъ нибудь проис-
„хожденіи онаго; ибо иначе не льзя въ томъ
„сомнѣваться, какъ надобно погасить свѣ-
„тильникъ сходства словъ, то есть отка-
„заться отъ разсужденія (7). Примѣтьте по-

---

(6). Все сіе объяснено въ Академическихъ Извѣстіяхъ нашихъ. Читатель можетъ о томъ справиться, когда захочетъ.

(7). Здѣсь Г-нъ Меистеръ говоритъ какъ истинный знатокъ состава языковъ; но онъ бы еще болѣе въ томъ утвердился и другихъ ут-

„жалуйте, что одно имя сіе, *словопроизвод-*
„*ство*, доказываетъ ужѐ великую предусмо-
„трительность въ составѣ и принятіи словъ;
„ибо названіе сіе предполагаетъ, что каждое
„слово имѣетъ существенность свою, то
„есть, что оно не произвольно выдумано; а
„сего уже довольно, дабы правый умъ от-
„крылъ себѣ дальнѣйшій путь.“

Въ другомъ мѣстѣ разсуждая о коренномъ разумѣ словъ, и утверждая, что древніе народы, при всемъ непросвѣщеніи своемъ, умѣли лучше нынѣшнихъ мудролюбцевъ составлять и производить слова, сочинитель говоритъ слѣдующее:

„Читая новѣйшихъ естествоиспытате-
„лей вы найдете безконечное множество раз-
„сужденій о важности знаковъ и о преиму-
„ществахъ языка философскаго (какъ они го-
„ворятъ), которой бы сотворенъ былъ *à priori*,
„или усовершенствованъ философами. Я не
„пускаюсь въ вопросъ о первобытномъ язы-
„кѣ, но могу увѣрить васъ (ибо ничего нѣтъ
„яснѣе), что младенчествующіе народы ода-

вердить могъ, естьлибъ заключалъ сіе не по одному *сходству словъ*, но по разсмотрѣнію принадлежности разноязычныхъ вѣтвей одному и тому же корню, скрывающему начало свое въ первобытномъ языкѣ, на коемъ по какой нибудь естественной причинѣ получилъ онъ свое значеніе. Прим. перев.

„рены чрезвычайнымъ талантомъ произво-
„дить слова, и что философы напротивъ со-
„вершенно къ сему неспособны. Въ просвѣ-
„щеннѣйшіе вѣки, помню я, Платонъ замѣ-
„тилъ сей талантъ младенчествующихъ на-
„родовъ (8). Достойно примѣчанія, что они

---

(8). Хотя не совсѣмъ согласиться можно, чтобъ философы или ученые не способны были составлять слова, и хотя конечно правда (какъ въ томъ же сочиненіи своемъ говоритъ Г. Меистеръ), что *когда представится имъ какой новой предметъ, то они пускаются перебирать словари, чтобъ сыскать старинное или чужестранное слово и почти всегда худо успѣваютъ*; однакоже дѣйствительно примѣчается, что младенчествующіе народы и самые простые люди весьма къ тому способны и часто лучше умѣютъ придумывать приличныя свойствамъ вещей названія, нежели ученые люди, отъ того ли, что сіи послѣдніе воспаряясь мыслями лѣнятся думать о первоначальныхъ стихіяхъ языка, или отъ того, что любятъ хвастать ученостію своею, употребляя иностранныя слова, или наконецъ отъ того, что увлекаясь хитростію ума, отступаютъ и удаляются отъ простоты природы. Какъ бы то ни было, но мнѣнія Г. Меистера не льзя совершенно опровергнуть. Онъ приводитъ еще подобныя же разсужденія и другихъ писателей, какъ то: „многіе языки, какими нынѣ говорятъ непро„свѣщенные народы, кажутся быть богатыхъ и „гибкихъ языковъ остатками, показующими „предшествовавшее просвѣщеніе." (Monum. des peuples indigénes de l'Amerique, par M. de Humboldt. Paris, in 8, 1816 introd. p. 29). Впрочемъ можетъ

„какъ будто бы поступали въ томъ по общему суду, условливаясь между собою въ „принятіи системы, чему ни какимъ образомъ быть не можно. Каждый языкъ имѣетъ „свое свойство, и сіе свойство есть единственное, такъ что оно исключаетъ всякой

также быть и естественная тому причина: безсомнѣнія начало языка и народовъ уподоблятся началу жизни человѣческой, то есть дѣтству. Сила любопытства и соображенія примѣчается даже и нынѣ въ самыхъ младенческихъ лѣтахъ. Нужда объясняться раждается съ нами, и сія нужда въ первыхъ людяхъ, долженствовавшихъ съ малымъ заимствованіемъ отъ своихъ отцевъ пролагать себѣ новый путь, была еще несравненно болѣе. Имъ предстояла безпрестанная надобность давать имена дѣйствіямъ своимъ, и тѣмъ предметамъ, которые вновь имъ открывались. Умъ ихъ, руководствуемый природою и необремененный еще громадою мыслей, болѣе всего устремленъ былъ къ наименованію вещей сходственно съ ихъ свойствами или качествами. Посмотримъ на дѣтей: первый гласъ новорожденнаго есть гласъ плача. Потомъ, по прошествіи сихъ первыхъ чувствованій страха или печали, вскорѣ начинаетъ онъ изъявлять удовольствіе свое улыбкою. Потомъ, прежде еще, нежели узы языка его разрѣшатся, слабыми своими произношеніями: *а*, *ба*, *ма*, и тому подобными, показываетъ уже онъ, что въ немъ раждается вниманіе, любопытство и желаніе различать предметы. Сія врожденная нужда объясняться, кажется какъ будто преждевременно сообщаетъ ему необыкновенную зрѣлость ума въ уподобленіи вещей и составленіи по оному словъ.

„помыслъ о самопроизвольномъ составѣ или „сложеніи, и о предшедшемъ условіи. Глав„ные составляющіе свойство сіе законы суть „тѣ, кои во всякомъ языкѣ представляются „наиболѣе явственными: въ Греческомъ на„примѣръ, нѣкоторое изъ сихъ свойствъ со-

---

Онъ часто дастъ видимымъ предметамъ собственныя свои названія, не слыхавъ ихъ ни отъ кого, и сіи названія почти всегда бываютъ справедливы, и даны по особенному его соображенію. Мнѣ случилось видѣть младенца еще не могуща-го произнести ни одного слова. Его принесли къ намъ, когда мы сидѣли за столомъ, и въ это время подавали шпинатъ. Казалось онъ ей (ибо то была дѣвочка) полюбился. Велѣли дать ей не множко, и кто-то сказалъ: это соусъ. Она поѣла и улыбнувшись произнесла *со*. Всѣ подхватили и стали твердить: да, соусъ, соусъ! черезъ нѣсколько дней поѣхали прогуливаться, и дѣвочка была въ каретѣ. Лишь только она, по выѣздѣ за городъ, увидѣла первое зеленое дерево, то протянувъ на него ручонку закричала: *со, со!* мы всѣ, вспомня шпинатъ, удивились дѣйствію памяти и соображенія въ толь маломъ возрастѣ. Въ другой разъ случилось мнѣ видѣть двухъ дѣвочекъ, сидящихъ рядомъ, играя въ куклы. Онѣ сидѣли близко другъ къ другу, и одной изъ нихъ понадобилось сказать другой, чтобъ она со стуломъ своимъ отъ ней отодвинулась. Она сочинила свой глаголъ и вмѣсто *отодвинься* сказала: *отсядь!* слово, котораго я никогда прежде не слыхалъ, и которое такъ правильно. Дѣти представляютъ нѣкоторый образъ первобытныхъ людей, то есть младенчествовавшихъ еще народовъ, которыхъ языкъ въ началѣ долженствовалъ

„стоить въ томъ, чтобъ слова могли скла-
„дываться помощію нѣкоей частной связи,
„которая соединяетъ ихъ, дабы произвесть
„второе значеніе, не дѣлая ихъ совсѣмъ ины-
„ми. Языкъ ихъ отъ сего главнаго правила
„не удаляется. Латинецъ, любящій болѣе
„раздробленіе, позволяетъ себѣ слова свои,
„такъ сказать, разламывать, и изъ разлом-
„ковъ ихъ, избранныхъ и соединенныхъ по-
„средствомъ нѣкоего весьма необыкновеннаго
„сочетанія, раждаются новыя удивительной
„красоты названія, коихъ стихіи не могутъ
„быть усмотрѣны, какъ токмо искуснымъ
„окомъ: изъ сихъ трехъ словъ, на примѣръ:
„изъ *CAro*, *DAta*, *VERmibus*, составлено *CADA-*
„*VER* (трупъ), *тѣло данное червямъ* (9). Изъ

быть нѣкое дѣтское лепетаніе; но нужда объ-
ясняться и сообщать мысли свои другъ другу,
нужда, сія великая наставница, изощряла ихъ
умъ и дѣлала его способнымъ изобрѣтать слова.
Сія способность заступала у нихъ мѣсто знаній
и наукъ, была ученицею природы, и не взирая
на малое искусство и опытность тѣхъ вѣковъ,
положила твердыя и глубокомысленныя начала,
отъ коихъ, какъ отъ плодоносныхъ сѣмянъ, про-
изошли всѣ послѣдующіе языки. П. П.

(9). Таковое составленіе сего слова есть, ка-
жется, больше остроумное открытіе стекшейся
въ языкѣ случайности, нежели точное онаго про-
исхожденіе. Мы составляемъ иногда прилагатель-
ныя имена изъ двухъ, или рѣдко трехъ словъ,
соединенныхъ вмѣстѣ, для показанія разныхъ ка-

сихъ другихъ словъ: *MAgis* и *voLO*, *NOn* и *voLO*, сдѣлали они *MALO* и *NOLO*, два превосходныхъ глагола, которымъ всѣ языки, и самый Греческій, должны завидовать. Изъ *CAECus UT IRE* (идти ощупью подобно слѣпому) „составили они *CAECUTIRE*, другой „глаголъ, весьма щастливой, котораго мы не „имѣемъ. Изъ *MAgis* и *auCTE* произвели *MA-* „*CTE*, слово особенно свойственное Латин- „цамъ, и которое они краснорѣчиво употреб- „ляютъ. Тотъ же самый составъ произвелъ „слово ихъ *UTERQUE*, толь щастливо со- „ставленное изъ *Unus* и *alTERQUE*, слово,

---

чествъ, существующихъ въ одной и тойже вещи, какъ на примѣръ *свѣтоносный*, *быстроногій*, *благосѣннолиственный*, и проч., и то не разрубаемъ сихъ словъ, дабы каждое изъ нихъ, будучи цѣльное, могло въ составленномъ изъ нихъ словѣ быть ясно видимо и разумѣемо; но сложить существительное имя изъ трехъ словъ, такъ чтобъ отрубленные остатки ихъ, не означая порознь ничего, по соединеніи оныхъ вмѣстѣ составили слово, содержащее въ себѣ описаніе называемой имъ вещи — таковое чрезвычайно хитрое словопроизводство далеко отходитъ отъ простоты началъ языка; и потому мы скорѣе согласимся слово *cadaver* произвесть просто отъ глагола *cadere*, подобно какъ и у насъ отъ соотвѣтствующаго ему глагола *падать* произведено точно такимъ же образомъ слово *падалина*, означающее тожъ, что и Латинское *cadaver*, (трупъ); но говорится только о трупѣ или мертвомъ тѣлѣ животнаго. П. П.

„въ которомъ я весьма имъ завидую, ибо мы „не можемъ выразить онаго, какъ токмо цѣ„лою рѣчью: *l'un et l'autre*. И что еще скажу „вамъ о словѣ *NEGOTIER*, удивительно со„ставленномъ изъ *Ne EGO oTIER* (т. е. я „упражненъ, не теряю времени), отколѣ про„извели *negotium*, и проч.? (10). Но мнѣ ка„жется Латинскій умъ всего превосходнѣе „составилъ слово *ORATIO* изъ *Os* и *RATIO*, „уста и разумъ, то есть: *разумъ говорящій* (11).

---

(10), На Латинскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ слово *negotium* составлено изъ отрицательной частицы *ne* и имени *otio*, бездѣйствіе, праздность: слѣдовательно *negotium* собственно значитъ *непраздность*, но сіе значеніе относятъ они болѣе къ той *непраздности* или дѣятельности, которую разумѣемъ мы подъ словомъ *торговля* или *кухня*. Я скорѣе соглашусь думать, что въ словѣ *negotium* нѣтъ мѣстоименія *ego* (*я*), но что оно составлено изъ глагола *nego* (значащаго отрицаніе, равно какъ и частица *ne*) и имени *otio*. Отселѣ, выпуская одну изъ двухъ стекшихся вмѣстѣ буквъ *o*, вмѣсто *nego-otium*, говорятъ *negotium*, *negotier* (правильнѣе *negotior*), и проч., впрочемъ главная сила и надобность въ словопроизводствѣ не столько состоитъ въ соображеніи отрицательныхъ и другихъ частицъ съ именемъ или глаголомъ, къ которому онѣ приложены, сколько въ томъ, чтобъ открыть понятіе, присоединенное къ корню. Здѣсь въ семействѣ словъ *otio*, *otium*, *inotiosus*, *negotium*, и проч., по отнятіи отъ нихъ окончаній, корень остается въ буквахъ *oti*. П. П.

(11). Трудно согласиться чтобъ слово *oratio* (рѣчь) было сложное, и чтобъ въ немъ буква *o*

„Французамъ также сіе составленіе словъ не „совсѣмъ чуждо. Предки ихъ, на примѣръ, „весьма хорошо умѣли назвать предковъ сво„ихъ частнымъ совокупленіемъ слова *ANCien* „съ словомъ *ETRE* (12), равно какъ и *BEF„FROI* сдѣлали изъ *Bel EFFROI* (13). Изъ двухъ

была отрывокъ отъ имени *os* (уста). Во первыхъ, нигдѣ во всѣхъ корня сего вѣтвяхъ буква *s* непоявляется. Во вторыхъ, *oro, orare*, значитъ иногда *просить*, иногда *говорить* (поелику *прошеніе* и *говореніе*, или вѣщаніе, суть смежныя понятія). Итакъ *oratio, oratoria, oratorium*, и пр., скорѣе суть слова, происходящія отъ *oro*, нежели сложныя изъ *os-ratio, os-ratoria*, и проч., въ нашемъ простонародномъ языкѣ *орю, орать*, значитъ тоже, что въ Латинскомъ *oro*, *orare*, то есть говорить, но только въ презрительномъ смыслѣ: *экъ онъ заоралъ*, т. е. громко заговорилъ вздоръ. П. П.

(12). Во Французскомъ словѣ *ancetre* (предокъ), хотя часть онаго *etre* и кажется быть глаголомъ *être*, присоединеннымъ къ корню *anc* (скорѣе *ance*), однакожъ она не есть сей глаголъ, но просто окончаніе, подобное нашему окончанію *окъ* въ словѣ *предокъ*. П. П.

(13). Французское слово *beffroi* значитъ подзорную или предостерегательную колокольню или башню. Безсомнѣнія оное есть сложное изъ *beleffroi*, поелику выражаетъ понятіе столь же прилично относящееся къ сей вещи, какъ Италіянское *belvedere* къ подобной же другой. Оба названія изъявляютъ два возвышенныя мѣста, или двѣ башни, изъ которыхъ одна служитъ для внушаемой страхомъ предосторожности, а другая для увеселенія взоровъ окрестнымъ поло-

*

„Латинскихъ словъ *DUo* и *IRE* составили они „*duire* (идти двумъ вмѣстѣ) и чрезъ распро-„страненіе весьма естественное *conduire* (mener, вести). Изъ мѣстоименія личнаго *Se*, изъ „относительнаго къ мѣсту нарѣчія *hORs*, и „изъ глагольнаго окончанія *TIR*, съ удиви-„тельнымъ остроуміемъ произвели они *SOR-„TIR*, то есть *SehORsTIR*, или: *поставить „собственную особу свою внѣ мѣста, гдѣ оная „находилась* (14). Любопытствуете ли вы „знать, какимъ образомъ соединяли они слова „по образцу Греческихъ? Я приведу вамъ „здѣсь слово *courage*, составленное изъ *cor* и

женіемъ мѣстъ. Такое словопроизводство безъ всякаго остроумія, удаляющаго иногда отъ простой истины, само собою ясно. П. П.

(14). Mettre sa propre personne hors de l'endroit où elle étoit: сіе объясненіе слишкомъ растянуто; короче и ближе къ составу слова: *себя вонъ тянуть*. Но и сіе словопроизводство кажется также болѣе остроумнымъ, нежели истиннымъ. Италіянцы подъ словомъ *sortire* (выдти) разумѣютъ точно тоже, что и Французы подъ тѣмъ же самымъ словомъ *sortir*; но они не имѣютъ Французскаго слова *hors* (по нашему *внѣ*, по ихъ *fuori*): слѣдовательно въ ихъ словѣ *sortire* буквы *or* не могутъ значить *hors*. А потому истолкованіе Французскаго слова *sortir* словами *se-hors-tirer*, какъ ни кажется правдоподобнымъ, но можетъ быть ошибочно; ибо въ настоящемъ словопроизводствѣ общій корень многимъ языкамъ во всѣхъ оныхъ непремѣнно показываетъ одно и тоже понятіе. П. П.

„*rage*, то есть *rage du coeur* (ярость сердца), „или лучше сказать изступленіе, восторгъ „сердца (по значенію Англинскаго слова *ra-* „*ge*) (15). Разложимъ еще слово *incontestable*, мы „найдемъ въ немъ отрицательную частицу „*IN*, древній корень *TEST*, общій, ежели не „обманываюсь съ Латинскимъ и Кельтскимъ, „и значеніе способности *ABLE*, съ Латин- „скаго *HABILIS*, естьли то и другое не про- „исходитъ еще отъ древнѣйшаго корня. И „такъ слово *incontestable* значитъ точно: *вещь* „*толь ясная, что съ противнымъ доказатель-* „*ствомъ не можетъ быть совмѣстна* (16).“

---

(15). Вотъ истинное словопроизводство, которое не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что описываетъ вещь просто и ясно. П. П.

(16). Естьли бы Г-ну Меистеру извѣстенъ былъ Славенскій языкъ, то бы онъ конечно, взявъ его въ соображеніе съ Латинскимъ, Францускимъ и другими языками, вѣрнѣе и далѣе могъ доходить до источника первобытнаго понятія, присоединеннаго къ корню, отъ котораго во всѣхъ языкахъ разродились многія отрасли и вѣтви. Онъ не сталъ бы гадательно говорить: „*корень test общій, ежели не обманываюсь*, и проч.; но увидѣлъ бы ясно и несомнительно, что въ словѣ *incontestable* корень не есть *test* но *tes*, одинъ и тотъ же съ нашимъ *тян* въ глаголѣ *тянуть*. (См. объясненіе сего въ шестой части сихъ Сочиненій и Переводовъ отъ стран. 79 по 86). Присовокупимъ здѣсь къ тому еще слѣдующія доказательства: единство нашего корня *тян* съ чужеязычнымъ *ten*, изъ многихъ обстоятельствъ

Далѣе Г. Меистеръ начиная опять говорить о томъ, что ученые люди меньше спо-

---

явствуетъ: 1-е, иностранцы не имѣютъ буквы *я*, и слѣдовательно замѣненіе оной буквою *е* весьма естественно; ибо и мы сами въ нашемъ языкѣ, по близости единозвучія сихъ буквъ, вмѣсто *тяну*, произносимъ иногда *тену*. 2-е, Какъ у насъ корень *тян* подверженъ измѣненію въ *тяз*, такъ равно и въ другихъ языкахъ изъ *ten* измѣняется онъ въ *tes*. Мы, напримѣръ, отъ *тянуть* произвели *тягаться* и *тязаться*; Италіянцы тоже изъ *contendere* (оспоривать) сдѣлали *conteso* (оспориваемый), и такъ далѣе. 3-е, Главнѣйше же доказывается сіе единствомъ общаго понятія, какое примѣчается между всѣми на всѣхъ языкахъ происходящими отъ сего корня вѣтвями, какъ то: на Славенскомъ *тянуть*, *тягость*, *состязаться*, *тяжба*, и проч., на Латинскомъ *tendere*, *tensio*, *extensio*, *contendere*, и проч., тожъ на Италіянскомъ, Французскомъ, Англинскомъ, Нѣмецкомъ и другихъ языкахъ. Разсмотримъ теперь слово *incontestable*, о которомъ здѣсь идетъ дѣло. Полагая въ немъ корень *test*, встрѣчаемъ слѣдующія затрудненія: всѣ Латинскія слова, имѣющія сей корень, какъ то: *testis*, *testimonium*, *attestatio*, и проч., вмѣщаютъ въ себѣ понятіе, какое изъявляемъ мы словомъ *свидѣтельство*. Французское *incontestable* (не взирая на близость сихъ двухъ языковъ) значитъ совсѣмъ иное, а имянно *неоспоримый*. Изъ сего надлежитъ заключать, что хотя и примѣчаются въ немъ тѣжъ самыя коренныя буквы *test*, однакожъ не онѣ составляютъ корень его; ибо въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ одинъ и тотъ же корень могъ произвести два толь различныя понятія, каковы суть *свидѣтельство* и *неоспори-*

собны сотворять языкъ, нежели простые народы, продолжаетъ:

мость, между которыми кажется нѣтъ никакой сходственности или смежности? и такъ поищемъ въ словѣ *incontestable* инаго корня. Разложимъ оное не такъ, какъ разлагаетъ его Графъ Меистеръ, то есть не *in-con-test-able*, но *in-con-tes-table*. Такимъ образомъ корень его будетъ не *test*, а *tes*, и окончаніе не *able*, а *table*. Посмотримъ теперь распространяется ли значеніе сего корня на всѣ другія произведенныя отъ него вѣтви, и представляется ли гдѣ при отношеніи оныхъ къ нему такое затрудненіе въ сходствѣ изъявляемыхъ ими понятій, какое видѣли мы выше сего, пріемля оный за корень *test*? составимъ Славенское слово точно противъ Французскаго, такъ чтобъ предлоги стояли подъ предлогами, корень подъ корнемъ, и окончаніе подъ окончаніемъ. Сіи два слова будутъ:

in-con-tes-table.
не-со-тяз-аемый.

Корень у нихъ одинъ и тотъже *tes* или *тяз* (какъ мы выше сего объяснили); а потому и значеніе долженъ имѣть одинакое (то есть: *тянуть*, *tendere*, *tendre*, и проч.). Мы вмѣсто *несотязаемый* (прибавляя можетъ быть излишно къ предлогу *со* еще букву *с*) пишемъ *несостязаемый*. Слово сіе имѣя тѣжъ самыя части, тотъже самый составъ, говоритъ точно то, что и Французское *incontestable* (по словамъ отъ иныхъ корней ихъ и нашихъ: *indisputable*, *indubitable*, *неоспоримый*, *неопровергаемый*, и проч.). Вотъ истинное значеніе корня: оно во всякой всякаго языка вѣтви, при всѣхъ разныхъ значеніяхъ ихъ, не измѣнно. Хотя мы, на примѣръ, Французское слово *tendance* (или иное какое) и не выражаемъ.

„Но чтобъ возвратиться къ первобыт-
„ной способности (я обращаюсь къ вамъ,
„Господинъ Сенаторъ) (17), посмотрите на

ошъ тогоже корня произведеннымъ словомъ *тянность* или *тянутіе* (у насъ или вовся или въ семъ смыслѣ неупотребительнымъ), а выражаемъ оное отъ инаго корня словомъ *стремленіе;* но по разуму корня, обоимъ языкамъ общаго, безъ труда понимаемъ, что *тянность* или *тянутіе* (tendance) есть тоже, что и *стремленіе;* ибо куда мы *себя тянемъ*, тудаже и *стремимъ себя.* Такимъ образомъ всякое слово одного языка можемъ соображать съ другимъ. Сіе словопроизводство, основанное не на угадываніи, но на отысканіи корня, не можетъ насъ вводить въ заблужденіе, въ какое вводитъ иногда случайное сходство, или хитрость умствованія. Она не представляетъ намъ никакихъ сомнѣній, никакихъ затрудненій въ соглашеніи одной вѣтви съ другою; напротивъ того изъ частнаго значенія каждой одного семейства вѣтви показываетъ общее значеніе корня, и обратно, изъ общаго значенія корня выводитъ частное каждой вѣтви, не на одномъ, но на всѣхъ языкахъ. Узнавъ корень въ словѣ, мы удобно различаемъ въ немъ предлоги и окончанія, не приписываемъ ошибочно имъ значенія, котораго онѣ по свойству своему имѣть не могутъ. Не скажемъ, что въ словѣ *incontestable,* окончаніе *able* есть Латинское *habilis* (способный); ибо оное въ семъ словѣ (какъ и во многихъ другихъ) не есть *able*, но *table*. Короче сказать истинное словопроизводство почерпается изъ изслѣдованій языковъ, и я по многимъ опытамъ удостовѣренъ, что болѣе всѣхъ нуженъ для сего Славенскій языкъ. П. П.

(17). Вѣроятно здѣсь разумѣется покойный

„ваше отечество, и спросите у него многи-
„ми ли словами послѣ великой съ нимъ пере-
„мѣны обогатило оно языкъ свой (18). Увы!
„Держава сія сдѣлала тоже, что и другія.
„Съ того времени, какъ она стала умство-
„вать, она заимствовала слова и не творила их болѣе (19). Ни какой народъ не из-
„бѣгнетъ отъ общаго закона. Повсюду вре-
„мя просвѣщенія и любомудрія было, въ семъ
„родѣ, временемъ безплодія (20). Я читаю на
„вашихъ визитныхъ билетахъ: *Министрѣ*,

Сенаторъ нашъ Тамара, съ которымъ Графъ Меистеръ былъ друженъ. П. П.

(18). Безсомнѣнія слова *послѣ великой перемѣны* означаютъ здѣсь царствованіе Петра Великаго. П. П.

(19). Не льзя сказать, чтобъ языкъ нашъ съ того времени не пріобрѣлъ много новыхъ словъ, но тѣ изъ сихъ новыхъ, которыя, будучи введены буквальнымъ переводомъ съ другихъ языковъ, (а болѣе съ Французскаго) вытѣснили старыя Славенскія слова, принесли не пользу, а вредъ языку. П. П.

(20). Естьли сіе разсужденіе взять въ полномъ смыслѣ сихъ словъ за справедливое, то оно будетъ противорѣчить словамъ *просвѣщеніе* и *любомудріе*; ибо человѣкъ любомудрствуетъ и просвѣщается посредствомъ расширенія мыслей своихъ и умноженія понятій, а для сего потребенъ языкъ, безъ котораго способность ума остается въ тѣсныхъ предѣлахъ и ни какія науки процвѣтать не могутъ. Мы послѣ увидимъ въ какомъ смыслѣ разсужденіе сіе можно нѣкоторымъ образомъ допустить. П. П.

„*Генералъ, Камергеръ, Камеръ-Юнкеръ, Фрелина,*
„*Генералъ-Аншефъ, Генералъ-Дежурной, Ми-*
„*нистръ Юстиціи, Полиціи,* и проч. По тор-
„говлѣ читаю я въ вывѣскахъ: *магазеинъ,*
„*фабрика, мебели,* и проч., и проч., при уче-
„ніяхъ войскъ слышу: *дирекція, деплойяда,*
„*анъ эшикье, анъ эшелонъ, контрамаршъ,* и пр.,
„военное правительство говоритъ: *гауптвах-*
„*та, экзерциръ-гаузъ, Коммиссаріатъ, казарма,*
„*Канцелярія,* и проч. Но всѣ сіи слова, и ты-
„сячи другихъ, кои могъ бы я назвать, не
„стоятъ одного изъ сихъ толь прекрасныхъ,
„толь многозначительныхъ словъ, какими
„изобилуетъ первобытный вашъ языкъ, какъ
„на примѣръ *супругъ,* которое само собою го-
„воритъ: *тотъ, кто подъ одно иго сопряженъ*
„*съ другимъ.* Нѣтъ ничего справедливѣе и
„остроумнѣе сего. Право, государи мои, на-
„добно признаться, что грубые или непро-
„свѣщенные люди, кои древлѣ размышляли о
„составленіи словъ, не были безъ разсудка (21).

---

(21). Сей упрекъ, сдѣланный намъ отъ Г-на Меистера, весьма справедливъ, и это нѣкоторымъ образомъ доказываетъ и объясняетъ вышеприведенное мнѣніе его, что *время просвѣщенія было всегда временемъ безплодія въ языкѣ.* Но утверждая положеніе сіе, толь само себѣ противурѣчащее, не можно словъ *просвѣщеніе* и *любомудріе* принимать въ полномъ ихъ смыслѣ; ибо какимъ образомъ съ размноженіемъ понятій, въ чемъ состоитъ просвѣщеніе, можетъ быть со-

„Но что скажемъ мы о удивительномъ сход-
„ствѣ, примѣчаемомъ между языками, раздѣ-

вмѣстно *безплодіе* словъ, выражающихъ сіи понятія? я думаю можно согласить оное слѣдующимъ разсужденіемъ: слышимые въ природѣ звуки и безпрестанно представлявшіеся зрѣнію новые къ названію предметы напрягали вниманіе и любопытство первобытныхъ людей; нужда объясняться дѣлала ихъ остроумными и глубокомысленными въ изобрѣтеніи словъ; это составляло единственную и главную ихъ науку, занимавшую весь ихъ умъ. Но когда, по довольномъ успѣхѣ въ составленіи языка, народы раздѣлились, и когда, въ послѣдствіи времени, одинъ изъ народовъ изобрѣталъ какое либо рукодѣліе, искуство, художество или науку, требовавшую для объясненія оной новыхъ словъ, и когда сія наука переходила къ другому народу, котораго языкъ взялъ уже собственное свое образованіе и сдѣлался нарѣчіемъ весьма различнымъ отъ перваго, то народъ сей, можетъ быть лѣнясь на своемъ языкѣ изобрѣтать сіи новыя другимъ народомъ изобрѣтенныя слова, вводилъ въ него чужеязычныя названія, и такимъ образомъ, обогащаясь въ наукахъ и знаніяхъ, не только не обогащался; но, можно сказать, скудѣлъ въ языкѣ; ибо принятіе и частое употребленіе чужихъ словъ пріучаетъ къ нимъ и отъемлетъ у разума способность изобрѣтать свои. Сіе, конечно, есть причиною, что древній и богатый нашъ языкъ остается богатымъ въ первобытно изобрѣтенныхъ словахъ, не прибавляя къ нимъ подобныхъже новыхъ, почерпнутыхъ изъ свойствъ языка, или прибавляя мало, не соразмѣрно тѣмъ открытіямъ, какія доходили до насъ въ наукахъ, знаніяхъ и художествахъ. Къ сей нерачительно-

„ленными и временемъ и разстояніемъ, безъ „всякой возможности сообщенія? Я могъ бы

сти о составленіи или произведеніи словъ изъ собственныхъ своихъ источниковъ (то есть корней) надлежитъ еще присовокупить и силу навыка, всегда преодолѣвающую разсудокъ, и пріучающую насъ къ чужимъ, непонятнымъ для насъ словамъ, больше, нежели къ своимъ понятнымъ. Отселѣ прежніе наши *кравчіи*, *конюшіи*, *стольники*, *спальники*, превратились въ *Оберъ-Шенковъ*, *Шталъ-Мейстеровъ*; *Камеръ-Геровъ*, *Камеръ-Юнкеровъ*, и проч. Отселѣ не только не придумали мы названій вновь познаннымъ нами вещамъ, но даже и тѣ имена, которыя ужѐ даны были, оставили для принятія чужеязычныхъ, обыкновенно вытѣсняющихъ собственноязычныя, отъемля силу значенія ихъ, или приводя оныя въ обвѣтшаніе и забвеніе. Такъ на примѣръ, *тронъ* отнялъ или уменшилъ силу у слова *престолъ*; *философія* у слова *любомудріе*; *натура* у слова *природа*; *инструкція* у слова *наказъ*; *Фельдмаршалъ* у слова *воевода* или *вождоначальникъ*; *артиллерія* у слова *снарядъ*; *скипетръ* у слова *жезлъ*; *архитектура* у слова *зодчество*; *металлъ* у слова *крушецъ*, и такъ далѣе. Уменьшеніе силы сихъ словъ дѣлаетъ ихъ безплодными для производства отъ нихъ вѣтвей: мы, на примѣръ, говоримъ *скиптродержецъ*, *тронная*, *архитекторскій*, *металлическій*, и не смѣемъ сказать *жезлодержецъ*, *престольная*, *зодческій*, *крушцевый*, и проч. Отселѣ наши названія дѣлаются для насъ какъ бы чужими, а чужія какъ бы собственными нашими: на примѣръ, *направленіе*, *противушествіе*, *станоставецъ*, *сторожеставецъ*, и проч., и проч., не такъ для насъ ясны, не такъ выразительны, какъ *дирекція*, *контрамаршъ*, *квартер-*

„показать вамъ въ одной изъ сихъ рукопис-
„ныхъ книгъ, которыя вы на столѣ моемъ

мистръ, *вахмистръ*, и проч. Отселѣ *Фрелина* кажется намъ совсѣмъ не то, что *барышня*, хотя слова сіи означаютъ точно одно и тоже, Нѣмецкое уменьшительное отъ *frau*, и наше тожъ уменьшительное отъ *барыня* или *боярыня*. Отселѣ съ нуждою понимаемъ мы одноязычника своего Богемца, когда онъ вмѣсто *Губернаторъ*, *антикваріусъ*, говоритъ *владарь*, *старинарь* и пр. Сіе смѣшеніе Греческихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Француских, Татарскихъ словъ, время отъ времени размножившихся, пустившихъ отъ себя съ принятіемъ Славенскихъ окончаній многія столь же чуждыя для насъ отрасли, сіе смѣшеніе, говорю, останавливая умъ и препятствуя ему производить вѣтви отъ собственныхъ своихъ корней, долженствовало непремѣнно приводить языкъ въ оскудѣніе, заражать его нечистотою, подвергать измѣненію, помрачать ясность Грамматическихъ правилъ, и ослаблять силу краснорѣчія. Къ тому надлежитъ еще присовокупить, что появленіе новыхъ названій и оборотовъ едва ли не хуже принятія иностранныхъ, когда они противъ свойствъ и разума языка переводятся съ чужихъ словъ, или составляются по образцу оныхъ. Все сіе вмѣстѣ, должно признаться, оправдываетъ мнѣніе Г-на Меистера, вопрошающаго: *многими ли мы словами, послѣ великой съ нами перемѣны, обогатили языкъ свой?* и отвѣтствующаго, *что мы съ того времени заимствовали токмо и не сотворяли ихъ болѣе*. Но я не могу согласиться, чтобъ причиною сему было *просвѣщеніе;* ибо естьли просвѣщеніе въ наукахъ и художествахъ непремѣнно соединяетъ съ собою искаженіе языка, то оно, при всемъ

„видите, многія страницы съ моими замѣт-
„ками, кои называю я *сличеніемъ языковъ Гре-*

своемъ блескѣ, созидается на весьма зыбкомъ основаніи, и едва ли можетъ принести прочную славу. Г-нъ Мейстеръ заключаетъ сіе изъ одного принятія нами выставленныхъ имъ иностранныхъ словъ, но онъ еще болѣе утвердился бы въ мнѣніи своемъ, когда бы зналъ, что многія подобныя выхваляемому имъ слову *супругъ*, иныя, благодаря сему *перенимательному* просвѣщенію, ветшаютъ, а другія не меньше ихъ знаменательныя, таковыя какъ *ладо*, *перстный*, *искидокъ*, и проч., совсѣмъ обветшали. Правда, онъ тожъ самое разсужденіе относитъ и на другіе народы: „умъ каждаго языка (говоритъ онъ) кидается во всѣ стороны, чтобъ найти потребное ему слово. Въ нашемъ (Французскомъ) языкѣ, на примѣръ, *maison* Кельтское, *palais* Латинское, *basilique* Греческое, *honnir* Тевтонское, „*rabot* Славенское, *almanach* Арабское, *sopha* Еврейское. Откуда (продолжаетъ онъ) все это „къ намъ пришло? мало мнѣ до того нужды, по „крайней мѣрѣ на этотъ разъ, и проч.“ — Конечно, Г-ну Мейстеру не было нужды входить здѣсь въ трудное изслѣдованіе началъ языка своего, да и не могъ бы онъ успѣть въ томъ, поелику Французской языкъ мало покажетъ собственныхъ своихъ корней. Начало всякаго семейства словъ его скрывается или въ Латинскомъ, или въ другихъ разныхъ языкахъ. Отселѣ происходитъ, что сіи семейства въ немъ весьма многочисленны, и каждое содержитъ въ себѣ не много словъ. При таковыхъ обстоятельствахъ отыскивать въ немъ источники, изъ коихъ онъ составился, былъ бы безконечный трудъ. Но естьли бы Г-нъ Мейстеръ, или иной кто по-

„*ческаго и Французскаго* (22). Я знаю, что въ „сихъ замѣчаніяхъ предупрежденъ я былъ ве„ликимъ знатокомъ *Генрихомъ Этьенъ* (Henri „Etienne); но я никогда не видалъ его книги, „и ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ самому со„ставлять сей родъ сборника, по мѣрѣ какъ „читаются и представляются примѣры (23). „Не подумайте, чтобъ я подъ симъ разумѣлъ „простое сходство словъ, заимствованное „или случайное; нѣтъ, я говорю о сходствѣ „понятій, доказанномъ однозначительностію „смысла, не взирая на различіе образа, исклю-

---

добный ему ученый и трудолюбивый Французъ, имѣлъ обширное познаніе въ Славенскомъ языкѣ, то конечно открылось бы ему пространное поле, гдѣ онъ не только своего языка, но и тѣхъ, отъ коихъ получилъ свои слова и мысли, нашелъ бы первобытныя начала и основанія. П. П.

(22). Сличеніе Французскаго языка съ Греческимъ хотя и можетъ принести нѣкоторую пользу; но сличеніе всѣхъ языковъ, или по крайней мѣрѣ многихъ, и отысканіе, посредствомъ сходства ихъ, первоначальной мысли въ корнѣ, всѣмъ имъ общемъ, и безъ котораго сіе сходство ихъ не могло бы существовать, есть несравненно величайшая и общая для всѣхъ языковъ польза. П. П.

(23). Безсомнѣнія сію пріятность, или сіе удовольствіе, Г-нъ Меистеръ, при такихъ трудолюбивыхъ упражненіяхъ своихъ, почувствовалъ бы въ превосходнѣйшемъ степени, когда бы знаніе Славенскаго языка открывало ему новые и вѣрнѣйшие къ соображеніямъ способы.

„чающаго всякую мысль о заимствованіи (24).
„Я замѣчу вамъ одну только необыкновен-
„ную вещь: когда вопросъ идетъ о изъявле-
„ніи какихъ нибудь понятій, которыхъ есте-
„ственное выраженіе могло бы нѣкоторымъ
„образомъ оскорблять стыдѣніе, Французы
„въ семъ случаѣ употребляютъ точно тѣже
„обороты, какіе нѣкогда употребляли Греки,
„дабы прямость сихъ рѣченій смягчить око-
„личностію; обстоятельство сіе потому бо-
„лѣе удивляетъ насъ, что мы въ семъ слу-
„чаѣ дѣйствовали сами собою, отнюдь не при-
„бѣгая къ посредникамъ нашимъ, Латинцамъ.
„Сіи примѣры достаточно показываютъ намъ
„способы той силы, которая дѣйствовала
„при составленіи языковъ, и даютъ чувство-
„вать ничтожность всѣхъ новѣйшихъ созер-
„цаній. Каждый языкъ, взятый особо, повто-
„ряетъ умственныя явленія, бывшія въ на-
„чалѣ, и чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ сіи явле-
„нія ощутительнѣе. Особливо не найдете вы
„никакого исключенія въ примѣчаніяхъ, со-
„стоящихъ, какъ я всегда утверждалъ, въ
„томъ, что по мѣрѣ восхожденія нашего ко
„временамъ дикости и невѣжества, соприсут-

(24). Сіи правила суть тѣ, кои ведутъ къ истиннымъ началамъ словопроизводства, и которыя въ семъ собраніи Сочиненій и Переводовъ пространно объяснены и многими примѣрами доказаны. П. П.

„ствовавшимъ рожденію языковъ, мы найдемъ „всегда болѣе здраваго ума и глубокомыслія „въ составленіи словъ, и что сей даръ про„тивнымъ ходомъ постепенно исчезаетъ, по „мѣрѣ какъ нисходимъ ко временамъ просвѣ„щенія и наукъ."

Мы прекращаемъ сіи выписки, извлеченныя изъ сочиненій Графа Меистера. Намѣреніе наше было показать сужденіе о началѣ языковъ иностраннаго писателя для сличенія съ сужденіями, помѣщенными въ нашихъ Академическихъ Извѣстіяхъ. Читатель при нѣкоторыхъ малыхъ разностяхъ найдетъ и великое въ семъ сличеніи сходство. Разность выраженій, сказанныхъ кратко, не дѣлаетъ разности въ главномъ о вещахъ понятіи. На примѣръ, Г-нъ Меистеръ говоритъ: *„каждый „языкъ, взятый особо, повторяетъ умственныя „явленія, бывшія въ началѣ, и чѣмъ древнѣе языкъ, „тѣмъ сіи явленія ощутительнѣе."* Мы въ *Извѣстіяхъ* нашихъ пространно и многими примѣрами доказываемъ тожъ самое, а имянно, что *всѣ языки производятъ слова свои отъ корней первобытнаго языка*, или сказать иначе, *повторяютъ умственныя явленія, бывшія въ началѣ*. Справедливость мнѣнія, *что чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ сіи явленія ощутительнѣе*, ясно и несомнѣнно доказываемъ мы Славенскимъ языкомъ, который неоспоримо есть древній, и

вѣроятно самый древній, какъ по историческимъ разысканіямъ, такъ и по тому, что сіи *явленія* дѣйствительно въ немъ весьма *ощутительны;* ибо онъ многими корнями словъ своихъ показываетъ начало мыслей, текущее подъ тѣми же корнями во всѣ или многіе другіе языки. Наконецъ и то замѣтить можемъ, что есть ли ученые люди почитаютъ за полезное одно только сличеніе языка съ языкомъ, дабы видѣть ихъ сходство, то сколько же полезнѣе оба сіи языка, и съ ними еще другіе, приводить къ одинакому началу, дабы открыть общій источникъ, изъ котораго каждый народъ для составленія языка своего почерпалъ мысли?

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ,

напечатанную въ Журналѣ, называющемся *Сынъ Отечества* (часть 58, годъ 1819), подъ заглавіемъ: *Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій.*

Россійская Академія, прилагая попеченіе о пользѣ не только своего, но и всѣхъ вообще языковъ, по справедливости, и согласно со всѣми разсуждавшими о семъ учеными людьми, почитаетъ главнѣйшимъ руководствующимъ къ тому средствомъ отысканіе корней словъ, яко начало, отъ котораго всѣ языки проистекаютъ. Упражняясь въ сихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ, часто требующихъ не малаго вниманія, проницанія, осторожности и здраваго разсудка, неоднократно приглашала она любителей словесности соучаствовать въ сихъ общеполезныхъ трудахъ, присылкою въ нее своихъ открытій или замѣчаній, изъ коихъ основательными и дѣльными могла бы она съ благодарностію воспользоваться. Десять книжекъ подъ названіемъ *Академическихъ Извѣстій* издано ею въ ожиданіи сего пособія; но по сіе время никто не сообщилъ въ нее никакихъ своихъ примѣчаній; ни кого изъ множества писате-

лей и любителей языка своего не привлекла она къ соучаствованію, выключая одного безъимяннаго, которой не въ Академію прислалъ, не къ ней, какъ она приглашала, отнесся; но напечаталъ сомнѣнія свои въ вышеупомянутомъ Журналѣ. Сіи сомнѣнія заслуживаютъ быть разсмотрѣны, не по достоинству своему, но по чрезвычайной неосновательности, съ какою оговаривается книга, издаваемая для пользы языка отъ лица Академіи, а сверхъ того и по любопытству, дабы видѣть какихъ читателей и судей находятъ Академическія произведенія. Пропустимъ начальныя разсужденія Г-на критика или замѣчателя о томъ, что онъ *могъ бы доказать, какимъ образомъ изысканіе корней можетъ разлить свѣтъ на мрачную исторію происхожденія народовъ.*" (Обѣщаніе хорошее, но обѣщать и сдѣлать суть двѣ разныя вещи: обѣщать можетъ всякой, а сдѣлать только способный). — О томъ, что *изслѣдованіе корней словъ есть единственное средство повѣрять справедливость многихъ сомнительныхъ выраженій и оборотовъ языка Россійскаго.*" (Изслѣдованіемъ корней повѣряется справедливость употребленія словъ, согласно съ тою мыслію, отъ которой онѣ происходятъ; но выраженія и обороты имѣютъ свой законъ, часто не зависящій отъ сего изслѣдованія).— О томъ, что *знаменитые писатели Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Каченовской, Жу-*

ковской, должны заградить ему уста." (Не извѣстно по чему. Кажется знаменитые писатели должны способствовать откровенію истинъ въ языкѣ, а не заграждать уста тѣмъ, которые ихъ ищутъ). — Пропустимъ Латинскіе тексты, *sed homo sum*, и тому подобные. Выписка Латинскихъ и Греческихъ словъ есть весьма невѣрный свидѣтель нашихъ знаній и учености. Пропустимъ также толкованіе о предлогахъ, о словѣ *совлечься*, и проч., толкованіе, показующее только, что Г. критикъ о составѣ словъ имѣетъ, по видимому, столь же малое и ошибочное понятіе, какъ и о корняхъ ихъ. Мы увидимъ сіе изъ объясненій нашихъ на нижеслѣдующія его замѣчанія. Онъ говоритъ:

„*Искреннее желаніе* содѣйствовать столь „полезному труду знаменитой Россійской „Академіи побуждаетъ меня предложить нѣ„которыя изъ сомнѣній, родившихся во мнѣ „при чтеніи шестой книжки ея Извѣстій (1). „Можетъ быть и мои возраженія принесутъ „любителямъ Россійскаго языка нѣкоторую „пользу (2).

---

(1). Странное противорѣчіе (есть ли это не иронія): называть полезнымъ трудомъ знаменитой Россійской Академіи то, чего мы силимся доказать крайнюю неосмотрительность, и слѣдовательно безполезность.

(2). Академія проситъ о *возраженіяхъ*, приглашаетъ къ *содѣйствію*; но возраженіе не къ ней

„На страницѣ 4 сказано: *можно о корнѣ „сказать, что онъ не есть слово, но слово безъ „него не можетъ имѣть значенія, и обратно: „если слово означаетъ особенно какую нибудь „вещь, то оно не есть уже корень* (3). Сіе

присланное, а напечатанное отъ неизвѣстнаго лица въ Журналѣ, изъявлявшемъ не однократно самыя непристойныя противъ ней хулы и брани (см. статью о Грамматикѣ, и проч.), такое возраженіе (не говоря уже о неосновательности онаго, какъ мы по вскорѣ увидимъ) отнюдь не показываетъ *искренняго желанія содѣйствовать полезнымъ трудамъ*, но изъявляетъ противное тому, а имянно: полезному сколько можно вредить.

(3). Такъ на страницѣ 4-й сказано это, но сіе сказаніе выведено изъ предшествовавшаго объясненія, столь яснаго и неоспоримаго, что иначе не льзя возражать противъ онаго, какъ надобно прибѣгнуть къ хитрости, впрочемъ весьма простой и обыкновенной, состоящей въ томъ, чтобъ скрыть отъ очей читателя прежде приведенныя доказательства, дабы оныя не могли изобличать лживости опровержения. Отсылать читателя справляться въ книгѣ, было бы затруднить его: и такъ выпишемъ здѣсь сказанное въ шестой книжкѣ Академическихъ Извѣстій на страницѣ 2-й, слѣдовательно весьма близко предшествующей страницѣ 4-й, и посмотримъ, можно ли въ написанномъ тамъ усумниться и возражать противъ того. Вотъ что тамъ сказано:

„*Корень* или коренныя въ какомъ нибудь „словѣ буквы остаются, когда мы отъ сего сло„ва отнимемъ окончаніе и предлогъ." (Кажется это довольно ясно для всякаго, кто знаетъ, что такое предлогъ и окончаніе; но въ книгѣ сверхъ того объяснено еще сіе и примѣромъ, а имянно

„правило, принятое сочинителемъ сей

сказано): „возмемъ, на примѣръ, слово *маловаж-*
„ный: оно составлено изъ нарѣчія *мало* и прила-
„гательнаго *важный*. Отнимемъ отъ него сперва
„прилагательное, а потомъ отъ оставшагося на-
„рѣчія *мало* окончаніе *о*, останется слогъ *мал*.
„Возмемъ другое, на примѣръ, *умаляюся*; отни-
„мемъ предлогъ *у* и окончаніе *яю* съ мѣстоиме-
„ніемъ *ся*, останется тотъже слогъ *мал*. Такимъ
„образомъ сколько бъ мы ни взяли единокорнен-
„ныхъ словъ, во всѣхъ оныхъ найдемъ тотъ же
„самый слогъ или цѣльный или нѣсколько измѣ-
„нившійся." (NB. О измѣненіи сего слога или
корня достаточно объяснено въ другихъ мѣстахъ
той же книги). „Сей слогъ самъ собою, то есть
„вынятый изъ нихъ (изъ словъ или вѣтвей),
„отдѣленный, кажется не имѣющимъ никакаго
„значенія; но получаетъ оное тотчасъ, какъ ско-
„ро приложится къ нему окончаніе; ибо произ-
„водитъ слова: *мало*, *малый*, *маленькій*, и проч.,
„въ которыхъ содержится понятіе противное
„тому, какое разумѣется подъ словами *много*
„или *велико* или *огромно*." (NB. Ясно ли здѣсь
сказано, что корень имѣетъ значеніе? но къ то-
му еще прибавлено): „получа единожды сіе глав-
„ное и общее значеніе, онъ удерживаетъ ужѐ
„всегда оное, не взирая на перемѣны, произво-
„димыя въ немъ посредствомъ измѣненія или
„потрясенія его и прикладыванія къ нему окон-
„чаній и предлоговъ." (NB. Все сіе въ другихъ
мѣстахъ книги ясно доказано, и отсюду извле-
чено заключеніе): „такимъ образомъ *можно ска-*
„зать о корнѣ, что онъ не есть слово, но слово
„безъ него не можетъ имѣть значенія, и обрат-
„но: естьли слово означаетъ особенно какую ни-
„будь вещь, то оно не есть ужѐ корень, но про-
„изведенная отъ него вѣтвь." NB. Г-нъ возража-

„статьи кажется мнѣ сомнительнымъ

тель, выписывая сіи слова, отбросилъ отъ нихъ выраженіе *такимъ образомъ*, дабы оное не показывало ссылки на предъидущее объясненіе; отбросилъ также и конецъ: *но произведенная изъ него вѣтвь*, дабы читатель послѣ словъ *не есть корень*, не могъ знать, чтожъ это такое? употребя сію небольшую хитрость, весьма обыкновенную у нынѣшнихъ критиковъ, противурѣчащую *искреннему*, какъ онъ говоритъ, *желанію его содѣйствовать полезнымъ трудамъ*, возражаетъ онъ не противъ выпущеннаго имъ предъидущаго объясненія, но противъ извлеченнаго изъ него заключенія. Прекрасный способъ обманывать и самаго себя и читателя! кто повѣритъ Евклиду, что въ прямоугольномъ треугольникѣ два квадрата сторонъ, составляющихъ прямой уголъ, равны квадрату противулежащей ему стороны, естьли отбросить то, чѣмъ онъ это доказываетъ? — далѣе, въ тойже самой шестой книжкѣ, и на тойже страницѣ 4 и 5 сказано еще слѣдующее): „подъ именемъ *вѣтви* разу-„мѣется слово, произведенное отъ корня, или, „что тожъ самое: слово составленное изъ корня „и окончанія. Посему сколько бъ мы ни взяли ка-„кихъ либо произведенныхъ отъ одного и того-„же корня словъ, на примѣръ: *мало, малый, ма-„ленькій, маловато, помаленьку*, и проч., ни одно „изъ нихъ не есть корень, но всѣ суть вѣтви „корня *мал*, который, не взирая на различіе ча-„стныхъ значеній ихъ (ибо каждая вѣтвь имѣетъ „свое особое значеніе), во всѣхъ оныхъ показы-„ваетъ главное, всѣмъ имъ общее значеніе или „понятіе о малости или невеликости.“ (NB. Вопрошается, можно ли послѣ сего имѣть сомнѣніе и возражать противъ того, что во всякомъ языкѣ каждый Словопроизводный Словарь, каж-

„(4). Всеобщій законъ природы говоритъ, что „причина *самобытнѣе* (?) своихъ дѣйствій и „произведеній (5). Корень слова, какъ зерно „многовѣтвистаго дерева производныхъ рѣ- „ченій, долженъ имѣть значеніе постоянное, „твердое, опредѣлительное (6). Но безъ пред- мета онъ не можетъ имѣть сихъ качествъ (7);

дый корень, и каждое извлеченное изъ него се- мейство словъ, неоспоримо доказываютъ? По- смотримъ теперь, въ чемъ состоятъ приводи- мыя противъ сего возраженія, произносимыя съ такою увѣрительностію подъ скромнымъ име- немъ сомнѣній).

(4). Сомнѣваться можно только въ томъ, что не доказано; а сомнѣваться въ доказанномъ есть или непонятность или притворство.

(5). Всеобщій законъ разума говоритъ, что не читавъ, или не понявъ, или притворяясь не понявшимъ начала, не можно о концѣ ни судить, ни возражать противъ онаго. Причина, конечно, не *самобытнѣе* (слово, не имѣющее здѣсь ни ка- кого смысла), а *первобытнѣе* своихъ дѣйствій; это всякой знаетъ; но говоря сіе, надобно ука- зать, гдѣ сказано противное тому.

(6). Здѣсь говорится это въ видѣ возраже- нія: но гдѣ жъ господинъ возражатель нашелъ, что въ книгѣ написано противное сему? напро- тивъ, всѣ разсужденія въ ней на семъ самомъ основаны. (См. въ книжкѣ второй о *предлогахъ*, въ книжкѣ шестой о корнѣ *мал.*, и проч.). Про- тивъ чего жъ онъ возражаетъ? самъ противъ себя. Писатель пишетъ для читателей понима- ющихъ его, а не для тѣхъ, которые, приписы- вая ему собственныя свои мысли, возражаютъ противъ нихъ.

(7). Да гдѣ же въ Академическихъ Извѣстіяхъ

„безъ предмета даже слово существовать не „можетъ (8). По моему мнѣнію корень дол„женъ означать предметъ самый богатый

сказано, что корень безъ *предмета* (т. е. безъ всякой идеи, значенія) можетъ имѣть *качество* сообщать смыслъ или значеніе производимымъ изъ него (сказано *реченіямъ*, но надлежало бы сказать) вѣтвямъ? откуду Г-нъ возражатель взялъ сіе? изъ собственной своей головы; ибо вездѣ въ упоминаемой книгѣ утверждается противное тому, какъ то: *„корень содержитъ въ себѣ общее понятіе или значеніе, которое сообщаетъ онъ всѣмъ происходящимъ отъ него вѣтвямъ.“* (Кн. 2, стран. 2). Какимъ же образомъ писатель можетъ отвѣчать за тотъ умъ или голову, которая не прочитавъ его возражаетъ, или прочитавъ толкуетъ превратно?

(8). Здѣсь также видно, что Г-нъ возражатель не далъ себѣ труда прочитать написанное въ книгѣ; иначе, безсомнѣнія, не сталъ бы въ видѣ возраженія утверждать то самое, что тамъ и прежде, и лучше, и пространнѣе объяснено. Тамъ увидѣлъ бы онъ не подверженное никакому сомнѣнію опредѣленіе и *корню*, и *окончанію*, и *предлогу* (составляющимъ вмѣстѣ *слово или вѣтвь*); узналъ бы, что предлоги и окончанія не имѣютъ существеннаго значенія, которое только одному корню свойственно, и что приставляемыя къ нему они не перемѣняютъ постояннаго значенія его, но токмо разнообразятъ оное; получилъ бы свѣденіе, что всякое слово имѣетъ два значенія, коренное и вѣтвенное. Все сіе тамъ сказано, истолковано, написано по Руски, такъ что можно разумѣть безъ переводчика или толмача, и притомъ объяснено такъ просто и ясно, что не надобно быть Профессоромъ краснорѣчія,

„по своимъ отношеніямъ, предметъ такой, „который, по связи своей съ другими пред„метами, могъ передать имъ свое наимено„ваніе (9). Законы умственной связи, по ко-

---

но довольно умѣть грамоти, дабы это прочитать и понять. Нужно ли здѣсь еще хотя кратко повторить оное? возмемъ сколько нибудь одного семейства, то есть произведенныхъ изъ одного и тогоже корня словъ. На примѣръ: *стою, стоишь, стоитъ, стоимъ*, и проч. Чѣмъ разнятся сіи слова? окончаніями. А чѣмъ единствуютъ? корнемъ; ибо мы различаемъ *стою* отъ *стоишь* не дѣйствіемъ, сими двумя глаголами изъявляемымъ (которое есть одно и тоже), но окончаніями, изъ коихъ одно показываетъ первое, а другое второе лице. Тожъ самое можемъ сказать и о другихъ, произведенныхъ отъ сего корня колѣнахъ и вѣтвяхъ, таковыхъ какъ: *стойло, столъ, столбъ, стогъ, стойкость, постоянство*, и проч. Всѣ оныя корнемъ *ст* (который, конечно, не есть слово) изъявляютъ понятіе о *неподвижности*, а приставляемыми къ нему окончаніями и предлогами производятъ разныя слова или имена вещей или предметовъ, которымъ свойственно быть *неподвижными*. Чтожъ тутъ сомнительнаго? и можно ли послѣ сего въ видѣ возраженія предлагать съ важностію: *корень долженъ имѣть значеніе постоянное, твердое, опредѣлительное!* да чего жъ постояннѣе, когда доказывается, что во всякой произведенной отъ него вѣтви онъ одинъ имѣетъ неизмѣнное значеніе?

(9). Корень, какъ мы теперь лишь сказали, существуя во всякой изъ него составленной вѣтви, или словѣ, дѣлаетъ, что вѣтвь сія, при особомъ своемъ значеніи сохраняетъ и коренное.

„торымъ переходитъ значеніе корня отъ „предмета, суть законы тропическихъ сло-„воизмѣненій. Надобно знать оные, чтобы „найти истинное значеніе корня (10). Мо-„жетъ быть сочинитель сей статьи, *между „множествомъ значеній каждаго корня*, не нахо-„дя значенія первоначальнаго, подумалъ, что „корень не есть слово и никакой особенно „не означаетъ вещи (11). Но изобрѣтать

Симъ образомъ всякой языкъ составляется. Доказываетъ это въ каждомъ языкѣ каждое семейство словъ. Вотъ что въ Академическихъ Извѣстіяхъ ясно и пространно истолковано, какъ важнѣйшее руководство къ познанію языка, и не есть *принятое сочинителемъ правило*, какъ говоритъ возражатель, но очевидная, неоспоримая истина, выведенная изъ изслѣдованія частей и состава словъ. Какимъ же образомъ возражать противъ сего, и возражая, тожъ самое утверждать, только худымъ и невразумительнымъ языкомъ: *предметъ передаетъ предмету свое наименованіе!* не предметъ предмету передаетъ свое наименованіе; но корень, произведя вѣтвь, означающую предметъ, сообщаетъ ей свое постоянное значеніе.

(10). Мы послѣ увидимъ, какимъ образомъ Г-нъ возражатель, *по законамъ умственной связи и тропическихъ словоизмѣненій*, находитъ истинное значеніе корня.

(11). Замѣтимъ здѣсь, первое: недавно Г-нъ возражатель говорилъ, что *корень долженъ имѣть значеніе постоянное, твердое, опредѣлительное;* а теперь говоритъ: *между множествомъ значеній каждаго корня;* слѣдовательно предполагаетъ

„слово, и произнося оное, не имѣть въ мы-
„сляхъ формы или предмета, къ которому
„оно относится, значитъ тоже, что изда-
„вать пустые звуки, составляющіе одно
„кривляніе рта (12). Въ началѣ языковъ осо-

въ корнѣ множество значеній. Вопрошается: можно ли корню, имѣющему множество значеній, имѣть постоянное, твердое, опредѣлительное значеніе? при разсужденіяхъ объ языкѣ, о семъ многосложномъ плодѣ, произникшемъ, созрѣвая многіе вѣки, изъ глубины ума человѣческаго, надлежитъ крайне остерегаться необдуманныхъ и пустословныхъ возраженій. — Второе: возражатель говоритъ: *можетъ быть сочинитель подумалъ* — да на что ему угадывать мысли сочинителя, когда тотъ ясно ихъ излагаетъ? „*корень* (говоритъ онъ), *или коренныя въ какомъ нибудь словѣ буквы, остаются, когда отъ сего слова отнимемъ окончаніе и предлогъ.*“ (Кн. 6, стран. 2). Довольно было прочитать однѣ сіи слова (не упоминая ужѐ о слѣдующихъ за оными дальнѣйшихъ объясненіяхъ), дабы знать о чемъ и что говоритъ сочинитель. Тогда бы не было причины сомнѣваться въ словахъ его: *корень не есть слово, но слово безъ него не можетъ имѣть значенія;* ибо спорить противъ сего есть тоже, что спорить противъ изрѣченія: *голова не есть человѣкъ, но человѣкъ безъ головы быть не можетъ.* Лучше бы то, что написано, прочитать, нежели не прочитавъ возражать.

(12). Да гдѣ сказано, что человѣкъ изобрѣтаетъ слово, не имѣя въ мысляхъ предмета, къ которому бы оно относилось? вездѣ въ книгѣ, о которой здѣсь идетъ дѣло, говорится противное тому, а имянно, что человѣкъ не могъ ни-

„бливо не могли изобрѣтенные звуки оста-
„ваться пустыми при семомъ изобрѣтеніи
„оныхъ (13). Неопредѣленность и *общность*
„значеній распространяется временемъ при
„помощи опыта и соображеній разсудка, от-
„крывающаго разныя отношенія наименован-
„наго предмета съ другими предметами (14).

чего назвать безъ мысли и безъ соображенія одного предмета съ другимъ. Какъ же можно не справясь, не прочитавъ, взводить на книгу противное тому, что въ ней написано, и выдавая собственное свое за сказанное тамъ, порочить оное и опровергать? это ли называется *содѣйствовать полезнымъ трудамъ?*

(13). Звуки не изобрѣтаются (это не сродно съ человѣческимъ умомъ) и въ началѣ первобытнаго языка не изобрѣтались, но человѣкъ по расположенію души своей, или подражая слышимымъ въ природѣ гласамъ, произносилъ ихъ, и прилагалъ къ нимъ первоначальное понятіе, отъ котораго, какъ отъ сѣмени, или корня, сталъ производить дальнѣйшія свои соображенія. Тотъ, кто прочиталъ бы въ Академическихъ Извѣстіяхъ (книжка пятая и десятая *Опытъ разсужденія о первоначаліи языковъ*, тотъ увидѣлъ бы совершенную пустоту смысла въ сихъ сказанныхъ Г-мъ возражателемъ словахъ.

(14). Временемъ и опытомъ не *общность и неопредѣленность значеній распространяется* (мысль невразумительная), но составляется и размножается языкъ посредствомъ способности ума человѣческаго соображать предметы, и чрезъ уподобленіе ихъ переходить отъ одного понятія къ другому. О семъ въ Академическихъ Извѣстіяхъ ясно и достаточно говорено. Стоило бы

„Во вторыхъ, изыскивая корни словъ, при-
„нимать правиломъ, что оные не показы-
„ваютъ ни какой особенной вещи; значитъ
„не имѣть ни какого руководства къ вѣрно-
„му произведенію словъ или вѣщвей (15). Ка-

только со вниманіемъ прочитать ихъ, дабы получить о томъ лучшее свѣденіе, и не называть возраженіемъ обезображенное тѣхъже самыхъ мыслей повтореніе.

(15). Разсудокъ требуетъ сперва понять, и потомъ утверждать или отрицать. Посмотримъ же понялъ ли возражатель сочинителя и правильно ли противъ него возражаетъ. Сочинитель говоритъ: *корень останется когда отнимемъ окончаніе*; то есть — (да простятся стократныя повторенія. Чтожъ дѣлать, когда находятся читатели, даже и съ оными не понимающіе), — то есть, когда мы отъ одного семейства словъ, на примѣръ; *коло, кольцо, колыхаю, клоню*, и проч.; или отъ другаго: *гремлю, громъ, гремушка*, и проч.; или отъ третьяго: *трещу, трескъ, трещотка*, и проч., отнимемъ окончанія, то въ первомъ семействѣ корень или коренныя буквы останутся *кл*, во второмъ *гр*, въ третьемъ *тр*. Сіи буквы не составляютъ ни имени, ни глагола, ни нарѣчія, словомъ ничего; но между тѣмъ онѣ коренныя, или *корень*, поелику ни одна вѣтвь, изъ всего семейства словъ, безъ нихъ существовать не можетъ, и онѣ, во всѣхъ вѣтвяхъ, изъ которыхъ каждая изъявляетъ нѣкое особое отъ другой значеніе, показываютъ всегда одно и тоже неизмѣнное понятіе, а имянно: въ первомъ семействѣ понятіе *о кривизнѣ* или круглости, противуположное *прямости*; во второмъ и въ третьемъ понятіе о нѣкоемъ *шумѣ* или *звукѣ*,

„кимъ образомъ въ машемашическомъ кругѣ, „если не принящь ценшра основаніемъ, не „возможно ни вписывашь, ни описашь фигуръ, „ни другихъ производишь дѣйсшвій: шакъ „шочно, не имѣя посшояннаго и швердаго

прошивуположное *шишинѣ*. Ишакъ *корень не есть слово, но слово безъ него не можетъ имѣть значенія* (ибо что, на примѣръ, *кольцо*, *колыхаю*, значило бы безъ корня *кол*?), *и обратно: естьли слово означаетъ особенно какую нибудь вещь, то оно не есть уже корень, но произведенная изъ него вѣтвь.* (Ибо имя какой нибудь вещи, напримѣръ *кольцо*, есть уже слово или вѣтвь корня *кол*, а не самъ корень. Сіи вѣтви, произведенныя отъ одного и того же корня, имѣютъ, какъ ужѐ неоднократно сказано, всѣ вмѣстѣ одно коренное, а порознь каждая особое значеніе: *громъ*, на примѣръ, не есть то, что *громкость*, *гремушка*, и проч.; но и *громъ* и *громкость* и *гремушка*, которыхъ значенія опредѣляются разностію окончаній, корнемъ своимъ *гр* означаютъ одно и тоже понятіе о нѣкоемъ *шумѣ* или *звукѣ*). Чтожъ говоритъ противъ сего возражатель? вотъ что: „*принимать правиломъ, что корни словъ не показываютъ ни какой особенной вещи, значитъ не имѣть никакого руководства къ вѣрному произведенію словъ или вѣтвей.*“ Вопрошается: понимаетъ ли Г-нъ возражатель сочинителя? одинъ толкуетъ о значеніяхъ корня и вѣтвей въ семействахъ словъ: *коло*, *кольцо*, и проч., *громъ*, *гремушка*, и проч.; *трескъ*, *трещотка*, и проч.; а другой увѣряетъ, что будто онъ велитъ ему, кривляя ротъ, говорить: *кл*, *гр*, *тр*, и проч. Должно сказать правду, что Академическіе труды и языкъ нашъ не много получатъ пользы отъ такихъ критикъ и замѣчаній.

„средоточія въ знаменованіи корня, не можемъ производить вѣтвей отъ онаго (16). „Постояннымъ же и твердымъ средоточіемъ „можетъ служить одинъ только предметъ „значимый; ибо что значитъ находить „вѣтви, или производить слова отъ корня? „безсомнѣнія не значитъ собирать слова од„нозвучныя (иначе замо́къ и за́мокъ будутъ „реченія единопроизводныя) — (17), но со-

---

(16). Уподобленіе не кстати приведенное и несправедливое, показующее только, что Г-нъ возражатель и въ математическихъ опредѣленіяхъ столько же ошибается, какъ и въ логическихъ. Въ математикѣ нѣтъ правила, утверждающаго, что *не возможно въ кругѣ, не принявъ центра основаніемъ, ни вписывать, ни описывать фигуръ.* Ни одинъ математикъ сего не скажетъ. Впрочемъ сравненіе вписываемыхъ въ кругѣ и описываемыхъ фигуръ съ производствомъ изъ корня вѣтвей, есть совершенно неосновательное; ибо между сими двумя дѣйствіями нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

(17). Естьли *значимый* значитъ *имѣющій значеніе*, то вольно Г-ну возражателю взводить на книгу, будто она отрицаетъ значеніе корня. Вольно ему клепать на нее, будто она собираетъ однозвучныя слова и всѣхъ ихъ, безъ всякаго разбора, называетъ происходящими отъ одного корня. Когда бы онъ поприлѣжнѣе прочиталъ ее, то нашелъ бы въ ней совершенно противныя тому не только разсужденія, но и доказательства, а имянно, что какъ единозвучность въ словахъ, происходящихъ отъ разныхъ корней, можетъ иногда быть случайностію, такъ и разно-

„соображать смыслъ оныхъ съ смысломъ кор-
„ня, принимая основаніемъ сего соображенія
„не произвольныя толкованія, но вѣчные и

буквенность или разнозвучность бываетъ иногда слѣдствіемъ постепенныхъ измѣненій одного и того же слова. Г-нъ возражатель, обвиняя книгу за то, чего въ ней нѣтъ, самъ, приведеннымъ здѣсь примѣромъ, подвергаетъ себя тому обвиненію, за которое безвинно винитъ книгу; ибо говоря: *„иначе замо́къ и за́мокъ будутъ реченія единопроизводныя* (надлежало бы сказать *единокорненныя*), показываетъ, что онъ гораздо лучше бы изъ критикуемой имъ книги почерпнулъ недостающія ему свѣденія. *Замо́къ* и *за́мокъ* суть не только двѣ единокорненныя вѣтви, но одно и тоже слово, различно ударяемое. Въ Нѣмецкомъ языкѣ оно даже и удареніемъ не различается, но въ обоихъ смыслахъ равно говорится *schloss*. Таковыя слова, означающія два смежныя понятія, во всякомъ языкѣ бываютъ. У насъ иногда различаются онѣ удареніями, а иногда и той разности не имѣютъ, и только по смыслу рѣчи распознаются. Такъ, на примѣръ, *благослови́ть* (перекрестить рукою) и *благосло́вить* (хвалить, говорить о комъ благія слова); *бо́рзая* (рѣзвая) и *борза́я* (тожъ рѣзвая, въ отношеніи къ особому роду сабакъ); *чинъ* (порядокъ) и *чинъ* (степень пріобрѣтаемаго по службѣ достоинства, поелику въ сихъ степеняхъ наблюдается порядокъ); *ключъ* (орудіе, служащее къ заключенію чего нибудь) и *ключъ* (біющая изъ земли вода, обыкновенно заключаемая въ нѣкоторую ограду или стѣны); *замо́къ* (желѣзное орудіе для замыканія или запиранія чего нибудь) и *за́мокъ* (домъ или мѣсто отовсюду огороженное, замкнутое). Для правильнаго о подобныхъ вещахъ сужденія надле-

„непремѣнные законы, наблюдаемые умомъ „человѣческимъ въ переходѣ мыслей. Какіе же „сіи законы? Законы троповъ: подобій (ме„тафора), причина и дѣйствіе (causalitas); ме„тонимія, пространство (синекдоха), проти„воположенное (иронія) (18). Вотъ, по мнѣнію „моему, единственное руководство къ вѣрно„му изъясненію корней (19). Исключенія изъ „сихъ законовъ тогда только могутъ быть „допущены, когда будутъ доказаны истори„ческими событіями. Иначе несоблюденіе „оныхъ можетъ ввести въ безчисленныя по„грѣшности. Сіе можно доказать примѣромъ. „Чрезъ страницу сочинитель вышеупомяну„той статьи говоритъ: *отъ перваго (звон) „непосредственно принадлежащія къ нему вѣтви „суть: звонить, звонъ, звонкость, звонарь, и пр. „Отъ втораго (звен) звенѣть, звенящій, звенѣніе, „звено (въ цѣпи) и проч.* — Въ *цѣпи*, говоритъ „сочинитель, желая, какъ мнѣ кажется, тѣмъ „объяснить, что звено въ цѣпи желѣзной

житъ больше читать, и сперва научиться понимать, а потомъ ужè возражать и учить.

(18). Собраніе словъ, хотя и ученыхъ, но не показывающихъ учености.

(19). Посмотримъ вѣрность сего руководства. Впрочемъ здѣсь руководство не такъ дѣлается, какъ въ движеніи, когда одинъ ведетъ другаго за руку. Тамъ виноватъ тотъ, кто ведетъ худо; а здѣсь послѣдователь часто, думая идти за руководителемъ, идетъ совсѣмъ не туда.

*

„звенитъ; но звено рыбье не звенитъ (20). „Посему въ произведеніи сего слова не над„лежало бы полагаться на однозвучіе онаго „съ словами *звенѣть, звенящій*; но должно было

---

(20). Безъ помощи разсудка и упражненія въ наукѣ словопроизводства не трудно впадать въ подобныя сомнѣнія. Но когда мы, вникая въ языкъ, подкрѣпимъ себя почерпнутыми изъ него знаніями, тогда умъ нашъ становится проницательнѣе и способнѣе различать истинныя понятія отъ кажущихся таковыми. Тогда не остановило бы насъ сомнѣніе, что поелику рыбье *звено* не звѣнитъ, то и не можетъ слово сіе быть тоже самое, что *звено* въ желѣзной цѣпи; ибо разсуждая такимъ образомъ отрицали бы мы у человѣческаго ума вездѣ видимое при называніи вещей соображеніе. Почему, назвавъ въ звѣнящей цѣпи часть ея звѣномъ, не могъ онъ перенесть сего понятія къ рыбѣ, называя въ ней подобную же часть ея тѣмъ же именемъ? развѣ мы не говоримъ: голова у человѣка и голова или глава на церкви? нога у лошади и нога или ножка у стола? странно было бы утверждать здѣсь, что *голова* и *голова*, *нога* и *нога*, суть разныя или разныхъ корней слова. Подобіе между частію и частію всегда остается, хотя бы одна изъ нихъ была звѣнящая, а другая нѣтъ. Уподобленіе части цѣпи съ частію рыбы тѣмъ естественнѣе, что звѣномъ называется часть не въ маленькой, но въ большой, длинной рыбѣ, обыкновенно разрубаемой на малыя части или звенья, которыя вмѣстѣ сложенныя, уподобляютъ длину рыбы нѣкоторой цѣпи. Мы вездѣ въ языкѣ найдемъ таковой переносъ понятія отъ одной вещи къ другой, сходной съ нею. На примѣръ, составь

„вникнуть въ логическое значеніе онаго (21). „Въ словѣ *звено* надобно воображать не звонъ, „но часть какого нибудь цѣлаго (22). Разсма- „тривая съ сей точки, можемъ принять кор- „немъ онаго слово *вію*, отъ котораго произо- „шло *вѣнокъ* (уменьшительное отъ *вено* т. е. „вещь свитая изъ разныхъ частей). Въ словѣ „*звено*, какъ и во многихъ другихъ, буква *з* „пишется вмѣсто буквы *с*, послѣ которой „опущено *о*. Почему *совено* показываетъ пред- „метъ, который одинъ совокупно съ другимъ „свивается. Симъ производствомъ можно „объяснить, почему мы называемъ часть ры- „бы звеномъ (23).

хребтовой кости называютъ *позвонками*; нѣкоторые цвѣтки называются колокольчики или *звонки*; въ нихъ не *звонятъ*, но они видомъ похожи на тѣ вещи, въ которыя звонятъ, и потому такъ названы.

(21). Логика хороша, когда она въ головѣ, а не на языкѣ. Мы изъ разсмотрѣнія сихъ возраженій видѣли уже и еще болѣе увидимъ, какъ мало она въ нихъ участвовала.

(22). Не *воображать*, а *соображать* надобно. По какому сходству понятій, смотря на *часть* не *какого нибудь*, но чего нибудь цѣлаго, придетъ кому въ голову назвать ее *звено*?

(23). *Вѣнокъ* (уменьшительное отъ слова *вѣнецъ*, а не отъ слова *вено*, подъ которымъ въ старину разумѣлось то, что нынѣ разумѣется подъ словомъ *приданое*), конечно, можетъ происходить отъ глагола *вію*, поелику онъ сплетается или *свивается* изъ вѣтвей или цвѣтовъ; но не-

„Изъ сего одного примѣра уже можно ви-„дѣть ясно, что не звукъ, а Логическое со-„ображеніе значенія словъ должно быть осно-„ваніемъ словопроизведенія (24). Но не возмо-„жно вѣрно соображать значенія вѣтвей съ „значеніемъ корня, если корень не будетъ „означать особенной вещи (individuum), не „возможно, говорю: ибо сіе соображеніе тре-„буетъ опредѣлительнаго предмета, какъ по-„стояннаго и твердаго средоточія, отъ ко-„тораго разумъ человѣческій началъ расши-„рять разныя производныя знаменованія, или

рейти отъ понятія *о вѣнкѣ* (которой есть нѣчто *свитое*, и не часть, а цѣлое) къ понятію о *звѣнѣ* (подъ которымъ разумѣется не цѣлое нѣчто, но имянно часть, и притомъ отнюдь не *свиваемая*, ни въ цѣпи, ни въ рыбѣ), перейти, говорю, отъ одного изъ сихъ понятій къ другому, ни мало съ нимъ несходному, несравненно труднѣе, отдаленнѣе отъ соображеній ума, нежели полагать, что сперва въ желѣзной цѣпи, часть ея, отъ *звсненія* названа *звено*, и потомъ названіе сіе перенесено къ рыбѣ, разумѣя подъ онымъ тоже, *часть*. Естьли возражатель усумнился въ томъ потому только, что рыбье звено не звѣнитъ, то почему же въ своемъ *совено*, производимомъ имъ отъ *вію*, не сомнѣвается, когда рыбье звено столь же не *свивается*, сколько и не *звенитъ*?

(24). Изъ сего примѣра можно видѣть, а изъ послѣдующихъ еще яснѣе, что Г-нъ возражатель, твердя о логическихъ соображеніяхъ, весьма далеко отъ нихъ отступаетъ.

„вѣтви словъ, наблюдая четыре вышеупомя-„нутые закона. Безъ сего условія ни соблю-„сти ни даже совершать дѣйствій не возмо-„жно (25). Итакъ неудивительно, что со-„бранная сочинителемъ громада словъ Ру-„скихъ, Латинскихъ, Французскихъ, Италіян-„скихъ, Нѣмецкихъ, почитаемыхъ имъ одно-„производными, заключаетъ въ себѣ много „вѣтвей, принадлежащихъ къ другимъ кор-„нямъ (26). Самые даже корни, найденные

---

(25). Выключая какихъ-то четырехъ законовъ и условій, остальное, приводимое здѣсь и въ другихъ мѣстахъ въ видѣ возраженій, есть, какъ мы ужё выше сего видѣли, не иное что, какъ повтореніе и подтвержденіе того, о чемъ въ Академическихъ Извѣстіяхъ обширнѣе и обстоятельнѣе говорено. Г-нъ критикъ, дѣлая подобныя возраженія, по видимому полагалъ, что найдутся читатели, которые повѣрятъ ему безъ всякихъ съ книгою справокъ.

(26). Для чегожъ бы не показать, какія изъ сихъ вѣтвей и почему принадлежатъ къ другимъ корнямъ? тогда бы можно было увидѣть справедливость или несправедливость сихъ показаній. — Сочинитель отъ истинныхъ любителей отечественной славы и пользы языка своего надѣялся и надѣется за сію *громаду словъ* получить благодарность, а не упреки; ибо она стоила ему весьма немалыхъ трудовъ, понесенныхъ имъ единственно изъ усердія и любви къ словесности и просвѣщенію. Изъ сей *громады словъ* ни одно не оставлено имъ безъ рачительнаго разсмотрѣнія и доказательствъ. Нигдѣ не принуждалъ онъ читателя имѣть слѣпую къ словамъ

„автором, мнѣ показались сомнительными „и не въ своемъ видѣ представленными. — „Изъ трехъ корней *вѣт*, *мал* и *пин*, помѣ„щенныхъ въ Извѣстіяхъ Россійской Ака„деміи, я разсмотрю одинъ послѣдній *пин*, и „нѣкоторыя слова, почитаемыя авторомъ „вѣтвями онаго (27).

„Россійскіе филологи безсомнѣнія замѣти„ли, что если слово начинается на такую „букву. . . . . .

(Нов..е Грамматическое правило. Глаголъ *начинается* никогда не сочинялся съ предлогомъ *на*, но всегда съ предлогами *отъ* или *съ*. Бывало говаривали: *дерево начинается отъ кор-*

его довѣренность, но всегда отысканными тщательно примѣрами и доводами старался убѣдить его въ томъ. Ища единственно пользы языка, онъ охотно и съ благодарностію приметъ, естьли кто вподлинну съ благимъ намѣреніемъ замѣтитъ какую либо погрѣшность его; но долженъ ли онъ быть благодаренъ тому, кто, или просто, неоснованною ни на чѣмъ хулою, или кривыми и ложными толками хочетъ труды его опорочить? впрочемъ это ни мало его не удивляетъ; ибо онъ всегда зналъ и знаетъ, что могутъ сыскаться люди, которые не только о его трудахъ, но и о храмѣ Святаго Петра скажутъ: какая громада камней!

(27). Вотъ это дѣло. Глухая хула показываетъ одно только зложеланіе, или раждающуюся отъ самолюбія страсть хулить. Но разсматриваніе покажетъ и чистоту намѣренія и умъ разсматривателя.

ня; слово начинается съ согласной буквы; а нынѣ станемъ говоришь: *дерево начинается на корень*; *слово начинается на букву*. Хорошо, коли побольше будетъ шакихъ наставниковъ!).

„. . . . . Которая входитъ въ составъ пред„лога, то весьма подозришельно почитать „оную коренною (28). Въ корнѣ *пин* я вижу „предлогъ *по*. Оный явственнѣе обнаруживает„ся въ словахъ *опона*, *попона*, *запона*, *пере„пона* —

(*Перепона?* шакова слова нѣтъ въ нашемъ языкѣ. Правда, простой народъ говоритъ *перебяка*; но не ужъ ли мы дойдемъ до того, что скажемъ: *препона* Славенское, по Руски *перепона?* пожалуй, чего добраго!).

„. . . . . Въ сихъ словахъ, которыя гораздо „ближе къ корню находятся, нежели глаголъ „*пинаю*, непосредственно приводимый сочини„телемъ послѣ *пин*. Глаголы, кончащіеся на „*аю*, весьма ужѐ далеки отъ своихъ корней (29).

---

(28). *Подозрительно?* . . . . . Пускай такъ, оставимъ сужденіе о приличіи словъ, и замѣтимъ только, что въ Академическихъ Извѣстіяхъ довольно говорено объ отдѣленіи корня отъ предлоговъ и окончаній (см. книжка 6, стран. 94, и книжка 10, стран. 88). Казалось бы надлежало или опровергнуть предлагаемыя тамъ правила, или не говоришь здѣсь безъ всякихъ доводовъ тожъ самое, о чемъ тамъ съ ясными доказательствами разсуждаемо было.

(29). Здѣсь поневолѣ должно замѣтить и сказать, что Г-нъ возражатель не только не чи-

„По моему мнѣнію, вмѣсто корня *пин*, надле-„жало принять слово: *пона*, состоящее изъ

талъ или не понялъ написаннаго въ книгѣ, противъ которой возражаетъ, но и противными здравому разсудку сужденіями своими о корнѣ и предлогахъ показываетъ, что онъ имѣетъ совсѣмъ несправедливое объ нихъ понятіе. Излишно толковать здѣсь о томъ, о чемъ ужѐ столько разсуждаемо было; но чтожъ дѣлать, когда для изобличенія возражателя въ неправыхъ толкахъ, и чтобъ отнять у читателя трудъ справляться съ книгою, нужно безпрестанно повторять. И такъ повторимъ: 1-е корень (сто разъ сказано) или коренныя буквы остаются въ словѣ, когда отъ сего слова отнимется окончаніе и предлогъ (буде сей послѣдній находится при ономъ). Ничто иное не можетъ ни быть, ни названо быть корнемъ, 2-е, Въ вѣтвяхъ (разумѣется одного семейства) корень или остается цѣлымъ, или въ гласной буквѣ потрясается, то есть теряетъ или перемѣняетъ оную„ такъ что собственно корнемъ могутъ называться однѣ токмо согласныя буквы. На примѣръ, отнявъ отъ словъ *препинаю, препнуть, препона*, предлоги и окончанія, корень останется въ первомъ *пин*, во второмъ *пн*, въ третьемъ *пон*, или лучше сказать во всѣхъ одинъ и тотъже *пн*. 3-е, Предлоги и окончанія сами по себѣ, отдѣленныя отъ корня, не имѣютъ существеннаго значенія, то есть не указуютъ предмета. (Мы вскорѣ увидимъ, что Г-ну возражателю даже и сія самая простая истина кажется быть неизвѣстною). 4-е, Значеніе корня открывается изъ *родоначальной* въ семействѣ словъ вѣтви, отъ которой, или (что тожъ самое) отъ корня ея, мысль, какъ отъ источника, течетъ во всѣ прочія семейства сего вѣтви.

„двухъ предлоговъ *по* и *на* (30). Слово сіе „означаетъ вещь такую, которая лежитъ

Все сіе въ Академическихъ Извѣстіяхъ пространно объяснено и доказано многими примѣрами, распространенными не на одинъ нашъ, но и на многіе другіе языки (см. въ книжкѣ 10-й цѣлую о семъ статью). Вотъ истинные и непреложные законы состава языковъ, а не *метафоры*, *синекдохи*, *ироніи*, приводимыя Г-номъ возражателемъ. Въ подобныхъ случаяхъ, т. е. гдѣ надобны знаніе и разсудокъ, Греческія слова, хотя бы ихъ цѣлыя сотни наставить, не избавятъ насъ отъ крайняго и страннаго заблужденія думать, что буква *п*, въ корнѣ *пин*, принадлежитъ предлогу *по*. Гдѣжъ будетъ тогда корень въ семействѣ словъ: *пинать*, *пинокъ*, *запинаю*, *препнуть*, *препона*, *препинаніе*, и проч.? естественно, что когда отъ корня ихъ *пин* буква *п* отойдетъ въ предлогъ *по*, то корнемъ останутся буквы *ин*. Тогда вышеозначенныя слова получатъ слѣдующій образъ: *по-инать*, *по-инокъ*, *запо-инаю*, *препо-нуть*, *препо-на*, *препо-инаніе;* и какъ предлоги не составляютъ существеннаго значенія словъ, поелику и по отнятіи оныхъ слово остается при прежнемъ своемъ значеніи, то и здѣсь слѣдовало бы тому жъ самому быть; но будетъ ли то, и какое значеніе, по отнятіи предлоговъ останется въ словахъ: *инать*, *инокъ*, *инаю*, *нуть*, *на*, *инаніе*? вотъ въ какую безтолковицу заводитъ насъ охота не обдумавши возражать!

(30). Какъ? два предлога могутъ безъ корня составить слово? да какимъ же это образомъ? въ какой Грамматикѣ это сказано? какой языкъ покажетъ, чтобъ *задо*, или *доза*, или *прина*, или *напри*, или *напо*, или *пона*, имѣли значеніе и составляли слова, указующія вещественные или

„на поверхности другой вещи, и есть тоже „самое, что *попона*, принявшее въ послѣд„ствіи времени сугубый предлогъ (31). Зани„мающіеся изысканіемъ корней знаютъ, что „въ нашемъ языкѣ весьма многія слова со„ставлены изъ предлоговъ, на прим. пе-ре-до, „*передъ*; за-до, *задъ*; по-до, *подъ*; до-на, *дно*, „и проч. (32). Особливо въ началѣ словъ нашъ

умственные предметы? Вотъ съ какими знаніями и правдою садятся на судейское мѣсто!

(31). Обстоятельство лежанія одной вещи на другой, указуемое предлогомъ *на*, не даетъ ему значенія вещи. Въ словахъ на примѣръ: *наборъ*, *наказъ*, *народъ*, или *запахъ*, *запасъ*, *зарядъ*, *заноза*, или *поводъ*, *повѣрье*, *посохъ*, и проч., не предлоги *на*, *за*, *по*, опредѣляютъ ихъ значеніе, но въ первомъ (наборъ) корень *бор* или *бр*, отъ словъ *беру*, *брать*, и проч.; во второмъ (наказъ) корень *каз*, отъ словъ *сказываю*, *сказывать*, и пр.; въ третьемъ (народъ) корень *род*, отъ словъ *родить*, *раждаю*, и проч.; въ четвертомъ (запахъ) корень *пах*, отъ словъ *пахнуть*, *пахну*, и проч., итакъ далѣе. Ежели въ словѣ *попона* положить два предлога *попо*, то въ чемъ же будетъ состоять корень его, заключающій въ себѣ значеніе слова? въ слогѣ *на*, или еще въ одной буквѣ *н* (поелику *а* есть окончаніе)? но откуду выведемъ мы значеніе сей буквы?

(32). Неизвѣстно кто такіе занимаются изысканіемъ корней, но естьли они занимаются подобно Г-ну возражателю, то открытія ихъ въ языкѣ не принесутъ ему много пользы. Утверждать, что изъ предлоговъ *до* и *на* составилось имя *дно*, есть утверждать, что изъ предлоговъ

„языкъ любитъ принимать предлоги (33).
„Отъ слова *пона* произошли: *опона*, *запона*,

на и *до* составилось нарѣчіе *надо*, сокращенное изъ *надобно*. Вотъ здѣсь Г-ну возражателю надлежало бы, не въ урокъ другимъ, но въ наставленіе самому себѣ, припомнить сказанныя имъ выше сего слова: *въ произведеніи словъ не надлежитъ полагаться на однозвучіе ихъ*. Какимъ образомъ предлогъ можетъ вмѣстѣ быть и предлогомъ, не имѣющимъ значенія, и глаголомъ или именемъ, означающимъ вещь? такихъ чудесъ въ языкѣ не примѣчается! Напротивъ сего вѣроятно, и по многимъ предлогамъ видно, что они суть не иное что, какъ сокращенныя имена. Не изъ предлоговъ *за* и *до* сдѣлалось имя *задъ*, но изъ имени *задъ*, чрезъ сокращеніе онаго, сдѣлался предлогъ *за*, дабы вмѣсто *позади стѣны*, *позади камня*, говорить короче: *за стѣною*, *за камнемъ*. Подобно сему должно разсуждать и о другихъ предлогахъ. Сродно ли отъ предлога произойти имени, когда имя имѣетъ значеніе, а предлогъ его не имѣетъ? не естественнѣе ли предлогу сократиться изъ имени, и хотя въ сокращеніи не совсѣмъ сохранить прежнее свое значеніе, однакожъ нѣкоторымъ образомъ напоминать объ ономъ? такъ на примѣръ, изъ имени *высота* или *высь* сдѣлался предлогъ *вос* (произносящійся предъ нѣкоторыми буквами *воз*), которой и въ сложеніи съ именами и глаголами показываетъ всегда понятіе о верхѣ или *высотѣ*, какъ-то: *восхожу*, *воспаряю*, *возношусь*, *возлетаю*, и сокращаясь еще болѣе *всхожу*, *взношусь*, и проч. Вотъ здѣсь опять надлежало бы Г-ну возражателю припомнить собственныя слова свои: *причина первобытнѣе своихъ дѣйствій*, и тогда были бы онѣ у мѣста.

(33). А развѣ предлоги бываютъ не въ на-

„*перепона*, и проч. (34). Всѣ сіи слова удержи„ваютъ первоначальное значеніе корня, и по„казываютъ вещи, находящіяся на поверхно„сти въ разныхъ отношеніяхъ къ другимъ „вещамъ, касательно мѣстнаго ихъ положе„нія (35). Въ коренномъ значеніи *пона*, еще „болѣе можно увѣриться изъ сложныхъ словъ: „*напинаю*, *запинаю*, *перепинаю* (36)., Всѣ сіи

чалѣ словъ? Ежели бъ можно было ставить ихъ въ концѣ, такъ бы они и не назывались *предлогами*.

(34). Опять *перепона?* въ нашемъ языкѣ нѣтъ сего слова, а есть *препона* и *перепонка*.

(35). Какъ? отъ *пона*, то есть отъ звука, ничего въ нашемъ языкѣ не значащаго и не могущаго значить, поелику, по словамъ Г-на возражателя, оный составленъ изъ предлоговъ *по* и *на*, отъ сего всячески (т. е. и вмѣстѣ и порознь) пустаго звука произошло слово *препона*, показующее вещь, *находящуюся на поверхности въ разныхъ отношеніяхъ къ другимъ вещамъ, касательно мѣстнаго своего положенія?* это есть опредѣленіе слову *препона!* Читатель! я бы не соблюлъ въ тебѣ должнаго уваженія, естьли бъ сталъ подобную нескладицу оговаривать.

(36). Опять *перепинаю* вмѣсто *препинаю*. По видимому Г-ну возражателю неизвѣстно, что предлоги *пре* и *пере*, хотя въ сущности и одинъ предлогъ составляютъ, но по свойству языка первый изъ нихъ важнымъ, а другой простымъ словамъ приличествуетъ; ибо столько же несвойственно говорить *прекрасить* (вмѣсто *перекрасить*), сколько *перекрасно* (вмѣсто *прекрасно*).

„глаголы выражают дѣйствіе одного пред-
„мета, совершающееся на поверхности дру-
„гаго въ разныхъ направленіяхъ (37). Слѣдо-
„вательно въ корнѣ *пин* совсѣмъ не заклю-
„чается понятіе о толчкѣ и ударѣ, какъ увѣ-
„ряетъ сочинитель сей статьи (38), и слова,
„приводимыя авторомъ изъ Краинскаго язы-
„ка *pinepi mleki*, не значатъ битое млеко, но
„сливки, т. е. молоко, *пона*, молоко на поверх-
„ности находящееся (39).

---

(37). По этому и слово *пинки* не значитъ *толчки*, но *дѣйствіе одного предмета, совершающееся на поверхности другаго въ разныхъ направленіяхъ*? прекрасное опредѣленіе словъ!

(38). Не сочинитель статьи увѣряетъ, а Руской языкъ, въ которомъ *пинаю, пинки*, значатъ толкаю, толчки. Кажется въ этомъ никто не усумнится, даже и тотъ, кто грамати не учился.

(39). Краинское *pinepi* есть такое же прилагательное, какъ наше *пинаемый* (т. е. толкаемый, битый), и можетъ не къ одному молоку, но и ко многимъ другимъ вещамъ относиться: итакъ во всякомъ случаѣ волшебный звукъ *пона* дѣлаетъ его значащимъ *молоко на поверхности находящееся!* и это пишутъ! и журналистъ обрадовавшись печатаетъ! — во всѣхъ Славенскихъ нарѣчіяхъ, и даже въ тѣхъ языкахъ, которые называемъ мы иностранными, всѣ слова, имѣющія корень *пин*, означаютъ дѣйствіе толканія. (См. кн. 6, стран. 73[ю] Академич. Извѣстій и Ч. VI, стран. 64-[ю], сего собранія Сочиненій и Переводовъ). По нашему *пинать* или *пихать* или *пхать*, по Польски *pchac* или *pchnac*, и пр. Измѣненіе корня *пин* въ *пих* произошло отъ про-

„Итакъ отвергнувъ корень *пин* и его „значеніе, видимъ, что вся почти громада „словъ, собранныхъ авторомъ, какъ выше „сказано, сама собою падаетъ (40). Въ доказа„тельство сего разсмотримъ слова, объяснен„ныя подъ корнемъ *пин* отъ 43 до 74. Слова „сіи суть слѣдующія: пинаю, пихаю, просто„народное пахтать, пашу, *рыть*, *орать*, вос„пящаю, впинаю, допинаю, запона, запонъ, за„понь, внезапно, внезапу, запятая, запонка, „напинаю, опинаю, опона, попона, препинаю,

---

изношенія: сіе какъ изъ одинакаго значенія глаголовъ *пинать* и *пихать* явствуетъ, такъ и изъ соображенія вѣтвей сего корня, изъ коихъ нѣкоторыя оба сіи произношенія удерживаютъ, какъ на примѣръ: *пнуть* и *пхнуть*, *напнулся* и *напхнулся*. Отрицать сіе всѣми языками показуемое значеніе сего корня, и приписывать ему ни какой вѣтви его не соотвѣтствующее значеніе *находиться на поверхности*, есть не иное что, какъ нѣкое необычайное отъ здраваго разсудка отступленіе, въ какое сильная къ возраженію наклонность и самонадѣяніе могутъ насъ иногда вовлекать.

(40). „*Отвергнувъ корень пин и его значеніе.*" — Да можно и свѣтъ у солнца и круглость у круга отвергать. Дѣло не въ томъ, что мы отвергаемъ, но въ томъ, какъ отвергаемъ. Не мудрено сказать: „*видимъ;* но не всякой нашими глазами смотритъ. Иной прочитавъ скажетъ: нѣтъ, Г-нъ возражатель, ты худо видишь; говори о своихъ глазахъ, а мои съ своими не соединяй — „*Вся громада словъ сама собою падетъ.*" — Какое нещастіе! и ктожъ ее уронилъ?....

„препона, *препонка*, препятствую, пята, пре„тить, пропинаю, *роспинаю*, спинаю, спина, „спенекъ, спона, супонь, упинаю, *палю*, пеле„на, пѣня, пѣшкомъ, блоха (41).

„Возмемъ слово: пинаю. Сіе первое слово „можетъ увѣрить въ несправедливости при„нятаго авторомъ корня *пин* (42). Глаголъ,

---

(41). Трудно понять за чѣмъ здѣсь слова сіи выписаны; развѣ *для* того только, чтобъ нѣкоторыя изъ нихъ исказить, какъ-то: *препонка*, вмѣсто *перепонка*; *роспинаю*, вмѣсто *распинаю*; *палю*, вмѣсто *пялю*, а другія *рыть*, *орать*, происходящія отъ инаго корня, совсѣмъ некстати включить между вѣтвями отъ корня *пин*. Тамъ каждое изъ нихъ объяснено, утверждено приведенными изъ книгъ примѣрами, и сіи объясненія часто одно другимъ подкрѣпляются; а здѣсь Г-нъ возражатель разсматриваетъ только нѣкоторыя изъ нихъ, и какъ разсматриваетъ! возмемъ еще терпѣніе послушать.

(42). Сіе первое слово, естьли бъ Г-нъ возражатель понималъ то, что онъ читаетъ, долженствовало бы его остановить. Можно ли отрицать главу у семейства словъ? отрицать, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ глагола *пинать*, *пинаю*, когда онъ во всѣхъ книгахъ, во всѣхъ Словаряхъ, во всѣхъ Славенскихъ нарѣчіяхъ, и даже въ иностранныхъ языкахъ существуетъ, и вездѣ значитъ тоже, что толкаю? когда онъ пустилъ отъ себя немалую семью словъ: *запинаю*, *препинаю*, *распинаю*, *пинокъ*, и проч.? можно ли сіе отрицать? кажется не можно, кромѣ развѣ въ шутку, или не имѣя ужè ни какого понятія о словахъ. Когда же не можно ни его, ни значенія его отвергнуть, то что же значатъ слова: „ав-

„оканчивающійся на *аю*, долженъ имѣть въ „началѣ своемъ предлогъ (43); ибо за исклю- „ченіемъ немногихъ глаголовъ, потерявшихъ „свой предлогъ или происшедшихъ отъ одно- „сложныхъ словъ, оканчивающихся на *ай*, всѣ „прочіе глаголы, на *аю* кончащіеся, имѣютъ „въ началѣ предлоги (44). Почему въ словѣ:

торъ принимаетъ сей корень.“ — Да не авторъ принимаетъ его, а слово *пинаю* само собою говоритъ: „я имѣю значеніе, состою изъ корня и „окончанія; окончаніе мое *аю* не имѣетъ значе- „нія (ибо къ разнымъ словамъ приставляется: „*читаю, зѣваю, страдаю,* и проч., и при всякой „одного и тогоже семейства вѣтви перемѣняет- „ся: *пинаю, пинаешь, пинать, пинаніе,* и проч.): „слѣдовательно значеніе мое, или другихъ проис- „шедшихъ отъ меня вѣтвей, таковыхъ какъ: „*пинокъ, запинать, препинаніе,* и проч., состоитъ „не въ окончаніяхъ *окъ, ать, аніе*, но въ однихъ „и тѣхъ же коренныхъ буквахъ *пин*, или *пн*, во „всѣхъ вѣтвяхъ существующихъ и сохраняющихъ „всегда одно и тоже понятіе.“ — Это не авторъ говоритъ, а слово *пинаю*, и съ нимъ всѣ другія произведенныя отъ него вѣтви. Не вѣрить этому есть не автору не вѣрить, но языку и самому себѣ, т. е. не понимать.

(43). Предлогъ и не можетъ быть въ концѣ. Но оставя сіи малыя несоображенія, вопросимъ: почему глаголы, кончащіеся на *аю*, должны непремѣнно быть съ предлогами? почему глаголамъ *таю, зѣваю, страдаю, глотаю, питаю,* и тысячамъ другихъ, запрещается быть безъ предлоговъ?

(44). Доказательство Г-на возражателя состоитъ только въ словѣ *ибо*; впрочемъ все, что

„*пинаю* сочинитель могъ предполагать пред-
„логъ *по*, измѣнившійся на *пи* (45); онъ могъ
„сіе примѣтить и изъ неопредѣленнаго на-
„клоненія *пнуть*, въ которомъ гласная исче-
„зла; исчезаютъ же обыкновенно буквы *о*, *е*;
„съ буквою же *и* сіе случается только тогда,

за онымъ слѣдуетъ, противно и составу языка и здравому разсудку. Естественно ли думать, что въ началѣ языка человѣкъ сперва изобрѣлъ глаголы съ предлогами, а потóмъ сіи глаголы стали терять свои предлоги? могъ ли человѣкъ, прежде нежели зналъ, что такое *иду*, *летаю*, говорить *пойду*, *найду*, *залетаю*, *перелетаю*? съ сими ли, толь недостаточными и ложными о составѣ языковъ понятіями, можно разсуждать объ нихъ, и еще выдавать себя за цѣнителя и судію? что такое: „*исключая не многіе глаголы, потерявшіе свой предлогъ, или происшедшіе отъ сложныхъ словъ, оканчивающихся на ай, всѣ прочіе глаголы, на аю кончащіеся, имѣютъ въ началѣ предлоги?*" кто и чѣмъ докажетъ сію нескладицу?

(45). Возражатель *предполагаетъ*, но сочинитель не могъ *предполагать* того, что противно и здравому разсудку и самому слову. Говорить, что въ глаголѣ *пинаю*, по отнятіи окончанія *аю*, корень остается *пин*, не есть *предполагать*, но говорить то, что слово само собою говоритъ; а увѣрять, что въ корнѣ *пин* буква *п* есть предлогъ *по*, измѣнившійся въ *пи*, и что потому глаголъ *пинаю* значитъ *пребываніе вещи на поверхности въ разныхъ отношеніяхъ къ другимъ вещамъ*; увѣрять, говорю, въ такой нескладицѣ, есть то, что называется, смотрѣть на шаръ, и не видя свойствъ его, *предполагать*, что это не шаръ, а палка. Сочинитель проситъ извиненія, что ни какимъ образомъ сдѣлать сего не могъ.

„когда она поставляется вмѣсто *о*, или *е* (46).

„Во вторыхъ слово *пинаю* не употреб-„ляется въ Рускомъ языкѣ и употребитель-„но быть не можетъ съ окончаніемъ *аю*, не „имѣя на переди какаго либо новаго предлога „рас, на, пере, на прим: *распинаю*, *напинаю*, „*перепинаю* (47). — Глаголъ, происходя непо-

---

(46). Чтожъ изъ того, что тласная исчезла? во всякомъ корнѣ, а особливо когда изъ него много вѣтвей извлекается, гласная всякая, какая бъ она ни была, обыкновенно исчезаетъ или измѣняется: изъ *пинать* дѣлается *пнуть*; изъ *тыкать*, *ткнуть*; изъ *пить*, *пью*; изъ *бить*, *бью*, и проч., естьли бъ Г-нъ возражатель съ лучшимъ вниманіемъ прочиталъ въ Академическихъ Извѣстіяхъ о измѣненіи корней, то бы онъ нашелъ тамъ тысячи примѣровъ и объясненій. Тамъ не говорится на обумъ, что буква *и* тогда только исчезаетъ, когда она поставляется вмѣсто *о* или *е*. Утверждать что нибудь безъ доказательствъ есть говорить пустое.

(47). *Новаго?* — Да развѣ предлоги, *рас*, *на*, *пере*, суть *новые* въ нашемъ языкѣ? а какіе же были *старые?* новостію можетъ почесться уродливое искаженіе словъ *препинаю* въ *перепинаю*, *препона* въ *перепона*, *перепонка* въ *препонка*, и проч., вотъ это новое и весьма худое, показующее незнаніе ни свойствъ, ни силы языка. Чтожъ принадлежитъ до слова *пинаю*, которое по мнѣнію Г-на возражателя *не употребляется въ Рускомъ языкѣ и употребительно быть не можетъ съ окончаніемъ аю*, то естественно изъ сего слѣдуютъ два вопроса: первый, съ какимъ же окончаніемъ можетъ оно быть употребительно? и вторый: употребительно ли оно, или нѣтъ, но

„средственно отъ кореннаго слова, прини-
„маетъ на концѣ *у*, *ую*, *ю*, *юю*, или краткое *й*
„перемѣняетъ на *ю*, на прим: *жаръ*, *жарю*;
„горе, горюю; лай, лаю, и проч. (48). Равнымъ
„образомъ не льзя употреблять и сложнаго
„глагола *впинаю*, въ числѣ производныхъ отъ
„*пин*, принятаго авторомъ (стран. 44) (49);

когда самъ Г-нъ возражатель говоритъ: *слово-пинаю*, слѣдовательно признаетъ оное *словомъ*, и оканчиваетъ на *аю*: какъ же можно что нибудь вмѣстѣ и признавать и не признавать?

(48). Въ чемъ состоитъ сіе доказательство? вотъ въ чемъ: поелику мы говоримъ *жарь*, *жарю*; *горе*, *горюю*; и потому не льзя сказать: *пинать*, *пинаю*. Это напоминаетъ о доказательствѣ Моліерова лѣкаря: et voilà ce qui fait que votre fille est muette.

(49). Г-нъ возражатель и того не знаетъ, что изъ двухъ произведенныхъ отъ одного корня однозначащихъ вѣтвей или словъ, одно можетъ быть употребительнѣе другаго, но больше употребительное не отнимаетъ значенія у другаго, меньше употребительнаго, поелику оно получило сіе значеніе отъ разума и свойства языка, независимо отъ бо́льшаго или ме́ньшаго употребленія. На той же страницѣ 44 и 45, о глаголахъ *впинаю* и *допинаю* говорено съ доказательствами о ихъ употребительности и значеніяхъ. Авторъ не принимаетъ и не принуждаетъ ихъ употреблять, но разсуждаетъ и показываетъ, какое значеніе имѣютъ они въ языкѣ, чѣмъ замѣняются, и во всякомъ ли случаѣ могутъ быть замѣняемы. Приписывать другому свои мысли и оговаривать ихъ, есть знакъ, что я не читалъ его, или читалъ, да не понялъ, или

„ибо не возможно понятія: *пона*, означаю-
„щаго вещь, на поверхности находящуюся,
„логически соединять съ понятіемъ предлога
„*въ*, означающаго внутреннее положеніе ве-
„щи: такимъ образомъ не говоримъ мы: *вчи-
„таю*, *въявляю*, и проч. (50).

хотя и понялъ, но хочу противурѣчить; и какъ ясного не льзя опровергнуть, то я, отбрасывая его доводы, стану такъ его выставлять, какъ будто бы онъ говорилъ то, что я на него взвожу. Вотъ нынѣшній образъ критики! самый благонамѣренный и полезный!

(50). *Пона*, слово не слово, предлогъ не предлогъ, понятіе безъ понятія, значитъ, не само по себѣ, но по мнѣнію Г-на возражателя, *вещь на поверхности находящуюся*, которой, по его логикѣ, не льзя соединять съ понятіемъ предлога *въ*, означающимъ внутреннее положеніе вещи; и отселѣ заключаетъ онъ, что не можно сказать *впинаю*, поелику не говоримъ: *вчитаю*, *въявляю*. Вотъ разсужденіе подлинно *логическое*, естьли *логика* значитъ неосновательность разсудка! *вчитаю* не потому не льзя говорить, что *внутренность соединяется съ поверхностію* (ибо оная ни мало здѣсь не соединяется); но по тому, что дѣйствія, изъявляемыя глаголами *читаю*, *являю*, не могутъ быть производимы внутрь чего нибудь; напротивъ того *пинаю*, *хожу*, *летаю*, суть дѣйствія, могущія удобно быть направляемы во многія внутренности, и по тому говорится: *впинаю*, *вхожу*, *влетаю*, и проч.

Здѣсь Г-нъ возражатель продолжаетъ еще свои *сомнѣнія*, или лучше сказать поученія: онъ производитъ глаголъ *пихаю* изъ буквы *к*, значащей по его толкованію предлогъ *ко*; глаголъ *ка-*

саю изъ предлоговъ *ко* и *со*; глаголъ *падаю* изъ предлоговъ *по* и *до*; имя *спина* изъ предлоговъ *со*, *по* и *на*; глаголъ *претить* значитъ у него *дѣлать пере*, и проч.; выводитъ многія наши слова изъ Греческихъ и Латинскихъ предлоговъ. Наконецъ о словѣ *внезапно* говоритъ, что оно происходитъ отъ стариннаго слова *запа*, отъ котораго произошло *супанъ*, т. е. судья, и заключаетъ слѣдующими словами: „откудаже про„изошло *запа*, я не знаю; ибо *non omnia possumus* „*omnes*; только я никакъ не могу согласиться съ „авторомъ сей статьи и произвести оное отъ „*пин*, означающаго *толчекъ*: ибо въ сужденіи и „мнѣніи: *запа* я не вижу ни какого толчка." Опасаясь наскучить и читателю и себѣ, мы не входимъ болѣе въ подробное разсмотрѣніе сего *продолженія сомнѣній*, напечатаннаго въ томъже самомъ Журналѣ, для пользы ли, или къ стыду языка и словесности, это отдается на судъ читателей. Продолженіе сіе наполнено такими же, какъ и прежде, неосновательными, несправедливыми и превратными объ языкѣ сужденіями. Изъ замѣчаній нашихъ на нѣкоторую часть сихъ возраженій довольно усмотрѣть можно, до какой степени простирается ихъ неосновательность. Академія проситъ о изслѣдованіи словъ и ихъ корней, дабы по симъ изслѣдованіямъ, со временемъ, вѣрнѣе и надежнѣе сочинить Словарь и Грамматику толь древнему и обширному языку, каковъ есть Славенскій; она охотно и съ благодарностію приметъ дѣльныя возраженія; но когда хотѣть разсужденіями и возраженіями своими дѣйствительно принести пользу языку, то надобно вникнуть въ него, знать оный, и знаніе свое показывать не Греческими словами: *синекдоха*, *метафора*, *логика*, и не Латинскими *concludo*, *ergo*, но чтобъ сія *логика* была въ умѣ, а не на языкѣ, и чтобъ сіе *ergo* выведено было изъ основательнаго соображенія вещей, изъ точнаго

сцѣпленія понятій, изъ опытнаго проницанія и разсудка. Иначе будешь только стараться принести въ умахъ неопытныхъ читателей вредъ языку, а въ умахъ опытныхъ посмѣяніе и вредъ самому себѣ. Вышесказанныя возраженія, напечатанныя подъ названіемъ *сомнѣній*, по крайней неосновательности своей, долженствовали бы оставлены быть безъ всякаго вниманія, естьли бъ Академическія Извѣстія издавались не отъ лица Академіи, которой обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ охранять языкъ отъ всякихъ ложныхъ и нелѣпыхъ о немъ толковъ.

РАЗСМОТРѢНІЕ КРИТИКИ,

напечатанной въ томъ же *Сынѣ Отечества* (№ XVIII, 1820 года), подъ заглавіемъ: *первое письмо* (1) *къ пріятелю о двухъ прозаическихъ переводахъ Г. А. Ш. и С. Москотильникова, Героической Тассовой поэмы Освобожденный Іерусалимъ* (2). Критикъ начинаетъ:

„Ты просишь, любезный другъ, чтобы „я сказалъ тебѣ мое мнѣніе о достоинствѣ

---

(1). Выраженіе *первое письмо* обѣщаетъ, что будетъ *второе*, *третіе*, и такъ далѣе; но сего не послѣдовало по тому, какъ думать должно, что сочинитель критики, по внушенію своихъ друзей, удовольствовалъ ихъ желаніе, состоявшее, по видимому, единственно въ томъ, чтобъ насказать побольше дерзкихъ и непристойныхъ браней одному изъ сихъ переводчиковъ, и какъ на сіе довольно было и одного письма, то и не нужно было далѣе продолжать.

(2). Критика сія, столь же неосновательная какъ и прежняя, которую видѣли мы въ предъидущей статьѣ, по тому жъ самому не заслуживала бы никакого вниманія, и еще меньше чести опроверженія, естьли бы не должно было взять во уваженіе слѣдующія причины: 1-е, критикуемый, или лучше сказать ругаемый переводъ,

„двухъ новыхъ произведенiй, появившихся „въ 1818 и 1819 годахъ на горизонтѣ нашей „словесности, а имянно о переводѣ Г. А. Ш. „и С. Москотильникова Тассовой поэмы: со-„гласенъ. Благодарю тебя за честь избранiя „меня въ судiи толь важнаго дѣла (3). *Живя* „въ деревнѣ, занимаясь науками и словесно-„стiю, *ты* желаешь знать, можешь *ли ты*

прежде напечатанiя читанъ въ Академiи, отъ ней изданъ: слѣдовательно съ лицемъ переводчика отчасти соединяется и лице Академiи. 2-е, Италiянскiе классики, по малому языка сего употребленiю, не весьма у насъ извѣстны; а потому и самая худая критика можетъ иногда принята быть за хорошую и справедливую. 3-е, Ложныя толкованiя о значенiи словъ, о Грамматическихъ правилахъ, о достоинствѣ слога, о красотахъ и погрѣшностяхъ, могутъ неутвердившихся еще въ знанiи языка своего вовлекать въ заблужденiе; ибо критическiя сочиненiя, сколько полезны, когда единственно управляютъ ими любовь къ словесности и здравый разсудокъ, столько же вредны и заразительны, когда, выходя изъ предѣловъ пристойности, основаны бываютъ на самолюбiи, невѣжествѣ, или желанiи злословить. Всѣ сiи причины побуждаютъ Академiю, какъ охранительницу пользъ языка и словесности, принять сiе представленное ей отъ одного изъ Членовъ ея разсмотрѣнiе вышеозначенной критики, состоящее въ помѣщаемыхъ здѣсь на оную замѣчанiяхъ.

(3). Когда кому отъ любезныхъ друзей его, или товарищей, или единомышленниковъ, поручается сочинять язвительныя критики, тотъ, говоря о *чести*, употребляетъ имя сiе во зло.

„почерпнуть какую нибудь пользу, *касатель-„но усовершенствованій* въ языкѣ отечественномъ, изъ чтенія вышеупомянутыхъ переводовъ Освобожденнаго Іерусалима (4). Хвалю твое желаніе. Также ты просишь, любезный другъ, чтобы я постарался развѣдать, кто этотъ *анонимный* переводчикъ, сокрывшій имя свое подъ заглавными буквами А и Ш? (5). Къ чему такое любопытство? имя творца, какъ бы онъ знаменитъ или безвѣстенъ ни былъ, не можетъ по мнѣнію моему, ни придать достоинства творенію худому, ни отнять онаго у хорошаго. Скажу тебѣ во первыхъ, что Г. А. Ш. переводилъ Тасса съ Италіянскаго подлинника, а Г. Москотильниковъ съ Французскаго Лебрюнева перевода; *слѣдовательно, касательно*, невѣрности перевода, никто не имѣетъ права критиковать Г. Москотильникова (6).

---

(4). Мы пропускаемъ безъ замѣчанія мелочныя худости въ языкѣ, показующія однакожъ, что трудно тому судить о переводѣ Тассовой поэмы, кто даже и отъ оныхъ избѣгать не умѣлъ.

(5). Сіе притворство о незнаніи напечатаннаго во многихъ книгахъ имени переводчика, нужно было друзьямъ сочинителя критики и ему самому для того, дабы подъ предлогомъ невѣденія можно было насказать больше грубостей. Прекрасная и благородная уловка!

(6). Кто разсуждаетъ, тотъ долженъ излагать мысли свои ясно: у переводившаго съ перевода не льзя требовать вѣрности съ подлин-

„Переводишь на какой либо языкъ классиче-„скаго писателя, особенно великаго стихо-„творца, не съ подлинника, а съ перевода, „значитъ, по мнѣнію моему, снимать копію „съ невѣрной или уродливой копіи оригиналь-„ной картины Пуссеня или Рубенса: суди „какова должна быть послѣдняя копія! (7). „Относительно перевода Г. А. Ш., изданнаго „по опредѣленію Россійской Академіи скажу „тебѣ *чистосердечно*, что онъ лишенъ тѣхъ „качествъ, которыя составляютъ достоин-„ство хорошихъ переводовъ (8). Слогъ не

никомъ, но почему не требовать оной съ тѣмъ переводомъ, съ котораго онъ переводилъ?

(7). Гдѣ нѣтъ разсудка, тамъ нѣтъ и связи въ мысляхъ: почему всякой переводъ безъ изъятія предполагается невѣрною, уродливою копіею? конечно, бываютъ невѣрные и худые переводы, но бываютъ и хорошіе. На что жъ выбирать дурной? конечно, рѣдкій переводъ можетъ сохранить всѣ красоты подлинника; но почему, по какой здравости разсудка, въ хорошихъ переводахъ съ хорошихъ переводовъ, или въ хорошихъ копіяхъ съ хорошихъ копій какой либо оригинальной картины, полагать непремѣнное паденіе изъ невѣрности въ невѣрность, изъ уродливости въ уродливость? мы бы не стали замѣчать подобныхъ несообразицъ, естьли бъ изъ сего не слѣдовало вопроса; можно ли съ такими способностями разума судить о достоинствѣ эпическихъ поэмъ превосходнѣйшихъ писателей?

(8). Пословица говоритъ: *пьяному море по колѣно*. Мнѣ кажется и самолюбивому писателю

„имѣетъ равенства и правильности, часто „даже низокъ; *формы* онаго *необдѣланы* и во „многихъ мѣстахъ *враждуютъ даже съ логи-„кою языка Рускаго*; выраженія невѣрны, „точность и прелесть многихъ идей стихо-„творца не постигнуты; нерѣдко встрѣча-„ются и *галлицизмы*. Что же касается до „благозвучія или теченія рѣчи сего перевода, „то оное, по большой части, подобно тѣмъ „сиповатымъ звукамъ, которые издаетъ „ветхая скрыпка подъ смычкомъ отвергну-„таго Полимніею музыканта (9). Не безпо-

---

тоже. Что ему Россійская Академія? что ему весь ученый свѣтъ? онъ почитаетъ себя выше всѣхъ, и только кричитъ: *я вамъ сказываю!* но посмотримъ далѣе, найдемъ ли въ этомъ, по видимому, весьма самолюбивомъ и смѣломъ оцѣнщикѣ чужихъ трудовъ, по крайней мѣрѣ какое нибудь знаніе и умъ. На *чистосердечіе* его, хотя онъ и увѣряетъ въ немъ, не льзя полагать-ся; ибо первое, сія критика его отнюдь того не показываетъ; и второе здѣсь *чистосердечіе* ни къ чему не служитъ: невѣжда можетъ и Гомера *чистосердечно* почитать худымъ стихо-творцемъ.

(9). Прежде нежели насказать столько дерз-кихъ и непристойныхъ браней, надлежало бы по крайней мѣрѣ сколько нибудь оправдать ихъ, по-казаніемъ чрезвычайной худости тѣхъ мѣстъ, которыя по мнѣнію нашему заслуживаютъ та-кую хулу. Даже и тогда позволяются токмо изобличенія сихъ погрѣшностей, а не площадныя колкости и насмѣшки, придумываемыя злобою и безнравственнымъ свободоязычіемъ.

„лезно было бы переводчику обратить вни-
„маніе на сіе важное качество слога: ибо
„если сочиненіе, какъ бы идеи онаго сами по
„себѣ сильны и прелестны ни были, какъ бы
„слогъ ни отличался правильностію формъ
„и выраженій; если сочиненіе, говорю я, (въ
„особенности же прозаическій переводъ вели-
„каго стихотворца) не будетъ имѣть благо-
„звучія, то всю предлагаемую прелесть и
„силу свою необходимо утратитъ (10). Ко-
„нечно Г. А. Ш. читалъ Квинтиліяна и по-
„мнитъ его наставленія: *не возможно,* гово-
„ритъ сей великій учитель краснорѣчія,
„*чтобы рѣчь производила въ душѣ нашей ощу-
„щенія пріятныя, если она тревожитъ слухъ
„нашъ, который есть, такъ сказать, преддверіе
„и входъ оной. Мы естественно плѣняемся бла-
„гозвучіемъ; въ противномъ случаѣ музыка, не*

(10). Правила для человѣка съ основатель-
нымъ ученіемъ и здравымъ разсудкомъ весьма
нужны; но въ противномъ случаѣ онѣ могутъ
слабый умъ лишать и послѣдняго разсудка; ибо
онъ будетъ прикладывать ихъ къ тѣмъ вещамъ,
которыя подъ нихъ не подходятъ. Благозвучіе,
конечно, во всякомъ слогѣ есть нужное качество;
но безъ него можетъ ли слогъ *отличаться пра-
вильностію* и быть *силенъ* и *прелестенъ?* будеже
онъ не правиленъ, слабъ, и отвратителенъ, то
какимъ образомъ можетъ онъ быть благозвученъ;
и естьли бы и былъ таковъ, то къ чему годит-
ся благозвучіе его, когда въ немъ нѣтъ ни разу-
ма, ни силы?

„*имѣя возможности произносить словъ, не про-*
„*изводила бы надъ нами столь удивительныхъ*
„*и многоразличныхъ дѣйствій* (11). Словомъ,
„любезный другъ, можно бы лучше переве-
„сти Тасса (12). Постой, скажешь ты мнѣ:
„*il meglio è l'inemico del bene* (13). Справедливо;
„но касательно перевода Г. А. Ш., не льзя
„сказать *этого*. Не думай однако, чтобы я,
„удовлетворяя твоему желанію, рѣшился пи-
„сать на *вышеупомянутый* переводъ *сей* (14)

---

(11). Я не знаю, читалъ ли Г. А. Ш. Квинтиліяна, или нѣтъ; но вижу, что Г. В. О. выставляя слова его, не разумѣетъ ихъ. Лучше бы не читать! Квинтиліянъ правду говоритъ, что благозвучіе въ языкѣ есть тоже, что и согласіе въ музыкѣ, прельщающее слухъ нашъ, и что, такъ сказать, *худозвучіе* или *разладъ* досаждаетъ нашему уху; но гдѣ же говоритъ онъ, что можетъ *правильный, сильный, прелестный* слогъ быть безъ *благозвучія?* это говоритъ не Квинтиліянъ, а тотъ, кто не умѣетъ разсуждать ни о краснорѣчіи, ни о благозвучіи.

(12). Для чего жъ не перевелъ, хотя бы одну пѣснь для опыта? тогда бы можно было сдѣлать сравненіе.

(13). Пословица Италіянская: *лучшее хорошему врагъ;* но пишется *inimico*, а не *inemico*.

(14). *Вышепомянутый сей!* одно что нибудь: если *вышепомянутый*, такъ не *сей;* а если *сей*, такъ не *вышепомянутый*. Не чувствуя даже и такихъ погрѣшностей, какія послѣднему ученику должны быть извѣстны, не есть ли безстыдная смѣлость судить о Тассѣ и оцѣнивать переводы эпическихъ поэмъ?

„строгую и *систематическую* критику. Нѣтъ, „страшно подумать объ этомъ! въ противномъ случаѣ почти каждая строфа сего перевода подверглась бы критическому разбору, и я необходимо былъ бы долженъ исписать мѣлко нѣсколько дестей бумаги, а тебѣ извѣстно, любезный другъ, какъ дорого „нынѣ стоитъ пересылка писемъ и документовъ всякаго рода (15). Итакъ извини меня, „ради бога, если я представлю тебѣ нѣкоторыя только самыя важныя и разительныя „погрѣшности сего перевода (16); ибо признаюсь *чистосердечно*, я не намѣренъ вводить „себя въ убытокъ (17). Впрочемъ, любезный

---

(15). Естьли это не придирка къ заплатѣ отъ *любезнаго друга*, или *любезныхъ друзей* за *документы всякаго рода*, то кажется таковыя объявленія о *дороговизнѣ* здѣсь излишны и слишкомъ увеличены; ибо принести изъ своего *закаулка* сіи *документы* къ журналисту, въ томъ же городѣ живущему, ничего не стоитъ.

(16) Наконецъ критикъ, послѣ изрыгнутой съ такимъ ожесточеніемъ хулы и брани, хочетъ изъ *необъятнаго множества погрѣшностей* извлечь однѣ только *самыя важныя и разительныя*. Судя по гнѣву и словамъ его онѣ подлинно должны быть превеликія, непростительныя. Послушаемъ; посмотримъ, такъ ли онъ успѣетъ въ трудномъ дѣлѣ, *разбирать*, какъ отличился въ легкомъ, *бранить*.

(17). Это похоже на вторичное напоминаніе о заплатѣ, и кажется здѣсь слову *чистосердечно* можно болѣе повѣрить, нежели прежде.

„другъ, какъ бы ни было во мнѣ сильно желаніе бережливости, однако я принужденъ „буду отправить къ тебѣ не менѣе трехъ „полновѣсныхъ писемъ (18). Но дабы сохранить въ оныхъ нѣкоторый порядокъ, сначала приступлю я къ краткому и *безпристрастному* разбору перевода Г-на А. Ш., а „потомъ скажу тебѣ нѣсколько словъ и о переводѣ Г. Москотильникова (19).

„Подлинникъ:

„Sai che là corre il mondo, ove più versi
„Di sue dolcezze il lusinghier Parnaso,
„E che'l vero condito in molli versi
„I più schivi allettando ha persuso (20).
„пѣснь 1, строф. III.

„переводъ Г-на А. Ш.

„Ты вѣдаешь, что свѣтъ бѣжитъ туда, „гдѣ льстивый Парнасъ разливаетъ больше „сладостей, и что умащенная сладкогласными стихами правда, самыхъ упорнѣйшихъ „прельщая убѣждала.

---

(18). Изъ сихъ *полновѣсныхъ* писемъ напечатано только одно, по поводу, какъ думать должно, какова нибудь *недовѣсія* въ побудительныхъ причинахъ.

(19). На что? дѣло и безъ него обошлось. Зачѣмъ безнамѣренно и безприбыльно трудиться?

(20). *Persuaso,* а не *persuso.* Хотя Г-нъ критикъ и выдавалъ себя Квинтиліяновымъ ученикомъ въ наукѣ *благозвучія,* но видно ухо его не

„Вотъ, любезный другъ, въ самомъ по-„чти началѣ поэмы, и въ переводѣ только „четырехъ стиховъ, встрѣчаемъ мы ужѐ „двѣ погрѣшности, изъ коихъ вторая весьма „непростительна (21). Въ Рускомъ языкѣ сло-„во *свѣтъ* имѣетъ два значенія: первое мета-„форическое, означающее людей, второе соб-„ственное, о которомъ кажется говорить не „нужно. Итакъ для чего бы, избѣгая дву-„смысленности, не сказать: ты вѣдаешь, „что люди стремятся туда, или: ты вѣда-„ешь, что смертные стремятся туда, и „проч. (22).

столько еще изострилось, чтобъ могло чувствовать сіи грубыя ошибки.

(21). Въ началѣ или въ срединѣ, въ четырехъ или въ десяти стихахъ, это все равно, погрѣшность вездѣ погрѣшность, не больше и не меньше. Оставя пустыя слова, покажи намъ, въ чемъ состоитъ сія погрѣшность.

(22). Нѣтъ, Господинъ учитель, вы весьма худо учите, по многимъ причинамъ; 1-е, ежели слово *свѣтъ* имѣетъ два значенія, то и не можетъ тутъ быть двусмысленности, кромѣ развѣ для людей совсѣмъ незнающихъ языка; но никакой Руской, даже простой мужикъ, не смѣшаетъ смысла между словами *свѣтъ* и *свѣтъ* въ выраженіяхъ, на примѣръ: *онъ ужѐ сто лѣтъ живетъ на свѣтѣ* (т. е. въ здѣшнемъ мірѣ) и *весь свѣтъ это говоритъ* (т. е. весь міръ, всѣ люди). Въ языкѣ множество словъ, въ иносказательномъ и прямомъ смыслѣ употребляемыхъ, и всякой, кто говоритъ по Руски, умѣетъ по составу рѣчи,

„Но оставимъ это. Скажи мнѣ, что зна-
„читъ: *умащенная стихами правда?* прила-
„гательное *умащенный* происходитъ отъ су-
„ществительнаго *мазь* или *масть*. Глаголъ
„*умащать* или *мастити* значитъ помазать,
„вымазать, на прим: *умастилъ еси елеемъ гла-*
„*ву мою*, т. е. *помазалъ елеемъ главу мою*
„(Псал. 22, ст. 5). Итакъ выраженіе: *ума-*
„*щенная стихами правда*, значитъ: *вымазан-*
„*ная стихами правда*. Сомнѣваюсь, любезный
„другъ въ вѣрности сего выраженія; конечно
„сомнѣваешься и ты, но что дѣлать? *nescit*
„*vox missa reverti* (23). На Италіянскомъ языкѣ

безъ всякаго двусмыслія, различать ихъ. 2-е, Италіянское *il mondo* имѣетъ тожъ два значенія, соотвѣтствующія точно нашему *свѣтъ:* итакъ естьли слово сіе худо въ переводѣ, то и въ подлинникѣ худо. Но я думаю можно повѣрить, что Тассъ въ употребленіи приличія словъ былъ немножко посвѣдущѣе Г-на критика, и что гораздо сильнѣе и лучше перевесть, какъ онъ сказалъ: *свѣтъ бѣжитъ* (il mondo corre), нежели какъ Г. критикъ приказываетъ: *люди стремятся.* Руская пословица давно говоритъ: *яица курицу не учатъ.*

(23). Нѣтъ, Господинъ учитель, и это не такъ. Выставка Латинской рѣчи или полустишія не дастъ намъ ума. Онъ оказывается въ знаніи языка своего и здравыхъ сужденіяхъ. Это правда, глаголъ *умастить* происходитъ отъ одного корня съ глаголомъ *вымазать*, и по коренному смыслу значитъ одно и тоже, подобно какъ и многіе другіе глаголы, тожъ отъ одного

„глаголъ *condire*, въ метафорическомъ смы-
„слѣ, значитъ: приправить, подсластить,
„украсить, и проч., (и въ семъ смыслѣ упо-

корня происходящіе, какъ на примѣръ *жерть* и *жрать* (отъ *жру*), *окрасить* и *украсить* (отъ *краска*, *крашу*), и проч.; но сіи однокорненныя, и даже одинаково пишущіяся слова, хотя часто значатъ одно и тоже, однако получаютъ важность или простоту, а иногда и низость значенія своего отъ другихъ сопряженныхъ съ ними словъ. На примѣръ *брань* и *брань* есть одно и тоже, но *чернильная брань* отъ невѣжды, есть совсѣмъ не то, что *Бородинская брань*. Въ выраженіяхъ: *огонь пожираетъ зданія* и *собака пожираетъ кости*, хотя употребленъ одинъ и тотъ же глаголъ, но первый важнѣе втораго, такъ что перваго, безъ пониженія въ слогѣ, не льзя превратить въ *жретъ*, а второй можно. Отъ перваго пошли высокія слова: *жертва*, *жертвенникъ*, *жрецъ*; отъ втораго низкія: *обжора*, *прожора*, и проч. тожъ самое сказать можемъ и о глаголахъ *умастить* и *вымазать*; они, конечно, одно и тоже значатъ, но столько же не прилично сказать: *вымазалъ главу елеемъ*, сколько *умастилъ колеса дегтемъ*. Выраженіе *маститая старость*, очень хорошо; но *вымазанная старость*, никуда не годится. Итакъ есть между ими разность. *Умащеніе* главы елеемъ (т. е. благовоннымъ масломъ) дѣлалось въ знакъ отличнаго уваженія и почтенія къ тѣмъ особамъ, которымъ почесть сію оказывали, дабы волосы ихъ были мягки, гладки и благовонны. Напротивъ того *вымазаніе* дегтемъ колесъ, или сажею лица, или смолою веревки, есть дѣйствіе совсѣмъ не на причинахъ почтенія основанное, и слѣдственно принимать глаголъ *вымазать* въ равной важно-

„треблен онъ здѣсь у Тасса), а не *умастить* „или *вымазать*, какъ переводитъ Г. А. Ш. (24).

„подлинникъ:

„Se ben raccolgo le discordie e l'onte,
„Quasi a prova da voi fatte e patite, etc.
„пѣснь 1, строф. XXX.

„переводъ:

„Когда я привожу себѣ на память сіи „постыдныя распри и обиды, взаимно вами „другъ другу творимыя и терпимыя, и пр.

„Не хочу, любезный другъ, критиковать „здѣсь *плеоназмы*, а именно: *себя и другъ*

сти смысла съ глаголомъ *умастить* могутъ только тѣ, которые не знаютъ силы языка. Едва ли простительно не знать сего, но при незнаніи выдавать себя за учителя и сопровождать уроки свои площадными колкостями, есть больше, нежели непростительно.

(24). *Приправить* кушанье, *подсластить* наливку, хорошо; но *приправить* или *подсластить* стихами правду, очень худо. *Украсить*, хотя бы и можно было сказать, но *умащенная*, тожъ что *украшенная*, здѣсь еще лучше и выразительнѣе. Надобно быть очень непримѣтливу, чтобъ въ переводѣ дватцати пѣсенъ классической поэмы не найти нѣкоторыхъ слабостей, нѣкоторыхъ погрѣшностей, отъ которыхъ никакой, нижѐ самый прекраснѣйшій переводъ избѣгнуть не можетъ; но каковъ же тотъ знатокъ, которой съ жадностію ищетъ ихъ, и не умѣя найти, выдаетъ хорошія мѣста, за непростительныя погрѣшности?

„*другу* (25); равнымъ образомъ не буду „охуждать не весьма правильное выраженіе: „*приводить себѣ на память* (26); ибо я уже „сказалъ тебѣ, что не намѣренъ писать „строгую критику. Но вотъ причина, побу„дившая меня замѣтить вышепомянутыя „строки перевода Г. А. Ш. Знаю, любезный

---

(25). А ежели бы хотѣлъ, то чтожъ бы сдѣлалъ болѣе. Но посмотримъ, что такое здѣсь критикуется? слово *себѣ* въ выраженіи: *приводить себѣ на память*, и слова *другъ другу* въ выраженіи: *обиды другъ другу творимыя*. Какъ? даже до такой степени не знать самыхъ обыкновеннѣйшихъ въ Рускомъ языкѣ рѣченій? и кому же? писателю, и еще разбирателю поэмъ?

(26). Говорить *не хочу критиковать*, и въ тожъ время критиковать, есть лукавить. Сказать предварительно о переводѣ, что въ немъ *почти каждая строфа* переведена худо, и послѣ первой строфы, при всей жадности искать худое, пропустить 28 строфъ и критиковать тритцатую, есть изобличать себя во лжи и зложеланіи. При отрицаніи *не буду охуждать* падежъ ставится по вопросу *чего?* а не по вопросу *что?* итакъ вмѣсто: *не буду охуждать неправильнаго выраженія*, написать: *не буду охуждать не весьма правильное выраженіе*, есть не знать языка. Выраженіе бываетъ *правильное* или *неправильное*, но назвать оное *не весьма правильнымъ*, есть не умѣть разсуждать. Съ такими ли качествами и познаніями можно судить о переводѣ Тассовой поэмы? и нѣкоторые шмели, писатели, жужжатъ и смѣютъ учить и увѣрять публику въ справедливости подобныхъ критикъ!

„другъ, что по Руски можно сказать: *обиды „другъ другу творимыя*, но весьма сомнѣваюсь, „можно ли и простительно ли сказать по „Руски: *обиды другъ другу терпимыя* (27).

---

(27). Виноватъ ли переводчикъ, что Г-нъ критикъ не умѣетъ ни читать, ни читаемаго имъ понимать? сказано: *обиды взаимно вами другъ другу творимыя и терпимыя*, разумѣется *взаимно терпимыя*, а не *другъ другу терпимыя*. Какимъ невѣждою писатель долженъ предполагать читателя, естьли будетъ думать о немъ, что онъ въ размѣщеніи словъ не умѣетъ относить одного понятія къ другому? не ужли бы надлежало перевесть: *обиды взаимно вами другъ другу творимыя, и взаимно вами другъ отъ друга терпимыя?* но такое распространеніе рѣчи, не прибавляя ничего къ ясности, было бы пустымъ повтореніемъ и лишнимъ наборомъ тѣхъ же самыхъ словъ. Въ Италіянскомъ подлинникѣ слова точно такимъ же образомъ расположены: *le discordie e l'onte quasi a prova da voi fatte e patite.* Что ежели бы, такой же, какъ нашъ, Италіянской критикъ, мнимый знатокъ языка, сказалъ Тассу: *le discordie patite* (распри терпимыя) неправильно? безсомнѣнія Тассъ точно также отвѣчалъ бы ему: научись сперва знать, какія слова̀ относятся къ какимъ, и потомъ меня читай: *le discordie fatte, e l'onte patite* (распри чинимыя и обиды терпимыя), а не на выворотъ. Нашъ критикъ со всею жадностію копается, роется, ищетъ какой нибудь, хотя бы самой малой погрѣшности, и тамъ, гдѣ она у него подъ носомъ, не видитъ ее. Вотъ ежели бы онъ сказалъ, что въ рѣчи: *обиды взаимно вами другъ другу творимыя*, слова̀ *другъ другу*, при словѣ

„Впрочемъ я увѣренъ, что *разительная по-*
„грѣшность сія вкралась въ переводъ Г. А. Ш.
„не по тому, что бы *солецизмъ* сей не былъ
„ему извѣстенъ, но оная происшекаетъ отъ
„неправильнаго словорасположенія. Подобныхъ
„погрѣшностей въ переводѣ семъ весьма мно-
„го (28). Также, любезный другъ, позволь мнѣ
„замѣтить, что Италіянское нарѣчіе *a prova*
„хотя и значитъ *взаимно* (29), однако послѣ
„нарѣчія *quasi* оно необходимо должно зна-
„чить: *нарочно*, *умышленно*, *съ умысломъ*,
„и проч. (30). Сверхъ сего и эпитетъ *по-*

взаимно, излишны, то вѣроятно и самъ перевод-
чикъ согласился бы съ нимъ.

(28). Можетъ быть, но подобному критику
весьма трудно въ томъ повѣрить,

(29). Г-нъ критикъ говоритъ пустое: *a pro-*
va отнюдь не значитъ *взаимно*, какъ мы то по-
слѣ увидимъ.

(30). Италіянское *quasi* есть наше *почти*.
Нарѣчіе *a prova*, не по смыслу сего слова, но по
сказанію Г-на критика, значитъ *взаимно*. Отселѣ
выводитъ онъ, что *quasi a prova* (почти взаим-
но) долженствуетъ необходимо значить *нарочно*
или съ умысломъ. Какъ не повѣрить такому яс-
ному доказательству! Здѣсь не только оказы-
вается незнаніе Италіянскаго языка, но и вооб-
ще странное понятіе о всякомъ языкѣ; ибо ни
на какомъ изъ нихъ не можетъ быть, чтобъ
быстрая рѣка значила *лѣсъ*, или бы *почти взаим-*
но значило *умышленно*. Посмотримъ, какъ тол-
куется нарѣчіе *a prova*. Возмемъ Италіянскій
Словарь съ Французскимъ, тамъ стоитъ: „*prova*

„*стыдныя*, употребленный переводчикомъ, „въ подлинникѣ не находится (31). Итакъ „*вышеупомянутые сіи* (32) два стиха можно

---

ou *gara*, dispute, debat; *a prova* ou *a gara*, adv. à l'envie, à qui mieux mieux, concurrement. Слѣдовательно *a prova*, наперерывъ, а не *взаимно*; *quasi a prova*, почти или какъ бы наперерывъ, а не нарочно или съ умысломъ.

(31). Здѣсь вотъ о чемъ дѣло идетъ: подлинникъ изъ слова въ слово говоритъ: *когда я хорошенько исчисляю* (raccolgo, собираю) *распри и обиды какъ бы наперерывъ вами творимыя и терпимыя*. Въ переводѣ сказано: *когда я привожу себѣ на память сіи постыдныя распри и обиды взаимно вами другъ другу творимыя и терпимыя*. Тутъ нѣтъ иной разности или невѣрности, какъ только что прибавлено прилагательное *постыдныя*, и пропущено выраженіе *какъ бы наперерывъ*. Что касается до прибавленія вышесказаннаго слова, то оно не можетъ портить смысла, поелику Готфридъ дѣйствительно укоряетъ полководцевъ своихъ за сіи распри, а что не *постыдно*, за то не укоряютъ, и конечно самъ Тассъ не осудилъ бы переводчика за сію малую прибавку. Чтожъ принадлежитъ до пропуска выраженія *quasi a prova* (какъ бы наперерывъ или словно какъ бы ревнуя другъ передъ другомъ), то думать должно, что оно пропущено наборщикомъ и послѣ не досмотрѣно; ибо хотя смыслъ и безъ него остается полонъ, но оно не лишнее и не было иной причины выпустить оное. Теперь можно видѣть о какихъ пустякахъ хлопочетъ Г-нъ критикъ, и такъ ли хлопочетъ, какъ надобно.

(32). Опять *вышеупомянутые сіи!*

„было бы, по мнѣнію моему, перевести слѣ-
„дующимъ образомъ: *воспоминая распри и*
„*обиды, взаимно и какъ бы умышленно вами*
„*учиненныя и претерпѣнныя*, и проч. (33) но
„поступимъ далѣе: (34).

„подлинникъ:

„Mentre il Tiranno s'apparecchia all'armi,
„Solletto Jsmeno un di gli s'appresenta;
„Ismen, che trar di sotto ai chiusi marmi
„Puo corpo estinto e far che spiri e senta:
„Ismen, che al suon de'mormoranti carmi
„Sin nella reggia sua Pluto spaventa,
„E i suoi Demon negli *empi uffici* impiega,
„Pur come servi, e gli discioglie, e lega.

пѣснь II, строф. 1.

„переводъ:

„Между тѣмъ какъ мучитель готовит-
„ся къ отпору, Исменъ во единъ день къ не-

---

(33). И здѣсь учитель худо учитъ. Тассъ не поставилъ бы нарѣчія *a prova*, ежели бъ оно значило *умышленно*; ибо Тассъ былъ не безграмотной писецъ; онъ зналъ, что сказать. *Обиды какъ бы умышленно учиненныя*, было бы нелѣпица, потому что *обида* иначе и быть не можетъ, какъ дѣяніе *умышленно* или съ намѣреніемъ учиненное. Стоило ли на переводъ сихъ двухъ стиховъ писать критику, и отъ желанія выкопать какую нибудь ошибку, самому такъ запутаться и столько ихъ надѣлать!

(34). По сіе мѣсто видѣли мы, какъ Г. критикъ *ступалъ* или *поступалъ*; посмотримъ какъ далѣе *поступитъ*.

„му приходитъ, Исменъ, который изъ замк-
„нутыхъ гробовъ мертвое тѣло извлекать
„и духъ въ него влагать и чувства можетъ;
„Исменъ, который шептаніями своими Плу-
„тона въ царствѣ его устрашаетъ, и Демо-
„новъ его, какъ рабовъ, куда хочетъ, посы-
„лаетъ.

„Скажу тебѣ во первыхъ, любезный другъ,
„что Греческое слово *тиранъ* (*τυράννος*) только
„условно или метафорически означаетъ *му-
„чителя*, а въ собственномъ смыслѣ слово сіе
„означаетъ *царя* (35), и въ семъ смыслѣ по-
„ставлено оно здѣсь у Тасса; но переводчикъ
„не обратилъ, кажется, на сіе вниманія (36).
„Во вторыхъ выраженіе: *s'apparecchia all'armi*,
„не значитъ: *готовится къ отпору*, но *гото-*

(35). Здѣсь Г. критикъ дѣлаетъ слѣдующую выноску: „всякій, кто только читалъ исторію, „конечно знаетъ, что всѣ Сиракузскіе цари на-„зывались тиранами, подобно какъ всѣ цари Еги-„петскіе назывались фараонами.“

(36). Было на что обращать вниманіе! Какимъ царь сей изображенъ у Тасса? добрымъ или злымъ? почему Руское *мучитель* не выражаетъ иностраннаго *тиранъ*? я не знаю, называли ли Греки добрыхъ царей тиранами; но въ новѣйшихъ языкахъ никто не назоветъ добраго царя *тираномъ*. Г. критикъ клеплетъ на Италіянской языкъ и на Тасса, будто онъ разумѣлъ подъ симъ словомъ просто *царя*, а не *худаго царя*.

„*вится къ брани или сраженію* (37). Въ треть-
„ихъ непростительно, кажется (38), напи-
„сать и напечатать: *во единъ день единъ;* мо-
„жно было бы пощадить слухъ читателей.
„По чему бы не сказать: *Исменъ въ единый*
„*день тайно къ нему приходитъ?* (39). Въ чет-

---

(37). Тонкое замѣчаніе! но слово *armi* собственно значитъ *оружіе*, а не *брань* или *сраженіе:* и такъ ежели вмѣсто *готовится къ оружію* (s'apparecchia all'armi) можно сказать *готовится къ брани или сраженію*, то по той же самой причинѣ можно сказать и *готовится къ отпору.* Не ужели критикъ и того не знаетъ, что *оружіе*, *брань*, *сраженіе*, *битва*, *отпоръ*, суть близкія значеніями слова̀, и часто одно вмѣсто другаго могутъ быть употребляемы? послѣднее *отпоръ* (тоже что брань, битва, сраженіе) въ семъ мѣстѣ еще приличнѣе прочихъ, поелику именно означаетъ *оборонительную брань*, къ какой осажденный христіянскими войсками Іерусалимскій царь приготовляется. Выдавая себя за судью, надобно по крайней мѣрѣ умѣть грамотѣ.

(38). Критикъ часто употребляетъ слово *кажется,* и справедливо!

(39). Г. критикъ великой охотникъ учить, и всегда учитъ не въ попадъ. Тѣ читатели, которыхъ слухъ, подобно слуху Г-на критика, оскорбляется неизвѣстно чѣмъ, между тѣмъ какъ разумъ ихъ никакими нелѣпостями не оскорбляется, не стоятъ того, чтобъ для нихъ трудиться и писать. Никто благоразумный не сталъ бы ни въ чемъ упражняться, ежели бъ всѣхъ читателей предполагалъ таковыми. Тассъ не говоритъ, что Исменъ пришелъ тайно; ибо тогда надлежало бы показать и причину, для

„вертыхъ сильныя слова: *negli empi uſici* (40) „*impiega*, т. е. *на нечестивыя служенія употре*„*бляетъ*, безъ всякой нужды пропущены въ „переводѣ. Въ пятыхъ выраженіе *e gli discio*„*glie, e lega*, не значитъ: *куда хочетъ посы*„*лаетъ*, но и разрѣшаетъ ихъ и связуетъ (41).

чего таинство сіе нужно было. Слово *solletto*, уменьшительное отъ *solo* (одинъ), соотвѣтствующее нашему уменьшительному *одинехонекъ*, означаетъ только, что онъ не взялъ съ собою никого, пришелъ безъ сопровождателей, а отнюдь не *тайно* или украдкою отъ народа, въ чемъ не настояло ни какой надобности. Италіянской стихъ изъ слова въ слово говоритъ: *одинехонекъ Исменъ однажды* (или въ одинъ день, или нѣкогда) *ему предсталъ*: слѣдовательно, не нарушая смысла, не льзя иначе его перевести, какъ словами: *однажды одинъ*, или въ *одинъ день одинъ*, а возвышая слогъ: Исменъ *во единъ день единъ* къ нему приходитъ. Чтожъ тутъ не простительнаго *написать и напечатать*, и въ чемъ надлежало *пощадить слухъ читателей?* непростительно думать, что можно безъ головы имѣть слухъ.

(40). Здѣсь слова сіи въ другой разъ написаны *empi uſici*, но онѣ, означая множественное число, имѣютъ въ концѣ двойное *i*, и потому пишутся или *empii uſicii*, или, превращая оба *i* въ одно длинное, *empj uſicj*. Изъ многихъ мѣстъ видно, что Г-нъ критикъ знаетъ Италіянской языкъ по одной наслышкѣ, не имѣя для него ни глазъ, ни уха.

(41). Здѣсь критикъ о неточности перевода говоритъ правду. Надлежало бы по точному смыслу сихъ двухъ послѣднихъ стиховъ перевесть

„Наконецъ, любезный другъ, скажу тебѣ чи-„стосердечно, что сіи послѣднія строки пе-„ревода: *и демоновъ его, какъ рабовъ своихъ,* „*куда хочетъ посылаетъ*, напоминаютъ мнѣ, „невольнымъ образомъ, слѣдующую арію изъ „*Мельника*, Руской оригинальной оперы:

„Онъ чертей,
„Какъ дѣтей,
„Когда надобно скликаетъ,

ихъ такимъ образомъ: *и демоновъ его на злочестивыя служенія употребляетъ, и какъ рабовъ, разрѣшаетъ и связуетъ.* Но сіи два стиха въ семъ точномъ переводѣ не сохраняютъ той простоты, съ какою они въ подлинникѣ сказаны. Вѣроятно по сей причинѣ переводчикъ отступилъ нѣсколько отъ подлинника, выразя тужъ самую мысль не столь отборными словами; ибо пропускъ выраженія *употреблять на нечестивыя дѣянія*, есть небольшое упущеніе, поелику само по себѣ разумѣется, что волхвы Демоновъ не на добрыя дѣла употребляютъ. Чтожъ касается до словъ: *какъ рабовъ своихъ, куда хочетъ посылаетъ*, вмѣсто *разрѣшаетъ ихъ и связуетъ*, то какъ одно, такъ и другое означаетъ власть его надъ ними, и въ этомъ нѣтъ иной разности, кромѣ, что одно сказано проще другаго. Но положимъ, что переводчикъ сіи два стиха недостаточно выразилъ и ослабилъ противъ подлинника, должно ли за то возопіять на него, какъ бы на сущаго невѣжду? и отъ кого же сіе вопіяніе? отъ критика, котораго умъ и достоинство мы видимъ.

„Куда хочетъ помыкаетъ,
„Послѣ вонъ толкаетъ (42).

„подлинникъ :
„Ma più s'irrita il Re, quand'ella, ed esso
„È più constante in incolpar se stesso.
„пѣснь II, строф. XXXI.

„переводъ :
„Но царь тѣмъ болѣе раздражается, чѣмъ „болѣе упорствуютъ они въ обвиненіи каж„дый себя.

„Можно ли сказать по Руски, любезный „другъ: *упорствовать въ обвиненіи каждый се„бя?* (43). Фразу сію, читая отдѣльно отъ

---

(42). Прекрасная насмѣшка! достойная лавровыхъ прутьевъ. Какъ, я думаю, *любезные друзья*, сотоварищи, единомышленники Г-на критика рукоплескали ему, обнимали, лобызали, а можетъ быть, ежели онъ по прежнему напомнилъ имъ *о дороговизнѣ документовъ*, то и наградили его за такую щастливую находку! но между тѣмъ она не такъ щастлива и остроумна, какъ имъ кажется. Стóитъ только взять Иліады и Энеиды *наизнанку*; тамъ найдется множество Гомеровыхъ и Виргиліевыхъ стиховъ, передѣланныхъ въ забавные и смѣшные. Выставить ихъ одни противъ другихъ всякой писарь можетъ.

(43). Нѣтъ, не можно; это было бы совершенное незнаніе языка, такое, какое Г-нъ критикъ вопросомъ своимъ въ себѣ показываетъ. Неопредѣленное наклоненіе *упорствовать* требуетъ падежа по вопросу *кому?* слѣдовательно

„предъидущаго и послѣдующаго, трудно по-„нять безъ помощи подлинника (44). Слово „*каждый* есть усѣченный родительный па-„дежъ возносительнаго мѣстоименія женскаго „рода *каждая* (45). Но, во первыхъ, выраженіе,

---

и не льзя сказать: *упорствовать въ обвиненіи каждый себя;* но можно сказать: *упорствовать каждому въ обвиненіи себя или самаго себя.* Напротивъ того глаголъ третьяго лица множественнаго числа *упорствуютъ* требуетъ именительнаго падежа по вопросу *кто?* слѣдовательно и должно сказать: *упорствуютъ каждый въ обвиненіи себя.* Можетъ ли критика быть хуже и безстыднѣе, какъ поставить отъ себя глаголъ не съ тѣмъ падежемъ, и всклепавъ на переводчика, будто у него такъ поставлено, спрашивать: говорится ли это по Руски?

(44). Посмотримъ разность сей фразы между подлинникомъ и переводомъ: царь тѣмъ больше раздражается *quand' ella, ed esso, e' più constante in incolpar se stesso*, изъ слова въ слово: *когда она и онъ есть больше постояненъ въ обвиненіи себя самого.* Почему же Г. критикъ не можетъ безъ помощи подлинника понимать Руской фразы: *чѣмъ болѣе они упорствуютъ въ обвиненіи каждый себя?* по видимому онъ ни той ни другой не понимаетъ.

(45). Что? что такое? „слово *каждый* есть усѣченный родительный падежъ мѣстоименія *каждая!*" вы, школьники, которые дни два или три какъ начали учиться Грамматикѣ, подите, растолкуйте Г-ну критику, что слово *каждый*, равно какъ и *каждая*, есть именительный падежъ, въ родительномъ *каждаго, каждой;* что оно не есть усѣченное и не имѣетъ усѣченнаго;

„*каждой себя*, совершенно не имѣетъ никакой „логики (46); во вторыхъ, здѣсь дѣло идетъ „не о женщинахъ, но о страстномъ Олиндѣ „и Софроніи (47), которая добровольно обвиняетъ себя предъ царемъ Аладиномъ въ похищеніи образа Богоматери изъ Магометанской мечети (48), и хотя переводчикъ упо-

---

что мѣстоименіе *всякій* усѣкается въ слово *всякъ*, но мѣстоименіе *каждый* не усѣкается, что подобной безсмыслицы: „*слово* каждый *есть усѣченный родительный падежъ возносительнаго мѣстоименія женскаго рода каждая*,“ отъ начала Рускаго языка не написалъ никто, кромѣ того, который съ такими высокими познаніями пишетъ критики и разсуждаетъ о поэмахъ! А вы, Господа журналисты, обрадовавшись такимъ ученымъ критикамъ, печатайте ихъ, превозносите похвалами, и распространяйте пользу отечественной словесности!

(46). О прекрасной Руской языкъ, на которомъ можно говорить: *я имѣю логику, ты имѣешь логику!* и проч. О ты, Греческое слово, *логика!* называютъ тебя наукою; но какіе плоды приносишь ты, вредные или полезные? или какихъ больше? мнѣ кажется ты чаще садишься на языкъ, нежели въ голову, и тогда, сидя на немъ неподвижно, вытягиваешь ты даже и послѣдній разсудокъ изъ головы, такъ что она, твердя имя твое, дѣлается совершенно пустою.

(47) Вотъ чистая логика: *здѣсь дѣло идетъ не о женщинахъ, но о Софроніи, не о мущинахъ, но объ Олиндѣ!* А кто такія Софронія и Олиндъ? женщина и мущина!

(48). Этотъ расказъ на что здѣсь нуженъ для критики?

„требилъ въ сей фразѣ личное мѣстоименіе „мужескаго рода *они*, но оное ни мало не „препятствуетъ читателямъ (49) принимать слово каждой за усѣченный родительный падежъ возносительнаго мѣстоименія „женскаго рода каждая (50). Сомнѣваюсь даже „можно ли употребить здѣсь правильно мѣстоименіе мужескаго рода *они*, ибо Олиндъ „есть юноша, а Софронія дѣва (51). Можно „бы, кажется, стихи сіи перевести такимъ „образомъ: но царь тѣмъ болѣе раздражается, „чѣмъ болѣе Олиндъ и Софронія, обвиняя „себя упорствуютъ (52)

---

(49). Нѣтъ не читателямъ: за что всѣхъ равнять съ собою?

(50). Повтореніе прежней нелѣпицы.

(51). По той же причинѣ критикъ долженъ усумниться въ мѣстоименіи женскаго рода *онѣ*, ибо Софронія есть дѣва, а Олиндъ юноша. Мнѣ кажется гораздо бы лучше было, естьли бъ высокая логика Г-на критика присовѣтовала ему во всемъ сомнѣваться: она бы дѣло сдѣлала.

(52). Нѣтъ, не можно, по двумъ причинамъ: первое, не льзя сказать *обвиняя себя*, потому что *они* или *онѣ* (какъ прикажетъ сказать Г. критикъ?) не вмѣстѣ себя обвиняютъ, но спорятъ между собою, и каждый дѣло, за которое осуждаютъ ихъ на казнь, присвояетъ себѣ одному. Второе, Тассъ писалъ поэму, а не романъ, и переводчику его, даже и въ прозѣ, надлежитъ, сколько можно, удерживать его обороты и выраженія, дабы быть переводчикомъ Освобожден-

„подлинникъ:

„Va dal rogo alle nozze; ed é già sposo
Fatto di reo, non pur d'amante amato.
„пѣснь II строф. LIII.

„переводъ:

„Отъ костра идутъ они къ браку: не „токмо въ немъ преступникъ превращается „въ жениха, но и любящій въ любимаго.

„Выраженіе *итти къ браку* худо и неупо„требительно (53). Но простимъ сей недо„статокъ (54), и приступимъ къ разбору по„грѣшностей болѣе важныхъ (55). На Ита„ліянскомъ языкѣ слово *reo* хотя и значитъ „*преступникъ*, но также означаетъ оно чело„вѣка или *обвиняемаго* или *обвиненнаго* (56). „Безсомнѣнія въ семъ послѣднемъ смыслѣ упо„требилъ его и Тассъ; ибо Олиндъ никогда

наго Іерусалима, а не повѣсти о Миликрисѣ Кирибитовнѣ.

(53). Пословица говоритъ: *безъ имени овца баранъ*; такъ и здѣсь, безъ показанія почему худо и неупотребительно, не льзя повѣрить критику; ибо не только простое увѣреніе, но и судъ его вездѣ кривъ.

(54). Какое великодушіе!

(55). Мы ужè много видѣли, но посмотримъ еще далѣе.

(56). Подумайте, какъ бѣденъ Италіянской языкъ! въ немъ не льзя различить неопредѣленнаго времени отъ опредѣленнаго: *обвиняемый* и *обвиненный* означаются однимъ словомъ *reo*!

„преступникомъ не былъ (57). Слыхалъ ли „ты, любезный другъ, чтобы подъ брачнымъ „вѣнцемъ женихъ *превращался въ жениха?*

---

(57). Трудно тому знать всѣ отличія, или, какъ нынѣ называютъ, всѣ оттѣнки словъ, кто первыхъ началъ Грамматики не знаетъ. Слова имѣютъ свою опредѣленность и неопредѣленность. Слово *обвиненный* не представляетъ намъ ничего опредѣленнаго, доколѣ не будемъ знать въ чемъ кто обвиненъ: ибо можно обвинять сына за рѣзвость и разбойника за смертоубійство. Можно также обвинять и невиннаго. Слово *преступникъ* опредѣленнѣе, однакожъ и оно имѣетъ свою неопредѣленность; ибо не точно и невсегда означаетъ порокъ и злодѣйство. Человѣкъ не только безъ преступленія можетъ быть преступникомъ, но даже и великодушнымъ или добродѣтельнымъ преступникомъ. Софронія и Олиндъ, оба по дѣяніямъ своимъ добродѣтельны, великодушны, но, по воспріятой ими на себя винѣ, преступники; ибо таковыми являются предъ царемъ Іерусалимскимъ и его народомъ, и въ такомъ видѣ, привязанные къ столбу на сожженіе, кажутся всякому. Какъ же Тассу можно было Олинда, осужденнаго на смерть, назвать иначе, какъ не *reo* (преступникъ)? не ужъ ли долженъ онъ былъ полагать въ читателѣ такую тупость разсудка, что онъ приметъ слово сіе въ точномъ его значеніи? не уже ли, изобразя толь яркими красками невинность, любовь и великодушіе Олинда, долженъ онъ былъ еще толковать читателю, что онъ называетъ его *reo* не по дѣйствительности преступленія противъ чести, но по тому только, что онъ въ семъ видѣ является предъ очами зрителей и таковымъ кажется народу Іеру-

„что же до меня касается, я въ первой разъ „это слышу. Странная метаморфоза! (58). „На Италіянскомъ языкѣ существительное „*sposo* означаетъ *супруга*, а не *жениха* (59). „Словомъ, любезный другъ, переводчикъ не „вникъ въ смыслъ стиховъ сихъ, ибо пере-„водитъ ихъ превратнымъ образомъ: *отъ „костра идутъ они къ браку: не токмо въ немъ „преступникъ превращается въ жениха, но и „любящій въ любимаго*; а Тассъ говоритъ: „*отъ костра идетъ онъ* (т. е. Олиндъ) *къ брач-„ному олтарю* (60); *и не только изъ любовника*

салимскому? Какъ могъ вообразить Тассъ, употребя слово *reo*, и переводчикъ его, употребя точно соотвѣтствующее оному Руское слово *преступникъ*, что найдется такой читатель, и еще критикъ, который станетъ увѣрять, что не льзя Олинда назвать преступникомъ, потому что онъ не преступникъ?

(58). Посмотримъ, чѣмъ критикъ докажетъ, что переводчикъ это сказалъ.

(59). Такъ, это правда; супруга не давно женатаго, подобно какъ у насъ слово *молодой*; однакожъ иногда и жениха. Да что въ этомъ? надобно видѣть, въ чемъ состоитъ неслыханная, по мнѣнію критика, и слѣдовательно чрезвычайно глупая, нелѣпая *метаморфоза*, сдѣланная переводчикомъ. Не хорошо и дѣйствительную ошибку изобличать съ колкою, площадною бранью; но ругать человѣка за собственное свое невѣжество, есть поступокъ буйственный, наглый, которому трудно пріискать приличное имя.

(60). Ну пожалуйте скажите, позволено ли тому писать критики, кто даже этова разо-

„*любимымъ, но уже и супругомъ изъ обвинен-*
„*наго содѣлался* (61). Согласись, любезный

брать не можетъ, что въ бракъ вступаютъ всегда двое, и что ежели *онъ идетъ*, такъ и она тоже, и оба *они идутъ!* кого найдемъ мы, чтобъ противъ словъ *идутъ къ браку*, сталъ возражать: *нѣтъ, онъ идетъ къ брачному олтарю?* не стыдъ ли Рускому языку такая критика? и притомъ же, выставя Тассово выраженіе *alle nozze*, увѣрять всѣхъ, что у него сказано не *къ браку*, а *къ брачному олтарю!*

(61). Тотъ не умѣлъ бы переводить Тасса, кто перевелъ бы его такимъ образомъ, какъ Г. критикъ здѣсь толкуетъ. Онъ бы его совсѣмъ не понялъ, и такъ бы далекъ отъ него былъ, какъ небо отъ земли. Что такое изображаетъ Тассъ двумя вышеозначенными стихами? величайшій переходъ двухъ лицъ изъ самаго бѣдственнаго состоянія въ самое благополучное: *идутъ отъ костра къ браку*, и особливо Олинда, который изъ безнадежно любящаго и осужденнаго на смерть преступника дѣлается не только любимымъ, но и сочетавается съ тою, кѣмъ онъ страстенъ. Въ упоминаемомъ здѣсь переводѣ мысль Тассова сохранена точно такою: *отъ костра идутъ они къ браку: не токмо въ немъ* (въ Олиндѣ) *преступникъ превращается въ жениха, но и любящій въ любимаго.* Посмотримъ же теперь, соотвѣтствуетъ ли подлиннику предлагаемый критикомъ переводъ. Первое, Тассъ не говоритъ: *изъ любовника сдѣлался любимымъ*, но *изъ любящаго любимымъ.* Слово *amante*, хотя и можетъ иногда переведено быть *любовникомъ*, но здѣсь, какъ и по точному составу своему, значитъ оно *любящій.* Наше слово *любовникъ* означаетъ больше любящаго и вза-

„другъ, что здѣсь разность въ оттѣнкѣ идей

имно любимаго. Скажемъ дѣвушкѣ: *онъ тебя любитъ*, она не оскорбится; но скажемъ: *онъ твой любовникъ*, она поставитъ себѣ это за великую обиду. Итакъ слово *любовникъ* здѣсь тѣмъ болѣе неприлично, что оно и несправедливо; ибо Олиндъ любилъ Софронію, но она его не любила, и даже не знала. Тассъ, какъ и должно, выставляетъ здѣсь первую степень щастія, то есть *изъ любящаго сдѣлаться любимымъ*, а не вторую, которая есть ужè обыкновенное слѣдствіе сей первой, то есть *изъ любовника сдѣлаться супругомъ*. — Второе, Тассъ нарочно назвалъ Олинда *преступникомъ* (reo), дабы показать великость перехода изъ одного состоянія въ другое, изъ осужденнаго на смерть преступника въ любимаго невѣстою и сочетавающагося съ нею жениха. Переводчикъ весьма хорошо сдѣлалъ употребивъ слово *женихъ*, вмѣсто слова *супругъ*; ибо хотя между состояніемъ жениха и супруга въ благополучіи нѣтъ разности, но состояніе жениха, какъ начало благополучія, всегда бываетъ живѣе и радостнѣе; притомъ же Тассъ сказалъ объ Олиндѣ: *идетъ къ браку* (va alle nozze), слѣдовательно онъ еще *женихъ* (sposo), а не *мужъ или супругъ* (marito), которымъ вскорѣ сдѣлается. По всѣмъ симъ причинамъ Тассу слова̀ *reo*, *amante*, *sposo*, а переводчику его соотвѣтствующія имъ Руския слова̀: *преступникъ*, *любящій*, *женихъ*, не обходимо нужны были, Тассу для выраженія наилучшимъ образомъ мысли своей, переводчику его для соблюденія сколько можно силы подлинника. Но что значитъ предлагаемый критикомъ переводъ: *изъ любовника стать любимымъ, изъ обвиненнаго супругомъ*? Показываетъ ли онъ хотя малѣйшую

„весьма ощутительна (62). Если живописецъ „снимая копію съ хорошей картины, вмѣсто „свѣжаго розоваго цвѣта, играющаго на ще-„кахъ красавицы, употребитъ цвѣтъ пунцо-„вый, если нѣжныя и легкія черты лица „означитъ грубыми и рѣзкими, въ такомъ „случаѣ его копію я назову худою. Равнымъ „образомъ естьли переводчикъ хорошаго пи-„сателя не сохранитъ въ переводѣ своемъ „всѣхъ тонкостей и оттѣнокъ подлинника, я „назову переводъ его *худымъ* переводомъ (63).

пѣнь изображеннаго Тассомъ чрезвычайнаго перехода изъ одного состоянія въ другое? Вотъ сіи-то *метаморфозы*, изъявляющія отсутствіе разсудка и совершенное незнаніе языка своего: *изъ любовника сдѣлаться любимымъ*, похожи на то, что *изъ жениха сдѣлаться женихомъ*, и сіи-то выраженія: *изъ обвиненнаго стать супругомъ*, не говорящія ничего воображенію, суть тѣ пустословныя *фразы*, которыми въ нынѣшнихъ переводахъ убиваютъ классическихъ писателей. Симъ-то *пакостямъ* (да простятъ мнѣ сіе слово) Г. критикъ учитъ переводчика, и бранитъ немилосердо, для чего онъ Тасса не изуродовалъ по его нелѣпымъ понятіямъ.

(62). Такъ ощутительна, какъ не льзя больше. Развѣ одни только любезные друзья Г. критика того не почувствуютъ.

(63). Въ семъ мѣстѣ Г. критикъ самъ надъ собою изрѣкъ справедливый судъ. Я обращаюсь къ переводчику и вхожу въ его чувства. Безсомнѣнія при чтеніи сей вздорной противъ него критики (естьли только онъ читалъ ее) сначала долженъ онъ былъ смѣяться, и можетъ быть

„подлинникъ:

„Amando in te ciò ch'altri invidia e teme.

„*Любя въ тебѣ то, чему другіе завидуютъ и боятся.*

„Простительно иностранцу худо и не„правильно писать по Руски, но Рускому, но „литератору не простительно не знать „Грамматики языка своего. Можно сказать: „*чему завидовать*, но не льзя сказать: *чему* „*бояться*; ибо общій глаголъ *бояться* сочи„няется всегда съ падежемъ родительнымъ (64).

сожалѣть, что такія наглыя, неприличныя благонравію брани терпятся и допускаются къ изданію въ свѣтъ; но читая далѣе, ни онъ, ни другой кто любящій нравственность и словесность, не можетъ, конечно, удержаться отъ негодованія. Я очень вѣрю, что самолюбіе его не могло страдать (ибо при подобныхъ критикахъ скорѣе можно гордиться и торжествовать, нежели чувствовать какое либо уничиженіе); но оставляя лице свое, вмѣстѣ съ дерзостію языка видѣть и кривые толки ума, хотя и обнаженнаго отъ всякихъ познаній, но могущаго, при похвалѣ и рукоплесканіи *любезныхъ друзей*, быть соблазномъ и заразою для *невинныхъ*; видѣть сіе, говорю, и не чувствовать никакой досады, было бы нѣкое къ славѣ отечественнаго языка своего неприверженное равнодушіе.

(64). Да кто говоритъ *чему бояться*? Грамматика учитъ падежамъ, но не запрещаетъ дѣлать опущенія тамъ, гдѣ рѣчь, безъ всякой темноты, можетъ чрезъ сокращеніе получить болѣе силы; а особливо нужно сіе въ стихо-

„подлинникъ:

„. . . . . e siati appunto tale
„Il decreto del ciel, qual tu te'l fai
„пѣснь II, строф. LXXIV.

„переводъ:

„. . . . . Пускай опредѣленіе небесъ „будетъ такое, какимъ тебѣ угодно его ме„чтать.

„Вотъ еще разительный *солецизмъ*. Мы „никогда не говоримъ: *мечтать кого или чего*, „но: *мечтать о чемъ или о комъ*; ибо глаголъ „*мечтать* сочиняется обыкновенно съ паде„жемъ предложнымъ (65).

творномъ слогѣ. Конечно можно сказать: *чему другіе завидуютъ и чего боятся*; но къ чему бы послужило здѣсь мѣстоименіе *чего*? не ужъ ли читателей предполагать такими слабоумными, что они знаютъ только названіе *солецизмъ*, а больше ничего; и что, при опущенномъ здѣсь словѣ *чего*, станутъ говорить: *чему бояться*?

(65). Глаголъ *мечтать* употребленъ здѣсь вмѣсто глагола *представлять*. Это весьма ясно показываетъ смыслъ рѣчи: *пускай опредѣленіе небесъ будетъ такое, какимъ угодно тебѣ его мечтать*, то есть *представлять*, *воображать*. А ежели бы сказано было: *о какомъ угодно тебѣ мечтать*, тогда бы глаголъ сей болѣе значилъ *думать*, *размышлять*. Буде же спросишь, для чего употребленъ онъ въ смыслѣ *представлять*? для чего не сей самый глаголъ поставленъ? это имѣетъ свою причину. Глаголъ *представлять* или *воображать* не можетъ здѣсь такъ много значить, какъ глаголъ *мечтать*, поелику сей,

„подлинникъ:

„Indi il suo manto per lo lembo prese,
„Curvollo, e fenne un seno, e'l seno sporto.
„пѣснь II, строф. LXXXIX.

„переводъ:

„Тутъ окинулъ онъ себя полою плаща „своего и согнулъ его такъ, что составилъ „изъ него себѣ грудь, и грудь высокую.

„Вся сія фраза переведена неправильно. „Здѣсь Тассъ говоритъ о гордомъ Черкесѣ „Аргантѣ, присланномъ отъ царя Египет„скаго, вмѣстѣ съ Алетомъ, посломъ къ Гот„фриду. Стихъ: *indi il suo manto per lo lembo* „*prese,* не значитъ, какъ переводитъ Г. А. Ш. „*тутъ окинулъ онъ себя полою плаща своего,* „но: *тогда взялъ онъ за воскриліе ризу свою.* „Также и второй стихъ: *curvollo, e fenne un* „*seno, e'l seno sporto,* не значитъ: *и согнулъ его* „*такъ, что составилъ изъ него себѣ грудь, и* „*грудь высокую,* какъ переводитъ Г. А. Ш., „но: *согнулъ ее и образовалъ сгибъ великій.* Ита„ліянское слово *seno,* происходящее отъ Ла„тинскаго существительнаго *sinus,* сверхъ

говоря тожъ самое, даетъ притомъ знать о невѣрности или обманчивости представляемыхъ или воображаемыхъ нами вещей. Вотъ для чего онъ нуженъ, и чего не могутъ понимать мнимоученые знатоки Грамматикъ, логикъ, языка и словесности.

„собственнаго значенія (лоно) имѣетъ еще и „другія значенія, въ числѣ которыхъ находятся слова: сгибъ, складка (66). Отъ вышепомянутаго *seno* произошло другое существительное производное (67) *sinuosità* (по „Латинѣ *sinuositas*, по Французски *sinuosité*) и „прилагательное *sinuoso* (по Латинѣ *sinuosus*, „по Французски *sinueux*) т. е. *изгибистый*, *излучистый*, и проч. (68). Аргантъ согнувъ такимъ образомъ полу одежды своей, предлагаетъ въ оной Готфриду миръ или брань (69).

---

(66). *Въ числѣ значеній находятся слова:* хорошо!

(67). *Произошло производное:* еще лучше!

(68). Кто послѣ сего усумнится, чтобъ Г-нъ критикъ не зналъ Италіянскаго, Латинскаго, Французскаго языковъ, ихъ силы, ихъ словопроизводства, и проч.? развѣ одни насмѣшники скажутъ: да для сего довольно имѣть одинъ или два Словаря.

(69). Въ чемъ? въ чемъ предлагаетъ ему миръ или брань? *въ полѣ платья своего?* Какъ? надменный видъ и страшную угрозу гордаго Арганта, отвѣтствующаго съ кипящимъ гнѣвомъ Готфриду: *e guerra e pace in questo sen t'apporto*, т. е. изъ слова въ слово: *и войну и миръ въ сей груди тебѣ приношу*, какъ? сей видъ и сію угрозу превратить въ странныя и смѣшныя, что онъ *изъ сгиба или складки платья своего предлагаетъ ему миръ или брань?* вотъ подлинно переводъ на диковинку! лучше бы уже сказать, что онъ изъ кармана кажетъ ему кукишъ. Вотъ какъ Господа критики учатъ переводить Тассову эпическую

„Тассъ заставляетъ здѣсь Арганта подра-
„жать знаменитому Римлянину Фабію, пред-
„лагавшему подобнымъ образомъ миръ или
„брань Кареагенцамъ (70). Итакъ ты ви-
„дишь, любезный другъ, какъ неправильно
„переведены стихи сіи (71).

поэму! Тамъ, гдѣ грубое и гордое дѣйствіе Арганта требуетъ для изображенія онаго сильныхъ, но простыхъ словъ, таковыхъ, какъ *окинулъ себя полою плаща своего*, тамъ не кстати употреблять отборныя выраженія: *взялъ за воскриліе ризу свою!* но это было бы къ угрюмому лицу прекраснаго мраморнаго бюста приставить яшмовой или бирюзовой носъ. Какъ! для того, что *seno* (собственно грудь) значитъ иногда пазуху, морской заливъ, и отъ подобія съ нимъ кривизну, и проч., для того утверждать, что Тассовы слова: *e fenne un seno, e'l seno sporto*, значатъ: *согнулъ ее* (ризу свою) *и образовалъ сгибъ великій*; но первое, *согнуть* и *образовать сгибъ* есть одно и тоже; второе, сгибъ сей сдѣлалъ онъ у себя на груди, для возвышенія ея, и слѣдовательно тоже, что *составилъ изъ него себѣ грудь высокую*; а безъ того подумать можно, что онъ сдѣлалъ сгибъ сей у себя на брюхѣ, и тогда больше похожъ онъ будетъ на шута въ Италіянскихъ операхъ, Панталона, нежели на Арганта.

(70). Критикъ хочетъ показать себя знатокомъ въ исторіи; хорошо, только бы не такимъ, какъ въ словесности.

(71). Безсомнѣнія видитъ! ибо надлежитъ полагать, что *любезный другъ* имѣетъ такія же зоркія очи, какъ и самъ критикъ.

„подлинникъ:

„Già l'aura messaggiera erasi desta
„A nunziar che senc vien l'aurora, etc.

„пѣснь III, строф. I.

„переводъ:

„Ужѐ предшественница заря возстала
„возвѣстить приходъ денницы, и проч.

„Хотя, любезный другъ, на заглавной „страницѣ сего перевода *Освобожденнаго Іеру-„салима* и напечатано: *переводъ съ Италіян-„скаго подлинника А. Ш.*, однако переводъ „стиховъ сихъ невольнымъ образомъ застав-„ляетъ думать (ignoscite fasso), что Г. пере-„водчикъ знаетъ весьма слабо языкъ Итталі-„янской (72); ибо слово *aura* не значитъ *за-„ря*, но *легкій*, *прохладный вѣтерокъ*, *зефиръ*, „и проч., въ IX кантатѣ Метастазіевой, „подъ названіемъ: *la primavera* (весна), чи-„таемъ мы: *Aure amiche, ah non spirate*, т. е. „*милые вѣтерки не дышите*, и проч. (73). По-

---

(72). Это не подвержено никакому сомнѣнію! можно ли переводчику не быть весьма слабу въ Италіянскомъ языкѣ, когда такой знатокъ, какъ Г. критикъ, въ томъ увѣряетъ!

(73). Мѣсто сіе дѣйствительно требуетъ объясненія; ибо какъ впрочемъ сужденія Г. на критика ни обличаютъ сами себя въ совершенной недѣльности и нелѣпости, однакоже здѣсь могутъ онѣ показаться дѣльными; для того надлежитъ нѣсколько о семъ потолковать. *Aura* точно значитъ *легкій вѣтерокъ*. Также и *Aurora*

„ложимъ (exempli gratiâ), что Г-нъ перевод-
„чикъ въ самомъ дѣлѣ недостаточно знаетъ
„языкъ Италіянскій; но и въ семъ случаѣ,

большею частію пріемлется въ смыслѣ *зари*, равно какъ и наше слово *денница*. По сему Тассовы стихи, кажется, изъ слова въ слово говорятъ: *ужè легкій вѣтерокъ, посланникъ, пробудился возвѣстить, что приходитъ заря.* Но въ подобныхъ описаніяхъ, для постиженія точной мысли сочинителя, не довольно одной справки съ Словаремъ, которой хотя и скажетъ, что такое *aura*, но не научитъ разсуждать. Знаніе силы словъ почерпается изъ разсмотрѣнія началъ ихъ. Слово *aurora* (заря) происходитъ отъ *auro* или *oro* (золото), откуда и прилагательное *aureo* (златоцвѣтный), и проч. Слѣдовательно *aurora* (или какъ мы произносимъ *аврора*) есть, какъ бы по нашему сказать *златница*, или блистающая златыми лучами. Ясно, что *aura* (вѣтерокъ) происходитъ отъ *aurora* (заря). Такимъ образомъ въ нашемъ языкѣ: *злато*, *заря*, *вѣтерокъ*, суть три понятія, отнюдь не происходящія одно отъ другаго, и потому не имѣющія ни какой между собою связи или сходства. Напротивъ того соотвѣтствующія имъ Италіянскія словà; *auro*, *aurora*, *aura*, всѣ три происходятъ отъ одного начала или корня. Италіянецъ (естьли мы согласимъ языкъ свой съ его языкомъ) говоритъ: *злато*, *златница*, *златникъ*, разумѣя подъ двумя послѣдними *зорю* и *вѣтерокъ*. Но здѣсь надлежитъ примѣтить разность между нашимъ словомъ *вѣтерокъ* и его *aura*. Наше не сопряжено съ понятіями *о златѣ* или *зарѣ*, и потому означаетъ просто *тихій вѣтръ*, въ какое бы время дня или ночи онъ ни дулъ; но Италіянское, при означеніи *тихаго вѣтра*, означаетъ

„любезный другъ, соображеніе и здравая ло-
„гика не позволяютъ сказать: *ужѐ предше-
„ственница заря возстала возвѣстить приходъ*

купно и то, что вѣтръ сей долженъ быть *на зарѣ*, или соединенъ съ зарею, поелику отъ ней, то есть отъ *aurora* получилъ имя свое *aura*. Отселѣ въ нашемъ языкѣ не можно никакимъ образомъ сблизить понятій *вѣтерокъ* и *заря*, и принять ихъ одно за другое; но въ Италіянскомъ сіи понятія смежны между собою, напоминаютъ одно о другомъ, и потому слово *aura* (вѣтерокъ на зарѣ) можетъ иногда быть употреблено вмѣсто *aurora* (то есть самой зари), равно какъ и слово *aurora* (заря), но собственно *златница*, можетъ по названію своему, означающему тожъ *златый* цвѣтъ, относиться иногда къ солнцу, какъ-то въ слѣдующихъ стихахъ, въ которыхъ сочинитель, описывая сельскія удовольствія, между прочимъ говоритъ о сельскихъ жителяхъ:

„all'apparir del giorno
„sorgete lieti a salutar l'Aurora.
то есть:
„при появленіи дня
„выходите съ веселіемъ поздравлять *Аврору*."

Здѣсь *aurora* безсомнѣнія больше значитъ *солнце*, нежели *заря;* ибо появленіе дня начинается отъ появленія солнца, и поздравленіе приличнѣе самому свѣтилу, нежели началу его лучей, когда оно еще сокрыто. Подобнымъ образомъ и вышесказанные Тассовы стихи легко могутъ значить: *уже заря, посланница, возстала возвѣстить приходъ солнца.* Сіе тѣмъ больше вѣроятно, что *вѣтерокъ*, названный *посланникомъ* (l'aura messaggiera), не есть непремѣнный предшественникъ или предпосланникъ зари, напротивъ того заря есть неизмѣнная предшественница солнцу. Но

„*денницы*; ибо какъ можетъ *заря* возвѣщать „приходъ *зари* (утренней)? (74). Если же Г-нъ „переводчикъ полагалъ, что слово *aura* зна-„чить *заря вечерняя* (впрочемъ не льзя, ка-„жется, дѣлать столь непозволительныя „положенія, поелику я уже сказалъ тебѣ, что „слово *aura* не значитъ *заря*, но *легкій про-„хладный вѣтерокъ*, *зефиръ*, и проч.), то и въ „семъ случаѣ соображеніе и здравая логи-„ка (75) должны были уничтожить въ умѣ „переводчика сію ложную идею, ибо когда

оставимъ сіи разсужденія, не могущія входить въ голову такихъ знатоковъ языка и словесности, каковъ нашъ Г. критикъ, и положимъ, что Тассъ подъ словомъ *aura* разумѣлъ точно вѣтерокъ на зарѣ, или предъ зарею, а подъ словомъ *aurora* самую зорю: чтожъ будетъ? велика ли разность въ описаніи начала дня между *вѣтеркомъ предшественникомъ зари* и *зарею предшественницею солнца*? изображеніе утра тожъ самое, время почти тоже, нѣсколькими минутами ранѣе или позже. Такъ о чемъ же и хлопотать? тѣмъ ли, или другимъ образомъ переведено, нѣтъ никакой невѣрности противъ подлинника.

(74). За чѣмъ *утренней*? никакая *заря* не можетъ возвѣщать прихода *зари*. Выраженіе такое было бы крайне безумное; но кто сказалъ оное? виноватъ ли переводчикъ, когда критикъ, не разумѣя словъ, приписываетъ ему нелѣпицы, не въ переводѣ его найденныя, но въ собственной головѣ критика родившіяся?

(75). Опять логика! отсутствующая во всѣхъ разсужденіяхъ Г-на критика, она не сходитъ съ языка его!

„появляется на востокѣ *денница* или *заря* „*утренняя*, тогда на западѣ *заря вечерняя* не „*возстаетъ*, но угасаетъ (76). Ты конечно „потребуешь, чтобъ я объяснилъ тебѣ идею „Тасса, заключающуюся въ вышеупомянутыхъ

---

(76). Какъ не поблагодарить Г-на критика за такое полезное въ астрономіи открытіе и наставленіе, что *когда утренняя заря возстаетъ, то вечерняя погасаетъ*, даже и зимою, когда между сими зарями господствуетъ глубокая ночь! Кто могъ это прежде его узнать? подивимся также необыкновеннымъ примѣрамъ сильнаго знанія въ *логикѣ* и *соображеніи*, о которыхъ онъ такъ часто напоминаетъ: онъ, не по словамъ переводчика, но по собственной своей не извѣстно какой догадкѣ, думаетъ, что переводчикъ подъ словомъ *aura* разумѣлъ *вечернюю зорю*, и сію собственную мысль свою, приказавъ ей быть переводчиковою, опровергаетъ ученымъ доказательствомъ, что *когда утренняя заря возстаетъ, тогда вечерняя не возстаетъ, но погасаетъ!* сего еще мало: за сіе собственное положеніе свое укаряетъ онъ переводчика и называетъ оное *непозволительнымъ положеніемъ!* и сего еще мало: онъ говоритъ *любезному другу* своему: *переводчикъ не долженъ былъ подъ словомъ aura разумѣть вечернюю зорю, поелику я сказалъ тебѣ, что это значитъ вѣтерокъ.* Но 1-е, по какому праву переводчикъ долженъ непремѣнно повиноваться тому, что Г. критикъ сказалъ любезному своему другу? и 2-е, онъ сказалъ ему это спустя долгое время послѣ перевода, такъ могъ ли переводчикъ напередъ это знать? Вотъ съ какимъ толкомъ твердятъ о логикѣ, и пишутъ наставленія, какъ переводить Тассову поэму!

„стихахъ его. Тассъ не говоритъ, любезный „другъ: *ужѐ предшественница заря возстала „возвѣстить приходъ денницы;* но: *ужѐ пробу- „дившійся зефиръ* (77)..... (Онъ придаетъ „ему эпитетъ *предшественника*) . . . . (78) вѣ- „яніемъ своимъ возвѣщалъ появленіе зари или „Авроры (79). Горе, великое горе Тассу, лю-

---

(77). Почему *пробудившійся*? кто пробудилъ его? заря! стало быть вѣтерокъ этотъ былъ на зарѣ.

(78). Ежели придаетъ имя *предшественника*, стало быть онъ чему нибудь *предшествовалъ*.

(79). Гдѣ жъ въ объясненіи Г-на критика видно, что онъ *предшествовалъ* и *возвѣщалъ* приходъ Авроры? Италіянское слово *aura*, единокорненное съ словомъ *aurora*, показываетъ это, сопрягая сіи два понятія; но Греческое *Зефиръ*, или наше *вѣтерокъ*, отнюдь сего не показываютъ. При простомъ употребленіи котораго нибудь изъ нихъ, какъ у Г-на критика: *ужѐ пробудившійся Зефиръ вѣяніемъ своимъ возвѣщалъ появленіе зари,* не знаешь первое: отъ чего Зефиръ проснулся? второе: какимъ образомъ всякой Зефиръ (или вѣтерокъ), въ какое бы время ни задулъ, всегда возвѣщаетъ появленіе зари? третіе: можно возвѣщать *приходъ* зари, но какъ возвѣщать *появленіе*? слово сіе означаетъ ужè ея присутствіе, такъ для чего жъ о немъ *возвѣщать*? Вотъ какъ *объясняютъ* Тасса! нѣтъ господа подобные толкователи, и вы, любезные ихъ друзья, Тассъ ничего безъ основанія и противъ разсудка не говорилъ. Г-на критика, по видимому, слово *денница* сбило съ толку. Онъ нашелъ въ Словарѣ, что оно значитъ тоже, что заря, и потому хочетъ увѣрить всѣхъ, что буд-

„безный другъ, если будушъ судишь о немъ „по эшому переводу (80).

„подлинникъ:

„Chiama gli abitator dell'ombre eterne
„Il rauco suon della tartarea tromba.

„пѣснь IV, строф. III.

„переводъ:

„Тяжелый адскія трубы гласъ сзываешъ „жителей вѣчной шьмы.

що переводчикъ подъ словами: *ужѐ предшественница заря возстала возвѣстить приходъ денницы,* разумѣлъ тоже, что *предшественница заря возстала возвѣстить приходъ зари;* но кто это ему сказалъ? много ли надобно было имѣть смысла, чтобъ понять, что когда переводчикъ говоритъ: *предшественница заря,* и потомъ прибавляетъ: *возстала возвѣстить приходъ денницы,* то уже весьма ясно, что подъ *денницею* разумѣетъ онъ *солнце,* а не *зо́рю;* ибо въ противномъ случаѣ могъ ли онъ *зо́рю* назвать *предшественницею* самой себя? Г. критикъ могъ бы спорить, что денница означаетъ *зо́рю,* а не *солнце;* это иное дѣло; тогда переводчикъ сказалъ бы свои причины, для чего онъ здѣсь слово *денница* употребилъ въ значеніи *солнца,* а не *зари;* но не смотря на ясное употребленіе сего слова въ смыслѣ *солнца,* увѣрять всѣхъ и самаго переводчика, что онъ подъ *денницею* разумѣлъ *зо́рю,* есть безразсуднымъ образомъ за собственное свое нелѣпое предположеніе обвинять другаго.

(80). Вотъ это дѣло! Г. критикъ напрасно разсуждаетъ: ему бы только бранить, такъ бы тогда не изобличалъ онъ самъ себя, а между тѣмъ *любезные друзья его* были бы довольны.

„Вся прелесть втораго стиха строфы „сей состоитъ въ фигурѣ, называемой по „Гречески *ономатопея* (ὀνοματοποιΐα) или звуко„подражательной гармоніи слова (81): слѣдо„вательно и переводчику должно было бы, „по возможности, сохранить оную; но онъ, „по чему не знаю, не обратилъ на сіе вни„манія. Во первыхъ Итальянское прилага„тельное *rauco* (по Латинѣ raucus, по Фран„цуски *rauque*) не значитъ *тяжелый*, но: *хри„плый, сиповатый*, и проч. Во вторыхъ звукъ „эпитета сего ни мало не выражаетъ звука, „приличнаго трубѣ адской. Я думаю, любез„ный другъ, что сей стихъ Тасса, сохраняя „вышеупомянутую фигуру, можно было бы „перевести слѣдующимъ образомъ: *хриплый „звукъ Тартарской трубы*, или *сиповатый „звукъ Тартарской трубы*, и проч., перевод„чикъ, по мнѣнію моему, обязанъ удерживать „не только подобныя красоты подлинника, „но мнѣ кажется, что онъ не имѣетъ права

(81). Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что подобные критику писатели полагаютъ всю премудрость языка и словесности въ томъ, чтобъ наставить, какъ можно, больше иностранныхъ словъ, не заботясь впрочемъ о смыслѣ и разумѣ рѣчи. Имъ Руское слово *звукоподражаніе* кажется не такъ ясно, какъ *ономатопея*, или по крайней мѣрѣ *звукоподражательная гармонія*. Хороша очень для Рускаго слуха гармонія въ словѣ *ономатопея*!

„даже и прочія фигуры идей и рѣченій замѣ-
„нять другими фигурами (82).

„подлинникъ:

„Preso dunque di me questi il governo,
„Vago d'ogni mio ben si mostrò tanto, etc.

„переводъ:

„Сей принявъ меня на свои руки, такъ „о благѣ моемъ казался быть попечителенъ.

„Выраженіе *казался быть* есть не про-„стительный *галлицизмъ*. Почему бы не ска-

---

(82). Слово *rauco* не имѣетъ въ себѣ ничего звукоподражательнаго, но просто звучно и означаетъ громкій, но не ясный и грубый голосъ. Наши слова *хриплый или сиповатый* больше звукоподражательны, но не точно соотвѣтствуютъ ему, по той причинѣ, что понятіе *о громкости* съ ними не совмѣстно. Г. критикъ беретъ слово *тяжелый* особо, и потому оно кажется ему не приличнымъ трубѣ; но ежели бъ онъ оба слова: *тяжелый гласъ*, взялъ вмѣстѣ, тогда бы долженъ былъ почувствовать, что прилагательное *тяжелый*, отнесенное къ слову *гласъ*, даетъ такое же о немъ понятіе, какъ Италіянское слово *rauco*. Французъ говоритъ тоже, *rauque*, но выражаетъ оное и другимъ словомъ: *voix sourd*. Каждый языкъ имѣетъ свое свойство: Французъ употребляетъ въ семъ случаѣ прилагательное *глухой* (sourd), а мы *тяжелый*. Какъ можно, чтобы *хриплый или сиповатый* голосъ могъ потрясть всѣ адскія пещеры и соотвѣтствовать поставленному въ подлинникѣ слову *rimbomba*? хорошо, естьли бы наши критики научились сперва разсуждать, и потомъ критиковали и учили.

„зать: *являлся попечительнымъ*, вмѣсто *ка-*
„*зался быть*, и проч.? — Подобныхъ галлициз-
„мовъ въ переводѣ семъ весьма довольно.
„Сверхъ сего, любезный другъ, не льзя, ка-
„жется, сказать по Руски: *быть попечите-*
„*ленъ*, ибо вспомогательный глаголъ быть
„въ наклоненіи неокончательномъ сочиняет-
„ся обыкновенно съ падежемъ творитель-
„нымъ (83).

„подлинникъ:

„Or che non può di bella donna il pianto,
„Ed in lingua amorosa i dolci detti?
„Esce da vaghe labbra aurea catena,
„Che l'alme a suo voler prende ed affrena.

„пѣснь IV, строф. LXXXIII.

---

(83). Часто примѣчается, что многіе, чѣмъ меньше имѣютъ знанія, тѣмъ смѣлѣе судятъ. Конечно вмѣсто *быть попечительну* или *попечительнымъ* не льзя сказать: *быть попечителенъ*; но гдѣ же это сказано? въ выраженіи: *казался быть попечителенъ*, глаголъ *быть* относится къ слову *казался*, а не къ слову *попечителенъ*. По этому ежели бы кто сказалъ, на примѣръ: *человѣкъ въ водѣ не можетъ быть живъ*, то бы критикъ сталъ увѣрять, что по Руски не говорится: *быть живъ*? Знаніе языка и разборъ сочиненій суть двѣ самыя труднѣйшія вещи, требующія изощреннаго ума и здраваго разсудка. Смѣшно и странно, при незнаніи самыхъ простыхъ вещей, хотѣть учить другихъ и астрономіи, и поэзіи, и грамматикѣ, и логикѣ! Бѣда языку и словесности, когда умножится число такихъ учителей!

„Чего жъ не могутъ сдѣлать женскія „слезы и любовнаго языка ихъ сладкія слова? „Исходитъ изъ прелестныхъ устъ ихъ зла-„тая цѣпь, связующая и влекущая за собою „души.

„Есть правило, извлеченное изъ самой „логики языка, которое требуетъ, чтобы „мѣстоименіе относилось всегда къ именамъ: „или существительному, или собирательно-„му, или собственному. Г. А. Ш., нарушивъ „сіе правило нарушилъ и самую логику язы-„ка (84). Въ семъ переводѣ его вышеприве-„денныхъ стиховъ Тассовыхъ личное мѣсто-„имение *ихъ* относится къ прилагательному „имени множественнаго числа *женскія*: по-„грѣшность, въ разсужденіи Грамматики, „непростительная (85). По самой же кон-

(84). О какой преступникъ этотъ Г. А. Ш! однакожъ помедлимъ осуждать его, первое по тому, что онъ проступился противъ чего-то не очень яснаго. Надобно еще справиться, что такое *логика языка*. Второе, можетъ быть онъ проступился противъ логики Г-на критика, которая кажется быть весьма различною съ настоящею логикою. Замѣтимъ здѣсь, что Г. критикъ противъ пользъ своихъ охуждалъ выраженіе *казался* или *кажется быть*, называя оное *не простительнымъ галлицизмомъ;* ибо безъ сего выраженія надлежало бы здѣсь сказать *весьма различна*, но это было бы не такъ учтиво, какъ *кажется быть различною.*

(85). Ежели положить это не *простительною погрѣшностію*, то не въ разсужденіи Грам-

„струкціи сей фразы, слѣдуя упомянутому „правилу Грамматики, мѣстоимение *ихъ* не„обходимо должно отнести къ существи„тельному *слезы*, и анализируя (86) читать „оную слѣдующимъ образомъ: *чего жъ не мо„гутъ сдѣлать женскія слезы и любовнаго языка*

матики, а въ разсужденіи людей, не знающихъ ни красоты, ни силы языка. Я ужѐ имѣлъ случай сказать, что правила сами по себѣ хороши и полезны, но только для тѣхъ, кто умѣетъ ихъ прилагать тамъ, гдѣ должно. Въ противномъ случаѣ онѣ обращаются во вредъ. Ножницы сдѣланы для того, чтобъ ими кроить платье, но обезьяна, примѣтя употребленіе ихъ и поступая по оному, не скроитъ, а изрѣжетъ всякую одежду. Ни какіе законы, ни Грамматическіе, ни гражданскіе, не могутъ всякой случай точно опредѣлить, такъ чтобъ худой судья и худой критикъ, не могли ихъ по своему толковать, подобно тому, какъ Простакова, въ Недорослѣ, толкуетъ указъ *о вольности дворянства*. Какой читатель въ выраженіи: *чего жъ не могутъ сдѣлать женскія слезы и любовнаго языка ихъ сладкія слова*, отнесетъ мѣстоименіе *ихъ* къ слову *слезы*, а не къ слову *женщины*, показуемому прилагательнымъ *женскія*? но сего еще не довольно: мы въ нижеслѣдующемъ замѣчаніи увидимъ, что даже, естьли бы и отнести оное къ слову *слезы*, то и тогда не было бы не только *не простительной погрѣшности*, но напротивъ была бы красота.

(86). Лучше бы въ Рускомъ языкѣ избѣгать сихъ *конструкцій*, *фразъ*, *анализированій*, *ономатопей*, и проч., и проч., нежели косо и криво судить.

„*ихъ (т. е. языка слезъ!)* (87). *Исходитъ изъ* „*прелестныхъ устъ ихъ* (т. е. изъ устъ слезъ!) „*златая цѣпь*, и проч., какова конструкція, „любезный другъ, какова конструкція? (88).

---

(87). Всякой, кромѣ тѣхъ, которые ищутъ пустыхъ придирокъ, отнесетъ здѣсь мѣстоименіе *ихъ* къ *женщинамъ*, а не къ *слезамъ*. Но положимъ и къ *слезамъ*; что жъ изъ того? почему Г. критикъ съ такимъ удивленіемъ восклицаетъ: языкъ слезъ! да! не только слезы, но и молчаніе имѣетъ свой языкъ, свое краснорѣчіе. Критикъ не знаетъ сего и удивляется, оправдывая Метастазіевъ стихъ: *la meraviglia dell' ignoranza é figlia*.

(88). Да кто жъ, кромѣ такой головы, какая у Г-на критика, подумаетъ, что сочинитель или переводчикъ подъ мѣстоименіемъ *ихъ* разумѣетъ *уста слезъ*? Сіе второе мѣстоименіе относится къ первому, а первое къ женщинамъ, какія жъ тутъ *уста слезъ*? Подобные критики со всѣмъ своимъ мнимымъ торжествомъ и вопросами: *какова конструкція, любезный другъ, какова конструкція?* очень смѣшны и жалки. Возмемъ послѣдніе два стиха Тассовы:

Esce da vaghe labbra aurea catena,
Che l'alme *a suo voler* prende ed affrena,

кто жъ найдется такой безтолковой критикъ, которой скажетъ: *catena* (цѣпь) есть вещь неодушевленная, такъ не простительная погрѣшность сказать, что она *по волѣ своей* (a suo voler) *беретъ или вяжетъ сердца*. Да цѣпь эта выходитъ изъ устъ женщины, такъ и мѣстоименіе *suo* относится къ ней. Невѣжество само по себѣ худо, но когда еще напыщено самолюбіемъ, то что можетъ быть хуже онаго?

„Но послушай теперь правильное и нату-„ральное словорасположеніе, употребленное „Тассомъ въ вышеупомянутыхъ стихахъ (89): „*и такъ* (90). *чего не могутъ сдѣлать* (говоритъ „онъ) *слезы прекрасной женщины и любовнаго „языка сладкія рѣчи?* (91): *исходитъ изъ пре-„лестныхъ устъ златая цѣпь*, и проч. (92). Я „люблю Тасса, любезный другъ, и весьма со-„жалѣю, что по сіе время мы не имѣемъ да-„же посредственнаго перевода прекрасной „его поэмы. Какое богатое поле для красно-„рѣчія, не говорю стихотворца, но даже про-„заика! (93). Извини, любезный другъ, что я

---

(89). Послушаемъ.

(90). Начало очень худо: хотя Италіянской стихъ и начинается словомъ *or*, однакожъ оно не столь растягиваетъ стихотворный слогъ, какъ наше *и такъ*, а особливо при вопросѣ.

(91). Чьего языка? критикъ скажетъ: разумѣется, *языка женщинъ*. Хорошо.

(92). Изъ чьихъ устъ? критикъ опять скажетъ: разумѣется *изъ устъ женщинъ*. Итакъ онъ, избѣгая мѣстоименій, выпускаетъ оныя и приказываетъ безъ нихъ понимать себя, какъ ему хочется. Это, когда дѣло идетъ о немъ; а когда о другихъ, тогда онъ мѣстоименія ихъ относитъ не по смыслу, но куда и какъ ему надобно, смотря по выгодамъ своимъ и по желанію *любезныхъ друзей своихъ*, бранить ли кого или хвалить должно. Какое благородное и полезное для нравовъ и словесности упражненіе!

(93). Трудно повѣрить, чтобы тотъ любилъ Тасса и могъ восхищаться краснорѣчіемъ, кто

„утомилъ, можетъ быть, твое терпѣніе,
„представляя однѣ только погрѣшности и
„худыя мѣста этого перевода. Радъ былъ бы
„душевно показать тебѣ и красоты его, но
„стараніе мое къ отысканію оныхъ было
„безполезно (94). Нѣтъ, нѣтъ, ты скажешъ,
„*продолжай, продолжай* (95). Благодарю, любез-
„ный другъ! если не усталъ ты, по крайней
„мѣрѣ *я утомился*. Ты можешь судить по
„письму сему, зная мой нравъ, какихъ уси-
„лій, сколькихъ многихъ (96) пóтовъ (97)
„стоило мнѣ одно даже прочтеніе сего пере-
„вода. Присоедини къ сему несносный трудъ
„внимательнаго чтенія *Трансляцій* Г. Моско-
„тильникова (98) и — суди о томъ горест-

такъ мало къ чувствованію онаго оказываетъ способностей.

(94). Я думаю на это есть много причинъ. Первое, трудно тому показать красоты, кто и погрѣшностей показать не умѣлъ. Второе, тотъ не хвалитъ, кто взялся бранить. Третіе, надобно угождать пріятелямъ. Сверхъ сего, судя по образу сей, больше ожесточенной брани, нежели критики, надлежитъ думать, что были какіе либо и другіе виды или выгоды.

(95). Видно *любезнымъ друзьямъ* хотѣлось *любезнаго друга* еще болѣе подстрекнуть.

(96). По Руски говорится: *сколь многихъ*, а не *сколькихъ многихъ*.

(97). Прекрасное выраженіе: сколькихъ многихъ пóтовъ! Кто такъ хорошо умѣетъ объясняться, какъ тому не судить о поэмахъ!

(98). Этотъ за чѣмъ мимоходомъ тутъ попалъ?

„номъ положеніи, въ которомъ находился „другъ твой, желая угодить тебѣ, домосѣдъ „спокойный! пусть сію истину разнесетъ „повсюду крылатая и стоустая молва, сія, „по словамъ Г. А. Ш. *Вѣстовщица* правдивыхъ „и ложныхъ слуховъ! (см. переводъ Освобожд. „Іерусал. част. I. стран. 22). — (99). Удосу-„жась, любезный другъ, отъ прочихъ моихъ „занятій, соберусь опять съ силами, чтобы „удовлетворить твое любопытство, по ис-„тинѣ для меня *тягостное*. Впрочемъ испол-„нять невинныя желанія пріятелей почитаю „я священною для меня обязанностію. Про-„сти. Totus tuus sum. (100).

„С. Петербургъ. В. О.

---

(99). Г. критикъ можетъ быть спокоенъ: вѣроятно крылатая и стоустая вѣстовщица, молва, ни куда не полетитъ и ничего о немъ не скажетъ. Станетъ ли она такія пустоши разносить?

(100). Вотъ критика, написанная по *священной обязанности* въ исполненіе *невинныхъ желаній любезныхъ друзей*, и напечатанная съ такою же *невинностію* и по такой же *священной обязанности* въ *дружескомъ* журналѣ, величающемъ себя *Сыномъ Отечества!* Читатель, естьли только онъ не *любезный другъ*, можетъ опредѣлить ей должную цѣну.

НѢКОТОРЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ НА КНИГУ,

вновь изданную подъ названіемъ: слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Я. П. съ присовокупленіемъ примѣчаній. (Санктпетербургъ 1819) *).

Намѣреніе объяснять древнія рукописи весьма похвально; ибо всегда найдется въ нихъ нѣчто такое, что или не объяснено, или не такъ объяснено было. Часто выраженія въ нихъ покрыты бываютъ такимъ мракомъ, что никакое проницаніе при первомъ приступѣ не можетъ разогнать онаго, и хотя многое откроетъ, однакожъ многое останется еще не открыто. Время и трудъ другихъ *умовъ* должны дополнить недостающее. Чрезъ многія разсмотрѣнія яснѣе открывается разумъ рукописи и сила словъ, изъ чего почерпается немалая польза; ибо таковое древнее твореніе есть нѣкое вѣрное свидѣтельство, какой въ толь отдаленныя времена былъ образъ мыслей, какое о вещахъ

*) Сіи примѣчанія напечатаны въ Рускомъ Инвалидѣ No 157, 158, 159, 160 и 161, и присланы къ издателямъ онаго отъ неизвѣстной особы.

понятіе, и какое употребленіе языка. Равномѣрно и для Исторіи могутъ открываться нѣкоторыя нужныя замѣчанія. Изъ сихъ многихъ разсмотрѣній послѣдующія хотя и несравненно легче перваго, ибо по проложеннымъ ужè слѣдамъ отыскиваютъ токмо то, что въ первомъ пропущено или погрѣшительно истолковано было, однакожъ и оныя имѣютъ свое достоинство, когда сдѣланы будутъ съ должными при таковомъ намѣреніи познаніями въ языкѣ и словесности. Онѣ должны быть совершеннѣе первыхъ, поелику обогащены новыми примѣчаніями и новыми открытіями; естьли же не таковы, то показываютъ только излишнее сочинителя ихъ на себя самонадѣяніе, и далеко не могутъ назваться полезными. Безъ сомнѣнія гос. П. съ добрымъ намѣреніемъ взялся истолковать и преложить вновь *Слово о полку Игоревомъ*; но одного намѣренія, хотя бы и добраго, въ семъ случаѣ недовольно; надлежитъ, чтобъ хорошее исполненіе соотвѣтствовало оному, иначе сіе послѣднее отниметъ у перваго всякое достоинство и доброту. Посмотримъ, какимъ образомъ гос. П. изъявилъ свое намѣреніе, и какимъ образомъ оное исполнилъ. Вотъ его предисловіе: „Слово о полку Игоря, удѣльнаго Князя Новгородскагò, писанное въ исходѣ XII столѣтія, есть драгоцѣнный отрывокъ древней Россійской словесности. Подлинная онаго рукопись

принадлежитъ Графу Мусину-Пушкину, который издалъ оную въ свѣтъ съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе." — (Здѣсь надлежитъ замѣтить, что надъ переложеніемъ оной трудились многіе, и между прочими извѣстный своими въ языкѣ и словесности знаніями Г. Болтинъ). — „Вице-Адмиралъ Шишковъ сдѣлалъ на оное примѣчанія и присовокупилъ свое преложеніе; Палицынъ, Язвицкій и нѣкто Левицкій переложили въ стихи, а Мюллеръ перевелъ на Нѣмецкой языкъ; но сіи послѣдніе твердо положились на переложеніе и примѣчанія, не обративъ вниманія на подлинникъ; а симъ самымъ, можетъ быть и другихъ увѣрили въ основательности переложенія и примѣчаній. Вотъ причина, побудившая меня сдѣлать новое переложеніе и новыя примѣчанія."

Такимъ образомъ нѣкто Я. П. вознамѣрился опровергнуть прежнихъ прелагателей и примѣчателей и положась твердо на самаго себя, хочетъ увѣрить другихъ въ неосновательности тѣхъ и въ основательности собственнаго своего, какъ онъ пишетъ, *переложенія* и примѣчаній.

Хотя гос. П. никакими извѣстными въ словесности трудами не привлекъ еще общаго на себя вниманія, однакожъ не поставимъ ему въ излишнюю самонадѣянность сего отличнаго о самомъ себѣ мнѣнія, и посмотримъ, можетъ быть оправдаетъ онъ его

дѣльностію своихъ разсужденій и замѣчаній. Итакъ приступимъ къ дѣлу. Рѣчи, означенныя запятыми, выписаны изъ книги Я. П. прочія суть примѣчанія на оныя.

I. „Сверхъ сего (то есть, что по Польски Trudna rzecz значитъ *трудная вещь*) въ примѣчаніяхъ прилагательное имя *трудныхъ* принято за многотрудные подвиги," и проч. (стран. 29).

Нѣтъ! не *за многотрудные подвиги*, но за *повѣсть о многотрудныхъ подвигахъ:* когда мы противъ кого возражать хотимъ, то не надобно словъ его выворачивать по своему. Я. П., опровергая здѣсь принятіе одного выраженія за другое доказываетъ, что по Польски Trudna rzecz значитъ *трудная вещь*, *дѣло* (хотя Польское слово rzecz есть одна съ нашимъ *рѣчь*, а не вещь или дѣло), и заключаетъ изъ того, что *трудная повѣсть* не можетъ значить *повѣсть о многотрудныхъ подвигахъ*. Оставимъ несвязность подобнаго *Силлогизма;* но спросимъ только: чтожъ значитъ *трудная повѣсть?* то ли, что ее написать трудно? (ибо иначе повѣсть и не можетъ быть трудною). Отъ чего же трудно ее написать? Безъ сомнѣнія отъ того, что должно великія дѣла изобразить соотвѣтнымъ тому слогомъ (ибо мѣлочныя дѣла описывать не толь трудно). — Такъ о чемъ же и хлопотать? *трудная повѣсть* не можетъ быть иная, какъ *повѣсть о многотрудныхъ*

(важныхъ, великихъ) *подвигахъ*; ибо тѣмъ-то она и по Польски и по Руски трудна.

2. „Слово *вѣщій* не можетъ означать имѣющаго превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ, стихотворца, писателя." . . . .

Какъ не можетъ, когда сказано *вѣщіа пѣрсты* и когда самъ Я. П. переводитъ это *искусные персты?* Персты Бояновы не могли бы быть *вѣщіе*, когда бы самъ онъ не былъ *вѣщій* или искусный писатель, стихотворецъ.

„Ибо у насъ говорится *вѣщая птица*." . . .

Чтожъ за бѣда? оба *вѣщаютъ* или *предвѣщаютъ* или прорицаютъ, стихотворецъ по своему, а птица по своему. Неужли стихотворцу не льзя *пѣть*, для того, что мы о птицѣ говоримъ *поетъ?*

„*Вѣщій* на Польскомъ языкѣ значитъ *гадательный, прорицательный*." . . . .

Тѣмъ лучше: и у насъ *прорицатель* или *провѣщатель*, одно отъ *рекu*, другое отъ *вѣщаю*, есть одно и тоже.

„Итакъ слово *вѣщій* не отъ глагола *вѣщаю*, но отъ глагола *вѣмъ* происходитъ" и проч. (стран. 30).

Почему жъ *итакъ*, когда изъ вышесказаннаго ни мало того не слѣдуетъ? Ежели бы слово сіе отъ *вѣмъ* происходило, такъ бы было *вѣдущія*, а не *вѣщія* (ибо *вѣмъ* и *вѣдаю* есть одно и тоже). Впрочемъ *вѣщаніе* и *вѣдѣніе* суть понятія отъ одного корня происхо-

дящія и весьма тѣсно между собою соединенныя, по той естественной причинѣ, что *вѣдѣніе* не можетъ иначе быть познано, какъ чрезъ *вѣщаніе*, и потому въ названіи *вѣщій* всегда соприсущна мысль, изъявляемая словами *вѣдущій* или *свѣдущій*, или искусный.

3. „Выраженіе: *помняшетъ бо рѣчь прѣвыхъ временъ усобицъ*, не заключаетъ въ себѣ никакихъ преданій." . . . .

Что значитъ: *не заключаетъ въ себѣ никакихъ преданій?* Она не заключаетъ въ себѣ преданій, но говоритъ о преданіяхъ.

„Здѣсь ясно говорится: памятна рѣчь, слово, пѣснь прежнихъ временъ о сраженіи."

А что же *рѣчь первыхъ временъ о сраженіи*, какъ не *преданіе*, хотя и не дошедшее до насъ, но о которомъ здѣсь упоминается? Впрочемъ слово *усобица*, хотя и можетъ иногда быть употреблено въ смыслѣ *сраженія*, однакожъ больше значитъ *споръ*, и здѣсь точно въ семъ разумѣ сказано, какъ то и послѣдующимъ доказывается; ибо когда пускаютъ соколовъ, чтобъ узнать, который изъ нихъ скорѣе долетитъ, такъ это называется *споромъ*, а не *сраженіемъ*.

„Прежде приступа къ изъясненію должно себѣ представить: первое, о чемъ сочинители бесѣдуютъ: о томъ *ли*, кого пѣть, или о томъ, какъ пѣть." . . . .

Въ подлинникѣ первое ни о какихъ сочинителяхъ, кромѣ одного Бояна, не говорится,

и потому неизвѣстно, о какихъ бесѣдующихъ сочинителяхъ примѣчатель вопрошаетъ; второе, что значитъ вопросъ: *какъ пѣть?* Я думаю, всякой поетъ, какъ умѣешъ.

„Второе, согласно ли съ истиною, чтобъ древніе Россійскіе Князья, изъ коихъ одинъ менѣе, другой болѣе оказалъ геройства въ военныхъ подвигахъ, и тѣмъ заслужилъ преимущество на полѣ брани, могли еще первенство свое, кровію пріобрѣтенное, доказывать полетомъ соколовъ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ Рускому Князю для пріобрѣтенія славы и первенства надъ прочими не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ, а стараться бы только имѣть удалаго сокола,“ и проч. (стр. 31).

Простительно любить свое дитя, хотя бы и дурное лучше другихъ дѣтей, но находить ихъ уродами предъ нимъ, есть крайнее ослѣпленіе. Можно оспоривать мысль другаго и утверждать свою; но видѣть нелѣпымъ образомъ нелѣпицу въ другомъ, есть крайняя неосновательность и несчастное самолюбіе. Ежели бы вообразить себѣ вмѣстѣ съѣхавшимися Румянцова, Суворова, Кутузова, Нельсона, Веллингтона и другихъ имъ подобныхъ, и если бы они какому нибудь извѣстному стихотворцу сказали: воспой насъ, и выбери, кому первому пѣть; вѣроятно, стихотворецъ сей не восхотѣлъ бы взять на себя сей выборъ, а можетъ быть отвѣчалъ бы

имъ: вы всѣ въ глазахъ моихъ великіе воины; я не могу никому изъ васъ воспѣть первому; если угодно вамъ, чтобъ я то сдѣлалъ, рѣшите сіе жребіемъ, и если бы воины сіи согласились на его предложеніе, и соколовъ ли пустили на лебедей, или инымъ какимъ образомъ рѣшили, кого изъ нихъ перваго воспѣть, могло ли бы то отнять у другихъ славу, и слѣдовало ли бы изъ того сдѣлать заключеніе, что имъ *не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ, а стараться бы только имѣть удалаго сокола?* Неужли надобно толковать, что въ подобномъ спорѣ *храбрые Мстиславы, красные Романы Святславичи* (какъ въ подлинникѣ сказано) не приняли бы въ состязаніе съ собою такого, который никакими доблестями не прославился, и какой бы у него удалой соколъ ни былъ, онъ остался бы съ нимъ только зрителемъ, да и самъ онъ не былъ бы столько дерзокъ и безуменъ, чтобъ хотѣть безъ имени состязаться съ людьми знаменитыми, и думать, что можно и безъ достоинства надъ всякимъ достоинствомъ одержать преимущество? Въ подлинникѣ сказано: *тогда пущашеть 10 соколовъ*, не говоря, кто пускали, ни о Князьяхъ, ни о стихотворцахъ, изъ коихъ о сихъ послѣднихъ даже и нигдѣ не упоминается. Прежній толкователь думаетъ, что Князья пускали; новый, поставляя то ему въ крайнюю несооб-

разность, говоритъ, что стихотворцы пускали соколовъ. Положимъ, что прежній ошибся, но сей послѣдній лучше ли растолковалъ? Какая нужда стихотворцамъ (и еще мнимымъ, ибо ихъ нѣтъ въ подлинникѣ) спорить между собою и пускать соколовъ, кому изъ нихъ первому пѣть? Кромѣ того, что соколиная охота всегда была Царская, а не стихотворческая, можно ли себѣ представить, чтобъ Ломоносовъ сталъ кидать жеребій съ Тредьяковскимъ, кому изъ нихъ пѣть Елисавету? Предположеніе ни мало не удовлетворительное, и ежели первый толкователь не заслуживаетъ вѣроятія, то и второй тоже; надобно третьяго.

4. „Глаголы *напрягать* и *востягнуть* (въ переводѣ выраженія: *иже истягну умь крѣпостію своего*) не могутъ выражать слова *истягнуть*; первый означаетъ *натянуть*, а второй воспитать, наставить." . . .

Глаголы *истягнуть* и *востягнуть* имѣютъ точно такую же разницу, какъ *вытянуть* и *натянуть*. Но я думаю, нигдѣ во всѣхъ нашихъ книгахъ и преданіяхъ, отъ временъ Гостомысла по сей день, никто не найдетъ, чтобъ глаголъ *востягнуть* употребленъ былъ въ смыслѣ *воспитать*. Можно его въ сей смыслъ пожаловать, но доказать, что онъ то значитъ, не можно, кромѣ развѣ, когда мы станемъ утверждать, что подъ словами *вытянуть за уши*, можно разумѣть *воспитаніе*.

„Сверхъ сего въ словахъ *востягнуть крѣпостiю*, нѣтъ Логики; ибо не льзя сказать *воспитать крѣпостiю, выучить крѣпостiю.*" . . .

Мнѣ кажется Логика тутъ безъ Логики вмѣшана. Прежде надобно доказать, что *востягнуть* значитъ *воспитать, выучить*, и потомъ судить о неправости сего выраженiя; иначе укоръ Логики обратишь на самаго себя, ибо относишь оный къ собственному своему выраженiю, называя оное чужимъ.

„*Истягнуть крѣпостiю* значитъ *препоясать крѣпостiю.*" . . . .

Недавно *востягнуть* значило *воспитать*, а теперь *истягнуть* значитъ *препоясать*. Какой чудной составъ языка! Можно однимъ и тѣмъ же глаголомъ одному велѣть подпоясаться, а другому выучиться! Глаголъ *истягнуть* и *востягнуть* есть одинъ и тотъже, различающiйся токмо предлогами *из* и *воз*. Одинъ и тотъже глаголъ, чрезъ приставку къ нему предлоговъ, не перемѣняется въ существенномъ значенiи своемъ; ибо какъ ему значить разное, когда онъ одинъ и тотъже? *Разсудить, осудить, засудить*, и проч., перемѣняютъ токмо по силѣ предлога образъ значенiя своего, но самое значенiе *судить* остается непоколебимо. Какимъ же образомъ *истягнуть* и *востягнуть* истолковываются толь различными и ни малѣйшаго сходства между собою не имѣющими глаголами, каковы суть *воспитать* и *препоясать*? Подобныя толко-

ванія весьма далеки отъ очевидной въ нихъ истины и чистаго объ языкѣ понятія.

„Въ Священномъ Писаніи сказано: *и рука Господня бысть на Иліи, и стягне чресла своя, и тече предъ Авраамомъ во Іезраель.*“ . . . .

Сверхъ сего текста приведены еще здѣсь многіе, какъ-то: и на Польскомъ языкѣ przepasal biodra swe, и на Французскомъ s'étant ceint les reins, и Нарушевичъ пишетъ; pasowanie na rycerstwo, и Давидъ говоритъ: *обязуяй поясомъ чресла ихъ.* Сколько текстовъ! Но къ чему они? Къ тому, чтобъ доказать смыслъ выраженія: *истягну умъ крѣпостію своею.* Но какъ же смыслъ выраженія доказать выраженіями совсѣмъ инаго смысла? Сравнимъ изрѣченія сихъ писателей. Одинъ говоритъ: *истягну умъ крѣпостію своею,* другой: *стягне чресла своя.* Какое же тутъ сходство? Я согласенъ повѣрить, что между выраженіями: *стягне чресла,* przepasal biodra, s'étant ceint les reins, *обязуяй поясомъ чресла,* есть сходство; но чтобъ между сими выраженіями и выраженіемъ: *истягну умъ крѣпостію своею,* было сходство и чтобъ первыя доказывали второе, сему я тогда повѣрю, когда докажутъ мнѣ, что *умъ* и *чресла* есть одно и тоже.

„Въ подлинникѣ сказано: *истягнулъ умъ крѣпостію своею;* мѣстоименіе *своею* даетъ знать, что Игорь имѣлъ крѣпость.“ . . . .

О, конечно! мѣстоименіе *своею* значитъ точно *не чужою.*

„Коею и умъ свой препоясалъ." . . . .

Вотъ этому не множко трудно повѣрить. Я знаю, что *препоясаться на брань, препоясаться силою, крѣпостію,* есть прекрасное иносказаніе; ибо въ немъ *сила* или *крѣпость* представляется въ видѣ меча, обыкновенно препоясуемаго; но чтобъ *подпоясать умъ свой крѣпостію*, какъ кушакомъ, было такое же прекрасное иносказаніе, въ этомъ да позволятъ мнѣ усумниться.

„Но въ примѣчаніяхъ еще *востягаетъ умъ крѣпостію,* то есть *еще воспитываетъ.*" . . . .

Какъ *то есть?* Да прежній примѣчатель глаголъ *истягнуть* переводитъ глаголомъ *напрягать* а не *воспитывать.* Какое же тутъ *то есть?* За чѣмъ свой толкъ приписывать другому и его за то винить?

„Въ подлинникѣ *Игорь поострилъ сердце свое мужествомъ,* а въ примѣчаніяхъ самъ поощряется мужествомъ сердца своего." . . . .

„Какъ? не уже ли въ примѣчаніяхъ *поострить сердце свое мужествомъ* взято за одно и тоже, что *поощрить себя мужествомъ сердца своего?* какое невѣжество!

„Въ подлинникѣ *наполнившись духа ратнаго,* а въ примѣчаніяхъ *еще наполняется ратнаго духа.*" . . . .

Повѣрить трудно! Какъ? По этому, описывая подвиги воина въ бывшемъ сраженіи,

прежній примѣчатель вмѣсто *изшелъ*, *побѣдилъ*, скажетъ: *исходитъ*, *побѣждаетъ?* Какое незнаніе языка!

„Словомъ: въ подлиинникѣ видѣнъ *совершенный герой*, а въ примѣчаніяхъ *юноша, воспитанникъ*" (стран. 33, 34 и 35).

Какое счастіе, что нашелся человѣкъ, которой толь сильными доказательствами возвратилъ Игорю геройство!

5. На слова прежняго примѣчателя: *неизвѣстно почему кони назывались комони*, новый, приводя изъ Польскаго и Богемскаго языковъ многіе примѣры, отвѣчаетъ, что вездѣ въ нихъ сказано: *комонный, комоникъ* и *комонь.* Да не о томъ дѣло. Спрашивается: *почему кони назывались комони?* Что пользы указать на Польской, на Богемской языкъ, на большую, маленькую, толстую книгу, въ листъ, въ четвертку; а все не будешь знать: *почему кони назывались комони?*

6. „Переводчики не поняли мысли подлинника" . . . .

Можетъ быть; посмотримъ, какъ понялъ Я. П.

„Примѣчатель перевелъ: *хочу копіе моѐ съ вами, Россіяне, преломить по конецъ поля Половецкаго; хочу главу свою съ вашими главами положить, или испить шлемомъ изъ Дону.* Слѣдовательно *Игорь желалъ, чтобъ всѣ Россійскіе воины, не изключая и самаго себя, были или побиты, или напились бы воды изъ Дону.*"

Здѣсь въ отвѣтъ на сіе *слѣдовательно* должно сказать: *да* и *нѣтъ*. По смыслу прежняго примѣчателя: да! а по смыслу толкователя его, Я. П., нѣтъ! Мы тотчасъ это увидимъ.

„Игорь, какъ изъ подлинника видно, не того желалъ, и безразсудно было бы желать толь великой жертвы, единственно для того только, чтобы напиться Донской воды“ . . .

Пребезразсудно! Не льзя безразсуднѣе. Но какъ придетъ кому нибудь въ голову — изъ вышеприведенныхъ словъ прежняго примѣчателя подумать, что Игорь говоритъ войску своему: *хочу, чтобъ вы всѣ померли, и я съ вами, для того единственно, дабы попробовать, какой вкусъ имѣетъ Донская вода?* Какой писатель взялся бы за перо, еслибъ всѣ читатели такъ его понимать стали! Повторимъ рѣчь: *хочу копіе мое съ вами, Россіяне, преломить по конецъ поля Половецкаго.* Нужно ли здѣсь толковать, что *преломить копіе по конецъ поля Половецкаго* значитъ: когда мы дойдемъ до конца земли Половецкой, завоюемъ ее, побѣдимъ непріятелей, такъ что въ копьѣ не будетъ намъ болѣе надобности? *Хочу главу свою съ вашими главами положить, или испить шлемомъ изъ Дону.* Пристойно ли объяснять здѣсь, что это значитъ: хочу или умереть съ вами, или побѣдить и притти къ Дону? Не оскорбительно ли для читателей толковать имъ, что *испить изъ Дону*

не льзя иначе, какъ пришедъ къ Дону? Какимъ же образомъ подумать, что найдутся читатели, которые выраженіе: *испить шеломомъ изъ Дону* возьмутъ не за желаніе *побѣдить и дойти до Дона*, но за простое и единственное желаніе *напиться изъ него воды*, и вообразя себѣ такую нескладицу, станутъ утверждать, что безразсудно принуждаютъ Игоря жертвовать собою и всѣми своими войсками для стакана воды? Какъ читать, не понять, создать въ умѣ своемъ безразсудную мысль и за сію собственную мысль обвинять другаго безразсудствомъ? Но посмотримъ, какъ послѣ сего новый толкователь поправляетъ прежнихъ. Онъ приведя изъ Польской Мартына Кромера Хроники многіе примѣры, что глаголъ przilozil значитъ *приложилъ*, и утверждая изъ того, что выраженіе: *хочу главу свою приложити* означаетъ не *голову свою положить*, а *голову свою приложить*, подобно тому, какъ говорится *приложить къ чему сердце или мысли*, то есть хотѣть чего, помышлять о чемъ, переводитъ мѣсто сіе слѣдующимъ образомъ: *хочу копье приломить концемъ поля Половецкаго*, *хочу главу свою приложить или напиться шеломомъ Дону.*" (См. переводъ его). Какъ ни странно *приломить копье концемъ поля*, выраженіе, какого конечно не найдемъ мы ни въ какихъ древнихъ и новыхъ Писателяхъ, однакожъ еще страннѣе: *хочу главу свою приложить*

(т. е. *думать*, ибо такъ глаголъ сей толкуется), *или напиться шлемомъ Дону*. Какъ *хочу думать или напиться?* Въ сей рѣчи нѣтъ ни мысли, ни связи. Сверхъ сего *испить Дону* значитъ тоже, что *испить отъ Дона*, но *напиться Дону*, не льзя было сказать ни прежде, ни нынѣ. Наконецъ, послѣ всѣхъ сихъ преполезныхъ замѣчаній, новый толкователь говоритъ:

„Итакъ рѣчь: *хочу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону*" означаетъ: хочу главу свою приложить къ тому, чтобы пріобрѣсть землю Половецкую или напиться шлемомъ Дону." (Стран. 40).

Вотъ здѣсь-то надлежало бы вспомнить о Логикѣ. Въ словахъ: *хочу положить голову мою, или напиться шлемомъ изъ Дону*, то есть завоевать землю Половецкую до самаго Дона, мысль ясная и чистая; но въ словахъ: *хочу пріобрѣсть землю Половецкую или напиться шлемомъ Дону*, нѣтъ никакой мысли; ибо какимъ образомъ Игорь можетъ желать одно изъ двухъ: *или завоевать землю*, *или напиться воды изъ Дону?* Какое сравненіе между *завоеваніемъ земли* и *питьемъ воды изъ рѣки?* На что ему хотѣть того или другаго, когда съ пріобрѣтеніемъ перваго второе невозбранно пріобрѣтается? Вотъ здѣсь-то по всей справедливости можно сказать, что Игорь къ пустому *прилагаетъ свою главу* и

дѣлается изъ героя такимъ *мальчикомъ*, которой самъ не знаетъ, чего хочетъ.

7. Здѣсь новый толкователь, распространяясь о Польскомъ словѣ *чили*, значащемъ *или* (стран. 40), и поправляя прежнихъ толкователей, говоритъ, что они худо сказали: *о Боянъ, соловей древнихъ лѣтъ, тебѣ было воспѣть Игоря*, и что по его несравненно лучше: *о! если бы ты, Боянъ, пѣвецъ древнихъ лѣтъ, воспѣлъ Игоря, или намъ воспѣть* (вмѣсто тебя). *Намъ*, значитъ по его, безчисленнымъ сочинителямъ Игоревой пѣсни. Я говорю *безчисленнымъ* по тому, что онъ числа ихъ не опредѣляетъ. Сей вопросъ у Бояна: *тебѣ или намъ воспѣть*, походитъ на желаніе Игорево *завоевать землю или напиться воды*.

8. „*Буй туръ* не есть *буйволъ*; ибо *туръ* существительное имя, а *буй* прилагательное.“ (стран. 43).

Вотъ самое тонкое, Математическое доказательство! Надлежитъ только слова: *буй* и *волъ* разставить; тогда по сему правилу можно будетъ утверждать: *буй волъ* не есть *буйволъ*; ибо *волъ* существительное имя, а *буй* прилагательное. . . . . Я хотѣлъ еще замѣчать; но одинъ изъ моихъ пріятелей, прочитавъ сіе краткое начало замѣчаній, сказакъ: „неужли ты хочешь продолжать?“ Я почувствовалъ силу его вопроса и отмѣнилъ мое намѣреніе. Итакъ сократимъ. Пропустимъ толкованіе о нарѣчіи

долго, что будто надлежитъ его соединить съ словомъ *ночь,* и сказать: *ночь долго меркнетъ,* взявъ глаголъ *меркнетъ* (и понынѣ тожъ значащій, что *смеркается*) за глаголъ *продолжается*, дабы вмѣсто *долго смеркается* (чего никогда не говорится) сказать: *долго продолжается.* Для чего не взять иногда курицу за щуку? Пропустимъ небывалое въ Природѣ, чтобъ соловей, полуночной и утренній пѣвецъ, спалъ, а галки предвѣщая бѣду, кричали. (Стран. 49). — Пропустимъ подобныя сему разсужденія: „ежели принять слово *бороня* за стражу, то Всеволоду, стоявшему на стражѣ, не слѣдовало прыскать на воиновъ стрѣлами и гремѣть объ шеломы мечами харалужными; ибо слѣдуя военнымъ правиламъ, кто стоитъ на стражѣ или караулѣ, тотъ не пускаетъ стрѣлъ и не гремитъ мечемъ.“ Нужно ли сіе оговаривать и сказывать, что *стоиши на борони* значитъ стоишь на оборонѣ, обороняешься (оборона и брань есть одно и тоже), и какъ же можно стоять и обороняться, не сражаясь и не употребляя оружія? Да и самое слово *стража* не мѣшаетъ разумѣть сего. Въ старину были *сторожевые* полки, которыхъ вѣрно не та была должность, чтобъ ихъ били, а они бы поджавъ руки стояли для того, что они названы *сторожевыми.* Да и нынѣ, гдѣ такія воинскія правила, чтобъ *гвардія* (т. е. сторожевой полкъ или войско, ибо происходитъ

отъ garde, стражъ, охранитель) или бы и подлинно отводной какой на стражѣ поставленный отрядъ не оборонялся, не стрѣлялъ, не вынималъ меча, а далъ бы себя непріятелю бить, сколько онъ хочетъ? — Пропустимъ еще многое и многое. Наконецъ заключимъ, что примѣчанія гос. П. могли бы быть полезны, когда бы онъ, не давая себѣ воли входить въ такія толкованія, которыя требуютъ не малаго со всѣхъ сторонъ обдуманія, удовольствовался только тѣми, до коихъ онъ дѣйствительно и безошибочно добраться могъ; когда бы безъ всякой нужды не объяснялъ извѣстныхъ и уже прежде его объясненныхъ словъ, таковыхъ, какъ *говоръ*, *потять*, *туръ*, *бороня*, *желѣзный*, и проч.; но объяснилъ бы (какъ онъ то и сдѣлалъ) неистолкованныя слова, каковы суть: *чолка*, *паполома*, *канина* (стран. 68); а о словѣ *тльковина* (и другихъ тому подобныхъ), что оное значитъ *мѣшокъ*, а не *раковина*, погодилъ бы толковать, покуда не узнаетъ вѣрнѣе; когда бы въ замѣчаніи ошибокъ прежнихъ толкователей замѣтилъ подлинно ошибочное, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ выраженіи: *а мои ти Куряне свѣдоми кмети*, которое всѣ прежніе, въ томъ числѣ и Я. П., смѣшавъ слово *кметь* (во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ и понынѣ употребительное) съ словомъ *меть* (цѣль, мишень), перевели: *хорошо въ цѣль стрѣляютъ*, тогда, какъ *свѣдоми кмети*

значитъ: *извѣстные всѣмъ люди*, *славный народъ*. Отдадимъ справедливость Г. Пожарскому въ слѣдующемъ замѣчаніи: „слова *каютъ Князя Игоря* означаютъ *жалѣютъ* Князя Игоря (а не *охуждаютъ*, какъ сказано у прежняго примѣчателя); да и не натурально, чтобъ иностранцы, живущіе въ Кіевѣ, въ пѣсняхъ, ими воспѣваемыхъ, охуждали Рускаго Князя.“ Сіе замѣчаніе весьма основательно; ибо и глаголъ *каяться* или *раскаяваться* значитъ болѣе *сожалѣть о содѣянномъ*, нежели *хулить себя за содѣянное*, хотя оба сіи понятія близки между собою. Когда бы новый примѣчатель, таковыми руководствуясь правилами и не считая себя безъ всякаго на то права, какъ сказалъ нѣкто, *за старосту въ Литтературѣ*, прежде изданія въ свѣтъ примѣчаній своихъ посовѣтовался въ томъ съ знающими толкъ людьми; тогда вмѣсто 88 страницъ напечаталъ бы онъ осьмую или десятую долю; но сія доля имѣла бы гораздо больше достоинства, нежели изданная имъ смѣсь многихъ и многихъ погрѣшностей съ немногою правдою.

Конецъ одиннадцатой части.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06739 5569

Digitized by Google

